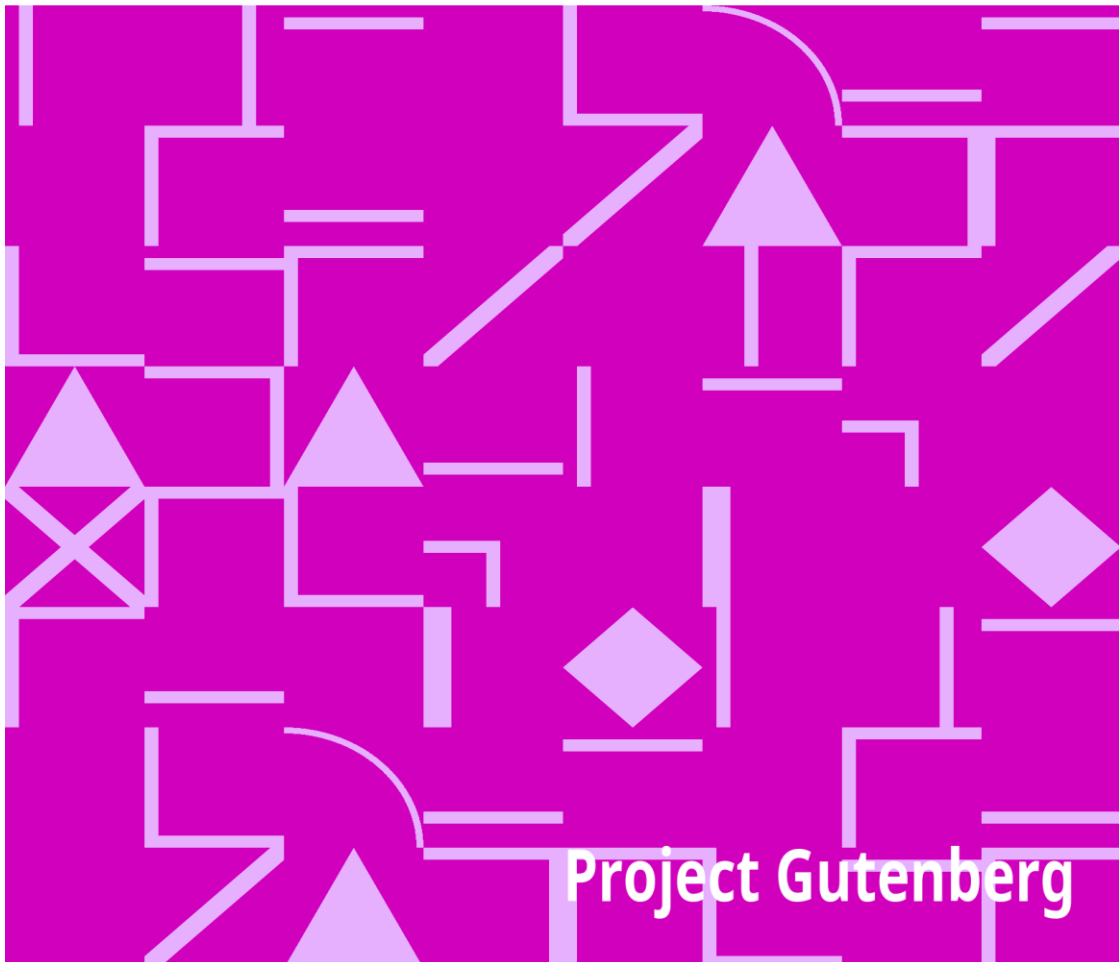

Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 4 (из 4)

Уильям Миллиган Слоан

The Life of Napoleon Bonaparte. Vol. 4 (of 4)

William Milligan Sloane

Содержание

[ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[ГЛАВА I](#)

[Последняя имперская победа \[1\]](#)

[ГЛАВА II](#)

[Политика и стратегия \[2\]](#)

[ГЛАВА III](#)

[Конец Великой армии \[3\]](#)

[ГЛАВА IV](#)

[Франкфуртские предложения \[4\]](#)

[ГЛАВА V](#)

[Вторжение во Францию \[5\]](#)

[ГЛАВА VI](#)

[Верховные усилия Наполеона \[6\]](#)

[ГЛАВА VII](#)

[Великий полководец в осаде \[8\]](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[Борьба с истощением \[9\]](#)

[ГЛАВА IX](#)

[Начало конца \[11\]](#)

[ГЛАВА X](#)

[Падение Парижа \[12\]](#)

[ГЛАВА XI](#)

[Первая отречение Наполеона \[13\]](#)

[ГЛАВА XII](#)

[Император Эльбы \[14\]](#)

[ГЛАВА XIII](#)

[Наполеон-освободитель \[16\]](#)

[ГЛАВА XIV](#)

[Неумолимые династии \[18\]](#)

[ГЛАВА XV](#)

[Линьи и Катр-Бра \[19\]](#)

[ГЛАВА XVI](#)

[Накануне Ватерлоо \[23\]](#)

[ГЛАВА XVII](#)

[Ватерлоо \[24\]](#)

[ГЛАВА XVIII](#)

[Капитуляция \[26\]](#)

[ГЛАВА XIX](#)

[Святая Елена \[27\]](#)

[ГЛАВА XX](#)

[Солдат, государственный деятель, деспот](#)

[ГЛАВА XXI](#)

[Наполеон и Соединенные Штаты](#)

[ГЛАВА XXII](#)

[Место Наполеона в истории](#)

[ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ](#)

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

ЕВРОПА

ДОГОВОРЫ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

НАПОЛЕОН а. Мемуары

НАПОЛЕОН б. Его переписка

НАПОЛЕОН в. Его семья

НАПОЛЕОН г. Его маршалы и генералы. См. также Мемуары

НАПОЛЕОН е. Его биография

НАПОЛЕОН На Эльбе

ФРАНЦИЯ

КОДЕКС

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ИТАЛИЯ

ПАПСТВО

ШВЕЙЦАРИЯ

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

ГЕРМАНИЯ, ВКЛЮЧАЯ РОССИЮ И АВСТРИЮ

РОССИЯ И ПОЛЬША

НИДЕРЛАНДЫ

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ

ЕГИПЕТ

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

СВЯТАЯ ЕЛЕНА

[ИНДЕКС](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберг «Жизнь Наполеона Бонапарта». Том 4 (из 4)

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 4 (из 4)

Автор: Уильям Миллиган Слоан

Дата выпуска: 3 января 2011 г. [Электронная книга № 34838]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Тьерри Альберто, Брайаном Нессом, Дэвидом Гарсия, Кристин П. Трэверс и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG ЕВООК ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА. ТОМ 4 (ИЗ 4) ***

Примечание переписчика: очевидные опечатки исправлены, все остальные несоответствия оставлены в оригинале. Орфография автора сохранена.

По фотографии Брауна, Клемента и Ко.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ЛУИЗА

Автор: Пьер Поль Продон.

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН

Доктор философии, доктор гуманитарных наук, доктор юридических наук
Профессор истории Колумбийского университета

ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ
С ПОРТРЕТАМИ

ТОМ IV

НЬЮ-ЙОРК
THE CENTURY CO.
1916

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1894, 1895, 1896, 1910
THE CENTURY CO.
Опубликовано в октябре 1910 года

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА СТРАНИЦА

- I. Последняя имперская победа [1](#)
- II. Политика и стратегия [11](#)
- III. Конец Великой армии [23](#)
- IV. Франкфуртские предложения [37](#)
- V. Вторжение во Францию [47](#)
- VI. Верховные усилия Наполеона [59](#)
- VII. Великий полководец в затруднительном положении [71](#)
- VIII. Борьба с истощением [84](#)
- IX. Начало конца [101](#)
- X. Падение Парижа [111](#)

XI. ПЕРВАЯ ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА	123
XII. ИМПЕРАТОР ЭЛЬБЫ	137
XIII. НАПОЛЕОН-ОСВОБОДИТЕЛЬ	151
XIV. НЕУМОЛИМЫЕ ДИНАСТИИ	164
XV. ЛИНЬИ И КАТР-БРА	175
XVI. НАКАНУНЕ ВАТЕРЛОО	189
XVII. ВАТЕРЛОО	199
XVIII. КАПИТУЛЯЦИЯ	212
XIX. СВЯТАЯ ЕЛЕНА	224
XX. СОЛДАТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ДЕСПОТ	247
XXI. НАПОЛЕОН И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ	268
XXII. МЕСТО НАПОЛЕОНА В ИСТОРИИ	285
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	303
ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	307
УКАЗАТЕЛЬ	355

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Императрица Мария Луиза [Фронтиспис](#)

Наполеон в 1813 году [50](#)

Наполеон, Франсуа Шарль Жозеф, императорский принц; король Рима; герцог Рейхштадтский [98](#)

Карта театра военных действий в 1814 году [104](#)

Король Рима [148](#)

Карта кампании 1815 года [194](#)

Наполеон, Франсуа Шарль Жозеф, герцог Рейхштадтский и т. д., сын Наполеона Бонапарта [200](#)

Наполеон спит, Лас-Кас, на борту «Беллерофона» [224](#)

Наполеон на острове Святой Елены [230](#)

Наполеон I [274](#)

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ГЛАВА I

ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРСКАЯ ПОБЕДА [\[1\]](#)

Перспективы Наполеона — Подготовка и планы коалиции — Противоречивые цели участников сражения — Состояние ума Наполеона — Сильные и слабые стороны союзников — Возобновление военных действий — Финт в Силезии — Наполеон в Дрездене — Первый день сражения — Победа, одержанная на второй день.

1813

Позже Наполеон признался, что в перерыве между первой и второй саксонскими кампаниями его перехитрили. Его противники, по его собственным словам, «изменились к лучшему»; по крайней мере, они обеспечили себе столь желанную войну на условиях, гораздо более выгодных для них, чем для их противника. Обе стороны вооружались всеми силами во время длительного перемирия, но теперь каждый член династической коалиции пользовался поддержкой растущего национального энтузиазма, в то время как Наполеон имел дело с угасающим рвением и измученным народом. Таким образом, в начале второй кампании в Саксонии союзники имели четыреста тридцать пять тысяч человек, а Наполеон — только триста пятьдесят тысяч. В условиях такого неравенства императору приходилось использовать все свои стратегические способности, и он делал это с блеском, который никогда не превосходил его. Выбрав Эльбу в качестве естественной линии обороны, Гамбург стоял почти неприступным на одном конце, прикрытый с юга тремя мощными крепостями: Магдебургом, Виттенбергом и Торгау. Дрезден, который был неизбежно центром, был укреплен и обнесен частоколом для защиты армии, которая должна была стать его главным оплотом. Давут и Удино с семьюдесятью тысячами человек должны были угрожать Берлину и, тем самым отвлекая как можно больше вражеских сил, освободить гарнизоны Штеттина и Кюстрина; затем они должны были осадить Шпандау, оттеснить врага за Одер и быть готовыми напасть на фланг коалиционной армии. Сам Наполеон с оставшимися 280 тысячами солдат должен был ждать наступления объединенных сил России, Пруссии и Австрии.

Теперь в лагере союзников было два могущественных стратега — Жомини, известный швейцарский авантюрист и военный историк, и Моро, вернувшийся из Соединенных Штатов. Первый, утверждая, что он лишился заслуженного повышения по службе из-за злобы Бертье и что, как иностранец, он имеет право выбора, перешел на сторону врагов

своего работодателя; второй, поддавшись на ложные уговоры своей глупой и амбициозной жены, что он может сражаться с Наполеоном, не сражаясь с Францией, поступил на службу к царю. Стрела, пронзившая Наполеона в самое сердце, была на самом деле изготовлена из его собственных крыльев, поскольку эти двое, вместе с другим учеником Наполеона — Бернадоттом, наследным принцем Швеции — фактически составляли военный совет. Двое из них, последний и Моро, видели призрак французского суверенитета, манящий их. Они мечтали о высшей власти в той или иной форме — императорской, монархической, консульской или президентской — и были более преданны своим личным интересам, чем интересам коалиции. На службе их амбициям был разработан план, по которому не только был разгромлен Наполеон, но и поля Франции были залиты кровью. По их совету были сформированы три великие армии: северная, в Бранденбурге, состояла из пруссаков, шведов и нескольких русских, ее генералами были Бюлов, Бернадот и Черничев; восточная — прусско-русская армия в Силезии, теперь под командованием Блюхера, этого поразительного молодого кавалериста семидесяти лет, и Витгенштейна; наконец, армия Юга представляла собой новые австрийские войска под командованием Шварценберга, с дополнительными силами русских войск под командованием Барклая и русской гвардией под командованием великого князя Константина. Бюлов находился в Берлине и его окрестностях с примерно 156 тысячами человек; Блюхер имел 95 тысяч и, нарушив перемирие, 14 августа уже находился в нейтральной зоне у Стригау, перед Бреслау; австро-русские войска численностью почти 250 тысяч находились в северной Богемии, недалеко от Мельника; Беннигсен находился в Польше, создавая сильный резерв. Шварценберг, хотя и был командующим главной армией, был фактически лишен власти из-за присутствия в его штабе всех монархов и Моро. Разногласия в советах проистекали из разнородных интересов; с самого начала союзники проявляли жалкое осторожность и неэффективность, в то время как в штабе Наполеона, по крайней мере, царило единство намерений.

Оба соперника, по-видимому, были серьезно заблуждались. Союзники, безусловно, заблуждались, потому что Франциск верил, что, как и много раз прежде, целью Наполеона будет Вена. Поэтому принятый ими план был очень прост: каждая дивизия союзной армии должна была находиться в ожидании; в случае нападения она должна была отступить, привлечь французские колонны и подвергнуть их фланг или тыл атакам двух других союзных армий; затем, благодаря превосходству сил, захватчики должны были быть окружены. Союзники догадывались, или полагали, что догадываются, что Наполеон будет держать свою гвардию в резерве, бросит ее за любую часть своей линии, противостоящую их уязвимому месту, прорвет оборону и разгромит их отряды. Их идея была остроумной и демонстрировала глубокое понимание как принципов, по которым до сих пор действовал их противник, так и его обычного характера. Но, тем не менее, они были обмануты. Наполеон отбросил все свои старые принципы и вел себя совершенно ненормально. В его поведении прослеживаются признаки любопытного самообмана, а его решения противоречили его словам. Постоянно преуменьшая в разговорах разницу между силами двух армий, а иногда даже утверждая свое превосходство, он, тем не менее, почти впервые занял оборонительную позицию. Этот неслыханный ход, возможно, был вызван недопониманием и преувеличением, но на тот момент он оказал мощное моральное воздействие на его генералов, которые до сих пор без исключения громко требовали мира, а также на его новых юных рекрутов; обе группы начали осознавать, что теперь они сражаются не за агрессию, а за жизнь. Если император действительно был так уверен, как он заявлял, то это, вероятно, было связано с тем, что юноши сражались как ветераны при Лютцене и Баутцене, и что, наконец, кавалерия и артиллерия были представлены в достаточном количестве. Возможно,

он был также в отчаянии; полностью осознавая, что собирается бросить кости на последнюю ставку, он, возможно, был одновременно хвастуном и трусом. Если бы он победил в обычной оборонительной битве, он верил, как показывает его последующее поведение, что будет в безопасности на неопределенный срок; а если бы он проиграл — это видение должно было быть слишком ужасным, чтобы отвлечь даже самый здравомыслящий ум : истощенная казна, истощенная нация, пустой трон, исчезнувшие надежды, разорение!

Однако в то время никто не заметил в Наполеоне никаких признаков нервозности. Спустя много лет предатель Мармон, чье имя, как и имя Моро, было проклято последующими поколениями честных французов, вспомнил, что император презрительно называл врага «сброд» и что он также переоценил стратегическое значение Берлина. Злобный летописец также утверждал, что мотивом Наполеона была личная злоба на Пруссию. Другие также тщательно подчеркивали, что «дети» армии Наполеона гибли, как цветы под преждевременным морозом, сорок тысяч французских и немецких мальчиков находились в госпиталях, что коррупция процветала во всех отделах администрации и что солдатам позорно задерживали жалованье. Очевидец видел, как Пейрус, казначей, которому Наполеон только что вручил четыре тысячи франков на памятник Дюроку, хладнокровно положил в карман четверть этой суммы, заметив, что так принято. Было бы опрометчиво утверждать, что эта критика не имеет под собой оснований. Правда, в инструкциях Даву и Удино армия Бюлова не принималась всерьез, и Берлин имел гораздо меньшее стратегическое значение, чем казалось из этих инструкций. Но, с другой стороны, и генералы, и солдаты остро нуждались в уверенности в себе, а вид оккупированных или находящихся под угрозой столиц по-прежнему оказывал огромное моральное воздействие на династических правителей. Наполеон не мог не видеть недостатков своей армии, но во всех этих отношениях дела обстояли почти так же плохо, если не хуже, в 1809 году, и победа привела их в порядок.

Нервозность царила скорее среди союзников. Никогда прежде в своей истории, даже при великом Фридрихе (), Пруссия не обладала такой армией; австрийцы были хорошо обучены и хорошо вооружены; русские были неплохого качества, многочисленны и с резервами из Польши составляли бы мощную армию сами по себе. Однако, несмотря на свою силу, союзники не были действительно способны. Австрия была главой, но ее командующий, Шварценберг, был даже не посредственен, и среди ее генералов был только один первоклассный, а именно Радецкий. Фридрих Вильгельм и Александр были несовместимыми по характеру; их союз был искусственным, и в таких планах, которые они разрабатывали, была неопределенность, которая оставляла генералам в их соответствующих войсках большой простор для независимости. Последние быстро воспользовались этой возможностью, и этот факт объясняет в целом неудачное и слабое начало военных действий.

Например, именно из-за упрямства Блюхера моральное преимущество в начале борьбы было на стороне Наполеона. 9 июля Бернадот, Фридрих Вильгельм и царь встретились в Трахенберге, чтобы разработать план кампании. На этой конференции, которая впервые открыла Наполеону глаза на решимость союзников, Блюхер обеспечил себе независимое командование. Присоединение Австрии сделало соглашение Трахенберга недействительным, но Блюхер не отказался от своих амбиций. Не дожидаясь приказов и не веря в добросовестность союзников, он 14 августа вторгся в нейтральную зону в Стригау, по-видимому, не имея четкого плана. Наполеон, узнав, что сорок тысяч русских из этой

армии маршируют в направлении Богемии, 15 августа выдвинулся из Дрездена, чтобы оказаться в пределах досягаемости перевалов Изерских гор на Верхней Эльбе, и остановился в Циттау как в центральной точке, где он мог легко собрать около ста восьмидесяти тысяч человек и откуда, в зависимости от обстоятельств, он мог либо нанести удар по Блюхеру, отрезать русских, либо вернуться в Дрезден в случае необходимости. Этот город должен был удерживать Сен-Сир. 20 августа Блюхер достиг берегов Бобера у Бунцлау; благодаря точному расчету Наполеона, Ней, Мармон, Лористон и Макдональд собрались на другой стороне, чтобы сдержать наступление, а сам он находился в Лаубане с гвардией. Если бы Блюхер остался на месте, русско-пруссские войска были бы уничтожены, поскольку их численность была в два раза меньше. Но упрямый генерал не остался на месте; напротив, отступив по заранее согласованному плану за Дейксель, он привел своего противника к ложному выводу, что он не доверяет своей армии.

Наполеон, как правило, не был чрезмерно доверчивым, но эта ошибка, вероятно, возникла в его уме из-за постоянного потока тревожных докладов, которые он получал от своих генералов. Двадцать третьего он написал Маре, что его командиры дивизий, похоже, не имеют уверенности в себе, кроме как в его присутствии; «сила врага кажется им великой везде, где меня нет». Главным виновником был Мармонт, который резко раскритиковал план операций, согласно которому один или несколько маршалов должны были действовать независимо в Бранденбурге или Силезии, или в обоих местах, выразив опасение, что в день, когда император будет считать, что он выиграл решающую битву, он обнаружит, что проиграл две. Семнадцать лет военных кампаний, по-видимому, превратили великих генералов армии Наполеона в марионеток, способных действовать только по импульсу своего лидера. Какова бы ни была причина, Наполеон был тверд в своем решении и продолжил преследование. Двадцать второго Блюхер был за Кацбахом, а французский авангард был близко позади, когда в штаб Наполеона поступило известие, что австро-русские войска вошли в Саксонию и угрожают Дрездену. Насколько император был бдителен и здравомыслящ, насколько тщательно он предвидел все возможные варианты развития событий, видно из подробных инструкций, которые он написал для Макдональда (), которому было поручено перекрыть Блюхеру дорогу в Саксонию, а Лористону (Lauriston) — обойти с фланга и отрезать яркого ветерана от Берлина и Циттау.

Написав эти инструкции, Наполеон сначала подумывал перейти Эльбу выше Дрездена, чтобы атаковать Шварценберга с фланга и тыла в перевалах Рудных гор. Это не только отрезало бы австрийского генерала от саксонской столицы, но и помешало бы ему свернуть налево для наступления на Лейпциг. Но, обнаружив, что его враг быстро продвигается, император решил встретить его перед Дрезденом. Нельзя было с самого начала потерять столицу своего союзника или потерпеть поражение в самом начале своей линии обороны. Поэтому он отдал приказ корпусам Мармона, Вандаммы и Виктора, а также кавалерии Латур-Мобурга и гвардии развернуться и поспешил обратно, чтобы подкрепить Сен-Сира в Дрездене. Двадцать пятого, проходя Баутцен, он узнал, что Удино потерпел поражение при Лукау, но не обратил внимания на эту новость и на следующий день в девять утра достиг Дрездена. Через час подошла гвардия, совершившая почти невероятный подвиг, пройдя семьдесят шесть миль за три дня. Вандамм с сорока тысячами человек прибыл в Пирну, в нескольких милях выше, а Сен-Сир отступал за временные укрепления самого города.

Враг тоже был под рукой, но у него не было плана. На военном совете, созванном им тем же утром, состоялись длительные дебаты, и в конце концов был принят совет Моро

Поведение Наполеона после Дрездена — Военные соображения, отвергнутые политическими интригами — Вероятное объяснение неудачи Наполеона — Победы Пруссии при Гроссбеерене и на Кацбахе — Разгром Вандама при Кульме — Ответственность Наполеона — Политические соображения снова берут верх — Система «туда-сюда» — Битва при Денневице — ее катастрофические последствия — колебания Наполеона — стратегия, сорванная дипломатией.

Всю ночь после победы под Дрезденом Наполеон верил, что на следующий день враг снова вернется в бой. Об этом убедительно свидетельствуют записки, которые он сделал для Бертье вечером. Они были основаны на выдвинутой гипотезе, что враг на самом деле не отступает, а на следующий день в великой битве постарается исправить свою неудачу. Но император полностью ошибался. Конечно, совет обескураженных союзников до глубокой ночи обсуждал, нельзя ли все-таки занять выгодную позицию на высотах Диппольдисвальде, но решение было отрицательным, поскольку коалиционная армия была сильно разбита, потеряв треть своих сил. Пораженная с левого фланга и угрожаемая с тыла, она на следующее утро начала отступать в порядке к Рудным горам и продолжала это делать, пока не стало известно, что Вандам находится прямо на пути, после чего значительная часть войск буквально бросилась в горы, и отступление превратилось в бегство. Тогда впервые, в четыре часа дня, Наполеон начал понимать, что на самом деле произошло. И что он сделал? Доехав почти до Пирны, прежде чем принять какие-либо меры, чтобы пожать плоды победы, он отдал приказ единственному корпусу Вандамма, слегка усиленному, начать преследование! После этого, оставив Мортье указания удерживать Пирну, он сел в карету и спокойно уехал обратно в Дрезден!

Вот эти почти невероятные факты: никакого мощного наступления после первой ночи, никакого организованного преследования после второй, лишь видимость попытки воспользоваться преимуществом на третий день! Фактически, Наполеон, приступив к осуществлению своего плана в самом начале сражения, по всем внешним признакам погрузился в состояние апатии, и единственным признаком его живого интереса на протяжении всего конфликта было то, что он проявил, когда ему сообщили о смертельном ранении Моро. Причина могла быть физической или моральной, но, вероятно, это был политический просчет. Если верить капитану Куанье, разговоры штаба в ночь на 27-е число свидетельствовали о полном знании о разгроме врага; они знали, что отступление их противников было поспешным, и имели достоверную информацию о беспорядочных отрядах, которые спешили по проселочным дорогам или мчались вниз по горным ущельям. Несмотря на все это, они были полностью недовольны, и основной темой их разговоров было проклятие императора. «Он ———, который погубит нас всех», — повторялось проклятие. Если верить самому Наполеону, у него был сильный приступ рвоты недалеко от Пирны, и в тот роковой день он был вынужден оставить все на другом. Это возможно, но маловероятно; накануне, хотя он и был вялым, он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы болтать и нюхать табак, стоя в редуте и наблюдая за ходом событий через бинокль; на следующий день он был совершенно здоров и проявил необычное самообладание, когда с севера пришли важные вести. Дальнейшее развитие событий показывает, что ни его собственная болезнь, ни плохое настроение армии не могут в достаточной мере объяснить невоенное поведение Наполеона 28-го числа; напротив, кажется, что он намеренно воздержался от уничтожения австрийской армии, чтобы восстановить австрийский союз и

разрушить коалицию. Он никогда не был готов признать это, но никому не нравится признаваться в том, что его обманули.

Если бы Удино и Макдональд добились успеха в своих наступательных операциях против Берлина, а сам Наполеон не сделал ничего больше, чем удержал Дрезден, который, как мы должны помнить, он с самого начала считал оборонительным пунктом, этого было бы достаточно, чтобы добиться наиболее выгодных условий мира, отбросив главную армию коалиции, униженную и обескураженную, через Богемию в Прагу. Но, как мы неоднократно видели, долгая служба под властью Империи уничтожила всякую инициативу у французских маршалов: в Испании один за другим падали могущественные генералы; те, кто служил в Германии, казались пораженными той же парализацией. Правда, в дни своего величия они командовали отборными войсками, и теперь лучшие силы армии были зарезервированы для императора, но также верно, что тогда они сражались за богатство, продвижение по службе и власть. Теперь они жаждали насладиться своими завоеваниями и были озлоблены тем, что Наполеон не принял условия посредничества Австрии, пока не стало слишком поздно. Кроме того, Бернадот, один из их противников, был обучен в их собственной школе, « », и сражался за корону. Блюхеру, неукротимому и ненадежному по характеру, в лице Гнейзенау был предоставлен эффективный контроль над всеми его порывистыми импульсами, а Бюлов был командиром, далеко превосходившим средний уровень. Эти соображения в значительной степени объясняют три катастрофы — а именно, Гроссбеерен, Кацбах и Кульм — которые не позволили Наполеону удержать Дрезден и отбросить главную армию союзников и которые сорвали всю его стратегию, как военную, так и политическую.

Первое из этих событий едва ли можно назвать поражением. Удино, наступавший с семьюдесятью тысячами человек через Виттенберг, чтобы захватить Берлин, столкнулся с Бернадоттом, имевшим восемьдесят тысяч. Последний, имея в виду корону Франции, естественно, боялся разгромить французскую армию; сначала он думал отступить через Шпрее и покинуть прусскую столицу. Но пруссаки были возмущены такой возможностью, и интриган был убежден, что необходимо продемонстрировать сопротивление. 22 августа произошло несколько стычек, а на следующий день Бюлов, не подчинившись приказам, вступил в сражение при Гроссберене, которое велось с переменным успехом, пока с наступлением ночи деревня не перешла в руки французов. Однако Удино, обескураженный как превосходящими силами противника, так и упорным мужеством пруссаков и унылой погодой, потерял дух и отступил в Виттенберг. Сильные дожди помешали эффективному преследованию, но пруссаки проследовали за ним до Тройенбрыцена. 21 августа Блюхер, зная об обстоятельствах, удерживающих Наполеона в Дрездене, наконец решил атаковать Макдональда. По странному стечению обстоятельств французский маршал почти одновременно покинул оборонительную позицию, которую ему было приказано удерживать, и выдвинулся вперед, чтобы дать сражение. Поэтому было чистой случайностью, что 25 августа две армии встретились в дожде и тумане у Кацбаха. После ожесточенной борьбы французы были разгромлены с ужасающими потерями. Начался сильный ливень, и вся местность превратилась в болото. В течение пяти дней Блюхер продолжал преследование, пока не достиг Наумбурга, на правом берегу Квайса, где он остановился, захватив восемнадцать тысяч пленных и сто три орудия.

Этими несчастьями дело в Кульме достигло своего апогея. Для деликатного самостоятельного движения нельзя было выбрать худшего лидера, чем безрассудный

Вандам. Он был настолько опрометчив, самонадеян и груб, что Наполеон однажды в отчаянии воскликнул: «Если бы в моей армии было два Вандама, ничего нельзя было бы сделать, пока один не убил бы другого». Как и следовало ожидать, опрометчивый генерал далеко опередил колонны Мармона, Сен-Сира и Мурата, которые с опозданием были отправлены ему на подмогу. Без осторожности спустившись на равнину Кульм, он 29-го числа столкнулся с русской гвардией, а на следующее утро, когда она атаковала его с превосходящими силами, он был вынужден отступить через горное ущелье в сторону Петерсвальда, откуда он пришел. У входа в ущелье он неожиданно встретил прусский корпус Клейста. Каждая сторона думала, что другая движется, чтобы отрезать ее. Поэтому они в отчаянии бросились друг на друга, не имея другой надежды, кроме как прорваться, чтобы воссоединиться со своими армиями. Столкновение было ужасным, и какое-то время казалось, что хаос неразрешим. Но вскоре подоспели русские, и Вандамм с семью тысячами человек был взят в плен, потери убитыми и ранеными составили около пяти тысяч. Сен-Сир, Мармон и Мюрат остановились и удержали горные перевалы.

Это был кульминационный момент катастрофы в великом стратегическом плане Наполеона. Не несущий никакой ответственности за Гроссбеерен и за поражение Макдональда на Кацбахе, он был виновен как в выборе Вандама, так и в том, что не поддержал его в преследовании Шварценберга. На острове Святой Елены император пытался тремя способами объяснить крах, который обрушился на него после Дрездена: болезнью, которая не позволяла ему уделять внимание ситуации, наводнением, которое сделало Макдональда беспомощным при переходе через Бобер, и поступлением уведомления от короля Баварии о том, что после определенной даты он тоже присоединится к коалиции. Это была не история, а апелляция к общественному мнению, тщательно рассчитанная на неподготовленных читателей.

Дело в том, что в Дрездене постепенное превращение стратега в политика, которое длилось уже давно, завершилось. Последний неверно оценил момент для дипломатических переговоров, полагая, что победа первого была решающей, тогда как на самом деле она оказалась частичной и условной из-за неспособности продолжить ее. Наполеон был велик во многих отношениях, но он был предельно велик как стратег; поэтому именно его психологическое развитие и упадок в этом отношении имеют решающее значение для определения момента, когда он потерпел крах в своих способностях. Этот момент, конечно, наступил тогда, когда его стратегические провалы перестали быть эпизодическими и стали регулярными; и после Дрездена так и произошло. Что касается концепции и тактики, то здесь никогда не было провалов — 1814 год является чудесным годом его теоретического гения; но после Дрездена наблюдается постоянный провал в практическом сочетании концепции и средств, другими словами, в стратегическом мастерстве. Это утверждение о том, что видение Наполеона было затуманено вмешательством политических и военных соображений, подтверждается его следующим шагом. До сих пор его основным принципом было сосредоточение всех сил для нанесения решающего удара, все его комбинации были направлены на вражеские армии и их уничтожение или, по крайней мере, на создание ситуаций, которые сделали бы уничтожение возможным. Теперь его интересовали не армии, а столицы. Утверждая, что продление его линии в направлении Праги ослабит ее, он выбрал старый план наступления на Берлин, чтобы возобновить сильную оборону, и Ней был отправлен на смену Удино, а Шварценберг был оставлен, чтобы восстановить силы без помех. Неоформленная идея политической победы, которая заставила его повернуть назад от Пирны, была полностью разработана: ударом по Берлину и общим движением на север он

мог не только наказать Пруссию, но и напугать Россию, отделить ее армию от армий других союзников, а затем убедить Австрию в своей благодарности за то, что она не вторглась на ее территории. Несмотря на все, что было написано об обратном, в этой идее была некоторая сила, хотя она и не соответствовала стратегическим способностям ее автора. Ней должен был немедленно начать наступление, а сам он должен был продвигаться к Хойерсверде, где он надеялся установить связи для общего наступления.

Такая концентрация была бы возможна, если бы Макдональд смог удержать Блюхера в течение двух недель, а Мюрат сумел сдержать Шварценберга. Но известие о бедственном положении Макдональда вынудило Наполеона сначала двинуться на Баутцен, чтобы не дать Блюхеру уничтожить армию в Силезии. Раздраженный этим неожиданным отклонением от плана, император отправился в путь в безрассудном, озлобленном настроении. Пятого сентября стало очевидно, что Блюхер не устоит, и Наполеон приготовился повернуть в сторону Берлина; но приказ был почти сразу отозван, поскольку поступила весть, что Шварценберг движется на Дрезден. Наполеон немедленно вернулся в саксонскую столицу. К 10 сентября он собрал свои войска, готовые к второй обороне города; но, узнав, что шестьдесят тысяч австрийцев были отправлены через Эльбу, чтобы атаковать с фланга любую французскую армию, посланную в погоню за Блюхером, он приказал молодой гвардии отправиться в Бауцен для подкрепления Макдональда. Тогда Шварценберг 14 сентября сделал финт, чтобы продвинуться вперед. Пятнадцатого Наполеон ответил контрходом на Пирну, где через реку были переброшены понтоны, чтобы установить связь с Макдональдом. Шестнадцатого Наполеон провел разведку, семнадцатого произошла стычка, а восемнадцатого снова были натиск и контрнатиск. Эти движения убедили Наполеона, что Шварценберг действительно находится в обороне, и он вернулся в Дрезден, решив продолжать финты и контрфинты, «систему туда-сюда», как он ее называл, до тех пор, пока не представится золотая возможность нанести сокрушительный удар. Тем временем Блюхер снова обернулся против Макдональда, который теперь находился на высотах Фишбаха с Понятовским справа от него. Мортье снова был в Пирне; Виктор, Сен-Сир и Лобау охраняли горные перевалы из Богемии.

Такова была ситуация за месяц до битвы. Шварценберг мог считать, что он предотвратил вторжение в Австрию, а Наполеон — что он восстановил свою сильную оборону. Хотя победа в Дрездене не принесла никакой пользы, эта ситуация все же была двойным триумфом для Наполеона. Ней, подчиняясь приказам, продвинулся вперед пятого числа. Бернадот находился в Ютербоге, его правый фланг был западнее, в Денневице, под командованием Тауэнзиена. Бертран должен был шестого числа провести демонстрацию против последнего, чтобы за этим движением остальная часть армии прошла незамеченной. Но Ней выступил с трех часовым опозданием, так что стычка между Тауэнзиеном и Бертраном длилась достаточно долго, чтобы поднять тревогу у Бюлова, который поспешил на место, атаковал дивизию Рейнье и превратил сражение в общее столкновение. Сначала преимущество было на стороне пруссаков, но затем Ней в подходящий момент начал вводить в бой корпус Удино — ход, который, казалось, мог решить исход сражения в пользу французов. Однако Борстелл, который был лейтенантом Бюлова в Гроссберене, в нарушение приказа Бернадота вывел своих людей и бросил их в самую гущу сражения. До этого саксонцы доблестно сражались на стороне французов, но вскоре они начали колебаться и, отступая, увлекли за собой многих из людей Удино. Пруссаки ворвались в пробел, оставленный саксонцами, и когда Бернадот подоспел со своими шведами и русскими, сражение было закончено. Ней

был оттеснен в Торгау, потеряв пятнадцать тысяч человек, а также восемьдесят орудий и четыреста повозок. Пруссак потеряли около девяти тысяч убитых и раненых.

Это событие сконцентрировало в одном движении моральные последствия всех мелких поражений, влияние которых значительно превосходило важность Дрездена. Французы по-прежнему сражались великолепно в присутствии Наполеона, но только тогда, потому что они были искренне утомлены войной. И это еще не все: баварцы и саксонцы начали чувствовать, что их обязательства перед Францией были полностью выполнены. Они были заражены тем же национальным духом, который сделал героями пруссаков. Те, конечно, защищали свои дома и очаги, но, видя, как великие французские генералы терпели одно поражение за другим, и в значительной степени благодаря их собственным усилиям, они были воодушевлены своими победами на новые подвиги; даже резервисты и домашняя гвардия проявили героизм ветеранов. 7 сентября Ней написал Наполеону: «Ваш левый фланг истощен — будьте осторожны; я думаю, что пора покинуть Эльбу и отступить к Заале»; и его мнение разделяли все командиры дивизий. По всей стране партизаны захватывали обозы с продовольствием; Даву обнаружил, что его голландцы и фламандцы были посредственными солдатами, неспособными в решающие моменты переходить в наступление; армия сократилась до примерно двухсот пятидесяти тысяч человек; растет количество отставших, а страна практически опустошена. К этому последнему факту простые люди, страдавшие от этого, оставались удивительно равнодушными в своем патриотизме: система «туда-сюда» забавляла их, и они прозвали Наполеона «посыльным из Баутцена». Неуверенность царила в каждом французском лагере; с другой стороны, робость сменилась мужеством, а разногласия — единством.

Эта трансформация немецкого общества, казалось, еще больше запутала политические нити, которые и без того уже ухудшили качество стратегии Наполеона. С технической точки зрения, нельзя найти никаких недостатков в его быстрых изменениях плана для реагирования на чрезвычайные ситуации или в деталях маневров, которые привели к его длительной бездеятельности. Однако в целом результат был катастрофическим. Великий врач воздерживается от немедленного лечения больного органа до тех пор, пока общее состояние здоровья не восстановится в достаточной степени, чтобы гарантировать успех; медик-самоучка же сразу же приступает к лечению очевидного заболевания. Наполеон разработал великий общий план сосредоточения войск около Дрездена для восстановления своих сил, но когда Блюхер приготовился к наступлению, он потерял терпение, увидел только свою непосредственную проблему и приказал Макдональду совершить грандиозный рывок. Прогнав вражеские аванпосты до Фёрстгена, он затем целый день колебался, продолжать ли наступление или повернуть на запад и рассеять еще один отряд своего вездесущего врага, который, как он узнал от Нея, переправился через Эльбу в устье Черной Эльстеры. Только 23-го он повернул назад, чтобы не делать ни того, ни другого, а обеспечить необходимый отдых на левом берегу Эльбы. Но если собственное определение Наполеона действительно великого человека верно, а именно тот, кто может управлять ситуациями, которые он создает, — то он сам больше не был великим. У врага были мосты через Эльбу не только в устье Эльстер, но и в Аккене и Рослау. Левый берег был для французов столь же невыгодным, как и правый, и из суровой необходимости различные отряды армии были вызваны для удержания линии далеко на западе, к северу от Лейпцига. Удино, частично восстановленный в милости, был оставлен для охраны тыла в Дрездене с частью молодой гвардии. Первого октября стало известно, что Шварценберг маневрирует слева, чтобы, по возможности, окружить захватчиков с юга, а Блюхер с той же целью

движется на север. Было очевидно, что союзники приняли важное решение, и Наполеон признался Мармону, что его «шахматная партия становится запутанной».

Дело в том, что дипломатия императора значительно опередила стратегию генерала. За рубежом было объявлено, что 27 сентября 160 тысяч новых рекрутов из класса 1815 года и 120 тысяч из задолженностей семи предыдущих классов будут собраны в военных депо во Франции. Такие юноши выиграли битвы при Лютцене, Бауцене и Дрездене, и значительная часть из них были здоровыми мужчинами, возможно, поздно созревшими, но сильными. С этим предварительным трубным звуком генералу Бубне было отправлено письмо для императора Франца. Посланцу было поручено сказать, что Наполеон пойдет на большие жертвы как для Австрии, так и для Пруссии, если только его выслушают. Было уже слишком поздно: 9 сентября три державы заключили союз о нападении и обороне с целью освобождения рейнских князей, предоставления суверенитета и независимости государствам южной и западной Германии, и восстановления границ Пруссии и Австрии 1805 года. Именно этот договор отвратил Баварию от французского союза и заставил немецкие контингенты во французской армии, в том числе саксонские, жаждать освобождения от ненавистой службы. Это объясняет ранее полученное уведомление от короля Баварии, который в обмен на признание своей полной автономии 8 октября официально присоединился к коалиции с армией в 36 тысяч человек. Насколько все это было доведено до сведения Наполеона французскими шпионами и эмиссарами, неизвестно. Ясно только одно: флаг перемирия Наполеона был отправлен обратно с не доставленным посланием. Этот зловещий факт необходимо было учитывать в связи с передвижениями врага. Они узнали один из секретов самого Наполеона. В бюллетене 1805 года есть такие слова: «Идет сильный дождь, но это не останавливает поход великой армии». В 1806 году он хвастался по поводу Пруссии: «Пока люди совещаются, французская армия идет в поход». В 1813 году, пока он сам колебался, его враги не сидели сложа руки. Третьего октября Блюхер, совершив великолепный стратегический марш, оттеснил Бертра на к Биттерфельду и стоял перед Кембергом, к западу от Эльбы, с шестьюдесятью четырьмя тысячами человек; Бернадот с восьмьюдесятью тысячами переправлялся через Акен и Рослау; а Шварценберг со ста семьюдесятью тысячами уже находился к югу от Лейпцига; Беннигсен с пятьюдесятью тысячами резервистов достиг Теплица. Враг явно собирался сосредоточиться в Лейпциге и отрезать Наполеону тылы, если тот не отступит. Но только 5 октября было принято горькое решение об отступлении, и тогда началось вынужденное движение. Мурат был отправлен с тремя пехотными корпусами и одним кавалерийским, чтобы сдержать Шварценберга до тех пор, пока не будут завершены необходимые маневры.

ГЛАВА III

Конец Великой Армии [\[3\]](#)

Планы отступления — Здоровье Наполеона — Блестящая идея Блюхера — Наполеон под давлением обстоятельств — Его умелая концентрация сил — Поле битвы вокруг Лейпцига — Атака — Результаты боев первого дня — Попытка переговоров — Апатия Наполеона — Позиции третьего дня — Разгром Великой армии — Катастрофа на мосту через Эльстер — Распад Великой армии.

Но как следует проводить отступление? Наполеон до последнего оставался верным своей привычке излагать свои мысли на бумаге для большей ясности, и в тщательных заметках, которые он сделал в отношении этого важного шага, он наметил два варианта: разместить в Дрездене два корпуса, отправить три на разведку в окрестности Хемница, а затем с пятью корпусами и гвардией выступить в наступление на Шварценберга; или усилить Мурата, разместить его между Шварценбергом и Лейпцигом, а затем продвинуться, чтобы оттеснить Бернадота и Блюхера за Эльбу. Но зимой замерзшая Эльба с ее плоскими берегами не могла служить защитой. Оба плана были отвергнуты, и седьмого числа был отдан приказ о отступлении за Заале, крутые берега которой были естественной крепостью. За этой линией обороны он мог бы безопасно перезимовать, имея правый фланг в Эрфурте, а левый — в Магдебурге. Дрезден, как он заключил, необходимо было эвакуировать. Это лишило бы союзников легкого убежища за саксонскими и богемскими горами, которое они искали при каждом наступлении, но могло бы оставить их полными хозяевами Саксонии. Чтобы этого избежать, он должен был выбрать один из трех вариантов: либо остановиться за Мульде, чтобы нанести один удар по армиям Севера и Силезии, либо присоединиться к Мурату для решающей битвы с австрийским генералом, либо сосредоточиться в Лейпциге и встретить наступление объединенных союзников, которые теперь были гораздо сильнее его.

Ночь седьмого числа прошла в нерешительности относительно любой из этих идей или всех вместе взятых, но в активной подготовке к фактическим действиям по отступлению, как бы оно ни проводилось; любая непредвиденная ситуация могла быть решена или решение принято, когда возникнет необходимость. В течение этой ночи император принял две горячие ванны. Привычка пить крепкий кофе, чтобы не засыпать, вызывала приступы нервозности, которые не уменьшались из-за его тяжелого бремени забот. Чтобы облегчить эти и другие недуги, он некоторое время прибегал к частым теплым ваннам. Многие были написаны о таинственной болезни, которая неуклонно прогрессировала, но свидетельства ближайших соратников императора в это время указывают на то, что в целом он пользовался отличным здоровьем на протяжении всей второй Саксонской кампании. В целом он был спокоен и уверен в себе, проявляя признаки глубоких эмоций только в связи с важными решениями. Он, безусловно, был способен к ясному пониманию и строгому применению в кризисной ситуации; он все еще мог выдерживать изнурительные физические нагрузки и ездил верхом без дискомфорта, сидя на лошади в той же жесткой, неуклюжей позе, что и раньше. Конечно, были периоды самопотворства и вялости, чрезмерных эмоций и угнетающего самоанализа, которые, казалось, требовали компенсации в виде физического стимула; но в целом, по-видимому, не было таких острых приступов болезни, или даже болезненной депрессии, которые можно было бы считать провидением; естественные причины, сложные, но не необъяснимые, вполне объясняют последующие бедствия.

Например, соображения личной дружбы в прежние дни часто приводили его к неразумным решениям, и можно сказать, что аналогичная причина привела к его грядущему бедствию. Именно привязанность саксонского короля к своей прекрасной столице в последний момент, 8 октября, побудила Наполеона отбросить все свои тщательно взвешенные планы и — роковое решение! — оставить Сен-Сира и Лобау с тремя корпусами в Дрездене. Решающая битва была неизбежна; полководец нарушил свою максиму, согласно которой все дивизии должны быть под флагом. Но с полной силой или без нее, мастер стратегии был перехитрен: ожидаемое сражение не состоялось, как он в конечном итоге рассчитывал. Десятого числа его штаб находился в Дюбене, а его дивизии были далеко

впереди на Эльбе, готовые к встрече с Бернадоттом и Блюхером (), но врага не было. Оба генерала были сбиты с толку неожиданной быстротой действий французов; первый даже подумывал о переходе через реку, чтобы избежать сражения с теми, кого он надеялся вскоре сделать своими подданными. Но воодушевленный старый пруссак заставил своего союзника действовать, убедив его по крайней мере выступить из Аккена на юг, соединиться с армией Силезии и перейти Заале, чтобы угрожать Наполеону с тыла. Это был блестящий и смелый план, поскольку в случае успеха обе армии могли бы объединиться с армией Шварценберга; но даже если бы он не увенчался успехом, то, по крайней мере, воспроизвел бы ситуацию в Силезии и заставил бы французов прибегнуть к системе «туда-сюда», которая, делая невозможным решающее сражение, сорвала стратегию Наполеона.

Наполеон провел утомительный день в ожидании в Дюбене, зевая и что-то записывая, но держа своего географа и секретаря- а наготове. В то время говорили, и с тех пор это повторяют, что на протяжении этой части кампании Наполеон был не похож на самого себя: он долго размышлял, когда должен был действовать; он советовался, когда должен был отдавать приказы; он больше не был вездесущим, как раньше, а был вялым и прикованным к одному месту. Но трудно понять, что он не сделал, поскольку его суждения были ошибочными. Когда начали поступать слухи о передвижениях Бернадота, он отверг высказанную в них идею как нелепую; когда же наконец, двенадцатого числа, он услышал, что Блюхер действительно наступает на Галле, и сомнений уже не осталось, он немедленно отдал приказ о марше на Лейпциг. Критики снова заявили, что задержка стала его гибелью, но это неправда. Наступление через Эльбу в направлении Берлина в поисках врага лишь позволило бы Блюхеру и Бернадоту скорее объединить свои силы и облегчило бы их союз со Шварценбергом. Справедливо только одно замечание: Наполеон, зная, как невозможно было получить такую точную информацию, которую он, по-видимому, был полон решимости получить, должен был угадать план противника и действовать раньше. Точная информация, необходимая для такого предвидения, была недоступна; на самом деле, она редко бывает доступна, и можно сделать некоторые поправки, если генерал задержался, прежде чем броситься в «воронку», как выразился Мармон. Утром тринадцатого, когда шли последние приготовления к маршу на Лейпциг, пришла весть о переходе Баварии на сторону противника. Она распространилась по армии как лесной пожар, но ее эффект был меньше, чем можно было бы предположить, и она послужила поводом для выпуска бюллетеня, опубликованного пятнадцатого, в котором объявлялось о приближающейся битве.

Пятнадцатого числа Мюрат, который неуклонно отступал перед союзной армией Юга, был настигнут в Вахау авангардом Шварценберга. Он сражался весь день с великолепным мужеством и успешно отбросил вражескую кавалерийскую застрельщиков обратно на основную колонну. В пределах слышимости его орудий Наполеон разведывал выбранное им поле сражения в Лейпциге и его окрестностях; и когда после наступления темноты шурины встретились, необходимые приготовления были практически завершены. Присутствовавшие на совете считали императора необъяснимо спокойным и собранным — они говорили, что он был равнодушен или невозмутим. Но у него были причины быть уверенным, а не отчаянным, потому что, проявив свою прежнюю энергию, он сконцентрировал свои силы быстрее, чем его противник, имея в распоряжении сто семьдесят тысяч человек. Рейнье с четырнадцатью тысячами солдат находился неподалеку; если бы Сен-Сир и Лобау с их тридцатью тысячами были на месте, а не сидели без дела в Дрездене, французы фактически превосходили бы по численности любую армию, которую коалиция могла бы собрать для сражения. Союзники могли надеяться в лучшем случае на

двести тысяч человек; Бернадот все еще находился недалеко от Мерзебурга; Блюхер, хотя и приближался из Галле, не был в пределах досягаемости. Несмотря на свои колебания и окончательную неудачу с эвакуацией Дрездена, Наполеон имел отличные шансы на победу.

Город Лейпциг, окруженный многочисленными деревнями, лежит на низкой равнине, орошаемой реками Парте, Плейссе и Эльстер, последняя из которых на западе имеет несколько рукавов с болотистыми берегами. Через них проходит шоссе в Франкфурт, возвышающееся на дамбе и пересекающее глубокий центральный рукав Эльстер единственным мостом. К востоку от Конневица местность более возвышенная, с значительными возвышенностями и даже холмами на юге и юго-востоке. Эту холмистую местность Наполеон выбрал для главного сражения со Шварценбергом; Мармонт расположился к северу от города, недалеко от Мёкерна, чтобы наблюдать за Блюхером; осторожный Бернадотт по-прежнему находился в Оппине со своими шведами (). Вечером пятнадцатого, завершив подготовку, Наполеон обошел все свои посты. В сумерках на южном небе были замечены три белые ракеты; на них сразу же ответили четырьмя красными на севере. Вероятно, это были сигналы между Шварценбергом и Блюхером. За старой гвардией, между Ройдницем и Кроттендорфом, был зажжен костер Наполеона.

Сражение началось ранним утром следующего дня. Наполеон подождал до девяти часов, а затем во главе своей гвардии двинулся на Либертвольквиц, недалеко от Вахау, на правом берегу Плейссе, где, несомненно, должна была произойти решающая битва, поскольку основные силы противника под командованием Барклая и его заместителя Витгенштейна атаковали в четыре колонны именно в этом месте. Между Плейссе и Эльстером, недалеко от Конневица, стоял Понятовский, противостоявший Шварценбергу и Мервельту; к западу от Эльстера, недалеко от Линденау, стоял Бертран, прикрывавший единственную линию отступления, франкфуртскую магистраль, а его противником был Гюлай. Таким образом, в могучем сражении, которое началось с наступления союзников по всему фронту, участвовали четыре дивизии. Основное сражение было упорным и кровопролитным, союзники атаковали с небольшим мастерством, но с большой храбростью. До полудня Наполеон более чем удерживал свои позиции. Виктор в Вахау и Лористон в Либертвольквице успешно отразили по шесть отчаянных атак; между ними была сосредоточена артиллерия, сто пятьдесят орудий под командованием Друо, а позади — вся кавалерия, кроме кавалерии Себастьяни. Великий капитан артиллерии собирался в последний раз продемонстрировать, на что способна его армия в благоприятных условиях, то есть когда она занимает выгодную позицию и имеет мощную поддержку кавалерии. Он намеревался с помощью мощного удара и быстрого преследования прорвать центр врага в Гюльденгоссе и окружить его правый фланг в Эльбско-Берлинском лесу (). Его гениальность в комбинациях была настолько велика, что, хотя союзники в тот момент использовали в общей сложности триста двадцать пять тысяч боеспособных солдат против его двухсот четырнадцати тысяч, в решающем месте он фактически сконцентрировал сто пятнадцать тысяч против их ста четырнадцати тысяч. Это произошло потому, что Шварценберг, пытаясь обойти французов с фланга, тщетно барахтался в болотистых лугах между Плейссе и Эльстером и больше не играл никакой роли в сражении.

Когда в полдень все было готово и был отдан приказ, артиллерийский огонь был настолько быстрым, что последовательные выстрелы слышались не по отдельности, а длинной, угрюмой нотой. К двум часам Виктор и Удино на правом фланге, а Мортье и Макдональд на левом, были далеко впереди Гюльденгосса, но само место все еще

удерживалось. В три часа кавалерия под командованием Мурата, Латур-Мобурга и Келлермана была направлена прямо на него. С огромным усилием они прорвали оборону, и колокола Лейпцига начали звонить в знак триумфа — преждевременно. Царь категорически отозвал из командования Шварценберга австро-русский резерв, и в четыре часа они вместе с казацкой гвардией атаковали французскую кавалерию, отбросив ее обратно к Маркклебергу. С наступлением ночи Виктор снова оказался в Вахау, а Макдональд удерживал Либертвольквиц. Одновременно с большой атакой союзников Меервельдт вырвался из Конневица в направлении Дёлица, но его силы были почти уничтожены, а он сам был взят в плен. В Мёкерне Мармонт, после доблестных действий с меньшими силами, был разбит на левом фланге, а затем вынужден для безопасности отвести свои силы на правый фланг. Хотя он все еще удерживал Голис и Ойтрих, основная часть его армии была отброшена обратно в Лейпциг. В течение всего дня Бертран доблестно и успешно сопротивлялся превосходящим силам противника и оттеснил эту часть союзных войск, противостоявшую ему, от Линденау до Плагвица. С наступлением темноты три холостых выстрела объявили о прекращении боевых действий вокруг.

Несмотря на превосходство противника в численности, французы не потеряли ни одной важной позиции, и все достижения военной науки были исключительно их заслугой. Блюхер предпринял единственное наступление союзников, захватив Мёкертн корпусом Йорка; Шварценберг буквально увяз в попытке обойти врага с фланга, и если бы Александр не отозвал резервы, предназначенные для той же задачи, этот день стал бы для коалиции днем безвозвратной катастрофы. Однако Наполеон знал, что он проиграл, если не сможет отступить. Очевидно, он ожидал триумфа, потому что в городе ничего не было готово, а через Эльстер был только один переход — одиночный мост на дороге во Франкфурт. Семнадцатое было первым днем недели; обе стороны были измотаны, и император Франции, по-видимому, чувствовал, что любой ценой должен выиграть время. В течение предыдущей ночи велись долгие консультации, и французские дивизии на юге были слегка сжаты. Утром Меервельдт, пленный австрийский генерал, тот самый, который после Аустерлица просил и получил от Франциска разрешение на встречу с Наполеоном, был отпущен на честное слово и отправлен в свои ряды, чтобы просить о перемирии и вмешательстве Франциска на условиях Праги: отказ Наполеона от Польши и Иллирии, абсолютная независимость Голландии, ганзейских городов, Испании и объединенной Италии. Если вспомнить, что Англия была казначеем коалиции и боролась за свое влияние в Голландии, а Австрия стремилась к господству в разьединенной Италии, то становится ясно, что Наполеон, по-видимому, скорее хотел выиграть время, чем надеялся на успех своей просьбы к тестю.

Это был бы неизбежный вывод, если бы не тот факт, что он тихо удалился в свою палатку и остался там; находчивый генерал был совершенно апатичен, либо из-за чрезмерной уверенности в своей дипломатической миссии, либо из-за ошеломления бедствием. День прошел без происшествий, за исключением кратковременной атаки на Мармона и прибытия Бернадота, которого подтолкнул к действию намек Гнейзенау относительно условий, на которых Великобритания должна была выплачивать свои субсидии. В то время утверждалось, что Наполеон ранним утром отдал приказ построить многочисленные мосты через западные реки. Если это и было так, то приказ не был выполнен, было построено только одно хрупкое сооружение, и то на дороге, ведущей из города, а не на линиях к западу от его позиций в пригородах. Его подчиненные должны были действовать в столь серьезном вопросе даже без приказа, но, как машинисты поездов, мчащихся со скоростью

молнии, они после многих лет напряженной службы потеряли самообладание. Мармон утверждает, что даже Наполеон был лишен самообладания. «Мы были заняты, — писал он, — восстановлением порядка в наших войсках; мы должны были либо начать отступление, либо, по крайней мере, подготовить средства для его начала с наступлением темноты. Но некая беспечность со стороны Наполеона, которую невозможно объяснить и трудно описать, довершила наши страдания». Учитывая, кто написал эти слова, к ним следует относиться с осторожностью, но они указывают на правду, что в период своего упадка этот доселе многогранный человек не мог быть одновременно генералом и императором. От Франциска ответа не поступило; союзники согласились с этим курсом и, в соответствии с договоренностью с Англией, решили не прекращать боевые действия до тех пор, пока последний французский солдат не переправится через Рейн. Была полночь, когда Наполеон наконец отозвал свои посты и отдал предварительные приказы расположить свои войска в готовности либо сражаться, либо отступить.

Когда наступил день 18 октября, французская армия заняла совершенно новую позицию: правое крыло под командованием Мурата располагалось между Конневицем и Дёлицем; центр — в Пробстхайде, в выпуклом углу; левое крыло под командованием Нея — с фронтом на север между Паунсдорфом и Голисом. Внутри этого дуги, в непосредственной близости от города, располагались все проверенные в боях корпуса, пехота, артиллерия и кавалерия под командованием различных известных полководцев — Понятовского, Ожеро, Виктора, Друо, Келлермана, Удино, Латур-Мобурга, Макдональда, Мармона, Рейнье и Суама; Наполеон находился на холме в Тонберге, имея в резерве старую гвардию. Его главной заботой была линия отступления, которая все еще была открыта, когда в семь часов начались бои. Шварценберг с левым флангом не смог продвинуться дальше Конневица. Беннигсен с правым флангом начал ощупывать Бернадота и завершать окружение. Ни один из них не добился полного успеха, но Мармон отступил перед Блюхером, а Ней — перед Бернадоттом и Беннигсеном, чтобы избежать окружения; так что две французские армии объединились до наступления ночи на западной окраине города, где Бертран разгромил Гюлая и сохранил открытой важнейшую линию отступления, по которой с полудня проходили обозы. Но как бы великолепны ни были подвиги всех этих доблестных воинов с обеих сторон, они были далеко превзойдены в центре, где в течение всего дня, под пристальным взглядом Наполеона, шли отчаянные атаки и сопротивление. Люди падали, как трава под косой, а их товарищи, как волны, наступали сзади. Число участников и масштабы кровопролития были таковы, что люди сравнивали этот конфликт с битвой народов в Армагеддоне.

На позиции Виктора, недалеко от Пробстхайды, сражение было самым ожесточенным. Союзные войска шли в атаку с закрепленными штыками, ряд за рядом, колонна за колонной (); пушки гремели, а картечь и снаряды летели навстречу нападающим; люди говорили, что воздух был полон человеческих конечностей; русские и пруссаки наступали десять раз, но десять раз были отброшены назад. Сама земля, по которой шли нападавшие, была покрыта человеческими телами. Час за часом продолжалась бойня. Иногда французы пытались собраться, но их отбрасывали назад мушкетный огонь и кавалерийская атака. То же самое происходило в Штеттерице, где, казалось, никто не останавливался, чтобы перевести дух. Горе тому, кто падал от усталости: он скоро становился еще одним трупом в горах, над которыми новые подкрепления шли в атаку или контратаку. В конце концов, не осталось и намека на порядок; в рукопашной схватке люди кричали, боролись, сражались, наносили удары, наступали и отступали, и ни у участников сражения, ни у зрителей не было никакого ощущения реальности. К сумеркам раскаленные пушки стали почти бесполезными,

мушкетеры — полностью, и с наступлением темноты выжившие засыпали там, где стояли: всадники в седлах, лошади на своих местах. Наполеон узнал, что тридцать пять тысяч саксов на левом фланге перешли к врагу, и когда кто-то из его штаба подал ему деревянный стул, он опустился на него и почти сразу же погрузился в оцепенение. Полчаса он сидел в забытии, а в сгущающейся темноте маршалы и генералы собрались вокруг костров и стояли с угрюмыми лицами, ожидая его пробуждения. Медленно взошла луна, Наполеон проснулся, были отданы приказы завершить уже начатую подготовку к отступлению, и, поскольку делать больше нечего было, император с невыразимыми чувствами прошел за стены Лейпцига, чтобы укрыться в гостинице, на скрипучей вывеске которой был изображен герб Пруссии!

Всю ночь французские войска переправлялись через каменный мост через Эльстер; ранним утром враг начал наступление, и все большее число солдат спешило уйти, чтобы занять единственную дорогу отступления. До полудня Наполеон бесцельно бродил по внутренней части города, отдавая неважные приказы, чтобы остановить растущую суматоху и беспорядок. Изможденный, с растрепанной одеждой, он не был узнан своими же солдатами и иногда грубо толкался. После трогательного прощания с королем Саксонии, в котором его несчастный союзник получил указание добиться для себя наилучших условий, император наконец погрузился в толпу и двинулся вместе с ней в сторону Линденау. Остановившись у Эльстер, французский генерал начал расспрашивать грубо одетого зрителя, который, без свиты и даже без единого слуги, стоял, казалось, равнодушный, тихо насвистывая «*Malbrook s'en va t'en guerre*». Конечно, офицер вздрогнул, узнав императора, но побежденный монарх не обратил на это внимания. Посторонние наблюдатели думали, что его сердце превратилось в камень. Тем не менее отступление продолжалось, и, несмотря на некоторую суматоху, было успешным, пока в два часа кто-то не совершил ошибку. Как теперь доказано, по невероятной ошибке французского подчиненного был взорван постоянный мост через Эльстер, а временный мост уже давно был разрушен. Почти одновременно с этой непоправимой катастрофой союзники штурмовали город, и французская арьергардная часть ринулась вперед, надеясь найти спасение в бегстве. Прыгнув в глубокий поток, многие, как Понятовский, утонули; некоторые, как раненый Макдональд, благополучно переплыли. Картина была душераздирающей: лошади, всадники и пешие солдаты без сознания катились по темной воде, а другие в безумном отчаянии перелезали через их корчащиеся тела. Рейнье и Лористон с двадцатью тысячами человек были взяты в плен, король Саксонии был отправлен в Берлин в качестве пленника, а Штейн готовился управлять своими владениями по поручению союзников из « ». К десяти часам вечера Бертран занял Вайсенфельс; Удино развернулся в Линденау и сдерживал не готовых к преследованию.

На следующее утро, двадцатого числа, Наполеон был бодр и активен; отступление возобновилось, но уже в приемлемом порядке. Хотя он не мог контролировать огромную толпу лагерных прихлебателей и отставших, у него все же было около ста двадцати тысяч человек под его знаменами; столько же, и притом его лучшие ветераны, были осаждены и удерживались в крепостях Эльбы, Одера и Вислы местными ополченцами. Он знал, что эти места больше не будут удерживаемы; фактически, они начали сдаваться почти сразу, и выжившие в Лейпциге вскоре оказались в отчаянном положении от голода и усталости. Однако полководец не проявлял никаких признаков сочувствия. «Так он покинул Россию», — говорили угрюмые солдаты в рядах. Появился голодный тиф и распространился с ужасающей быстротой; страна кишела партизанами; колонны союзников были сзади и по

бокам; 56 тысяч баварцев под командованием Вреде приближались из Ансбаха; в Эрфурте все саксонцы и баварцы, все еще остававшиеся под французскими орлами, ушли. Единственными иностранными войсками, которые остались верными, были те, у которых не было ни родины, ни убежища, — несчастные поляки, которые, хотя и были разочарованы в своих надеждах, все же оставались верными тому, кого они ошибочно считали своим искренним другом. Несмотря на все свои беды, император не пал духом; отступление из Германии было действительно опасным, но оно отличалось великолепным мужеством и непревзойденным мастерством. В Кёзене и Айзенахе союзники были перехитрины, а в Ханау, 29-го числа, баварцы были разгромлены в открытом бою благодаря проявлению личной храбрости и хладнокровия со стороны Наполеона, сравнимому только с его поведением в Красном в предыдущем году. Во главе менее шести тысяч человек он сдерживал почти пятьдесят тысяч, пока не подошли остальные его колонны, после чего он с прежней яростью обрушился на вражескую линию, расположившуюся у реки Кинциг, и не только полностью дезорганизовал ее, но и нанес ей потери в десять тысяч человек, что более чем в два раза превышало потери в его собственных рядах. Но, несмотря на этот блестящий успех, болезни продолжали свирепствовать, и только семьдесят тысяч человек императорской армии переправились через Рейн в Майнц. Вскоре дома этого города были переполнены, а улицы усыпаны жертвами страшного голодного тифа. Они умирали сотнями, и трупы лежали днями непогребенными; до того, как эпидемия была остановлена, тысячи людей нашли безславную могилу.

ГЛАВА IV

ФРАНКФУРТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ [\[4\]](#)

Значение битвы при Лейпциге — Упадок могущества Наполеона — Его мягкая сторона — Распад империи Наполеона — Коалиция и национальные чувства — Причины переговоров во Франкфурте — Неискренность предложения — Наполеон и Франция — Революция и империя — Пустая дипломатия.

Битва при Лейпциге — одна из самых важных в общей истории. На первый взгляд, она была лишь компенсацией за Аустерлиц, как Березина была компенсацией за Фридланд. На самом деле она была гораздо больше, потому что дала Пруссии гегемонию над континентальной Европой. Французский империализм в агонии сровнял счет королевской Франции с Габсбургами; Австрия еще не была изгнана из Центральной Европы в низовья Дуная, но, что было почти то же самое, Пруссия начала свою карьеру военного величия. В этой битве три династии, казалось, праздновали совместный триумф; на самом деле свободный национальный дух Германии, едва избежавший удушения наполеоновским империализмом, выбрал национальную династию в качестве своего убежища. Этот конфликт немецкие историки справедливо называют «битвой народов», но этот термин имеет иное значение, чем то, которое ему обычно приписывают. Семена итальянского единства были посеяны, но они еще не проросли. Битва при Лейпциге, казалось, остановила их, но именно в ходе этого процесса они проросли и принесли плоды. Франция была обречена на то, чтобы на время стать игрушкой в руках устаревшей династической системы. Свободы, которые люди английской крови с трудом развивали на протяжении столетия, она пыталась захватить в одно мгновение; но она должна была видеть, как они ускользают от нее в течение шестидесяти лет, пока ее демократическая жизнь, обретая стабильность, не нашла своего выражения в институтах, по сути и по своему характеру принадлежащих только ей. Хотя завоевавшие монархи верили, что революционный либерализм был подавлен в Лейпциге, его окончательный триумф был на самом деле обеспечен, поскольку он был передан под естественную опеку национальных содружеств. Имперская агломерация рас и национальностей была совершенно аморфной и оказалась невозможной; после Лейпцига эта форма союза больше не предпринималась, а другая — а именно конституционные органические национальности — была введена в действие. Последовательные этапы прогресса отмечены 1813, 1848 и 1870 годами.

Саксонские кампании демонстрируют завершение процесса, в котором великий стратег, удушенный политическими тревогами, стал творением обстоятельств как полководец и государственный деятель. Российская кампания была хорошо рассчитана, но ее масштабы и цели соответствовали восточному теократу, а не прозаичному европейскому солдату. С помощью железной дороги и электрического телеграфа их, возможно, удалось бы превратить в выполнимую задачу, но это не оправдывает ошибки преждевременной и неуместной амбиции. Саксонские кампании, в свою очередь, отличаются смелостью замысла и мастерством комбинаций, характерными для лучшей стратегии; но и в этом случае масштабы являются чудовищными, а что еще хуже, исполнение является прерывистым и слабым. Как и в России, военный организм был недостаточен для количества и расстояний,

в то время как подчиненные всех рангов, хотя и были гибкими инструментами, казались наемными, корыстными и лишенными преданности. Бонапарт владел сердцами людей, используя дело, обеспечивая преданность ему и самому грубой добродушием, успехом и достаточными наградами; Наполеон, с другой стороны, погасил преданность щедростью, которая насыщала самых жадных, и потерял любовь своих соратников требованиями своих гигантских планов.

Когда завоеватель мира почувствовал, что основы его величия пошатнулись, он стал менее черствым и более человечным. В начале 1813 года он сказал: "У меня отзывчивое сердце, как и у любого другого человека, но с самого раннего детства я приучил себя молчать об этой струне, а теперь она и вовсе немая". Его суждение о себе было ошибочным: на протяжении всего сезона он был странно и исключительно тронут ужасами войны; его кошелек всегда был открыт для страждущих; он освободил короля Саксонии от запутанных обязательств; несмотря на свое суровое выражение лица при отступлении из Лейпцига, он запретил своим людям обстреливать пригороды города, чтобы задержать преследование их врагов, и перед отъездом из Майнца в Сен-Клу он проявил глубочайшую озабоченность и приложил самые решительные усилия в защиту умирающих солдат.

Непосредственным результатом Лейпцигской битвы стало полное проявление того национального духа, который был усовершенствован, если не создан, в огне властной карьеры Наполеона. Австрийская армия под командованием Хиллера оттеснила Эжена за реку Адидже. Итальянцы, не безразличные к силе, витающей в воздухе, почувствовали свое унижение и, с ожесточением возненавидев своего императорского короля, решили, под влиянием чувств, наиболее ярко выраженных Альфиери, что они будут подражать северной Европе. Но хотя они в течение многих лет подвергались новым влияниям, пользовались равным применением Кодекса Наполеона и были свободны от вмешательства мелких местных тиранов, они не были ни объединены, ни просвещены в достаточной степени. После вспышки ненависти к Франции они были раздавлены своими старыми деспотами, и страна вновь погрузилась в глубочайшее смятение. Рейнская конфедерация, однако, распалась на отдельные элементы: Мекленбурги вновь заявили о своей независимости; король Иероним бежал во Францию; Вюртемберг, Гессен-Дармштадт и Баден последовали примеру Баварии; Кассель, Брауншвейг, Ганновер и Ольденбург были искусно возвращены своим прежним правителям, прежде чем бюро Штайна смогло создать администрацию. Голландия отозвала принца Оранского, Испания поднялась на поддержку Веллингтона, а Султ был не просто отброшен за Пиренеи — он потерпел поражение на французской земле и был заперт в Байонне.

Даже три монарха, степенно передвигаясь по Германии со своими измученными и потрепанными армиями, осознавали, что национальность в будущем будет определяющей силой. При прямом движении на Париж они могли бы, как сказал Ней, "наметить свои дни заранее", но они остановились во Франкфурте для переговоров. Было несколько причин, по которым им следовало сделать паузу. Они видели, как Франция расцветает в своем могуществе; им не хотелось снова присутствовать на этом зрелище. Более того, коалиция выполнила свою задачу и заработала свое жалованье; к востоку от Рейна не осталось ни одного француза, за исключением реальных или виртуальных пленных. С этого момента интересы трех монархов разошлись. Как сказал австрийский государственный деятель Генц, "Война за освобождение государств претендует на то, чтобы стать войной за освобождение людей". Александр, Фридрих Вильгельм и Франциск, каждый из них, беспокоились о

будущем абсолютизма, но в остальном существовало взаимное недоверие. Австрия с подозрением относилась к Пруссии и желала немедленного мира. В восстановлении Голландии под эгидой Англии Россия увидела сохранение британского морского и торгового превосходства в ущерб своим восточным устремлениям, и старая русская партия потребовала мира. С другой стороны, Александр хотел отомстить за поход Наполеона на Москву наступлением на Париж; и хотя Фридрих Вильгельм не доверял тому, что он называл царским якобинством, его собственные солдаты, жаждущие дальнейшего реванша, также желали продолжить войну; даже самые просвещенные прусские государственные деятели верили, что ничто, кроме полного катаклизма во Франции, не сможет поколебать власть Наполеона над этим народом и уничтожить его власть. Противопоставляя эти противоречивые тенденции друг другу, Меттерних смог обеспечить военное бездействие на некоторое время, в то время как коалиция сформулировала ряд предложений, рассчитанных на то, чтобы расположить к себе французский народ и таким образом сразу же примирить Наполеона.

Очевидно, что франкфуртские предложения, принятые девятого ноября, были лишь небольшим продвижением вперед по сравнению с ультиматумом Праги: Австрия должна была получить достаточно итальянской территории, чтобы обеспечить свое господство на этом полуострове; Франция должна была сохранить Савойю с Ниццей; остальная Италия должна была стать независимой. Голландия и Испания были освобождены, Франция получила свои "естественные" границы - Альпы, Пиренеи, океан и Рейн. Наполеону предстояло сохранить небольшое превосходство в Германии, и была выражена надежда, что на конгрессе для урегулирования деталей всеобщего умиротворения Великобритания, довольная "морскими правами", которые вызвали войну, вернет захваченные французские колонии. Различные министры, присутствовавшие во Франкфурте, согласились с этими предложениями Великобритании, Австрии, России и Пруссии соответственно; но Александр и Фридрих Вильгельм были ими недовольны, и когда Каслри услышал их, он пришел в ярость настолько, насколько позволяло его хладнокровие при мысли о том, что Франция сохранит контроль над Нидерландами, поскольку Антверпен является торговым ключом к Центральной Европе.

Такой юмор трех высоких договаривающихся сторон заставляет усомниться в том, имели ли франкфуртские предложения какую-либо реальность, и это сомнение еще больше усиливается обстоятельствами так называемых переговоров. Сент-Эньян, французский посланник в саксонских герцогствах, в нарушение международного права и правил вежливости был схвачен в Готе и содержался в качестве пленника. Теперь его освободили и проинструктировали убедить Наполеона в необходимости немедленного урегулирования. Своему шурина, миролюбивому Коленкуру, который вскоре должен был сменить Маре на посту министра иностранных дел, он должен был передать частное письмо от Меттерниха. В ходе этого послания автор выражает свое убеждение в том, что любые усилия по заключению мира ни к чему не приведут. Таким образом, мнимые переговоры не только были полностью лишены формы, они были предрешены с самого начала. Более того, союзники отказались от того, что Наполеон даровал после Бауцена, - перемирия, и настояли на том, чтобы военные действия продолжались во время переговоров. Все возможные сомнения относительно искренности предложений превращаются в уверенность признанием Меттерниха в своих мемуарах, что они были направлены на то, чтобы отделить Наполеона от французской нации и, в частности, воздействовать на чувства армии. Он говорит, что ни Александр, ни Фридрих Вильгельм не согласились бы на них, если бы не

были убеждены, что Наполеон "никогда в жизни по собственной воле" не решился бы принять их. И все же мир долгое время считал, что Наполеон, как он сам выражался, потерял свою корону за Антверпен; что, если бы он поверил сладким словам австрийского министра и без промедления начал переговоры на неопределенный срок, он мог бы сохранить Францию с ее революционными границами в неприкосновенности для себя и своей династии и, пожертвовав своими имперскими амбициями, сохранил бы за ней если не превосходство, то, по крайней мере, значение в советах Европы.

Ни Наполеон, ни французская нация не были обмануты; мир, заключенный при таких обстоятельствах, мог привести только к бесчестной опеке союзных государей. Франция питала отвращение к династиям и всем их деяниям, полагая, что династическое правление никогда не могло означать ничего, кроме абсолютизма и феодализма. Эксперимент с народным суверенитетом, проводимый демократией, потерпел неудачу; но французы-либералы, как и люди такого же интеллекта во всей Европе, несмотря ни на что, не теряли веры в народный суверенитет; они знали, что должен быть какой-то канал для его осуществления. За пределами Франции, как и в ней, наиболее просвещенное общественное мнение того времени считало Наполеона спасителем общества. Королева Саксонии горько упрекала Меттерниха в том, что он бросил "святое дело" Наполеона. Это было потому, что император Франции, казалось, использовал народную власть для блага народа. Только его гигантская рука могла владеть народным величием. Говорят, что большая часть французской нации, услышав о франкфуртских предложениях, поочередно стонала и смеялась. Будучи глубоко, преданными империалистами и, следовательно, идеалистами, они были возмущены мыслью о Габсбургах, Романовых или Гогенцоллернах, самих воплощениях немецкого феодализма, как о лидерах новой Европы. Казалось иронией судьбы, что гражданские и политические права, основанные не на привилегиях, а на мужественности, награда, ради которой мир был перевернут с ног на голову, должны быть доверены таким хранителям. Сами спаянные в однородную нацию, французы не могли понять, что зарождающиеся национальности в других государствах пока не имели ничего, кроме династических форм самовыражения, или предвидеть, что в течение столетия старые династии будут чувствовать себя в безопасности, только приспособливая королевскую власть к национальным потребностям.

Наполеон, похоже, был полностью осведомлен о настроениях французов. Кроме того, он понимал, что не только по этой достаточной причине он никогда не сможет стать королем Франции ни по имени, ни фактически, но также и то, что, преследуя и унижая народы и династии в других местах во имя революционных идеалов, массы раскусили его и были озлоблены не меньше своих правителей, считая его шарлатаном, использующим ослепительные принципы как прикрытие для личных амбиций. В мае 1813 года император Франциск, желая утешить уязвленную гордость Габсбургов, предъявил пачку бумаг, якобы доказывающих, что Бонапарты когда-то были правящими князьями в Тревизо. "Мое благородство, - последовал язвительный ответ Наполеона, - восходит только к Маренго". Он хорошо знал, что, когда произойдет битва, которая уничтожит Маренго, его благородству придет конец. Другими словами, без солидной поддержки Франции он был никем, и он полностью осознавал, что этой поддержки он никогда не сможет получить как король Франции. Если бы влияние того, что Франция ошибочно считала исключительно Французской революцией, было ограничено ее границами, революционными или иными, был бы уничтожен не только престиж Наполеона, но и вместе с ним исчезло бы французское лидерство в Европе. Там должен быть императорский трон, оказывающий французское

влияние далеко за границей. Таким образом, то, что произошло в Париже, можно рассматривать как ответный маневр на попытку Меттерниха добиться выгодного мира от французской нации, когда она должна была отречься от Наполеона. Это была всего лишь попытка собрать оставшиеся национальные силы, теперь уже не для агрессивной войны, а для изгнания ненавистных захватчиков.

Не получив сформулированного предложения для принятия или отклонения и желая навязать его, император Франции фактически проигнорировал письмо Меттерниха и направил союзникам тщательно продуманное послание. Не упомянув при этом условий, выдвинутых Сент-Эньеном, он предложил Коленкура в качестве полномочного представителя на международном конгрессе, который должен был собраться где-нибудь на Рейне, скажем, в Мангейме. Далее он заявил, что его целью всегда была независимость всех наций, "как с континентальной, так и с морской точки зрения". Это сообщение достигло Франкфурта шестнадцатого ноября и, намеренно или нет, было неверно истолковано как означающее, что автор будет упорствовать в сомнении морских прав Англии. На это Меттерних ответил согласием с Мангеймом в качестве места проведения предлагаемой конференции и пообещал передать язык письма Наполеона своим союзникам. Насколько далеки были эти союзники от искреннего стремления к миру, доказывает их следующий шаг, предпринятый почти сразу после ответа Меттерниха. В городах Франции было широко расклеено воззвание, в котором на жаргоне, заимствованном из практики самого Наполеона, говорилось, что союзники желают, чтобы Франция "была великой, сильной и процветающей"; утверждалось, что они ведут войну не "против Франции, а за то превосходство, которым слишком долго пользовался Наполеон, к несчастью Европы и самой Франции, которой они заранее гарантировали такие территории, каких у нее никогда не было при ее королях". Ответный удар Наполеона состоял в том, чтобы разослать рой надежных эmissаров по всей Франции, чтобы уладить все разногласия народа с правительством, всячески укреплять народную преданность — короче говоря, противодействовать возможным последствиям этого призыва. Посланники обнаружили, что общественное мнение насквозь имперское, но при этом глубоко озлобленное против Марет как предполагаемой зачинщицы разрушительных войн. Марет была переведена в государственный департамент, а тихоокеанец Коленкур был назначен министром иностранных дел. Второго декабря, при первой возможности, новый министр направил Меттерниху записку, в которой соглашался с условиями "общей и краткой основы". Это, говорилось в депеше, повлекло бы за собой большие жертвы; но Наполеон не испытывал бы сожаления, если бы только подобным отречением Англия предоставила средства для всеобщего, почетного мира. Меттерних ответил, что теперь ничто не мешает созвать конгресс и что он уведомит Англию, чтобы она направила полномочного представителя. На этом, однако, дело закончилось, и в отчете Меттерниха о тех франкфуртских днях едва ли упоминается эта тема, настолько его интересуют ссоры монархов по поводу начала новой кампании. Это был конец года, когда они достигли соглашения.

ГЛАВА V

ВТОРЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ [\[5\]](#)

Удивительные планы Наполеона по набору новых рекрутов — Отношение народа к Империи — Недовольные элементы — Вооружение Наполеона — Активность империалистов — Освобождение Фердинанда и Папы Римского — Прощание Наполеона с Парижем — Его стратегический план — Франция против Европы — Поведение Бернадотта — Дезертирство Мюрата — Противоречивые интересы союзников — Позиции противников в начале военных действий.

1813-14

То, что произошло во Франции между первыми днями ноября 1813 года, когда Наполеон достиг Сен-Клу, и концом года, настолько невероятно, что едва ли заслуживает упоминания на страницах трезвой истории. Из пятисот семидесяти пяти тысяч французов, строго исключая немцев и поляков, которые были отправлены на войну в 1812 и 1813 годах, около трехсот тысяч были пленными или заперты в отдаленных гарнизонах, а сто семьдесят пять тысяч погибли или пропали без вести; следовательно, сто тысяч или около того остались при оружии и готовы к действительной службе. Различными указами императора и сената еще девятьсот тридцать шесть тысяч были призваны к оружию: сто шестьдесят тысяч из сословий между 1804 и 1814 годами, независимо от того, служили они когда-то или нет; сто шестьдесят тысяч из сословий 1815 года; сто семьдесят шесть тысяч пятисот человек должны были быть зачислены в регулярную национальную гвардию и сто сорок тысяч - в ополчение; наконец, при всеобъемлющей зачистке из всех сословий между 1804 и 1814 годами включительно должны были быть привлечены все возможные люди. Было подсчитано, что это даст еще триста тысяч.

Значение этих огромных цифр легко преувеличить, поскольку неспециалисту показалось бы, что они означают, что должен быть взят каждый мужчина, способный носить оружие. Но это было далеко не так; вопреки общему впечатлению, население Франции неуклонно увеличивалось. Несмотря на все кровавые распри иностранных и гражданских войн, число жителей росло со скоростью полумиллиона человек в год, и страна могла бы, вероятно, обеспечить втрое большее количество населения, чем было заявлено. Более того, менее трети из девятисот тридцати шести тысяч когда-либо были организованы, и не более восьмой части из них сражались. Эта диспропорция между планом и выполнением была частично вызвана неспособностью чиновников или, что еще хуже, частично народным сопротивлением, которое не было вызвано недовольством. О состоянии страны красноречиво говорит тот факт, что даже ненавистные летучие колонны с их тщательной процедурой не смогли найти мужчин, особенно отцов, мужей и единственных сыновей, которые были единственной опорой многих семей. Поля обрабатывались лопатами женщин и детей, потому что не было ни лошадей, чтобы тянуть их, ни мужчин, чтобы держать плуги. Государственные ломбарды были переполнены, а государственные склады ломились от промышленных товаров, для которых не было рынка сбыта; государственные ценные бумаги стоили меньше половины своей номинальной стоимости, валюта исчезла, и ростовщичество было безудержным. И все же кажется несомненным, что четыре пятых людей не связывали ни одно из этих несчастий с наполеоновской империей. Поколение, достигшее зрелости при Наполеоне, видело только одну сторону его деятельности: величественные общественные работы, которые он начал, славу Франции и великолепие империи в периоды мира, истощение и унижение ее врагов в длинной череде великопленных

кампаний — все это они ассоциировали с императорским правлением и желали того, что, по их мнению, было простой вещью, Империи и мира.

Другой пятый, однако, был полностью возбужден. Когда девятнадцатого декабря собрался законодательный орган, и дипломатическая переписка была так искусно составлена и представлена, что союзники казались непримиримыми, под бурные аплодисменты подавляющим большинством было принято обращение к трону, в котором фактически содержался призыв к возвращению к конституционному правлению в качестве платы за дополнительные военные поставки. В трезвые моменты даже самые ярые либералы испытывали стыд, чувствуя, что сейчас неподходящий момент для дезорганизации такой администрации, как это было при призывах к реформе конституции. Только один вопрос был насущным - об ужасной ответственности, которую они несли за национальную идентичность. Широкая общественность была настолько возмущена этим зрелищем, что депутаты пересмотрели свое решение и двумястами пятьюдесятью четырьмя голосами против двухсот двадцати трех вычеркнули этот возмутительный пункт. Но это не успокоило Наполеона, который не пытался скрыть своего гнева и презрительно оглядел зал заседаний. Его вполне поддерживало почти всеобщее убеждение, что в такой момент нет времени для переговоров по абстрактным вопросам политических прав; но у каждого придиричвого депутата были друзья дома, и в условиях кризиса, когда само существование Франции было поставлено под угрозу, реакционные радикалы подняли волну возмущения. Роялисты хранили молчание тогда и месяцами позже, довольствуясь едкими намеками или остроумными двусмысленностями; пили, например, за "последнюю победу императора", когда газеты объявляли "о последней победе императора".

Первый призыв из классов 1808-1814 годов был полностью успешным, вторая попытка извлечь из них информацию потерпела полный провал; попытка предотвратить призыв 1815 года встретила сопротивление и была оставлена. Организовать ополчение и резервы было невозможно, поскольку они взбунтовались или сбежали, и местную опасность приходилось предотвращать с помощью местных добровольцев, которые были обозначены как "оседлые", потому что им нельзя было приказать уйти. К концу января на общую службу было набрано не более двадцати тысяч человек из всех классов, кроме первого, — по крайней мере, примерно столько же было в различных учебных лагерях. Чтобы вооружить новобранцев, Наполеон прибегнул к своим личным средствам, взяв для этой цели пятьдесят пять миллионов франков из хранилищ Тюильри. Оставшиеся десять были периодически переведены в Блуа. Но за все его сокровища нельзя было купить то, чего не существовало. Лучшие военные склады находились в сердце Европы; французские арсеналы могли позволить себе только устаревшие и почти бесполезные припасы. Новобранцы были вооружены, некоторые дробовиками и ножами, некоторые старыми мушкетами, пользоваться которыми они не умели; по большей части они были без формы и носили шляпы, блузы и сабо. Лошадей и вполтину не хватало для скудной артиллерии и кавалерии. Хуже всего было то, что не было времени на изучение руководства и тактики. Однажды мальчик-призывник был найден бездейственным под яростным ружейным огнем; с бесхитростной отвагой он заметил, что, по его мнению, мог бы прицелиться не хуже любого другого, если бы только знал, как заряжать свое ружье!

НАПОЛЕОН В 1813 ГОДУ

С картины Эймабле-Луи-Клода Пагнеста.

Недовольные, хотя и немногочисленные, были могущественны и активны, подкупая префектов и гражданские власти любыми способами, издавая прокламации, обещавшие все и вся, и добывая планы укрепленных мест для союзников. Талейран начал изрекать пророческие намеки о мстительности союзников, дезертирстве Мюрата, разграблении Парижа и различные полуправды, более опасные даже, чем ложь. Воздух был настолько полон слухов, что, хотя широкого революционного движения не было, время от времени возникали серьезные панические настроения; город Шомон сдался одинокому вюртембергскому всаднику. Но когда население страны в целом начало задаваться вопросом, кем может быть грядущий Бурбон и что он возьмет взамен у нынешних владельцев королевских и церковных поместий, они были поражены. Люди в городах с некоторым удовлетворением слышали звуки "Марсельезы", которые по приказу имперских агентов вновь были исполнены на улицах ручными шарманками. Наполеон прогуливался по улицам Парижа без сопровождения и был встречен бурными аплодисментами; императрица и ее маленький сын с драматическим успехом появлялись на публичных мероприятиях, и народное остроумие окрестило мальчика-призывника именем "Мария Луиза". Маленькие человечки проявили мрачную решимость и, в конечном счете, возвышенное мужество, но они так и не смогли обрести ту стойкость ветеранов, которая побеждает в битвах. Журналы, театры, мюзик-холлы и публичные балы управлялись в интересах имперского патриотизма; имперская тирания безжалостно расправлялась с подозрительными личностями. Тем не

менее, у империалистов были свои сомнения, и многие, подобно Савари, бросили якорь с наветренной стороны, складировав сокровища в отдаленных точках и отправляя свои семьи в безопасные убежища. В целом, расстановка общественного мнения на открытии 1814 года была в подавляющем большинстве империалистической как в городах, так и в стране. Люди страстно желали мира, но они хотели его с честью и в рамках Империи.

То, что империя стремилась к миру, казалось, было доказано шагами по освобождению двух ее самых важных узников, короля Испании и папы римского. Веллингтон считал, что если бы первое было отправлено непосредственно в его королевство восьмого декабря, в день подписания условий между ним и императором, Англия сочла бы дальнейшее ведение войны невозможным. Талейран, уже погрязший в роялистских заговорах, должно быть, придерживался того же мнения, поскольку он не советовал спешить, но хитро намекнул своему пленнику, что временное правительство Испании может отказаться признать его королем, если договор об освобождении не будет предварительно ратифицирован кортесами. Соответственно, это было передано им, и, поскольку либералы желали, чтобы их новая конституция была одобрена королем не по принуждению, под их влиянием она была отклонена. Только в марте 1814 года Фердинанд был безоговорочно освобожден, и эта задержка оказалась фатальной для интересов Наполеона в Испании. Либералы больше не могли бороться за свободные институты, потому что тогда было ясно, что династическому консерватизму Европы суждено одержать временную победу. Примерно через шесть месяцев король Фердинанд положил конец шестилетней прогрессивной работе, и Испания вновь скатилась к абсолютизму и церковничеству со всеми сопутствующими им пороками. Тем не менее Франция истолковала поведение императора как свидетельство искреннего стремления к миру, и это чувство усилилось после абсолютно безоговорочного освобождения папы двадцать второго января. Эта явно любезная уступка возымела действие на массы, которые не знали, в отличие от императора, что союзники уже находятся на французской земле.

Уже на следующий день Наполеон совершил свой последний официальный поступок, который отличался большим мужеством как физическим, так и моральным. Национальная гвардия в Париже была реорганизована, но ее лидеры никогда не отличались полной лояльностью, многие из них были роялистами, некоторые - радикальными республиканцами, и недовольство обоих классов усилилось в результате недавних событий. Но офицеры, тем не менее, были вызваны в Тюильри; риск удваивался из-за того, что они пришли вооруженными. Выстроившись в огромном зале, известном как зал маршалов, они замерли в ожидании; огромные двери распахнулись, и туда вошел император в сопровождении только своей супруги и их ребенка на руках его гувернантки, мадам де Монтескью. Наполеон просто объявил, что собирается встать во главе своей армии, надеясь с Божьей помощью и доблестью своих войск изгнать врага за границы. Наступила тишина. Затем, взяв в одну руку руку императрицы и ведя вперед своего ребенка за другую, он продолжил: "Я вверяю императрицу и короля Рима мужеству национальной гвардии". По-прежнему тишина. Через мгновение, с трудом сдерживая эмоции, он заключил: "Моя жена и мой сын". Ни один великодушный француз не устоял бы перед таким призывом; подчиняясь спонтанному порыву, слушатели толпой двинулись вперед и сотрясли сами стены своим криком: "Да здравствует император!" Многие проливали слезы и, удаляясь в почтительном молчании, чувствовали, как в их сердцах зарождается новое чувство преданности. Накануне своего отъезда император получил обращение с многочисленными подписями от тех самых людей, в лояльности которых он до сих пор имел все основания сомневаться.

Было четыре часа утра двадцать пятого января, когда Наполеон отбыл в Шалон. С этого момента он больше не был императором. В течение долгих зимних ночей, только что прошедших, он работал с интенсивностью и лихорадочной активностью, которой никогда не превосходил, не щадя ни себя, ни других, не обращая внимания на предрассудки или честную оппозицию, призывая каждого француза пожертвовать всем ради Франции, которой, как он яростно утверждал, он сам был более необходим, чем она ему. Если он искренне поверил в то, во что верили миллионы других, в этом не было ничего удивительного; отныне у него была только одна цель — доказать, что он, как и прежде, первый генерал Франции, единственный, кто способен спасти страну в час, когда вся ее слава рушилась вокруг нее. Его стратегические планы, огромные и запутанные, какими были его задачи, были полными и превосходными. Первый был направлен на предотвращение вторжения через Льеж, самый прямой путь, который предпочитала Пруссия. Второй, который был частично оборонительным, в конечном итоге был использован против неуклюжей формы наступления, фактически выбранной захватчиками. Из двух первый был более блестящим, но второй был почти таким же умным. Им берег Рейна был разделен на три части в целях обороны. Макдональд был размещен в Кельне для защиты нижнего течения; Мармон должен был охранять центральный участок, и они вдвоем разделили между собой остатки армии, которая была изгнана из Германии; Виктор был размещен на верхнем течении, чтобы командовать гарнизонами крупных пограничных укреплений и подкреплять себя новыми рекрутами; Бертран остался в качестве своего рода тылового поста на правом берегу реки в Кастеле, напротив Майнца. В целом, поначалу у этих генералов было всего пятьдесят тысяч человек.

Союзники не успели завладеть центральной Европой, как превзошли ее недавнего хозяина во всех видах поборов. Страны, образовавшие Рейнскую конфедерацию, были вынуждены почти удвоить численность контингентов, которые они собрали для Франции, и организовать каждого способного к обороне человека в первую или вторую линию резервов, называвшихся старыми феодальными терминами бан и арьер-бан. В то же время союзники потребовали и получили от Великобритании новые субсидии как деньгами, так и оружием. В трех армиях Австрии, Пруссии и России, стоявших на Рейне, к первому января было готово около двухсот восьмидесяти пяти тысяч человек. К концу февраля в списках вооруженных сил Франции, за исключением национальной гвардии, значилось в общей сложности шестьсот пятьдесят тысяч человек; коалиция, включая Англию, зарегистрировала почти миллион. За вычетом сорока процентов, чтобы покрыть все недостатки, мы можем сказать, что Франция, имея в рядах триста девяносто тысяч мужчин и юношей, противостояла Европе с шестьюстами тысячами взрослых мужчин. Эти цифры включают французские армии в Каталонии, на Пиренеях, в Италии и Нидерландах вместе с гарнизонами во всех укрепленных пунктах, которые тогда удерживала Франция по обе стороны Рейна; они также включают российские, австрийские и прусские резервы, а также национальные армии Голландии, Испании и Италии.

Помимо центробежных сил, присущих коалиции, была одна, которая угрожала ее распаду: взбалмошный характер великого гасконца, представлявшего Швецию. Первой заботой Бернадотта после битвы при Лейпциге было двинуться на север и заполучить долгожданный приз в виде Норвегии. Всегда помня о намеке на французскую корону, который Александр бросил в качестве еще одной приманки в Або, он дал в качестве прощального напутствия прозрачный совет, что предстоящая кампания должна быть ограничена пограничным вторжением во Францию, и в Гамбурге он фактически предложил

Даву в качестве цены капитуляции безопасное возвращение для него и его армии на родину! Это было уже чересчур; Александр пришел в ярость, и интригану было безапелляционно приказано оставить перед городом достаточные силы для наступления и возвращаться с остальной частью своей армии на нижний Рейн. Там ему было позволено пребывать в праздности, поскольку возложенной на него задачей было наблюдение за Нидерландами; два его лучших корпуса были отозваны у него и переданы Блюхеру.

Не был свободен и Наполеон от своей занозы во плоти. В бюллетене, опубликованном им после отступления из Москвы, был отрывок, в котором содержалось некоторое порицание Мюрата за отсутствие стабильности. Это горько возмущало и короля Неаполя, и его супругу, последняя в своей переписке грубо оскорбляла своего брата. Это был прекрасный предлог для дезертирства, когда всеобщий крах казался неминуемым, и в Эрфурте лихой и доблестный, но слабый и вспыльчивый монарх бежал. Пospешив на юг, он сразу же заключил союз с Австрией, а затем, встав во главе восьмидесяти тысяч неаполитанцев, двинулся на Рим, ведя ужасающую прокламационную войну. Эжен тоже — и это была стихийная катастрофа — фактически потерпел поражение из-за дезертирства своего тестя, короля Баварии, которое открыло Тироль для союзников. В результате была потеряна вся Италия. Ожеро, чья слабая лояльность к Наполеону уже была на грани исчезновения, было поручено набрать сорок тысяч новобранцев, собрать всех отставших солдат, которых он сможет найти на юго-востоке Франции, и держать открытыми двери из Италии для некоторых или всех ветеранов Эжена, с помощью которых, как надеялся маршал, он сможет сформировать армию для защиты Вогезских гор. Но Эжен, сражавшийся в нерешительной битве при Ровербелло и оказавшийся в плачевном положении как с военной, так и с политической точек зрения, не мог прислать подкреплений до апреля, когда, наконец, он заключил перемирие, освободив свою армию. Таким образом, Ожеро оказался против Бубны в Женеве с неэффективными силами и без особого желания использовать то, что у него было. Это положило конец грандиозному плану Наполеона по объединению сил Италии, Неаполя, Швейцарии и Франции.

Теперь Пруссия была самым способным и злейшим врагом Наполеона, Штейна, Блюхера, Гнейзенау и их друзей, стремившихся ни к чему иному, как к уничтожению наполеоновской державы. Это было, без сомнения, отчасти вызвано жадной мести; но в основном это было вызвано стремлением к такому руководству в Германии, которое распространило бы за границей новые доктрины либеральной и конституционной монархии, чтобы ограничить постоянно растущее влияние Австрии. Советы союзников представляли собой забавное зрелище. Пруссаки настаивали на немедленном наступлении по наилучшему для вторжения направлению, а именно из Льежа и Брюсселя; но австрийцы, за исключением Радецкого, отступили, опасаясь Пруссии почти наравне с Францией. Царь удерживал равновесие, но его чаши были очень чувствительны, часто склоняясь в сторону Пруссии, но в конце концов соглашаясь на компромисс, предложенный Шварценбергом и Меттернихом. Подражая Наполеону в его практике военных реквизиций, союзники теперь решили подражать ему в презрении к международному праву и нарушении нейтралитета Швейцарии. План, который они приняли, состоял в том, чтобы перебросить свою главную армию во Францию через Базель и таким образом повернуть линию нахмуренных крепостей за Рейн, а также за горы Вогезы. Блюхер должен был пересечь средний Рейн, а Бюлов с тридцатью тысячами человек должен был сотрудничать с английскими войсками под командованием Грэхема в Нидерландах. Весь план не был военным, но он в точности устраивал Меттерниха, который, впервые узнав тринадцатого января о договоренности Бернадотта с царем по поводу

короны Франции, был очень встревожен. И он, и Шварценберг хотели, по возможности, положить конец войне на границе; могущество Пруссии и амбиции Александра на европейское господство были гораздо опаснее для Австрии, чем наполеоновская империя, ограниченная Францией.

Блюхер, оставив двадцать восемь тысяч человек перед Майнцем, девятого января переправился через Саар с сорока семью тысячами; Шварценберг с основной армией, построенной в четыре колонны, численностью в двести девять тысяч человек, переправился через Рейн в Базеле или около него и двинулся к Лангру. Тонкие, разрозненные французские колонны начали концентрически отступать к Шалону на Марне. В начале второго этапа кампании Блюхер окружил мозельские крепости и продвигался менее чем с тридцатью тысячами человек к Арси на реке Об; Шварценберг находился в Лангре и его окрестностях; а французы были сосредоточены на линии от Витри-ле-Франсуа до Сен-Дизье. Наполеон прибыл в Шалон двадцать шестого числа, оставив Жозефа представлять его в Париже. Хитрый стратег, какой бы слабой ни была его сила, на мгновение получил преимущество над своим неповоротливым противником, вклинившись между вторгшимися армиями и будучи достаточно сильным, с сорока тысячами солдат в своих рядах, чтобы справиться с Блюхером.

ГЛАВА VI

ВЕЛИЧАЙШЕЕ УСИЛИЕ НАПОЛЕОНА [\[6\]](#)

Плодовитость гения — Битвы при Бриенне и Ла Ротьере — Отступление французов — Победа при Шампобере — Победа при Монмирале — Победа при Вошане — Успех порождает заблуждение — Неискренность союзников — Их противоречивые интересы — Шатийонский конгресс — Промедление Наполеона — Победа Франции и французская дипломатия.

1814

1814 год - самый удивительный в военной жизни Наполеона. Сначала он разработал план объединения ресурсов Италии, Швейцарии, Неаполя и Франции. Это не удалось из-за лени Ожеро и неблагодарности Мюрата. Ничуть не обескураженный, плодovitый мозг затем наметил планы противодействия быстрому продвижению союзников через Нидерланды, защиты границы по Рейну и *массового* призыва французского народа отразить вторжение под стенами Парижа. После выхода на поле боя смелость его замыслов, быстрота его движений, сюрпризы, которые он готовил своему врагу, поддержка, которую он получал от истощенной страны, преданность, которую он получал от запыхавшейся, плохо одетой армии, оказавшейся в страхе, - все это настолько примечательно, что по контрасту союзники кажутся неуклюжей, тупой массой. С другим противником они предстали бы в совершенно ином свете; ясная голова Гнейзенау, отвага Блюхера, здравый смысл и мужество Радецкого, вместе с доблестью войск, стоящих за ними, гораздо легче достигли бы цели, если бы обычный или даже экстраординарный боец оказался в бедственном положении Наполеона. Император Франции обладал не просто престижем, стоившим ста тысяч человек, как он

любил считать: у него была активность ума и тела, запас ресурсов, благодаря которым его единственный клинок покрывал всю линию обороны, подобно вращающимся спицам огненного колеса.

После стычки за обладание Сен-Дизье кампания открылась при Бриенне, где Блюхер, спешивший соединиться с основной армией союзников, был схвачен двадцать девятого января. Конфликт, вероятно, не напомнил Наполеону его инсценировку конфликта, когда школьник находился рядом с тем же местом. Ужасающая битва началась ближе к вечеру и продолжалась с полной яростью до полуночи, когда прусский генерал, чудом избежав пленения, покинул город и поспешил к Транну. Полностью разбитый, он нуждался не в одиночку, а в действительном союзе с австрийцами, и этого он добился близ Бара на реке Об, откуда Шварценберг двигался дальше к Осеру. Не зная об этом успехе, Наполеон теперь выстроил свою линию с центром у Ла Ротьера, надеясь, во-первых, удержать мост через Об у Лесмона и таким образом закрепить моральный эффект своей победы при Бриенне, а во-вторых, завязать еще одно сражение с Блюхером, который, как он полагал, все еще находился в изоляции. Мармон был в Монтьерендере, Мортье вызвали из-под Труа. Эта позиция Наполеона была отчаянной попыткой внушить благоговейный страх союзным державам, поскольку стратегически она была фатальной, поскольку в случае победы или поражения французской армии грозила опасность быть обойденной с фланга наступлением Шварценберга и, таким образом, отрезанной от Парижа. Первого февраля Блюхер, усиленный двенадцатью тысячами русских гвардейцев, атаковал. Сражение длилось с переменным успехом для союзников в течение двух дней, и по его окончании Наполеон благополучно отступил за реку Об, чтобы еще раз укрепиться в Труа. Различные конфликты были ужасающими; в конце концов Блюхер потерял шесть тысяч убитыми и ранеными, французы - около четырех тысяч. Шансы против последних никогда не были меньше двух к одному, иногда и больше. Если бы союзники сначала бросили в бой все свои силы, а затем довели свою победу до хорошо организованного преследования, кампания на этом бы закончилась. Как бы то ни было, они сделали паузу, позволили дезорганизованному, слабому врагу сбежать и ничего не получили от кровавого конфликта, кроме необоснованной уверенности в себе. Вечером в день битвы Блюхер написал, что они будут в Париже через восемь дней. Генералу Ренье, который должен был быть освобожден путем обмена пленными, царь сказал: "Мы будем в Париже раньше вас". Был созван военный совет, на котором было решено наступать на столицу Франции двумя колоннами; Блюхеру, как завоевателю Ла-Ротьера, была отведена кратчайшая линия, которая проходила вниз по Марне.

В течение нескольких дней линии обороны союзников продвигались вперед, медленно, широко рассеянно и небрежно. Наполеон был спокоен и неустрашен, как если бы он был победителем. Переходя к обороне с тщательной обдуманностью, он укреплял свои силы, тщательно выбирая периоды отдыха и спешно доставляя подкрепления с различных складов в окрестностях Парижа и за его пределами. Днем девятого февраля, уезжая из Ножана в Сезанн, он написал своему брату Жозефу, которого оставил представлять свои интересы в Париже, что теперь он может рассчитывать, в общей сложности, на шестьдесят-семьдесят тысяч человек, включая инженеров и артиллерию; что он оценивает силезскую армию под командованием Блюхера в сорок пять тысяч, а основную армию под командованием Шварценберга в сто пятьдесят тысяч, включая Бубну и казаков. "Если я одержу победу над силезской армией и потеряю ее из виду на несколько дней, я могу повернуться против Шварценберга, рассчитывая на подкрепление, которое вы пришлете,

численностью от семидесяти до восьмидесяти тысяч человек, и я думаю, что он не сможет выступить против меня сразу более чем со ста десятью-ста двадцатью тысячами. Если я окажусь слишком слаб, чтобы атаковать, я буду, по крайней мере, достаточно силен, чтобы сдерживать его в течение двух-трех недель, и это даст мне возможность для новых комбинаций ". Чтобы временно удержать Шварценберг, Удино с двадцатью пятью тысячами человек был размещен на линии от Провена до Сена, а Виктор с четырнадцатью тысячами был направлен к Ножану. Сам император со старой гвардией численностью около восьми тысяч человек, с Ней и Мармоном под командованием каждого по шесть тысяч пехотинцев и с десятью тысячами кавалеристов под командованием Нансути и Думерка выступил из Сезанна, чтобы попытаться счастья у Блюхера.

Это был последний из великих стратегических планов Наполеона, которому суждено было увенчаться успехом. У него был лишь один недостаток. В то время как Наполеон все еще был самым смелым человеком на войне, который когда-либо жил, каким он объявил себя на острове Святой Елены, его маршалы были встревожены и подавлены; Мармон в этот момент бесконечных шансов, как ему казалось, впал в панику. Опасения маршала не оправдались, ибо смелость его императора не была безрассудной. Это было рассчитано на мириады шансов, выпадающих на долю его врага, и на способности его врага, и в данном случае это было идеально рассчитано. Блюхер, несмотря на постоянные предупреждения Гнейзенау, был чересчур самоуверен. Рассредоточив свои отряды больше, чем когда-либо, он в течение двух дней быстро продвигался в надежде отрезать Макдональда лихим боевым подвигом. В своей спешке он не отвел два русских корпуса, которые были отделены от его основной линии, а, напротив, оставил их так далеко, что они были вне всякой поддержки. Из-за грубой ошибки царя обещанные подкрепления все еще находились на большом расстоянии в тылу. Движения Шварценберга были отмечены чрезмерно уверенной обдуманностью, столь же характерной для него, как чрезмерная поспешность для Блюхера. Соответственно, когда десятого числа Мармон выступил из Сезанна, он обнаружил корпус Олсуфьева численностью около сорока пятисот человек практически изолированным у Шампобера. Его собственная численность была немного выше, и стремительным броском он уничтожил неготовых русских. Наполеон был вне себя от радости и снова заговорил о Висле; но он замолчал, увидев, как помрачнели лица Мармона и других маршалов при одном упоминании о такой идее. Тем не менее, если бы процесс, начатый при Шампобере, мог быть продолжен, победа и окончательное восстановление чего-то большего, чем французская империя, были бы гарантированы. Поэтому он поспешил с Нансути и Макдональдом к Монмирайлю для второго удара того же рода.

Сражение при Монмирайле было более ожесточенным, чем при Шампобере, поскольку Блюхеру удалось собрать дивизии Сакена, Йорка, Клейста и Капзевича. Сражение началось примерно за час до полудня одиннадцатого числа ожесточенным артиллерийским огнем французов, за которым Наполеон маневрировал так, чтобы сосредоточить свои собственные силы против русских и отделить их от Йорка своими пруссаками. В два часа дня Наполеон атаковал русских, а Мортье вступил в бой с пруссаками по отдельности. План удался, и к наступлению темноты противник полностью отступил к Шато-Тьерри, где находился ближайший мост через Марну. Наполеон надеялся, что Макдональд прибудет из Ла-Ферте-су-Жуар вовремя, чтобы захватить мост, отрезать пути отступления и сделать победу решающей. Но, несмотря на героические усилия, этот маршал не мог или не умел передвигаться с достаточной скоростью по тяжелым грунтовым дорогам. Летучие союзники разграбили город с ужасной жестокостью и разрушили мост, не причинив никакого вреда, за

исключением жителей, которые отомстили многочисленным отставшим. Тринадцатого французы заняли это место, отремонтировали мост и переправились на правый берег. На следующее утро Мармон пустился в погоню за Блюхером.

Несколько воодушевленный таким успехом, Наполеон раздумывал, не следует ли ему сейчас развернуться и атаковать Шварценберга. Император думал, что эти победы могли бы дать передышку посредственному австрийцу, всегда помнящему о страшных ударах, которые его страна неоднократно получала от Франции. Он ошибся; Шварценберг продвигался, хотя и медленно, но неуклонно. Двенадцатого числа Виктор оставил мост в Ножане, и Наполеон послал Макдональда с двенадцатью тысячами человек присоединиться к Виктору в Монтеро. Рано утром четырнадцатого пришло известие, что Блюхер загнал Мармона обратно во Фромантьер. К полудню Наполеон соединился с этим маршалом близ Этожа, совершив знаменитый и успешный фланговый марш по болотистой местности, маневр, который по праву считается достойным его великого гения. Продвигаясь затем к окрестностям Вошана, его пехота атаковала спереди, в то время как кавалерия под командованием Груши обошла линию противника с фланга и ударила в тыл. Блюхер, очевидно, был обречен, поскольку у него было всего три кавалерийских полка, и, столкнувшись с одним сильным врагом, он был бы вынужден прорвать ряды другого, чтобы открыть путь к отступлению. Он решил проблему, но огромной ценой. Выстроив свои войска в линию сплошных квадратов, один встал, чтобы поддержать артиллерию и встретить атаку спереди, в то время как другие бросились на всадников Граучи, каждое каре поочередно останавливалось и отступало за следующим, пока продолжалось кровавое отступление. Наконец бойня прекратилась, и Блюхер бежал в Бержер. Французы преследовали его только до Этожа. Наполеон надеялся пройти весь путь до Шалона, уничтожить то, что осталось от армии Блюхера, а затем вернуться и броситься на Шварценберга. Его задержало известие о том, что долина Сены вплоть до Монтеро находится в руках австро-русских; что Удино и Виктор были отброшены обратно в Нанжи; короче говоря, что Парижу угрожает серьезная опасность.

Долгое время утверждалось, что в трех только что описанных действиях французы намного превосходили численностью своих противников и что, следовательно, полководческое мастерство Наполеона было ниже его высокого среднего уровня. Достаточный ответ на этот вопрос содержится в фактах, которые в настоящее время общепризнанны. При Шампобере было четыре тысячи восьмисот пятьдесят французов против четырех тысяч семисот русских; при Монмирайле было двадцать две тысячи семьсот русских и пруссаков против двенадцати тысяч восьмисот французов; а в третьем сражении, близ Этожа, у Блюхера было от двадцати одной тысячи пятисот до десяти тысяч трехсот человек. Поэтому естественно сравнить эти три победы с победами при Монтенотте, Миллезимо и Дего. Но они были намного значительнее. В сорок четыре года Наполеон проявил точно такую же смелость, непоколебимость и мастерство, какие он проявлял в молодости; но вдобавок он преодолел непреклонную враждебность зимы, переменчивую погоду, почти непроходимые дороги, заболоченные поля, которые были почти непроходимы из-за переполненных канав и наполовину замерзших трясин. Он также преодолел силу сопротивления, созданную его собственным примером; ибо здесь были отборные солдаты Континента, которыми командовали люди, за восемнадцать лет привыкшие к трудностям, сменам, быстроте ведения войны, поскольку он сам обучал этому искусству. На мгновение Наполеон, похоже, задумался, неужели союзная Европа ничему не научилась за полпоколения и действительно ли армия, вдвое с половиной превосходящая

его собственную, под командованием генералов-ветеранов, должна была снова отступить за Рейн, Эльбу, Одер, возможно, Вислу. Трудно поверить, что ему снились такие сны, когда мы читаем прозаичную, научную, с твердым здравым смыслом его военную переписку между двадцать шестым января и четырнадцатым февраля. И все же в его политических и дипломатических планах определенно присутствует видимость самообмана и колебаний, вызванных, по-видимому, опьянением успехом, как, например, когда он говорил о Висле Мармону после Шампобера.

Самые сокровенные мысли Меттерниха и связанных с ним дипломатов очень трудно понять. В течение двух поколений мир верил, что после Лейпцига Наполеон в своем сангвиническом тщеславии отвергал предложение за предложением союзников и, наконец, окончательно погиб из-за глупости, которая заставила его поверить, что он может восстановить свое господство. Сейчас есть все основания полагать обратное и предполагать, что Наполеон ясно понимал ситуацию. Война была войной на уничтожение со стороны союзников; в интересах своих династий они намеревались не только уничтожить Наполеона, но и тем самым искоренить идеи, которые он, как предполагалось, отстаивал. В свете недавних мемуаров, особенно мемуаров самого Меттерниха, мы, кажется, вынуждены прийти к выводу, что во всех предложениях после Лейпцига было, во всяком случае, гораздо меньше реальности и искренности, чем в предложениях между Поошвицким перемирием и битвой. Когда Каслри прибыл в штаб союзников в начале января 1814 года, он обнаружил, что они обосновались в Базеле. Шварценберг без затруднений пересек Швейцарию. Женева сдала свои ключи без борьбы, и в целом швейцарцы казались равнодушными к нарушению их нейтралитета. По мере продолжения наступления казалось, что французы были столь же апатичны. Ожеро оттеснил Бубну от Лиона, но Дижон сдался отряду кавалеристов, которые, по просьбе добросовестного мэра, продемонстрировали силу, чтобы оказать ему услугу. При таких обстоятельствах монархам и их министрам было нетрудно убедить себя, что любой мир с Наполеоном был бы не чем иным, как "смехотворным перемирием", и что император Франции в любом случае должен быть окончательно свергнут.

В ответ на предложения Франкфурта тихоокеанский Коленкур незамедлительно прибыл для проведения переговоров. Захватчики почти сразу предположили, что они должны отказаться от франкфуртских предложений и ограничить Францию ее королевскими рамками, то есть отказаться от ее Бельгии с большим портом Антверпен. До сих пор они были согласны, но на этом единодушие прекратилось. Царь желал сначала завоевать Францию, а затем предоставить ей самой выбирать свое правительство; он намеревался захватить всю Польшу и отдать Эльзас Франциску в обмен на Галицию, таким образом сдерживая Австрию как Пруссией, так и Францией, чтобы он мог осуществлять свою волю на Востоке. Меттерних желал восстановления прежнего баланса сил и был настроен на реставрацию Бурбонов. Франциск писал своей дочери, что никогда не отделит ее дело и дело ее сына от Франции. Прусский король и министры желали только такого соглашения, которое обеспечило бы их стране то, что она вернула. Штайн и его сподвижники желали полного унижения своего врага. Каслри говорил с авторитетом казначея; он был полон решимости не допустить попадания Нидерландов под влияние Франции, восстановить Бурбонов и установить в Европе такое прекрасное равновесие, чтобы Великобритания не испытывала помех нигде в мире. Не должно было быть никаких упоминаний о колониальной реституции или нейтральных правах. Будучи второсортным государственным деятелем, он находился под большим влиянием Меттерниха, и они вдвоем

стремились заключить невозможный союз между конституционной свободой и феодальным абсолютизмом.

Пятого февраля в Шатийоне открылся так называемый конгресс.^[7] Следует помнить, что Рейхенбахский мирный договор все еще оставался секретом. Это соглашение было реальностью, стоявшей за Пражским конгрессом, франкфуртскими предложениями и встречами в Мангейме. Следовательно, ни одна из этих встреч не была серьезной; встреча в Шатийоне была еще менее серьезной. Мемуары Меттерниха объясняют все факты: нейтралитет Швейцарии был нарушен австрийским влиянием с целью восстановления аристократической конституции Берна и господства этого кантона; Александр, все еще выдававший себя за либерала, был разгневан этим нарушением международного права и запретил возвращать Во его старому хозяину. Обдуманые действия Шварценберга были вызваны прежде всего робостью, но они сослужили хорошую службу желанию Меттерниха восстановить бурбонов. Утверждалось, и в этом предположении есть большая вероятность, что не только принятый план вторжения во Францию, но и медлительность австрийцев в продвижении к Лангру, к Труа, через долину Сены, вместе с ложной активностью, которую они проявили перед Монтеро, Сеном и Фонтенбло, были частью плана измотать, но не истощить Францию, а затем вынудить ее вернуть своих династических правителей. Блюхер, который жаждал славы и мести, и прусские либералы, которые так стремились сокрушить Францию, чтобы Пруссия могла освободиться от своего милитаризма и создать конституционное правительство, были одинаково взбешены тем, что их приковали к границе. Все эти противоречия и горечь нашли отражение в показных заседаниях Шатийонского конгресса. Наполеон, либо угадавший факты, либо, что более вероятно, информированный шпионами, казался равнодушным и поначалу отказался передать все полномочия Коленкуру; в конце концов маршалы, напуганные перспективой неопределенной войны, начавшейся из-за неудачного упоминания Вислы, настолько проявили свое влияние, что император сдался.

Имя Марет долгое время вызывало отвращение как зачинщика медлительной политики Наполеона в Дрездене, линии поведения, которая, казалось, позволила Австрии присоединиться к коалиции. Среди бумаг этого министра есть отчет о его отношениях с Наполеоном во время конгресса в Шатийоне, который демонстрирует очевидный мотив попытки доказать, насколько миролюбивой на самом деле была его натура. Он заявляет, что после поражения при Ла-Ротьере Коленкур написал паническое письмо с требованием предоставить ему все полномочия для лечения. Марет протянула его императору, умоляя его уступить. Наполеон, казалось, почти не обратил на это внимания, но указал на отрывок из книги Монтескье "Величие и падение римлян", который он случайно читал: "Я не знаю ничего более великодушного, чем решение, принятое монархом, правившим в наше время, скорее похоронить себя под обломками трона, чем принять предложения, которые король не может принять. У него была слишком возвышенная душа, чтобы опуститься ниже, чем ввергли его несчастья." "Но я, сир, — возразил секретарь, — я знаю нечто более великодушное - отказаться от вашей славы, чтобы закрыть пропасть, в которую Франция упадет вместе с вами". "Что ж, тогда, джентльмены, миритесь", - последовал ответ. "Пусть Коленкур сделает это; пусть он подпишет все необходимое, чтобы получить это. Я могу поддержать позор, но не ожидайте, что я буду диктовать свое собственное унижение". Марет проинформировала Коленкура, но тот отказался от ответственности и попросил конкретных инструкций. Император упорно отказывался, но написал письмо, дающее министру "карт-бланш" на принятие любых мер, которые спасли бы столицу. Коленкур

снова потребовал подробностей, и снова Наполеон отказался, настаивая до тех пор, пока Бертран не присоединился к его просьбам к просьбам Маре, после чего он согласился оставить Бельгию и даже левый берег Рейна.

Официальное послание, содержащее эти уступки, должно было быть подписано на следующее утро, восьмого февраля, но в промежутке между ними поступили новости о передвижениях Блюхера. Марет застала императора погруженным в изучение карты. "У меня на руках совершенно другое дело, - было приветствие. - В настоящее время я занят тем, что наношу Блюхеру удар в глаз". Подписание было отложено на неопределенный срок. Десятого числа Александр приостановил работу конгресса под предлогом отказа Коленкура изложить свои собственные или принять предложенные условия. Затем последовали три победы, и Наполеон в ночь на двенадцатое написал Шатийону, требуя предложений Франкфурта. Коленкур настоятельно умолял союзников о перемирии и умолял Наполеона быть менее требовательным. Пруссия и Австрия стремились к перемирию, но Александр упрямо отказывался возобновить конгресс до восемнадцатого, когда все, казалось, изменилось, и все союзники действительно желали мира. Коленкур, предупрежденный письмом Наполеона от двенадцатого числа, отказался вести лечение без подробных инструкций, а поскольку у него их не было, он начал тянуть время. В конце концов, он понес вину за то, что не воспользовался карт-бланшем, когда он у него был, чтобы спасти свою страну, поскольку впоследствии у него не было такой возможности.

ГЛАВА VII

ВЕЛИКИЙ КАПИТАН В БУХТЕ [\[8\]](#)

Неудача Виктора при Монтеро — Уловка Шварценберга — Наступление Франции и отступление Австрии — Попытка Наполеона разделить коалицию — Тщетные переговоры — Шомон—ский мирный договор — Блюхеру едва удалось спастись — пруссаки потерпели поражение при Краоне — Решимость Наполеона сражаться — Его неудачи при Лаоне — Разногласия в штабе Блюхера — Наполеон отбит у Суассона — Реймс - Еще одна фаза затмения Наполеона.

Стремление пруссаков и австрийцев заключить перемирие поначалу было вызвано убеждением, что просьба Коленкура была признанием усталости; согласие царя на возобновление конгресса восемнадцатого числа было вырвано у него военными действиями между четырнадцатым и этой датой. Убежденный, что Париж находится под угрозой, Наполеон оставил Мармон, чтобы удержать Блюхера, и, пятнадцатого числа отправившись к Ла-Ферте-су-Жуар, преодолел со своей армией пятьдесят миль великолепным тридцатишестичасовым маршем, прибыв вечером шестнадцатого со своими людьми, сравнительно свежими. На следующее утро французы начали наступление, а австрийцы отступать к Сене. Виктор должен был в тот же день захватить Монтеро и удерживать мост. Вынужденный выбить австрийский корпус из Вальжуана, маршал достиг своей цели только к шести или семи вечера и, обнаружив, что он окружен наследным принцем Вюртембергским с четырнадцатую тысячами немцев, он просто въехал на передовые посты и затем остановился на ночь. Его пыл был далеко не велик, и хотя,

подобно Макдональду в Шато-Тьерри, он мог чувствовать, что сделал все, что от него требовалось, все же он упустил возможность уничтожить значительную часть сил противника. Одновременно Макдональд продвинулся вперед, пока не встал перед Брэем, в то время как Удино слева оказался перед Провеном. До сих пор наступление Наполеона представляло собой фронтальное движение с целью прикрытия Парижа, но в тот же день, семнадцатого, он выбил Витгенштейна из Нанжи, а затем ожидал прорыва через мост в Монтеро, чтобы помешать Шварценбергу расширить свой фланг до Фонтенбло, что привело бы к окружению правого фланга французов. На самом деле, странные всадники, говорящие на странных чужеземных языках, другими словами, казачьи разведчики, впервые появились в тот же день в Немуре и Фонтенбло, наводя ужас на жителей. Представляется весьма вероятным, что если бы войскам Наполеона удалось быстро продвинуться от Монтеро в начале восемнадцатого, это отрезало бы значительную часть левого фланга Шварценберга. В любом случае император был глубоко разгневан тем, что он считал расхлябанностью Виктора, и унизил его. Униженный маршал признал свою вину, проявив глубокое раскаяние, и вскоре был частично восстановлен в правах, получив под командованием Нея часть молодой гвардии.

Это был третий из маршалов — Ожеро, Макдональд, Виктор, каждый по очереди, — которые с начала кампании демонстрировали физическое и моральное истощение, не позволявшее им достичь высот, на которые рассчитывал Наполеон. "Мы должны надеть сапоги и принять резолюцию 93-го года", - писал император Ожеро; он был совершенно прав: ничто, кроме нерастраченной революционной энергии Франции, не могло спасти его дело. Восемнадцатого числа, после шестичасовой борьбы, французы под командованием Жерара и Пажоля захватили Монтеро. Наполеон остановился в Нанжи, и там Бертье получил под флагом перемирия письмо от Шварценберга, в котором сообщалось, что он прекратил наступательный марш в связи с известием о том, что накануне в Шатийоне были подписаны предварительные условия мира. Вероятно, это была самая низменная уловка, какую когда-либо применяли наполеоновские генералы. Вполне вероятно, что все австрийские марши и контрмарши за последние десять дней были всего лишь шумной видимостью, рассчитанной на дипломатический эффект. Как бы то ни было, перед наступлением Наполеона австрийский командующий дрогнул, и, когда французы были у Монтеро, его колонны уже двигались обратно к Труа, где они выстроились в боевой порядок. Наполеон с негодованием написал Жозефу, что эта уловка, вероятно, была предварительной перед просьбой о перемирии и что теперь он не примет ничего, кроме франкфуртских предложений. "При первой же попытке эти жалкие создания падают на колени". Тем временем он повел свою армию через реку к Ножану и приготовился атаковать Шварценберг.

Но Блюхер не сидел сложа руки; сверхчеловеческими усилиями он собрал и усилил свою армию в Шалоне, а двадцать первого числа появился у Мери на Сене, угрожая левому флангу Наполеона в случае продвижения к Труа. К этому времени пламя французского патриотизма вновь разгорелось в городе и деревне, и, поскольку солдаты были окрылены победой, очевидно, настало время нанести удар при любой опасности. Удино был отправлен с десятью тысячами человек удерживать Блюхер, и эту задачу он фактически выполнил, захватив ту часть Мери, которая лежала на левом берегу реки, и укрепив опорный пункт моста от всех нападающих. Мармон находился в Сезанне с восемью тысячами человек, чтобы прикрыть Париж, а Мортье в Суассоне с десятью тысячами, чтобы предотвратить наступление Йорка и Сакена, Наполеон двинулся на Труа. Был поздний вечер, когда его основная армия была подтянута, и, чтобы оставить время для подхода своего тыла, он

отложил операции до утра. У Шварценберга было семьдесят тысяч человек в строю, но в четыре часа на рассвете двадцать второго августа, оставив на месте переднее построение, достаточное для маскировки своих передвижений, он отступил со своими основными силами за Об.

Прибыв в Бар, австрийский командующий написал двадцать шестого числа замечательное письмо с обоснованием выбранного им курса. Поражение означало бы отступление, но не за Об, а за Рейн. "Дать решающее сражение армии, сражающейся со всей уверенностью, приобретенной в мелких делах, маневрирующей на своей собственной территории, с провизией и боеприпасами в пределах досягаемости и с помощью вооруженного крестьянства, было бы предприятием, на которое меня могла толкнуть только крайняя необходимость". Это отступление придало новый аспект дипломатии Шатийона. Девятнадцатого Коленкур получил депешу от Наполеона, полностью отменяющую карт-бланш; в тот же день Наполеон получил ультиматум от конгресса, написанный несколькими днями ранее, о том, что он должен отказаться от всех приобретений Франции с 1792 года и не принимать участия в мероприятиях, последовавших за заключением мира. Этот последний пункт был скрытым предложением об отречении, получатель пришел в ярость; когда, наконец, его успокоили мольбы Бертье и Маре, он дал такой бессмысленный ответ, который позволил бы продолжить переговоры, но свой контрпроект он адресовал непосредственно императору Франциску. Это был отказ отказаться от Антверпена и Бельгии и решительное повторение франкфуртских предложений. "Если мы не сложим наше оружие, кроме как на условиях наступления, предложенных конгрессом, гений Франции и Провидение будут на нашей стороне".

В послании Наполеона его тестю, как и предполагалось, говорилось о том, что континентальный мир на основе франкфуртского соглашения позволит Франции восстановить свою морскую мощь и продолжить войну с Англией в одиночку. Это был тот клин, который в течение некоторого времени автор предлагал вбить в коалицию, чтобы отделить Австрию от России. Каслри был очень обеспокоен возможным эффектом этого послания, и все дипломаты были сильно встревожены. Их первым шагом было отправить мирный ответ и возобновить свою просьбу о перемирии. Наполеон согласился, но оговорил, что военные действия должны продолжаться во время предварительных переговоров и что в протокол следует включить пункт, объявляющий, что полномочные представители были вновь собраны в Шатийоне для обсуждения заключения мира на основе, предложенной во Франкфурте. Комиссия по согласованию условий перемирия собралась двадцать четвертого числа. О том, что они были настроены несерьезно, свидетельствует депеша Фридриха Вильгельма от двадцать шестого числа Блюхеру, в которой говорилось: "Приостановки вооружений не будет". В тот же день на военном совете, проведенном союзными генералами, было решено сформировать армию вторжения на юге. Блюхеру было поручено совершить отвлекающий маневр в пользу основных сил армии — движение, которое он действительно начал днем ранее, совершив марш вправо. Наполеон, оставив Макдональда и Удино с сорока тысячами человек преследовать Шварценберга, поспешил за Блюхером с оставшимися силами. Двадцать восьмого числа комиссия закрыла свои заседания официальным повторением ультиматума, уже выдвинутого союзными державами.

Причина заключалась в том, что к тому времени ее члены полагали, что Наполеон занят в другом месте. Армия Шварценберга сдержала Удино, и по мере того, как его войска восстанавливали свои силы, к лидеру возвращалась частичная уверенность. Блюхер

направился к Парижу, а Наполеон следовал за ним по пятам, после чего основная армия союзников повернула против войск Макдональда и Удино и гнала их на запад, пока в ходе преследования не достигла Труа, где остановилась, готовая, в случае поражения Блюхера, снова форсировать Рейн. Шатийонский конгресс был официально возобновлен первого марта и продолжал свои бесполезные заседания до девятнадцатого, когда закрылся. Во время этого второго периода никто из важных сановников, кроме Шварценберга и короля Пруссии, не присутствовал; остальные удалились в Шомон, где девятого марта три державы подписали договор с Англией, датированный первым марта, обязывающий их в обмен на ежегодную субсидию в размере пяти миллионов фунтов стерлингов, разделенных поровну, что каждая будет держать на поле боя сто пятьдесят тысяч человек в течение двадцати лет, если потребуются, при условии, что Наполеон не признает границ королевской Франции — бесполезное условие. Этот договор был предшественником того незаконного тройственного союза между Россией, Австрией и Пруссией, которому было суждено не только нанести столь серьезный ущерб самой Англии в последующий период истории, но и остановить на некоторое время распространение либеральных идей по всей Европе.

Блюхер переправился через Марну двадцать седьмого февраля с половиной своих сил, а затем попытался переправиться через Урк, чтобы атаковать Мо с севера. Но его остановили Мармон и Мортье с шестнадцатью тысячами человек, которые у них уже были, а затем, после того как из Парижа прибыло шесть тысяч новобранцев, он был вынужден отступить. Если бы Наполеон прибыл вовремя, он был бы уничтожен. Соответственно, он поспешил вверх по долине Урка со всеми своими силами. Наполеон прибыл на Марну слишком поздно, чтобы атаковать Блюхера в тыл, и после некоторых колебаний относительно того, не следует ли ему вернуться, чтобы завершить свою работу со Шварценбергом, он, наконец, решил, что, поскольку крепость Суассон была в безопасности, а Блюхер, следовательно, должен отступать на восток, он сам может нанести легкий, но сокрушительный удар по прусскому флангу, когда они переправятся через Эн у Фисма. Соответственно, третьего марта измотанные колонны французов перешли Марну. К несчастью, Мармон оставил Суассон на попечение неопытного командира, который сдался почти без сопротивления, когда второго марта Бюлов и Винценгероде, прибывшие из Нидерландов, внезапно появились перед этим местом. Этот счастливый случай позволил Блюхеру не просто найти город-убежище для своих измотанных и дезорганизованных войск, но и пополнить его двумя победоносными и воодушевленными корпусами, которые с тех пор служили ему бесценным арьергардом. Наполеон, которому снова помешали, не выказал никаких внешних признаков отчаяния, которое он, должно быть, испытывал, но пятого марта переправился через Эн и занял Реймс, чтобы, по крайней мере, отрезать Блюхера от любой связи со Шварценбергом. Затем он повернул, чтобы присоединиться к Мармону и Мортье, чтобы оттеснить Блюхера еще дальше на север, чтобы, как он писал Жозефу, выиграть время, достаточное для возвращения через Шалон и атаки на Шварценберга.

Несмотря на все свои разочарования, Блюхер не собирался отступать без удара. Между прусским командующим и его подчиненными существовали постоянные трения, так что разногласия препятствовали оперативным действиям. Тем не менее, после долгой задержки армия была приведена в движение, чтобы возобновить наступление, общий план состоял в том, чтобы двигаться на восток вместо того, чтобы отступать строго на север, пересечь плато Краонн и, спустившись на равнину к северу от Берри, атаковать французов всеми силами, когда они продвигались к Лаону. Наполеон ожидал встретить своего врага под стенами этого города; его быстрое наступление было такой же неожиданностью для

Блюхера, как и наступление Блюхера для него. Таким образом, первое потрясение в битве произошло при Краонне шестого числа, когда ни одна из армий не была готова. Но Блюхер обеспечил себе преимущество позиции. Хотя у него была только часть его сил, войска, которые у него были, находились на господствующем плато над противником, когда начались боевые действия. Однако перестрелки первого дня были нерешительными. Поскольку Наполеон плохо разбирался в этом районе, он стремился получить от жителей как можно больше информации. Кто-то случайно упомянул, что мэра соседнего города звали де Бюсси, и Наполеон, обладавший поразительной памятью, вспомнил, что в полку Ла-Фер у него был товарищ с таким именем. Мэр оказался бывшим лейтенантом, и с чрезмерным усердием бывший друг выложил ничего не стоящую информацию, которая заставила императора поверить, что завтра останется рассеять только арьергард Блюхера. Но это было не так. Блюхер изо всех сил старался собрать свою кавалерию и артиллерию, в то время как Сакен вместе с русскими стоял стеной, отражая последовательные атаки Нея и Виктора в течение всего дня. С наступлением темноты прусский командующий, обнаружив невозможность собрать пушки или всадников по обледелым полям, отдал приказ к отступлению, и его армия двинулась к Лаону.

Хотя Краонн был победой, потери французов были пропорционально больше, чем у противника, и преследование, хотя и энергичное, не принесло никаких преимуществ. "Молодая гвардия тает, как снег; старая гвардия стоит; моя конная гвардия также значительно сокращена", - таковы были слова из личного письма Наполеона. И все же он настаивал. Ночь на седьмое он провел в придорожной гостинице под вывеской "Ангел-хранитель". Там его нашел последний гонец Коленкура из Шатийона. Конгресс все еще заседал, но воин знал, что этот факт ничего не значил и не мог значить для него; хотя союзники увеличили свои требования пропорционально своим победам, они не уменьшили их пропорционально своим поражениям. Какие бы условия он ни принял и что бы ни сказал Меттерних, он был уверен, что эта война направлена на его уничтожение. Как он сказал тогда и там, это была бездонная пропасть, и он добавил: "Я полон решимости быть последним, кого она поглотит". Поэтому он ничего не ответил и провел ночь, завершая свои планы битвы при Лаоне.

Это место стоит на террасированном холме, несколько круто поднимающемся над равниной, и на протяжении всего ВОСЬМОГО Блюхер расставлял свою армию в городе и по обе стороны от него, что само по себе, конечно, было ключом к успеху. Наполеон, твердо веривший в подобные передвижения на дружественной территории, совершил долгий ночной марш. Рано утром девятого числа он достиг передовых позиций противника и разгромил их. В семь часов Ней и Мортье начали сражение под покровом тумана и захватили две деревушки у подножия холма. Мармон был справа и уже был отрезан от центра отрядом казаков; но он атаковал деревню Атиес. После долгого дня упорных боев ему удалось захватить часть его. Поскольку дальнейшие усилия были невозможны, его люди расположились бивуаком, в то время как сам он удалился с удобствами в Эппес, замок в трех милях отсюда. Был полдень, когда Наполеон узнал, что Мармон был отрезан от линии фронта; он немедленно возобновил атаку на Лан, но, хотя он захватил Клэси слева от себя, он потерял Ардон и, таким образом, был более чем полностью отрезан от Мармона. В ту ночь Йорк застал людей Мармона врасплох и наголову разбил их.

Наполеон узнал об этой катастрофе вскоре после полуночи. Он был, конечно, глубоко взволнован — осмелится ли он рискнуть быть разоблаченным с обеих сторон, или ему следует бросить вызов своей судьбе, чтобы ввести врага в заблуждение? Он избрал отчаянный путь и, когда рассвело, стоял, по-видимому, ничуть не смутившись. Даже когда прибыли два беглых драгуна и подтвердили во всех подробностях ужасные новости из Атиеса, он отдавал приказы так смело, как будто его армия все еще была целой. Это была отчаянная уловка, но она увенчалась успехом, так как преследование людей Мармона было остановлено. В четыре часа основная французская армия начала отступление, и на следующее утро произошло это в Суассоне; шесть тысяч человек были убиты и ранены. И снова имя Наполеона повергло союзников в бездействующий ужас, поскольку они не стали преследовать противника. Йорку были настолько противны разногласия в штабе Блюхера, что он бросил свое командование и уехал в Брюссель. Блюхер был буквально на исходе своих сил. "Ради всего святого, - сказал Ланжерон, французский беженец на русской службе, которому предстояло передать командование, - что бы ни случилось, позвольте нам забрать труп с собой". "Труп" с затуманенными глазами и дрожащими руками набросал крупными грубыми буквами послание, умоляющее Йорка вернуться, и это, подкрепленное другим посланием от королевского принца Пруссии, вернуло способного, но вспыльчивого беженца.

Тем временем Реймс, вверенный слабому гарнизону, был взят арьергардом Ланжерона под командованием Сен-Приста, другого французского эмигранта, состоявшего на службе союзников. В результате этой катастрофы связь между Шварценбергом и Блюхером была восстановлена. За короткий день, который Наполеон смог провести в Суассоне, он собрал две с половиной тысячи новых кавалеристов, новый линейный пехотный полк, тот же полк ветеранов и несколько артиллерийских подразделений. Нелегко представить себе более замечательную восстановительную силу, чем та, которую таким образом проявили и Франция, и ее император. Эти люди были посланы вперед из Парижа, несмотря на царивший там сейчас глубокий мрак. Наконец-то в столице узнали правду; Иосиф был безнадежен; императрица и ее двор готовились к крайним мерам. Пришли известия, что на юге Сульт отброшен к Тулузе; что на юго-западе зреют заговоры роялистов; что на юго-востоке Ожеро был вынужден вернуться в Лион; Макдональд был готов оставить Провен при первых признаках наступления Шварценберга; и печальная история Лана была раскрыта очень скоро. Тем не менее, административный механизм все еще работал, и солдаты изготавливались из доступных материалов. Те, кого послали в Суассон, были наспех собраны, экипированы и обучены почти безнадежно, но они были драгоценны, поскольку позволили Наполеону перевооружить свои разбитые батальоны.

Мармон неразумно покинул Берри-о-Бак, и это вопреки приказу. Но в остальном он сделал все возможное, чтобы восполнить временную паузу, и собрал в Фисме около восьми тысяч человек. Его рассказы дают наглядную картину ситуации — беспорядка, неразберихи, хаоса среди его войск, артиллерии, обслуживаемой неопытными матросами, необученных рот, у членов которых не было ни головных уборов, ни одежды, ни обуви. Было много трофейной формы и головных уборов, но они были настолько кишаскими паразитами, что французы, как ни жаль было их положение, отказались носить их и цеплялись за свои старые лохмотья. Люди Мармона были героями, сам он еще не был предателем. Хотя он был подавлен сознанием безрассудства Наполеона и, следовательно, не способен на отчаянное самопожертвование, которое сделало бы его подходящим помощником своего вождя, он был готов искупить свой позор при Атии. Ранним утром тринадцатого числа основные силы французской армии выступили из Суассона; в четыре часа пополудни Мармон начал наступление на Реймс. Прибыл сам Наполеон, но его войска подходили медленно, а тяжелой артиллерии, с помощью которой можно было бы пробить ворота, не было. Борьба продолжалась с отчаянной отвагой и доблестью с обеих сторон. Сен-Прист был убит тем же стрелком, чей прицел стал роковым для Моро. "Мы вполне можем сказать, о Провидение! О Провидение!" - писал Наполеон своему брату. В десять часов осажденный гарнизон начал вылазку и обратился в бегство. Наполеон поднялся с медвежьей шкуры, на которой он отдыхал перед бивуачным костром, и, охваченный яростью, чтобы его добыча не сбежала, поспешил к орудиям, которые наконец оказались в пределах досягаемости. Среди ужасного смятения и резни это место пало; три тысячи врагов были убиты, и примерно столько же попало в плен. Горожане обезумели от восторга, когда император вошел маршем, и весь город озарился иллюминацией.

На следующее утро Наполеон и Мармон встретились. Виновного осыпали упреками за происшествие в Атии, и с ним обращались так, как строгий отец мог бы обращаться с нерадивым ребенком. Лучшего доказательства низкого положения императора и не нужно. Теперь Мармон был героем дня; о его грешках вполне можно было забыть ради сохранения его неизменной верности. При Наполеоне в его лучшие времена это, несомненно, было бы так; но, сознавая, что война может продлиться самое большее несколько недель,

отчаявшийся человек переборщил со своей самоуверенностью, став слишком опрометчивым, слишком суровым, слишком надменным. Не то чтобы у него не было какой-то надежды. Хотя в течение двух лет тень на циферблате судьбы Наполеона уменьшалась, и хотя при неблагоприятных условиях рушилась одна блестящая комбинация за другой, тем не менее его идеи были такими же великими, как всегда, приспособление планов к меняющимся условиям никогда не вызывало большего восхищения. Беда была в том, что усилия и результат не соответствовали друг другу, и, поскольку это было так, то то, что было бы пустяковыми проступками в благополучии, казалось ему в несчастье опасными недостатками. Великие государственные и армейские чины, подражая амбициям своего господина, усвоили его слабости, но не смогли заручиться ни его силой, ни его ловкостью. Вместе с ним они утратили тот огонь молодости, который всегда уносил их и его за грань человеческих ожиданий, и поэтому его приятные приспособления привели к раздражающему провалу на самом пороге необходимости. Грубые слова и язвительные упреки быстро забываются в великодушной юности; они терзают в зрелом возрасте; и даже бодрящее обращение или вдохновляющее слово, слышимое слишком часто в течение двадцати лет, не возымевает эффекта. Началом конца стала потеря Суассона в критический момент. Наполеон был неуверенным и обидчивым; его маршалы были переполнены недовольством; население, хотя и вспыхивало, как порох, от его прикосновения, нигде не поднималось *массово*. После этого великий полководец больше не вел упорядоченной войны. Подобно измученному фехтовальщику, он делал выпады то тут, то там в величественном стиле; но его разум был помутившимся, а клинок сломанным. Еще предстояло открыть некоторые неиспользованные запасы силы, опробовать некоторые неиспытанные способы, но конец был неизбежен. Движение на Реймсе было судорожным взмахом умирающего гладиатора.

ГЛАВА VIII

БОРЬБА С ИСТОЩЕНИЕМ [\[9\]](#)

Союзники деморализованы — Отчаянный выбор Наполеона — Битва при Арси — Переписка Коленкура и Наполеона — Паника в штабе Шварценберга — Несовпадение целей союзников - Решимость Наполеона подтвердилась — Его чрезмерная самоуверенность — Решение оставить Париж - Французы остановились — Их замаскированное отступление — Неэффективность Мармона и Ожеро — Марш Наполеона к Сен—Дизье — Его ужасное разочарование — Как союзники раскрыли планы Наполеона — Их решимость продолжать — Решение царя идти на Париж — Успешное возвращение о захватчиках.

Хотя захват Реймса был ненаучным военным ходом и бесполезным с точки зрения конечного результата войны, он, тем не менее, стал решающим ударом. Получив известие из Лана, Шварценберг немедленно двинул свою армию против Макдональда, а Блюхер, выждав два дня, чтобы восстановить порядок среди своих обеспокоенных войск и непокорных лейтенантов, двинулся вперед и осадил Компьень. Взятие Реймса остановило передвижения как австрийцев, так и пруссаков; в обоих лагерях воцарилось смятение, и обе армии начали отступать. Отступая перед Шварценбергом, французы остановились в Нанжи, и жители

Компьяны были избавлены от ужасов осады. "Этот ужасный Наполеон, - писал Ланжерон в своих мемуарах, — они думали, что видят его повсюду. Он побеждал нас всех, одного за другим; мы всегда пугались смелости его предприятий, быстроты его движений и хитроумных комбинаций. Едва мы составили план, как он привел нас в замешательство. " Кроме того, повинаясь призыву Наполеона, крестьянство начало организованную партизанскую войну, мстя за грабежи, поджоги и военные казни союзников жестоким возмездием, которое заставило содрогнуться мародерствующих захватчиков. Наконец, кратковременный испуг последнего перерос в панику, когда в штаб поступило сообщение о том, что Бернадот, бездействующий в Льеже с двадцатью тремя тысячами шведов, разрешил Жозефу пронести к нему флаг перемирия. Могло ли быть так, что хитрый интриган ради достижения своих амбиций управлять Францией собирался стать предателем и предать коалицию?

Но оцепенение союзников было наименее важным результатом захвата Реймса Наполеоном. [\[10\]](#) Это породило в его собственном сознании определенные идеи и цели, о которых велись бесконечные дискуссии. Многие видят в них непосредственную причину его гибели, некоторые считают их самым великолепным порождением его ума. Подкрепления из Парижа, какими бы незначительными они ни были, неуклонно прибывали в его лагерь; и когда он узнал, что и Шварценберг, и Блюхер фактически отступили, он поверил, что снова в состоянии справиться с первым. Соответственно, он продиктовал своему секретарю план трех возможных перемещений: в Арси на Об, через Сезанн в Провен и в Мо для защиты Парижа. Первый был самым смелым; второй должен был отрезать противника от правого берега Сены, но у него был недостаток в том, что войска оставались на грязных перекрестках дорог; третий был самым безопасным. Конечно, он выбрал путь отчаяния — все или ничего. Оставив Мармона с семью тысячами человек в Берри-о-Баке и Мортье с десятью тысячами в Реймсе и Суассоне, он приказал им обоим удерживать линию фронта на Париж против Блюхера во что бы то ни стало, а сам семнадцатого марта направился к Арси на реке Об. Он сделал это вместо того, чтобы двинуться прямо на Мо для защиты Парижа, потому что это, по его собственным словам, "сильно потрясло бы врага и привело к непредвиденным обстоятельствам".

Передвижения Шварценберга в течение следующих трех дней пробудили в Наполеоне подозрение, которое он был только рад принять как несомненное, что австро-русская армия вот-вот отступит в Вогезы или за их пределы; и двадцатого числа он объявил о своем решении двинуться дальше на восток, мимо Труа, к пограничным фортам, все еще находящимся в руках французов. Эта идея об окончательной битве на границе Франции и Германии преследовала его до конца и была "блуждающим огоньком", который периодически искушал его совершить безрассудство. Но в настоящее время его исполнение было вынужденно отложено. В тот же день на линиях, которые он установил вокруг Арси, были получены известия о том, что враг не отступает, а наступает. Вскоре появились французские кавалерийские стрелки, обращенные в бегство галопом, и были остановлены только тогда, когда император с обнаженным мечом бросился им наперерез. Последовало короткое, ожесточенное сражение — шестнадцать тысяч французов против двадцати четырех с половиной тысяч противника. Оно было нерегулярным и нерешительным, но Наполеон выстоял. Соседняя деревушка Торси также подверглась нападению союзников, и перед их наступлением французы сначала сдались. Но защитники сплотились, и с наступлением темноты позиция была отбита. Это внезапное проявление Шварценбергом того, что казалось храбростью, озадачило Наполеона; после долгих размышлений он пришел

к выводу, что вражеские войска, по всей вероятности, были всего лишь арьергардом, прикрывавшим отступление противника. Он ошибался не так уж сильно, но достаточно сильно, чтобы для него это имело значение. Обстоятельства требуют подробного объяснения.

Благодаря непоколебимой настойчивости Коленкура конгресс в Шатийоне все еще заседал, и тринадцатого числа французский делегат написал последнее отчаянное обращение к императору. Его посланец задержался на три дня из-за военных действий; но когда он прибыл шестнадцатого, Маре вырвал у Наполеона уступки, которые включали Антверпен, Майнц и даже Алессандрию. В депеше, извещающей об этом и направленной Коленкуру семнадцатого числа, Маре не сделал никаких оговорок, кроме одной: что Наполеон намеревался после подписания мирного договора обеспечить себе все, на что военная ситуация к концу войны могла дать ему право. Возвращение гонца также задержалось на три дня, и только двадцать первого числа он добрался до окраин Шатийона. Прибыв на место, он обнаружил, что Коленкур уезжает; второй "карт-бланш" был получен слишком поздно. При всем своем мастерстве настойчивый и ловкий министр не смог затянуть переговоры дольше восемнадцатого. Поскольку его призыв не получил немедленного ответа, он несколькими днями ранее отправил верное предупреждение, и оно дошло до Наполеона в Фер-Шампенуаз одновременно с отправлением гонца в Шатийон. Днем ранее император получил плохие новости из южной Франции: что Бордо открыл свои ворота небольшому отряду англичан под командованием Хилла и что герцог Ангулемский был одобрительно встречен народом, когда он публично провозгласил Людовика XVIII королем Франции. Очевидно, ни эта информация, ни предупреждение Коленкура не произвели глубокого впечатления на Наполеона; он хорошо знал своих гасконцев, его "карт-бланш", как он, должно быть, полагал, был в Шатийоне, и в приподнятом настроении он поспешил в Арси, решив максимально использовать время до завершения переговоров.

Когда весть о наступлении Наполеона достигла штаба Шварценберга в Труа, поначалу там не было ничего, кроме паники; сам командующий находился на постели больного, полностью поддавшись тяготам зимней войны. Не успел он отдать приказ о первом отступлении, как его армия проявила лихорадочное беспокойство по поводу дальнейшего отступления. По ходу событий казалось, что различным корпусам из-за отсутствия разумного руководства будет позволено отойти еще дальше таким образом, чтобы еще больше разъединить различные дивизии и последовательно подвергать их уничтожающим ударам Наполеона, подобным тем, которые сокрушили разрозненные части силезской армии. Царь и многие другие немедленно почувствовали опасность. Офицеры, лишившиеся рассудка от страха, предвидели повторение событий с богемской армией Монмирайля, Шампобера и Вошана. Воздух наполнился слухами: крестьянство Вогезов восстает, швейцарцы готовы последовать их примеру; армия должна отступить, пока не была полностью окружена и отрезана. Было даже сообщение — и в это верили так твердо, что оно надолго вошло в историю, — о том, что Александер выразил желание вновь открыть конгресс.

Странная нерешительность Шварценберга на начальных этапах вторжения получила объяснение. Помимо его природной робости, это почти наверняка было связано с политикой Меттерниха, который демонстрировал желание разрушить имперскую власть Наполеона, но сохранить Францию либо для бурбонов, либо, возможно, для зятя своего императора. Если бы австрийский министр смог добиться этого, он мог бы тем самым

поставить мат прусским амбициям на лидерство в Германии. Но во время февральских и мартовских передвижений действия австрийского генерала, по-видимому, были вызваны почти исключительно трусостью. Документы Каслри, Меттерниха и самого Шварценберга призваны создать впечатление, что во время всех событий, произошедших после Пражского конгресса, все было прямолинейно, и что Австрия не думала щадить Наполеона или действовать иначе, чем она поступила в конце концов. Однако свидетельства того времени свидетельствуют совсем о другом: русские в армии Шварценберга были в ярости и, как написал один из них, с подозрением относились "к тому, что мы делаем и чего не делаем". Александр в этот кризис был глубоко озабочен не установлением мира, а упорядоченным, сосредоточенным отступлением. С упрямым фатализмом он никогда не сомневался в конечном исходе; и во время своего пребывания в Шатийоне он проводил часы досуга, обдумывая тщательный план торжественного въезда в Париж, согласно которому почести должны были принадлежать ему самому.

Следовательно, когда девятнадцатого числа он поспешил к постели Шварценберга, это было сделано с целью убедить австрийского командующего продержаться достаточно долго, чтобы обеспечить сосредоточение при отступлении. Эта идея возникла у русского генерала Толля, и местом, которое он предложил для сосредоточения, была линия между Труа и Пуги. Но совет был охвачен ужасом, и, хотя они были готовы прислушаться к настоящему предупреждению Александра, они сначала выбрали позицию дальше в тылу, на высотах Транна. Этим царь был доволен, но, поразмыслив, наиболее смелым из австрийского штаба такой курс показался пахивающим малодушием. Шварценберг почувствовал силу этого мнения, и под влиянием кого-то, вероятно Радецкого, было решено, не советуясь с царем, сосредоточиться близ Арси на левом берегу Оби, чтобы перейти в наступление на Планси. Это независимое решение штаба Шварценберга объясняет присутствие войск союзников близ Арси и в Торси. Александр был сильно разгневан известием об этой встрече и заявил, что истинной целью Наполеона было задержать их, отрезав их соединения на крайне правом фланге в Баре и Шомоне. На самом деле это была близкая к истине гипотеза. Наполеон, хотя и был застигнут врасплох, естественно, утвердился в своем предположении, что вражеские войска были отступающим арьергардом; и в результате он определенно принял самый отчаянный план в своей жизни - план поспешного наступления на Вогезы, призыва крестьян к *массовому* восстанию и вызова гарнизонных войск из пограничных крепостей для усиления своей армии и предоставления ему возможности нанести удар захватчикам с тыла.

Своим отступлением к Труа двадцать второго февраля Шварценберг избежал решающего столкновения, сохранив свою армию и предоставив Наполеону изнурять себя в борьбе с армией Силезии; своим решением от девятнадцатого марта он укрепил Наполеона в убеждении, что союзники внушили благоговейный страх, и таким образом привел своего отчаявшегося врага к величайшей ошибке, какую только можно себе представить, — к этому химерическому плану сосредоточения его незначительных, разрозненных сил на границах Франции и оставления открытым путь для великой армии захватчиков, которая двинется прямо на Париж. На подобном материале иногда строятся современные репутации. Но этого было недостаточно: в третий раз австрийскому генералу предстояло споткнуться о величие. Сосредоточенные действия Наполеона до сих пор не встречали сопротивления, несмотря на их безрассудство; и в течение всего ДЕВЯТНАДЦАТОГО века аванпосты противника, где бы они ни были обнаружены, немедленно бежали. Казалось несомненным, что союзники оставляют линию Сены, чтобы избежать удара во фланг. В тот

вечер Наполеон начал колебаться, постепенно отказываясь от своей идеи о наступлении близ Труа и обдумывая, как лучше всего достичь Витри для дальнейшего продвижения к своим восточным крепостям. Чтобы избежать какой-либо видимости отступления, он отказался от более безопасного маршрута через Фер-Шампенуаз на Соммезу и решил некоторое время следовать по течению Об, прежде чем повернуть на север, к Соммепюи. Он мог наткнуться на вражеский арьергард, но рассчитывал на их малодушие при вероятном отступлении самого последнего человека к Труа. Когда двадцатого числа Ней и Себастьяни начали продвигаться вверх по южному берегу Оби, они не ожидали никакого сопротивления. В то же утро Наполеон объявил своему военному министру: "Я оставляю Труа и со всей поспешностью отправлюсь в свои крепости".

До сих пор император не проявлял безрассудства, о котором так много говорилось позже. Но он обманул себя и принял безумное решение. Более того, удивительно, что он испытывал необоснованную уверенность в том, что Блюхер оставался инертным. Однако эта галлюцинация ясно выражена в депеше Мармону от того же числа. И все же, тем не менее, альтернатива не оставлена без внимания, поскольку он приказал маршалу, в случае, если Блюхер возобновит наступление, оставить Париж и поспешить к Шалону. Это роковое решение не было принято внезапно: о непредвиденных обстоятельствах упоминалось в письме Иосифу от восьмого февраля, и снова из Реймса тому же корреспонденту были даны решительные указания не допустить попадания императрицы и римского короля в руки Австрии. "Не бросайте моего сына, - умолял император, - и помните, что я предпочел бы видеть его в Сене, чем в руках врагов Франции. Судьба Астианакса, пленника греков, всегда казалась мне самой несчастливой в истории. Гонец отсутствовал всего несколько часов, когда пришло известие, что Блюхер возобновил наступление, и был отправлен срочный курьер с вызовом Мармона в Шалон. В этом окончательном решении Наполеон показал, каким космополитом он вырос: он забыл, если вообще когда-либо понимал, крайнюю централизацию Франции; он должен был знать, что Париж потерян, главы страны больше нет и что карликовые конечности практически не способны развить национальную жизнеспособность.

Этот горький урок ему вскоре предстояло усвоить. В знаменательный день двадцатого числа, как уже говорилось, около шестнадцати тысяч французов противостояли почти двадцати пяти тысячам союзников в острых, но нерешительных перестрелках под Арси; потери первых составили тысячу восемьсот человек, у союзников - две тысячи семьсот. Несмотря на масштабы, которые приняли эти конфликты, Наполеон оставался тверд в убеждении, что он имеет дело с арьергардом отступающего противника; Шварценберг, с другой стороны, был убежден, что французы обладают силой, намного превосходящей реальную. За ночь обе армии получили сильное подкрепление, и ранним утром у Наполеона было двадцать семь тысяч пятьсот человек - вполне достаточно, по его мнению, чтобы деморализовать отступающих австрийцев. Было десять часов, когда он отдал приказ о наступлении, направив Ней и Себастьяни на плато за городом. Каково же было их удивление и ужас, когда они обнаружили всю армию Шварценберга, насчитывавшую не менее ста тысяч человек, выстроенной в боевой порядок на равнине к востоку: пехота в три плотные колонны, кавалерия справа и слева, с тремястами семьюдесятью артиллерийскими орудиями на центральном фронте! Зрелище было бы ослепительным для любого, кроме солдата: яркое обмундирование, сверкающие штыки, развевающиеся знамена и сомкнутые ряды. Как бы то ни было, отважные французские стрелки инстинктивно почувствовали неспособность генерала, который мог таким образом собрать армию, как будто нарочно,

чтобы продемонстрировать ее численность и подвергнуть ее уничтожению. Не раздумывая, они начали что-то вроде сложного поединка с конной артиллерией и кавалерией.

Но надежды императора рухнули, когда он узнал правду; при равном численном превосходстве он бы ликовал; в битве с перевесом четыре к одному он не осмеливался рисковать. Себастьяни остался на высотах, чтобы замаскировать отступление, которое было немедленно предпринято, и в половине второго оно началось. Эта уловка была настолько успешной из-за тревог и переправ, имевших место при отходе французов, что союзники снова были охвачены ужасом; даже царь отвергал любое предложение о нападении; снова силы были деморализованы гениальностью. Наконец, однако, разведчики донесли, что колонны французских солдат выходят из-за реки Об, и факты были очевидны. Даже тогда парализованные захватчики боялись атаковать, и только после того, как две трети сил Наполеона оказались за рекой, после ожесточенных боев французский тыл был выбит из города. Корпус Удино переправился через реку последним и, продержавшись до тех пор, пока саперы не разрушили мост, поспешил последовать за основной колонной в направлении Витри. Дивизии Жерара и Макдональда присоединились к маршу, и тогда в строю было сорок пять тысяч человек.

В то время как Наполеон таким образом сводил на нет усилия армий и генералов благодаря известности своего имени, два его маршала были окончательно дискредитированы. Каким бы ослабевшим ни казался Блюхер, как только он освободился от благоговейного трепета перед близостью Наполеона, он начал двигаться. Восемнадцатого он форсировал Энну, и Мармон, не подчиняясь четким инструкциям Наполеона держать открытой линию отступления к Шалону, начал отходить к Фисму, где он соединился с Мортье. Его намерением было удержать Блюхера от поездки в Париж с помощью ложных маневров. Реймс и Эперне сразу же попали во враждебные руки; не оставалось никакого пути в Шалон, кроме длинного объезда через Шато-Тьерри и Этож; и Блюхер, как выяснилось, спешил установить связь со Шварценбергом. Это был гарантированный шах и мат. Тем временем Ожеро продемонстрировал аналогичную неспособность. Восьмого числа он начал ряд слабых, бесполезных действий, направленных на то, чтобы помешать союзникам сформировать свою Армию Юга. Но после нескольких бесцельных маршей он вернулся в Лион и стоял там в бездействии, пока его противники не завершили свою организацию. Двадцатого на место было совершено нападение. Под непосредственным командованием французского генерала находилась двадцать одна тысяча пятьсот человек, шесть тысяч восемьсот каталонских ветеранов направлялись из Перпиньяна, а в Шамбери находилось еще семь тысяч человек из армий Тосканы и Пьемонта. У нападавших было тридцать две тысячи человек, в основном необстрелянные солдаты. С твердым сердцем своего командира Лион можно было бы удерживать до прибытия подкрепления, когда армия союзников, вероятно, была бы уничтожена. Но ни у кого из властей не было отважного сердца; ни одна лопата не использовалась для возведения укреплений; осадные орудия в Авиньоне не были подняты на изготовку. Ожеро в самый разгар сражения созвал гражданские власти на совещание, и невоинственные бюргеры безропотно согласились с его предложением об эвакуации. Великая столица восточной Франции была вручена в качестве приза тем, кто этого не заслужил. Если бы Сюше заменили Ожеро несколькими неделями раньше, ход истории мог бы измениться. Но хотя Наполеон и предполагал такую перемену, он не решился опозорить старого слугу и снова, как и перед Лейпцигом, проявил доброжелательность, губительную для его дела.

На ночь после своего отступления из Арси Наполеон отправил разведку в Витри и, обнаружив, что там стоит гарнизон пруссаков, повернул к Сен-Дизье, в который после упорного боя вступил двадцать третьего. Это помещало его на полпути между линиями коммуникаций противника как из Страсбурга, так и из Базеля; какую из двух, спрашивал он себя, вернется Шварценберг защищать? Думая только о том, как лучше заманить врага в ловушку, он двинул свою армию на север; встревоженный австриец, несомненно, будет бороться за удержание рубежа в условиях наибольшей опасности. Эта иллюзия продолжалась, французская кавалерия прочесала страну, некоторые дипломаты Шатийона были схвачены, а императору Австрии едва удалось спастись в Баре. Казалось странным, что местность до самого Лангра была пустынна, но этот факт, по-видимому, получил объяснение, когда пришло известие, что враг сосредоточил силы в Витри; вероятно, они оставили Труа и пренебрегли Бриенном, чтобы отвлечь его от его цели.

Увы самообману разоренного человека! Противником под Витри был восьмитысячный отряд русской кавалерии из силезской армии, посланный под командованием Винценгероде преследовать Наполеона по пятам и обмануть его, что они и сделали на самом деле. Покинув Витри двадцать восьмого, они двигались к Сен-Дизье, когда Наполеон, полагая, что они составляют голову мощной вражеской колонны, обрушился на них с ненужной яростью и слишком легко обратил их в бегство; две тысячи были взяты в плен и пятьсот убиты. Благодаря непослушанию и недальновидности Мармона Блюхер установил связь со Шварценбергом, и оба как можно быстрее двинулись прямо на Париж. Об этом Наполеон оставался в неведении до двадцать восьмого. От своих пленных император впервые получил намеки на ужасающую правду. Поверить таким сообщениям было невозможно. Был отдан приказ о немедленном возвращении в Витри для получения достоверной информации. Прибыв на место, Наполеон созвал военный совет, чтобы решить, следует ли предпринять попытку штурма. В момент раздумий новости начали поступать в изобилии: захваченные донесения и бюллетени противника, подтвержденные определенной информацией от жителей окружающей страны. Больше не могло быть никаких сомнений: враг, имея преимущество в три дня пути, был на пути к Парижу. Тщетность его продвижения на восток, по-видимому, поразила Наполеона подобно удару грома. Теоретически покинутый Париж - это одно; Франция, фактически обезглавленная фактической потерей своей столицы, - совсем другое. Мысль об этом была невыносима. Вскочив на коня, несчастный прищпорил коня и поскакал обратно в Сен-Дизье, где погрузился в молчаливое изучение своих карт.

Союзники поначалу не разгадали замыслов Наполеона. Действительно, их передвижения при переходе через Об и на следующий день были немногим лучше случайных попыток разгадать их. Но утром двадцать третьего были схвачены два важных гонца — один - курьер от Бертье к Макдональду с депешами, в которых точно указывалось, где находится Наполеон; другой - всадник с короткой запиской от Наполеона своей императрице, содержащей изложение планов автора. Этот знаменитый документ был утерян, поскольку Блюхер, прочитав его, отпустил гонщика. Но сохранившийся немецкий перевод, несомненно, точен. В нем говорится: "Мой друг, я весь день был в седле. Двадцатого числа я взял Арси на реке Об. Враг атаковал в восемь вечера. Я разбил его, убил четыре тысячи человек и захватил четыре пушки. Двадцать первого числа противник вступил в бой, чтобы прикрыть продвижение своих колонн к Бриенне и Бару на реке Об. Я решил направиться к Марне, чтобы отвлечь врага от Парижа и приблизиться к моим укреплениям. Сегодня вечером я буду в Сен-Дизье. Прощай, мой друг; поцелуй моего мальчика". Савари заявляет, что была заключительная фраза: "Это движение делает или портит меня".

Угроза их линиям связи поначалу вызвала ужас в совете союзников. Первое предложение, выдвинутое перед ними, состояло в том, что они должны вернуться по параллельным линиям и восстановить свои старые базы. Если бы этот план был принят, стратегия Наполеона оправдалась бы полностью, а не частично, как это было на самом деле; ничто, кроме чуда, не могло предотвратить эвакуацию Франции захватчиками. Но вторая, более спокойная мысль заставила захватчиков оставить обе старые линии и, проложив новую через Шалон в Нидерланды, сделать необходимый обход и ударить в тыл Наполеону. Франциск, чтобы поддерживать тесную связь со своими собственными владениями, должен был присоединиться к армии Юга в Лионе. Хотя нет никаких доказательств в поддержку этой гипотезы, создается впечатление, что царь и король Пруссии предложили это для того, чтобы и Франциск, и Меттерних были удалены из военных советов союзников, чтобы более воинственная сторона могла в их отсутствие принять решительные меры. В ту ночь в руки захватчиков попала пачка писем Наполеону от императорских сановников из Парижа. Писатели, все до единого, выражали глубокое уныние, в частности Савари, утверждавший, что следует опасаться всего, если враг приблизится к столице. На следующее утро, двадцать четвертого, строительство перекрестка между Блюхером и Шварценбергом было завершено. Франциск и Меттерних отсутствовали, и Шварценберг, прислушавшись к воинственному совету, решил немедленно пуститься в погоню за Наполеоном и искать сражения. Марш был начат, и казалось, что дикий план Наполеона должен был полностью оправдаться. Он, безусловно, проявил глубокую проницательность.

Александр, однако, неуклонно укреплялся в своем намерении уничтожить Наполеона. Целую неделю Витроль, хорошо известный агент роялистов, находился в его штаб-квартире; отчеты о неуклонном росте силы роялистов, усилия давнего врага Наполеона Поццо ди Борго и количество унылых писем от парижских чиновников, объединившись, превратили мистический юмор царя в стальную решимость. Соответственно, в тот же день он вызвал к себе своих личных военных советников Барклая, Волконского, Дибича и Толля; затем, указав на карте различные позиции войск, участвовавших в кампании, он многозначительно и внушительно спросил, что лучше - преследовать Наполеона или идти маршем на Париж. Барклай поддержал первый вариант; Дибич посоветовал разделить армию и сделать и то, и другое; но Толль с сильным акцентом высказался за второй курс. Царь с энтузиазмом выслушал то, что было близко его сердцу, и решительно заявил, что одобряет это; остальные подчинились с рвением придворных, и Александр, вскочив на коня, пришпорил Фридриха Вильгельма и Шварценберга. Новый план был разработан; прусский король поддержал его; Шварценберг колебался, но уступил. Той ночью был отдан приказ о развороте, Блюхеру была отправлена длинная объяснительная депеша, и двадцать пятого объединенные армии Богемии и Силезии размеренным шагом поспешили к Парижу. Впервые в их рядах проявился всеобщий энтузиазм. Блюхер, который благодаря своему неумолимому рвению заслужил звание "Маршал вперед", был вне себя от радости.

В коллекции маркиза Бассано

НАПОЛЕОН-ФРАНСУА-ШАРЛЬ-ЖОЗЕФ, ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРИНЦ;
КОРОЛЬ РИМА; ГЕРЦОГ РЕЙХШТАДТСКИЙ

С картины сэра Томаса Лоуренса.

Две армии маршировали параллельными линиями и не встретили сколько-нибудь значительного сопротивления, за исключением того, что различные стычки позволили нерегулярным французским солдатам проявить отчаянную храбрость, причем не только неопытным "Мари Луизам", вышедшим из Парижа, но и различным подразделениям национальной гвардии, сопровождавшим поезд с провиантом. Двадцать пятого числа Мармон и Мортье соединились, а затем, хотя их было около шестнадцати тысяч человек, их неуклонно оттесняли через Фер-Шампенуаз и Аллеман к Шарантону, который находился под самыми стенами Парижа. При отступлении Мармон не проявил ни энергии, ни здравого смысла: его отдаленные роты были отрезаны, а стратегические пункты, которые можно было бы удержать, были совершенно заброшены. Армия, с которой он достиг Парижа двадцать девятого числа, должна была стать бесценным ядром для формирования и объединения многочисленных добровольцев и иррегулярных рот, которые имелись в наличии; но, как и ее командир, она была полностью деморализована. Ледрю де Эссар, комендант Мо, был вынужден двадцать седьмого числа оставить свой подопечный - военный склад, полный боеприпасов и припасов, которые были необходимы для безопасности Парижа. Гарнизон состоял из шести тысяч человек, но среди них было не более восьмисот ветеранов, наспех набранных из отставших солдат Мармона, а новобранцы были плохо подготовлены и плохо командовали. Хотя генералы выстроили своих людей смелым фронтом для защиты переправы через Марну, недисциплинированные колонны были охвачены ужасом при виде армии Блюхера и, простояв достаточно долго, чтобы взорвать склады, обратились в бегство. Однако они храбро сражались при отступлении в течение всего двадцать восьмого числа, но безрезультатно; одна позиция за другой сдавались, и вечером двадцать девятого они тоже разбили лагерь перед воротами столицы.

Возможно, это слабое любопытство, но мы должны задаться вопросом, что произошло бы, если бы Мармон, вместо отступления к Фисму восемнадцатого, отступил к Реймсу, где он и Мортье могли бы, по крайней мере, остановить несанкционированное наступление Блюхера и, возможно, задержать силезскую армию на некоторое время, когда моральным эффектом, вероятно, было бы оправдание Шварценберга и подтверждение его плана преследования Наполеона. Более того, в этом случае ценная информация, содержащаяся в письме Наполеона к его супруге, не попала бы в руки его врагов. Остановилась бы судьба в своем развитии?

ГЛАВА IX

Начало конечной [\[11\]](#)

Проблема Наполеона — Военная ситуация — Военный и государственный совет — Возвращение в Париж — Ужасающие новости — Императрица-регентша и ее советники — Предатели внутри — Талейран — Защитники столицы — Бегство двора — Союзники перед городом.

Бледный, молчаливый император в Сен-Дизье был погружен в размышления, подобные этим. Он знал о поражении, которое вынудило Мармона и Мортье вернуться в Париж; потеря столицы была неизбежна; партии находились в опасном положении; его маршалы становились все более и более слабыми; ему не удалось перенести центр военных действий в Лотарингию; информация, которую он до сих пор получал, почти наверняка была окрашена интригами последователей, через которых она поступала. Какой единый разум мог бы справиться с такими делами? Дело было не в том, что потерпевший неудачу человек потерял самообладание, а в том, что он был спокоен и обладал ясным умом, поэтому он чувствовал потребность в откровенном, беспристрастном совете по всем этим вопросам. С другой стороны, в самом ясном свете предстал единственный факт, в отношении которого не могло быть никаких сомнений, и только он мог уравновесить все остальные: народы северной и восточной Франции наконец-то встали на защиту его дела. В течение многих лет по всей Европе раздавались крики против бесчинств наполеоновской солдатни; армии союзников, в свою очередь, не успели стать захватчиками, как начали превосходить своего врага во всех позорных деяниях; в частности, банды дикарей из Русской Азии в полной мере предавались своим нечеловеческим страстям, в то время как французское крестьянство, оцепенев от ужаса, на мгновение парализовалось. Теперь они начали массово подниматься, и с двадцать пятого по двадцать восьмое их добровольческие роты привели тысячу пленных. Склады, поезда и всевозможные препятствия, брошенные союзниками при повороте на запад, попали в руки солдат-крестьян, многие из которых были вооружены дробовиками. Восстание в поддержку Наполеона было сравнимо только с тем, которое в предыдущие годы наблюдалось в Вандее в поддержку бурбонов.

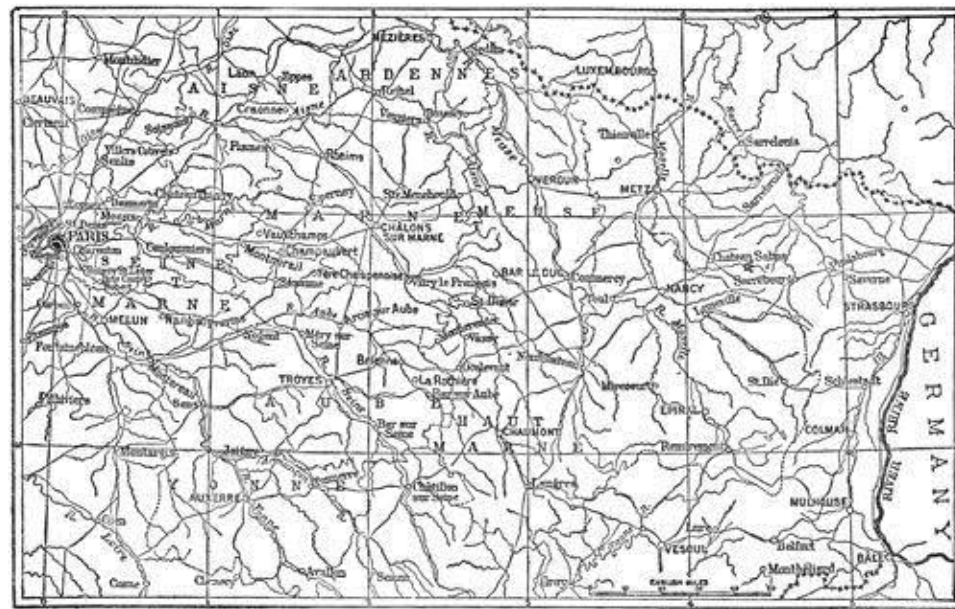
Кроме того, все главные города округа были теперь в руках более или менее регулярных войск; Дюнет выступил из Меца с четырьмя тысячами человек; Бруссье выступил из Страсбурга с пятью тысячами; Верден мог предоставить две тысячи и несколько других крепостей такого же числа. Сухам был в Ножане со своей дивизией, Алликс - в Осере со

своей; армию, находившуюся в распоряжении императора, легко можно было исчислить в семьдесят тысяч человек. При поддержке партизанских отрядов, которые теперь в порыве ненависти висели на подоле захватчиков, и благодаря национальному восстанию, которое в настоящее время в самом разгаре, разве император-полководец не мог надеяться на еще одно успешное сопротивление? Он хорошо знал, что страх перед тем, что произошло, был порождением совета его врага; он рассчитывал, что они проявят чрезмерную осторожность и дадут ему по крайней мере две недели на маневры, прежде чем можно будет ожидать падения Парижа. Считая людей около Витри и гарнизонные подкрепления всего в шестьдесят тысяч, объединенные армии Сюше, Сульта и Ожеро такой же численности, армию Мармона в четырнадцать тысяч и людей на различных складах в шестнадцать тысяч, у него было бы в общей сложности сто пятьдесят тысяч, из которых он мог бы легко выделить пятьдесят тысяч, чтобы отрезать врагу все пути отступления, и все же у него осталось сто тысяч, чтобы противостоять их сосредоточенным силам на основе чего-то вроде равенства. С чисто стратегической точки зрения марш союзников на Париж был чистым безумием, если только они не могли рассчитывать на истощение населения справа, слева и позади. Если бы удалось организовать национальное восстание, они были бы отрезаны от всех подкреплений и попали в ловушку. Их численность уже сократилась до ста десяти тысяч человек. У Наполеона со ста тысячами солдат и поддерживающей его нацией были все шансы уничтожить их.

Следовательно, это была не просто галлюцинация, которая заставила его надеяться, что запутанная паутина отношений снова может быть разорвана взмахом солдатской сабли. Но, конечно, в критический момент своего великого решения он не мог оставаться один; он должен быть уверен в своих помощниках. Соответственно, после нескольких часов тайного общения он созвал совет и изложил ему свои соображения по существу в том виде, в каком они были перечислены. Присутствовали Бертье, Ней, Лефевр, Коленкур и Маре; Удино и Макдональд в Баре на Орнене и Перте соответственно были слишком далеко, чтобы прибыть вовремя, но он полагал, что знает их мнение, которое заключалось в том, что войну следует продолжать либо в Лотарингии, либо из оперативного центра, который будет создан в Сен-Сэнсе. Исходя из этого вывода, Макдональд ни разу не дрогнул; Удино начал увиливать; следовательно, их отсутствие не имело значения. Бертье был на грани отчаяния, как и Коленкур, который с момента отъезда из Шатийона тщетно пытался возобновить переговоры о мире на любых условиях; Ней, хотя и физически храбрый, не был тем материалом, из которого делают мучеников, а Лефевр, слабый от природы, страдал кратковременным приступом старческого маразма. Совет был необходим для установления мира любой ценой; император, предвидев его настрой, без труда предпринял военные шаги для выполнения его приказов.

Ранним утром двадцать восьмого марта армия двинулась на Париж. Маршрут марша должен был проходить через Бар на реке Об, Труа и Фонтенбло, несколько кружным маршрутом, выбранным, очевидно, по трем причинам: потому что регион, который предстояло пересечь, все еще обеспечивал бы пропитание людям, потому что Сена защищала бы их правый фланг, и потому что таким образом можно было избежать опасного пункта Мо. Такой вывод важен для самого ясного суждения и тончайшего расчета. О галлюцинациях Наполеона в конце его карьеры написаны страницы; ни здесь, ни на каком-либо из курсов, которые он посещал, нет ничего, подтверждающего это обвинение. Во время завтрака отряд ликующих крестьян привел пленника, которого они считали не кем иным, как графом д'Артуа. На самом деле это был Вайсенберг, австрийский посол, направлявшийся

в Лондон. Он был немедленно освобожден условно-досрочно и отправлен с письмами Франциску и Меттерниху. По странному стечению обстоятельств Витроль оказался в апартаментах министра под видом слуги, но его не обнаружили.

Карта поля боевых действий 1814 года.

В Дулеване Наполеон получал шифрованные депеши от Ла Валетта, генерального почтмейстера Парижа, своего верного друга. Это были первые сообщения с двадцать второго числа; автор сказал, что нельзя терять ни минуты, император должен прибыть быстро, иначе все будет потеряно. Приняв решение, Наполеон с каждым часом становился все более возбужденным; это сообщение придало сил его нетерпению. С некоторым оглядкой на такие меры, которые предотвратили бы его поимку бродячими бандами казаков, он начал почти летать. В Дуленкуре были встречены новые курьеры с депешами, в которых содержалась полная история последних нескольких дней; вследствие этого войска были подстегнуты к новым усилиям, их марши были удвоены, и с наступлением темноты двадцать девятого числа Труа был взят. Урвав несколько коротких часов сна, Наполеон на рассвете следующего утра отбросил всякую осторожность и двинулся в путь с недостаточным эскортом, полный решимости достичь Вильнева на Ванне до наступления ночи. Задача была выполнена, но не успел он прибыть, как сразу же бросился в почтовую карету и вместе с Коленкуром помчался в Париж; вторая карета с тремя адъютантами следовала за ним изо всех сил, а третья, в которой находились Гурго и Лефевр, замыкала шествие. Следует помнить, что Гурго был способным артиллеристом; Лефевр, как надеялись, смог бы поднять население пригородов на защиту Парижа. В Сансе Наполеон услышал, что враг готов атаковать; в Фонтенбло - что императрица бежала к Луаре; в Эссоне ему сообщили, что разгорается решающее сражение; и примерно в десяти милях от столицы, на жалкой почтовой станции Ла-Кур-де-Франс, глубокой ночью был нанесен смертельный удар. Париж капитулировал. Ужасающая уверенность была подтверждена принесшим эту весть Бельяром, кавалерийским офицером, посланным Мортье со своим отрядом подготовить жилье для своих людей и людей Мармона.

Мария Луиза сыграла свою роль императрицы-регентши так хорошо, как можно было ожидать от двадцатитрехлетней женщины со скромными способностями; лишь однажды в своих письмах император упрекнул ее, и то за проступок, в то время простительный для европейских королевских особ: прием высокопоставленного чиновника, в данном случае эрцгерцога, в своей спальне. В целом она вела себя достойно и примирительно; однажды она поднялась на значительную высоту, с большим эффектом произнеся перед сенатом волнующую речь, составленную ее мужем и пересланную из его штаб-квартиры. Вокруг нее собрался разношерстный совет: Жозеф, мягкий, но эффективный; Савари, коварный и не воинственный; Кларк, работающий в военном министерстве как машина; Талейран, тайно замышляющий заговор против Наполеона, чей титул вице-великого курфюрста он носил с внешней учтивостью; Камбасерес, мудрый, но неподготовленный; Монталиве, ловкий, но осторожный. И все же, хотя не было никого, кто сочетал бы в себе способности, энтузиазм и энергию, оснащение войск шло с большой регулярностью, и каждый день полки наполовину обученных, наполовину экипированных новобранцев отправлялись на место боевых действий. Национальная гвардия, стоявшая гарнизоном в городе, всего около двенадцати тысяч человек, забыла о своем империализме, став очень чувствительной к стрелам роялистского остроумия; тем не менее они сохраняли спокойствие и выполняли свой долг. Внешне все было так спокойно и размеренно, что Наполеон действительно подумывал о новом наборе рекрутов, но пустота арсеналов вынудила его отказаться от этой идеи. Теоретически Париж был укрепленным военным складом, на самом деле он был устаревшей крепостью с арсеналами бесполезного оружия. Предпринимались судорожные попытки возвести редуты перед стенами, но они потерпели неудачу из-за недостатка энергии у военной администрации.

Внимательное изучение того, что скрывалось за поверхностью парижского общества, выявило много опасного. Дом Талейрана был гнездом интриг. Имперские префекты, такие как Паскье и Шаброль, были спокойны, но небрежны. Окружение Талейрана с каждым днем становилось все больше и наглее. Более того, в нем были влиятельные члены — де Прадт, Луи, Витроль, Руайе-Коллар, Ламбрехт, Грегуар и Гарат, а также другие высокопоставленные чиновники во всех департаментах. Бурьен развил большую активность как вымогатель и взяточник; великие непримиримые роялисты, Монморанси, Ноай, Денфорт, Фиц-Джеймс и Монтескью, все менее и менее тщательно скрывали свою деятельность. Жокур, один из камергеров Жозефа, был шпионом, передававшим заговорщикам последние новости из штаб-квартиры. "Если бы император был убит, - писал он семнадцатого марта, - тогда у нас был бы король Рима и регентство его матери.... После смерти императора мы могли бы назначить совет, который удовлетворил бы все мнения. Сожги это письмо". Программа становится понятной, если вспомнить, что маленькому римскому королю не было и трех лет. Наполеон был хорошо осведомлен о нарастающем хаосе и резко отчитал Савари из Реймса.

Но Талейран был неустрашен. Поначалу он, похоже, желал насильственной смерти Наполеону в надежде реализовать свои собственные планы во время долгого императорского регентства. Во всяком случае, он горячо возражал против отъезда императрицы и римского короля из Парижа. Тем не менее именно он отправил Витролля, страстного роялиста, к Нессельроде с письмом, написанным невидимыми чернилами, которое при расшифровке оказалось непостижимой загадкой, допускающей два толкования. Податель этого письма заслуживает полного доверия. Услышь его и узнай меня. Пришло время внести ясность. Вы ходите на костылях; используйте свои ноги и волю, чтобы сделать

все, что в ваших силах ". Ланн задолго до этого заклеил лишенного сана епископа как комок грязи в шелковом чулке; Мюрат сказал, что может выдержать удар сзади, не показывая этого на лице; на последнем заседании государственного совета перед возобновлением военных действий Наполеон пристально посмотрел на похожего на сфинкса калеку и сказал: "Я знаю, что оставляю в Париже других врагов, кроме тех, с которыми собираюсь сражаться". Его товарищи по заговору были едва ли менее ожесточены в своей неприязни, чем его откровенные враги. "Вы не знаете обезьяну, - сказал Дальберг Витроллю. - Она не рискнула бы обжечь кончик лапы, даже если бы все каштаны предназначались ей самой". И все же, будучи мастером интриги, он придерживался ровного курса, разбрасывая инсинуации, распространяя потоки анонимных брошюр, контрабандой доставляя в город английские газеты, фактически задействовав все каналы конспирации. Застигнутый врасплох двусмысленной встречей министра полиции с де Прадтом, он разразился глухим смехом, его спутник присоединился к раскатам, и даже сам Савари счел веселье заразительным.

К концу марта население проявило опасную чувствительность ко всем этим влияниям. Лондонская "Таймс" от пятнадцатого марта, которую читали многие в столице, спросила, какую жалость Блюхер и казаки проявят к Парижу в день своей мести, редактор предположил, что, возможно, когда он писал, знаменитый город уже был в пепле. Такие предложения вызвали нечто очень похожее на панику, и неделю спустя кульминация была достигнута. Когда беглые крестьяне из окрестностей начали находить убежище в столице, они обнаружили, что бизнес застопорился, магазины закрылись, улицы опустели, домовладельцы готовились к бегству. С двадцать третьего по двадцать восьмое число от Наполеона не было никаких известий; императрица и совет слышали только о поражении Мармона. Они чувствовали, что необходимо принять решение, и, наконец, двадцать восьмого числа имперские чиновники собрали совет. Факты были ясно изложены Кларком; в общей сложности у него было всего сорок три тысячи человек, с помощью которых можно было защитить столицу, и в результате было решено отправить императрицу и ее сына в Рамбуйе уже на следующий день. Это роковое решение было принято отчасти из-за страха, но в основном из уважения к письму Наполеона, содержащему классический намек на Астианакса. Те самые люди, которые приняли его, верили, что парижские массы отдали бы жизнь за молодого Наполеона, и сожалели о принятом ими решении. "Посмотрите, какой крах в истории!" - сказал Талейран Савари при расставании. "Связать свое имя с несколькими приключениями вместо того, чтобы прикрепить его к эпохе.... Но не всем суждено погрузиться в руины этого здания ". С того часа реставрация Бурбонов стала неизбежной.

Это была скорбная процессия императорских карет, которая на следующее утро медленно проследовала по городу, привлекая легкое внимание нескольких молчаливых зевак, и направилась в сторону Рамбуйе. Маленький король кричал и хватался за двери, когда его вытаскивали из его апартаментов в Тюильри, и не желал успокаиваться; его мать и приближенные были в ужасе от этого предзнаменования, и все вдумчивые люди, которые рассматривали ситуацию, были убеждены, что распад Империи близок. Делегация национальной гвардии тщетно пыталась отговорить императрицу от ее курса; их неудача и отдаленный грохот пушек вызвали повсеместное уныние по всему городу, которое не было устранено энергичным заявлением Джозефа, в котором говорилось, что его брат преследует захватчиков по пятам. Все государственные чиновники казались инертными, и все знали,

что, даже если население поднимется, не будет адекватных средств сопротивления - ни людей, ни оружия, ни надлежащих укреплений.

Один только Кларк начал проявлять энергию; с помощью Джозефа были сделаны все возможные в столь поздний час приготовления: из имевшихся под рукой новобранцев были сформированы шесть рот, национальная гвардия была вооружена, студенты политехнической школы были призваны на службу, связь с Мармоном была обеспечена, и к вечеру Монмартр, Бельвиль и Сен-Дени были слабо укреплены. Союзники хорошо понимали, что то, что должно быть сделано, должно быть сделано до прибытия наводящего ужас императора, и в то же утро их авангард занял город; но во время переговоров их генералы почувствовали необходимость в большем количестве сил и далее попросили перемирия на четыре часа. Это было предоставлено при обычном условии, что в течение его срока никакие войска не будут переброшены; но данное обещание было вероломно нарушено, и с наступлением темноты Александр и Фридрих Вильгельм в сопровождении своих войск оказались в поле зрения знаменитого города. Опасности, невзгоды, бывшие обиды и унижения - все было забыто в общей суматохе радости, писал русский офицер Данилевский. Один Александр пребывал в задумчивости, прекрасно понимая, что, если город продержится два дня, подкрепление с запада может сделать его захват невозможным до прибытия Наполеона. Соответственно, он фактически принял командование и отдал строгие приказы о подготовке к штурму рано утром следующего дня.

ГЛАВА X

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА [\[12\]](#)

Битва под Парижем — Перемирие — Позиция Мармона — Легитимность и бурбоны — Временное правительство — Ярость Наполеона — Предложения об отречении — Предвещавшая новая политика Наполеона — Его войска и офицеры — Измена Мармона — Маршалы в Фонтенбло — Отчаяние Наполеона.

С раннего рассвета до полудня тридцатого марта бои под Парижем шли почти непрерывно, нападающие демонстрировали уверенность в победе, защитники - мужество отчаяния. Мармон и Мортье поддерживали порядок в своих рядах, и солдаты храбро сражались; в других местах ополченцы и мальчишки подражали друг другу и регулярным войскам в стойкости. Но когда вскоре после полудня стало очевидно, что Париж обречен пасть перед превосходящими силами, Жозеф, как заместитель императора, предоставил Мармону все полномочия по ведению войны и последовал за императрицей, которую он догнал в Шартре, далеко за Рамбуйе, где она рассчитывала остановиться. Она решила, для большей безопасности, переправиться через Луару. В четыре часа пополудни пруссаки захватили Монмартр и приготовились к бомбардировке с этой высоты; в тот же момент подошли последние шеренги союзных армий.

Мармон считал дальнейшее сопротивление бесполезным; его линия отступления находилась под угрозой, и у него были особые указания не подвергать город разграблению. В горожанах, которые стояли за баррикадами у ворот, все еще было достаточно мужества,

требуя оружия и боеприпасов. Прискакал гонец с известием, что до Наполеона осталось всего полдня пути. Дозорные время от времени замечали какого-нибудь генерала верхом на белом коне и кричали: "Это он!" Но, несмотря на весь энтузиазм, ожидаемый "он" не появлялся. Дальнейшая резня казалась бесполезной, поскольку честь Франции была восстановлена, и когда измученный войной Мармон вернулся в город, его приняли как человека, сделавшего то, что мог сделать человек. Переговоры, едва начавшись, союзники отказались от жестких условий, с которых они начали переговоры, и выразили чувство огромного облегчения. Их главный представитель, граф Орлов, вел себя с большим вниманием. Признавая силу заявления французов о том, что их армия достаточно сильна, чтобы если не защищать город еще двадцать четыре часа, то, по крайней мере, отвоевывать его улица за улицей, пока, достигнув, наконец, левого берега Сены, они не смогут безопасно вернуть Фонтенбло, Орлов согласился с тем, что фактически было условиями Мармона и Мортье. Принятые условия предусматривали перемирие, гарантировали доброе отношение к городу и разрешали вывод войск.

В течение дня и вечера дом Мармона был местом встреч участников переговоров и немногих политических деятелей, оставшихся в городе. Шли самые свободные разговоры: "Бонапарт" побежден; бурбоны будут восстановлены; каким замечательным человеком был этот Мармон! Несколькими неделями ранее маршал был многозначительно проинформирован своим шурином Перрего, камергером Наполеона, что в случае реставрации он и Макдональд будут пощажены, что бы ни случилось с другими великими имперскими лидерами. Талейран якобы сбежал вместе со своими коллегами, но по интересному совпадению его кучер выехал не на тот выезд из города, и его повернули обратно. В тот вечер он предстал перед Мармоном с прямыми предложениями от бурбонов. Его беседа была короткой, и он, казалось, ничего не добился; но у него был победоносный вид, когда он уходил. Он видел, что Мармона снедает тщеславие, он чувствует, что судьбы Франции, Наполеона, возможно, всей Европы находятся в его одних руках. Это было уже слишком. Проходя по коридорам, хитрый дипломат почтительно приветствовал князя Орлова и попросил разрешения выразить свое глубокое почтение к ногам царя. "Я не забуду предъявить этот незаполненный чек его величеству", - последовал язвительный ответ. Талейран почти незаметно улыбнулся одними губами и пошел своей дорогой. Но Александр, услышав факты, сказал: "Пока это всего лишь анекдот; он может войти в историю".

Триумфальное вступление союзников в Париж началось на следующее утро, тридцать первого марта 1814 года, в семь часов. Его возглавляли Александр и Фридрих Вильгельм, которых теперь все считают королем-сателлитом царя. Франциск был в Дижоне; его представлял Шварценберг. Три лидера со своими штабными офицерами были торжественно приняты депутацией муниципальных властей. Их солдаты вели себя организованно, не было ни грабежей, ни распушенности. Толпы роялистов заполнили улицы, приветствуя завоевателей и призывая к Людовику XVIII. Весь день Талейран и Нессельроде провели взаперти во дворце первого; и когда ближе к вечеру к ним присоединились царь и королева, оба посвятившие день церемониям, дипломаты уже согласились, что Франция должна принять бурбонов. Монархи действительно были обмануты шумными манифестациями роялистов, заставив их поверить, что Франция приветствует своих захватчиков, и они согласились с выводом министров. Немедленно была организована официальная встреча; на ней присутствовали, помимо монархов и их министров, Шварценберг, Лихтенштейн, Дальберг и Поццо ди Борго. Александр вступил в должность президента, но Талейран с непревзойденным мастерством монополизировал ход

обсуждения. Царь предложил в качестве различных оснований для заключения мира Наполеона со всеми гарантиями, Марию Луизу в качестве регента при короле Рима, бурбонов и, как полагают, намекнул на Бернадотта или республику в качестве возможных вариантов. Из всех этих путей был только один, который представлял собой понятие легитимности, с которым Александр в коалиции отождествлял себя и с помощью которого только он, со своим сомнительным титулом, мог надеяться утвердить власть в Западной Европе. Это было изложено и подчеркнуто хитрым Талейраном с потрясающим эффектом. Идея республики, конечно, была предана забвению; о Бернадотте не могло быть и речи. Если Франции нужен был простой солдат, у нее уже был передовой в мире. Наполеон был еще жив, регентство было бы всего лишь другим названием для его продолжающегося правления; бурбоны, и только они, олицетворяли принцип. Поэтому не было особых трудностей в принятии решения не вести переговоры с Наполеоном Бонапартом или с кем-либо из членов его семьи.

Это был первый ход великого интригана; его второй был столь же блестящим: раболопный сенат был назначен для создания временного правительства и разработки новой конституции, которая должна была быть гарантирована союзниками. Эта организация, какой бы подобоострастной она ни была, все же оставалась французской; даже крайние радикалы, представленные Лейне из Бордо, были вынуждены признать это. Новая и услужливая администрация приступила к работе в течение двадцати четырех часов; Талейран с двумя своими приспешниками, Дальбергом и Жокуром; Монтескью, роялист; и Бернонвиль, непокорный империалист, составляли исполнительную комиссию. Два дня спустя было созвано законодательное собрание, и семьдесят девять депутатов откликнулись. После продолжительных дебатов они объявили Наполеона свергнутым за нарушение конституции. Муниципальный совет и высшие имперские ведомства со своими магистратами дали свое согласие. Сердце города, казалось, преобразилось: на улице, в театре, повсюду белые кокарды и ленты бурбонов распускались, как цветы преждевременной весной. Но за пределами центра волнений и в пригородах население роптало, а иногда проявляло открытое недовольство. Пропорционально расстоянию к западу и югу страна была соответственно имперской, подчиняясь императорскому регентству, ныне установленному в Блуа, которое набирало рекрутов, издавало волнующие прокламации и демонстрировало храбрость. Таким образом, в некотором смысле во Франции на данный момент было три правительства: союзников, регентства и самого Наполеона.

Когда в последние часы тридцатого марта Наполеон встретился с Бельяром и услышал ужасное сообщение о случившемся, он дал полную волю страшной вспышке гнева. Как он сам говорил в более спокойные моменты, его гнев в то время был таков, что, казалось, он никогда раньше не испытывал гнева. Забыв обо всех своих собственных недостатках, он обрушивался на других с яростью, граничащей с безумием, и не мог найти достаточно мерзких или богохульных выражений, чтобы заклеить Джозефа и Кларка. В полном самозабвении он потребовал экипаж. В конюшне царили шум и суeta. Сдавленным, хриплым голосом похожий на маньяка безапелляционно призывал поторопиться. Никакой машины не появилось. Вероятно, Коленкур осмелился нарушить приказ своего императора ради безопасности своего императора. Наконец, Наполеон шагнул в темноту по направлению к Парижу. Расспрашивая и бушуя на ходу, он обвинил двух своих маршалов в поспешности с капитуляцией. Его сопровождающие тщетно рассуждали, пока в миле от Ла-Кур-де-Франс авангард Мортье не был встречен отходящим в соответствии с условиями конвенции, и

Наполеон не понял, что оказался лицом к лицу с судьбой; продвижение дальше означало бы тюремное заключение или что похуже. Поэтому генерала Флахо послали за советом к Мармону, а Коленкур поспешил добиться аудиенции у царя. Все еще оставались безумные надежды, которые не умирали. Возможно, капитуляция еще не была подписана, возможно, Коленкур смог бы выиграть время, если бы не что иное, возможно, ударив в набат и осветив город, население и национальная гвардия поднялись бы и помогли армии. Ответ от Мармона пришел так быстро, как только могут приходить обескураживающие новости; ситуация, по его словам, безнадежна, общественность подавлена бегством двора, национальная гвардия бесполезна; он вступает в бой с двадцатитысячным войском, все еще предоставленным ему и Мортье. Наполеон, теперь спокойный и собранный, отдал осторожные приказы двум маршалам занять позицию между Эссонной и Сеной, слева от них на первом ручье, справа на втором, вся позиция защищена этими реками с флангов и Йонной в тылу. Было ясно, что под стенами Парижа грядет великая битва. Макдональд был единственным генералом, который посоветовал это; Бертье, Друо, Бельяр, Флао и Гурго - все хотели вернуться в Лотарингию; но дивизии быстро подходили, и за короткий полуночный час до возвращения в Фонтенбло решение Наполеона было принято.

Днем первого апреля император выехал из Фонтенбло в ставку Мармона. Пока он поздравлял Мармона с его доблестью, прибыли комиссары, подписавшие капитуляцию, и открыли свой список новостей. Они рассказали о формальном вступлении союзников, об их решении не вступать в переговоры с Наполеоном и заявили, что повсюду видны белые кокарды бурбонов. Слушая, Наполеон становился задумчивым и мрачным, а затем, почти не говоря ни слова, печально поехал обратно в Фонтенбло. На следующее утро он снова был весел, и когда он вошел во двор дворца на Белом коне в час постановки караула, два батальона восторженно приветствовали его. Его походка была упругой, лицо светилось прежним огнем; зрители говорили: "Это Наполеон Потсдама и Шенбрунна". Но после полудня Коленкур вернулся, и небо, казалось, потемнело; царь прислушался к красноречию посланника лишь настолько, чтобы еще раз рассмотреть вопрос о мире с империей при регентстве; в качестве предварительного условия Наполеон должен был отречься от престола.

Пораженный человек не мог спокойно выслушать отчет своего верного слуги. Он сдерживал свои неистовые порывы, но употреблял резкие слова. Вскоре ему показалось, что им овладевают идеи странной и ужасной формы, мрачная беседа была закончена, и император отправил в отставку своего министра. От такой болезни, как у него, не было другого лекарства, кроме действий; на следующее утро прибыли две дивизии, по одной старой и молодой гвардии, и они были выстроены для смотра. Наполеон в великолепном наряде и с блестящей свитой, в которой были два маршала, Ней и Монси, прошел через церемонию. В конце он собрал присутствующих офицеров в группу и объяснил ситуацию своей старой резкой фразой вибрирующим тоном, завершив словами: "Через несколько дней я собираюсь атаковать Париж; могу ли я рассчитывать на вас?" Наступила мертвая тишина. "Я прав?" - раздался в последнем изматывающем усилии трогательный возглас великого актера. Затем, наконец, последовал сердечный, звонкий ответ, которого так ждали, затаив дыхание. "Они молчали, - сказал генерал Пети мягким тоном, - потому что казалось, что отвечать не нужно". Наполеон продолжал: "Мы покажем им, что если французская нация будет хозяином в своем собственном доме, то если мы долгое время были хозяевами в жилищах других, то всегда будем такими и в своем собственном". Когда офицеры разошлись по своим постам и повторили слова "маленького капрала", старые "ворчуны", как люди

привыкли называть ветеранов Империи, еще раз приветствовали их. Оркестры заиграли два великих гимна победы, "Марсельезу" и "Песнь департамента", когда шеренги расступились.

Теперь у Наполеона должны быть определенные четкие концепции. За исключением Мортье, Друо и Жерара, его высшие офицеры были недовольны; но амбициозные младшие генералы по-прежнему оставались его преданными рабами. Армия была насквозь империалистической, отчасти потому, что они представляли нацию в целом, отчасти потому, что находились под чарами императора. Из этих войск у него, по-видимому, было под рукой шестьдесят тысяч, распределенных следующим образом: Мармон - двенадцать тысяч пятьсот; Мортье - шесть тысяч; Макдональд - две тысячи семьсот; Удино - пять тысяч пятьсот; Жерар - три тысячи; Ней - две тысячи триста; Друо - девять тысяч; и около одиннадцати тысяч шестисот гвардейцев и другой кавалерии. Кроме них, в гарнизонах Фонтенбло и Мелана находилось тысяча шестьсот поляков, две тысячи двести пятьдесят рекрутов и полторы тысячи человек. Еще дальше были значительные силы в Сане, Туре, Блуа и Орлеане, всего восемь тысяч человек; а еще дальше располагались армии Сульта, Сюше, Ожеро и Мезона. Хотя союзники потеряли девять тысяч человек под Парижем, они быстро вызвали подкрепление и имели около ста сорока тысяч человек, готовых сражаться. Эта ситуация, возможно, не была полностью обескураживающей для приверженца мрачной судьбы, которой как незадачливый поклонник он недавно начал давать название Провидения. Как бы то ни было, когда утром четвертого числа прибыл Макдональд, диспозиция для сражения была тщательно изучена и подготовлена; каждому корпусу было приказано занять свои позиции. Как обычно, Наполеон появился около полудня для церемонии построения в караул, и войска, как обычно, приветствовали его. Но в нескольких шагах от него небольшой кучкой стояли маршалы и высшие генералы, близко склонив головы, прищелкивая языками и отводя взгляды. Из этой группы раздался громовой голос Нея: "Ничто, кроме отречения, не может вывести нас отсюда". Наполеон вздрогнул, взял себя в руки, притворился, что не слышал сокрушительной угрозы, и удалился в свою рабочую комнату.

Одновременно с решимостью маршалов в Фонтенбло произошла фактическая измена того, кто один был важнее для дела Наполеона, чем все они. "Я готов покинуть со своими войсками армию императора Наполеона на следующих условиях, в отношении которых я требую от вас письменных гарантий", - таковы поразительные слова из письма Мармона царю, датированного предыдущим днем. Первого апреля агенты временного правительства договорились с дискредитированным дворянином по имени Мобрейль об убийстве Наполеона; на следующий день Шварценберг опубликовал во французских газетах и копиях прокламации, объясняющей, что действия сената и всей Франции освободили солдат от присяги. Мармон переслал полученные им документы Бертье, и в то время как большинство офицеров с презрением отбросили их копии, некоторые прочитали и задумались. Третьего апреля эмиссар от Шварценберга появился в штаб-квартире Мармона, и то, что он сказал, было передано желающим. Все еще находясь под влиянием уважения, оказанного ему в Париже, тщеславный маршал воображал, что повторяет роль Монка; он видел Францию в мире, процветание восстановлено, общественный порядок восстановлен, а себя превозносят как истинного патриота — и все это при условии, что он будет руководствоваться простыми личными интересами, благодаря которым он не только сохранит свое герцогство, но и обеспечит себе новые почести и вознаграждение, которые посыплются на него дождем. Поэтому он уступил при условии, что его войска с честью отступят в Нормандию и что Наполеону будет позволено наслаждаться жизнью и свободой в ограниченных пределах,

установленных союзными державами и Францией. На следующее утро, четвертого числа, пришло согласие Шварценберга, и Мармон немедленно приступил к подкупу своих офицеров; в четыре часа пополудни прибыло посольство из Фонтенбло, направлявшееся в Париж. Офицеры, составлявшие его, желали видеть Мармона.

Неофициальная встреча, состоявшаяся во внутреннем дворе Фонтенбло, стала историческим событием. Его члены обсуждали курс, выбранный сенатом, миссию Коленкура и, в частности, предложение об отречении от престола. Маршалы и великие генералы, давно испытывавшие отвращение к военным кампаниям, уязвленные в своем достоинстве упреками императора и приписывавшие свои недавние неудачи плохому качеству приданных им войск, стремились к миру и жаждали наслаждаться своим с трудом заработанным состоянием. Они ухватились за соблазнительную идею, представленную Коленкуром. Отречение Наполеона означало бы сохранение Империи. Империя была бы не просто миром, но миром с тем, что было достигнуто войной, а именно с императорским двором и обществом, сохранением поместий и пользованием ими, непрерывностью процессов, которые так много сделали для возрождения Франции и превращения ее в современную нацию. Перспектива была неотразимой, и Ней лишь выразил мрачную решимость своих коллег, когда так неожиданно произнес лозунг при постановке на караул. Когда Наполеон вошел в свой кабинет, он застал там Бертье, Маре, Коленкура и Бертрана. Скрывая свое волнение, он приступил к рутинным привычным занятиям, которые предстоят накануне битвы. Почти мгновенно в коридоре послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появились Ней, Лефевр, Удино и Макдональд. Предводитель отряда на мгновение дрогнул под пристальным взглядом императора, а затем грубо спросил, есть ли новости из Парижа. "Нет", — последовал ответ - намеренная ложь, поскольку постановление сената было получено накануне вечером. "Ну, тогда у меня есть немного", - прорычал Ней и изложил знакомые факты.

В Ножане, шестью неделями ранее, Ней и Удино пытались подобным же образом запугать Наполеона; тогда их было легко запугать. Но теперь манеры Наполеона были примирительными, а его речь - аргументированной. Он долго и красноречиво излагал свое положение. Перечисляя все силы, находящиеся в его непосредственном и отдаленном распоряжении, подробно описывая план наступления, который Макдональд одобрил, объясняя безумие курса, проводимого союзниками, противопоставляя опасности их положения преимуществам своего собственного, он стремился оправдать свою уверенность в победе. Красноречие Наполеона, спокойного, собранного, ясного, но умоляющего о власти, которая была ему дороже жизни, можно только представить. Но его аргументы остались без внимания; ни один из слушателей не выказал никаких признаков эмоций. Макдональд был единственным из присутствующих, кто не проявлял открыто своих намерений, и он тоже был угрюм; в течение последних двадцати четырех часов он получил через Мармона письмо из Бернонвиля, содержание которого, хотя и было зачитано Наполеону тогда и там, не было передано потомству. В том, что произошло или что было сказано после, нет никакой уверенности, настолько противоречивы и предвзяты рассказы присутствующих. Современники думали, что в этот кризис, когда Ней заявил, что армия будет повиноваться своим офицерам и не пойдет маршем на Париж в знак повиновения императору, были угрожающие жесты, которые выдавали более или менее полную цель убийства со стороны некоторых. Если это так, то Наполеон никогда не был более великим; ибо, добиваясь спокойствия своей достойной сдержанностью, он уволил неверных офицеров всех до единого. Они ушли, и он остался наедине с Коленкур, чтобы составить бланк своего отречения.

ГЛАВА XI

ПЕРВОЕ ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА ОТ ПРЕСТОЛА [\[13\]](#)

Значение отречения Наполеона — Документ и его носители — Ход заговора Мармона — Александр под влиянием посольства Наполеона — Солдаты Мармона преданы — Репутация и судьба Мармона — План Наполеона нанести последний удар — Восстание маршалов — Первая попытка Наполеона покончить жизнь самоубийством — Безоговорочное отречение — Реставрация Бурбонов — Новое королевство Наполеона — Бегство Наполеонов — Прощание с Францией, но не прощание.

Нет сомнений в том, что Наполеон искренне и нежно любил своих "ворчунов"; нет сомнений в том, что с мрачным юмором он постоянно обходил их стороной и использовал в своих целях; даже в агонии он обдумывал курс, который, убедив их в успехе, все же не дал бы результата их действиям. После короткого совещания со своим министром он взял ручку и написал: "Союзные державы объявили императора Наполеона единственным препятствием к установлению мира в Европе, и поскольку император не может, конечно, не нарушая своей присяги, отказаться от ни одного из департаментов, которые были объединены с Францией, когда он взошел на престол, император Наполеон заявляет о своей готовности отречься от престола и покинуть Францию, даже отдать свою жизнь за благополучие своей страны и за сохранение прав своего сына короля, императрицы-регентши, а также законов и

учреждений, которые будут подчиняться никаких изменений до окончательного заключения мира и до тех пор, пока иностранные армии не вступят на нашу землю".

Но эти слова несли слишком очевидный смысл, который не должен был бросаться в глаза, и документ в том виде, в каком он был окончательно написан и оформлен, гласит следующее: "Союзные державы объявили императора Наполеона единственным препятствием на пути восстановления мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он готов сойти с трона, покинуть Францию и даже отдать свою жизнь на благо страны, [что] неотделимо от прав его сына, от прав регентства императрицы и от законов Франции". империя." Кто должен составить посольство, чтобы вручить документ царю? Коленкур, конечно, обязательно будет одним из них; Ней, опасный, если ему помешают, должен быть вторым; и третьим? "Конечно, Мармон", - было первой мыслью Наполеона, и он приказал предоставить ему все полномочия. Но, поразмыслив, он почувствовал, что его адъютант в Египте, с тех пор его верный друг, его доверенный советник, "воспитанный в его палатке", как он сказал, может повредить делу, поскольку на него слишком явно влияют личные соображения. Поэтому вместо него был назначен Макдональд. Посольство, однако, должно было проехать через Эссон, и если Мармон пожелает поехать, он может послать обратно за своими верительными грамотами.

Это была та самая компания, которая, прибыв около четырех часов пополудни в штаб Мармона, передала послание Наполеона. Деятельный заговорщик был ошеломлен, но он уже победил по меньшей мере пятерых своих генералов — Сухама, Мерлена, Диджона, Ледрю де Эссара и Мегнадье, своего начальника штаба; волна измены была в самом разгаре, и остановить ее было невозможно. Если бы царь согласился на регентство, где был бы Мармон? Или, с другой стороны, если бы Наполеон узнал правду, не было никаких сомнений в том, что через несколько часов имитатор Монка мог бы стать трупом. Приняв быстрое решение, маршал-предатель признался в уже предпринятых шагах, а затем, услышав громкие возгласы осуждения, которыми было встречено его заявление, он ложно заявил, что еще не совершил преступления, и потребовал присоединиться к посольству. Остальные, желая уберечь своего коллегу от дальнейших искушений, согласились; и Сухама оставили командовать, строго наказав сообщить войскам об отречении Наполеона, но не предпринимать никаких дальнейших шагов. В штабе Шварценберга Мармон нашел способ сообщить о сложившейся ситуации этому генералу. Австриец, по собственному свидетельству Мармона, освободил своего товарища-интригана от всех взятых на себя обязательств; но каким-то образом в тот же вечер, около девяти, Талейран узнал всю историю и, поблуднев от ужаса, поспешил к Александру и разразился горькими упреками против регентства. Царь выслушал, но презрительно отклонил прошение, сделав уклончивое замечание о том, что никто не раскается в том, что доверился ему.

Была почти полночь, когда Александр дал аудиенцию посольству. Мармона среди них не было, он с чувством вины и неловкости улизнул, ожидая события в доме Ней. Коленкура, как представителя Империи, царь выслушал внимательно и с сочувствием. Теперь он чувствовал, что совершил ложный шаг, когда пятью днями ранее фактически согласился на реставрацию Бурбонов. В промежуток времени их дело неуклонно становилось все более и более непопулярным; ни народ, ни солдаты, даже национальная гвардия, не давали никаких заявлений о приверженности действиям временного правительства; императорская армия, с другой стороны, стояла непоколебимо. Честь его собственная и России была восстановлена, прежние инстинкты ненависти к абсолютизму вернулись; ощущение, что

Империя лучше подходит для его целей, чем любая династия, усилилось, когда он слушал убедительный аргумент Коленкура о том, что Франция как нация и ее неразделенная армия одинаково желают регентства. На самом деле слушатель колебался так сильно, что два дня спустя Ней и Макдональд заявили о своей вере в то, что в определенный момент их дело было выиграно.

Но в два часа ночи вошел адъютант и произнес несколько слов по-русски. Царь удивленно прислушался, и офицер повторил его слова. "Джентльмены, - сказал монарх, - вы основываете свое заявление на непоколебимой привязанности армии к имперскому правительству. Авангард армии Наполеона только что дезертировал. В этот момент он находится в пределах наших позиций ". Новость была правдивой. Объявление об отречении Наполеона вызвало ужас среди людей Мармона, и они были серьезно деморализованы. Когда из Фонтенбло пришло обычное сообщение, требующее присутствия Сухама там, нечистая совесть заставила его задрожать; а когда Гурго попросил о встрече, встревоженный генерал предвидел свой собственный арест и был поражен ужасом. Созвав остальных, которые, как и он сам, были частично преданы, он рассказал о своих опасениях, и солдатам было приказано взяться за оружие. Ближе к полуночи марш начался. Не зная поначалу, куда они направляются, солдаты хранили молчание; но вскоре, оказавшись между двумя австрийскими линиями, они засвистели своим офицерам. После этого им сказали, что они должны сражаться бок о бок с теми же австрийцами в защиту Империи, и, поверив этой лжи, они примирились.

Прибыв, наконец, в Версаль и узнав правду, они взбунтовались; но вскоре появился Мармон и отчасти устранил их, отчасти убедил склониться перед необходимостью. Узнав о поступке Сухама, он поспешил в приемную царя. В соседней комнате собрались члены временного правительства. Как и Мармон, они узнали о результатах усилий Сухама и вновь обрели самообладание. Осознав ужасающий факт, что двенадцать тысяч человек, весь шестой корпус, с оружием и обозом, оказались пленными на австрийских позициях, Коленкура и маршалам, конечно, ничего не оставалось, как отступить. С большим смущением царь пообещал дать ответ на их просьбу на следующий день. Все знали, что по Империи пробил похоронный звон. Ожидавшим роялистам это показалось подходящим моментом для шуток, поскольку члены посольства гуськом выходили с каменными взглядами. Побежденные империалисты сурово дали отпор своим мучителям. Мармон тяжело дышал, когда его коллеги проходили мимо, не подавая виду, что узнали его, и пробормотал: "Я бы отдал руку, если бы этого не случилось". "Руку? Сэр, скажите, что думаете, - с горечью возразил Макдональд. В течение некоторого времени после первой Реставрации Мармон был героем, но вскоре его тщеславие и истинный характер объединились, чтобы выставить его поведение на всеобщее обозрение, и от его титула Рагуза было заимствовано слово "рагузад" как синоним государственной измены. Во время "Ста дней" его имя, конечно, было вычеркнуто из списка маршалов. Обремененный почестями во время второй Реставрации, он во второй раз проявил неверность и в 1830 году предал свое доверие республиканцам. Люди называли его "Иуда", и он умер в изгнании, никем не почитаемый.

Не может быть никаких сомнений в убежденности Наполеона в том, что его предложение отречься от престола будет отвергнуто Александром. Как только оно было подписано, он со свойственной ему проницательностью приступил к подготовке альтернативного курса. Он немедленно отправил гонца с просьбой к императрице немедленно отправить Шампани в

Дижон в качестве посла для заступничества перед ее отцом. Затем, четвертого апреля, он созвал конклав своих офицеров, чтобы заручиться их согласием на битву, которую он считал неизбежной. Призыв к этому собранию поверг Сухама и его коллег в паническое бегство. Поскольку высокопоставленные офицеры отсутствовали в Фонтенбло, младшие были единодушны и горячо поддерживали планы Наполеона. Но в самом конце заседания пришло известие о том, что произошло в Эссоне. Когда, наконец, Наполеон был уверен во всех деталях, он немедленно принял меры, чтобы, насколько мог, заделать бреши в своей защите, сказав о Мармоне спокойно и без признаков паники: "Несчастный человек, он будет несчастнее меня". Всего за несколько дней до этого он заявил Коленкуру: "Больше нет тех, кто играет честно, кроме моих бедных солдат и их офицеров, которые не являются ни принцами, ни герцогами, ни графами. Ужасно говорить такие вещи, но это правда. Знаешь, что я должен сделать? Отправь всех этих вчерашних благородных лордов спать в своих пуховых постелях, расхаживать с важным видом по своим замкам. Я должен избавиться от этих фрондеров и снова начать войну с людьми юными, незапятнанными мужеством". Следовательно, он был отчасти готов даже к дезертирству Мармона. На следующее утро, пятого числа, было выпущено самое удачное воззвание, когда-либо им написанное; в полдень состоялся смотр ветеранов Испании, а после полудня начались передвижения, необходимые для того, чтобы расположить за Луарой остатки армии и сплотить их вокруг резиденции имперского правительства. Но в девять часов из Парижа вернулось посольство с новостями— царь отказался принять отречение; сенат вот-вот провозгласит Людовика XVIII; после этого Наполеону предстояло править маленьким островом Эльба. На это неустрашимый император спокойно возразил, что война отныне не сулит ничего худшего, чем мир, и сразу же начал излагать свои планы.

Но его прервали - как именно, мы не можем сказать; ибо, хотя посольство вернулось тем же составом, что и ушло, в полном составе, воспоминания каждого члена посольства стремятся создать впечатление, что все говорил и делал он один. Если бы только повествование, приписываемое Коленкуру, было несомненно достоверным, совокупность свидетельств могла бы создать уверенность; но это не так. Печальный рассказ о том, что, вероятно, произошло, ясно показывает, что все трое теперь были более или менее ярыми роялистами, поскольку попутно они заключили перемирие со Шварценбергом на этой основе. Макдональд утверждает, что это был короткий и жестокий ответ на демонстрацию Наполеоном своих планов, а именно, что они должны отречься от престола без каких-либо условий. Ней был столь же свиреп, заявив, что уверенность армии исчезла. Наполеон сначала осудил такой мятеж, но затем, с кажущейся покорностью, пообещал дать ответ на следующий день. Он еще не знал, что на тайном совещании генералы решили не подчиняться приказам, отданным на завтра; но когда за маршалами закрылась дверь, разум, до сих пор ясный, казалось, внезапно затуманился, и, пробормотав: "У этих людей нет ни сердца, ни кишечника; я побежден не столько удачей, сколько эгоизмом и неблагодарностью моих товарищей по оружию", великий бездомный гражданин мира впал в крайнее уныние.

Похоже, у Наполеона была твердая цель никогда не попадать живым в руки своего врага. Хотя они действовали в рамках законных форм, все же некоторые европейские монархи восемнадцатого века были не более надежны в обращении с врагами, чем их великий прототип Юлий Цезарь в его неверности определенному кантону гельветов. Они не проявили достаточного удивления, когда враги были убиты. С 1808 года европейский колосс носил на шее в качестве своего рода амулета маленький мешочек, который, как

говорили, содержал смертельный яд, одну из солей синильной кислоты. Ночью, когда страхи перед пошатнувшимся рассудком одолели его, он проглотил наркотик. То ли оно утратило свою эффективность, то ли взволнованная жертва меланхолии приняла не всю дозу, в любом случае эффект был несовершенным. На смену забвению пришла агония, и его камердинер, бросившийся к постели своего хозяина при звуке горького крика, утверждал, что расслышал слова: "Мармон нанес мне последний удар! Несчастный человек, я любила его! Дезертирство Бертье разбило мне сердце! Мои старые друзья, мои товарищи по оружию!" Был вызван Иван, личный врач императора, который ввел противоядие; спазм прошел, и после короткого сна разум вернулась на свое место. В мемуарах Коленкура рассказывается, и, вероятно, с долей гомеровской правды, что, когда рано утром к министру поступили, "бледные и запавшие глаза Наполеона, казалось, изо всех сил пытались вспомнить окружающие предметы; вселенная пыток открылась в смутно опустошенном взгляде". Сообщается, что Наполеон сказал: "Бог не хотел этого. Я не мог умереть. Почему они не дали мне умереть? Не потеря трона делает существование невыносимым; моей военной карьеры достаточно для славы одного человека. Знаете ли вы, что труднее переносить, чем превратности судьбы? Это низость, ужасная неблагодарность людей. Перед такими проявлениями трусости, перед бесстыдством их эгоизма я с отвращением отвернулся и стал с ужасом смотреть на свою жизнь.... Смерть - это покой.... Наконец-то покой.... Никто не может понять, что я выстрадал за двадцать дней".

Что бросает некоторую тень на этот счет, так это тот факт, что на следующее утро Наполеон выглядел внешне здоровым и совершенно спокойным, когда собрал своих маршалов и обратился с последним обращением. Из показаний его секретаря и врача ясно, что он был тяжело болен, но достоверность сохранившихся хроник вызывает сомнения. Возможно также, что в пустом пакетике содержался препарат опиума, предназначенный для снятия острых приступов, подобных тому, что произошел в Пирне; но ввиду второй попытки самоубийства, предпринятой после Ватерлоо, это маловероятно. И все же обстоятельства могли быть легко преувеличены, поскольку очевидный мотив того, что было названо имперской легендой, состоит в том, чтобы усилить все эффекты в изображении Наполеона. Какова бы ни была правда о той мрачной ночи, призыв Наполеона на следующее утро, хотя и был красноречив, оказался напрасным; маршалы были непоколебимы в своей решимости, хотя и менее резки в выражениях. "Вы заслуживаете покоя", - были последние слова императора, обращенные к ним; "Что ж, тогда примите это". вслед за этим акт безоговорочного отречения был написан следующими словами: "Союзные державы объявили императора Наполеона единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей клятве, заявляет, что ради себя и своих наследников он отказывается от тронов Франции и Италии, потому что нет такой личной жертвы, на которую он не был бы готов пойти ради благополучия нации". Эти последние слова были, после некоторого размышления, стерты, и вместо них была заменена фраза "в интересах Франции". Некоторые думают, и это вполне может быть правдой, что это изменение формы, предпринятое в связи со спокойствием Наполеона, было еще одним доказательством его глубокой цели. Не в силах помешать своим "ворчунам", он, возможно, вспомнил, что однажды уже пересекал Средиземное море, чтобы дать слабому правительству полный простор для его собственного уничтожения. Франция могла бы легко отозвать своего любимого сына в своих собственных интересах. Ему было едва ли больше сорока четырех, он все еще был молодым человеком, и об этом он, вероятно, вспоминал, готовясь сыграть новую роль.

Вооружившись документом, необходимым для получения помилования, Ней поспешил обратно в столицу. Пожилой, благонамеренный, но туповатый Людовик XVIII был немедленно провозглашен сенатом королем. "Ничему не научившись и ничего не забыв", он принял трон, сделав определенные уступки новой Франции, достаточные, как он надеялся, чтобы заручиться хотя бы кратковременной поддержкой народа. Поспешность присоединиться к белому штандарту людей, которым авантюрная карьера Наполеона принесла почести и богатство, не имеет аналогов в истории. Журден, Ожеро, Мезон, Лагранж, Нансути, Удино, Келлерман, Лефевр, Юлен, Мийо, Латур-Мобур, Сегюр, Бертье, Бельяр — таковы были самые ранние имена. Среди солдат поблизости некоторые склонились перед новым порядком, но в гарнизонах произошел такой массовый мятеж, что ненависть к роялистам снова разгорелась и была доведена до белого каления насмешками разъяренных людей. Их поведение было внешним признаком темперамента, не универсального, конечно, но очень распространенного среди людей. В Париже и короля, и брата короля приветствовали их официальным въездом, но многие разборчивые зрители предсказывали, что бурбоны не смогут оставаться здесь долго.

Полностью осознавая, что Наполеон все еще является силой во Франции, и маршалы призвали его проявить рыцарский дух в обеспечении благополучия своего бывшего монарха, Александр дал полную волю своим великодушным порывам. Его первое предложение состояло в том, чтобы его поверженный враг согласился на возвращение домой и полное закрепление в России; но это означало бы игнорировать других членов коалиции. В конце концов было решено создать подобие империи, государственные формы и имперский доход, а также сделать бывшего императора гостем всей Европы. Идея была донкихотской, но Наполеон не был пленником; он не совершил ничего, достойного унижения, и во всем цивилизованном мире огромное количество людей по-прежнему считали его спасителем европейского общества, попавшего в руки жестоких угнетателей. Документ, который был окончательно составлен, представлял собой договор между Наполеоном, на тот момент и для целей документа являвшимся частным лицом, в качестве одной стороны, и четырьмя суверенными государствами - Австрией, Пруссией, Россией и Англией - в качестве другой. Таким образом, оно не имело никакой санкции, кроме общественного мнения Франции и добросовестности тех, кто его исполнял, поскольку первое было связано ее союзниками заключенным ими контрактом. Именно Франция должна была выплачивать Наполеону два миллиона франков в год и позволить ему беспрепятственно править на Эльбе; союзники предоставили Парму, Плацентию и Гвасталлу в качестве бессрочных владений Марии Луизе и ее наследникам через римского короля в качестве ее преемников. Соглашение было уникальным, как и обстоятельства, которые привели его к исполнению. Был только один важный протест, и он был сделан Каслри в отношении слова "Наполеон" и имперского стиля! Его протест был тщетен, но по сей день многие из величайших его соотечественников упорно используют "Бонапарт", говоря о великом, и "Наполеон", обозначая меньшего, из двух людей, которые правили Францией как императоры.

Четыре комиссара, по одному от каждой из держав, отправились в Фонтенбло. Они были осторожны и относились к Наполеону с уважением, подобающим императору. Он был вежлив со всеми, за исключением представителя Пруссии графа Трюхзесс-Вальдбурга, чье присутствие он объявил излишним, поскольку на южной дороге, ведущей к Эльбе, не должно было быть прусских войск. С полковником Кэмпбеллом, британским комиссаром, он был очень дружелюбен, с энтузиазмом беседуя с шотландским офицером о шотландском

поэте, известном как Оссиан. Что особенно восхищало в его замечательных излияниях, так это их воинственный тон. По мере того как шли приготовления к отъезду, стало ясно, что из всех императорских сановников только Бертран и Друо будут сопровождать изгнанника. Остальных он отпустил с характерными и подобающими случаю прощаниями: Коленкуру он передал в дар пятьсот тысяч франков из сокровищницы в Блуа; камердинер Констант и мамелюк Рустан были отпущены по собственному желанию, но не с пустыми руками. Расходы на свое путешествие и на сотню повозок, груженных книгами, мебелью и предметами искусства, Наполеон оговаривал с предельной тщательностью и настойчивостью. С каждым часом он проявлял все большую тревогу за свою личную безопасность. Всего несколько коротких дней назад он был безразличен к жизни, а теперь стал робким и чрезмерно встревоженным. Если бы он играл какую-то роль и размышлял о том, чего через несколько лет, возможно, месяцев, его жизнь и личность снова могли бы стоить в европейской политике, он не смог бы более тщательно продумать меры по обеспечению своей личной безопасности. Стоик мог бы прибегнуть к чаше, энтузиаст восемнадцатого века должен жить и надеяться до последнего. Наполеон, похоже, боролся за объединение обоих характеров. "Они обвиняют меня в том, что я могу пережить свое падение", - заметил он. "Несправедливо.... Гораздо мужественнее пережить незаслуженное невезение". Только однажды он, казалось, был подавлен, когда кто-то заметил, как он, сидя за столом, ударил себя по лбу и пробормотал: "Боже, неужели это возможно?" Иногда он тоже, казалось, погружался в задумчивость, а когда к нему обращались, вздрагивал, как человек, пробудившийся ото сна. Все было готово двадцатого числа, но императрица, которая по условиям "договора" должна была сопровождать своего супруга до гавани Сен-Тропе, не появилась. Наполеон заявил, что она была похищена, и отказался шевелиться, пригрозив отозвать свое отречение. Коллер, австрийский комиссар, заверил его, что она по доброй воле решила не присутствовать. Уверенная, что все кончено, императрица решила укрыться у своего отца, и имперское правительство в Блуа разошлось, а Жозеф и Жером улетели в Швейцарию.

Это заявление ошеломило Наполеона, но он ответил словами, которым суждено было иметь большое значение: "Очень хорошо; я останусь верен своему обещанию; но если у меня появятся новые причины жаловаться, я буду считать себя оправданным". Далее он затронул различные темы, словно стремясь опередить время, отметив, что Франциск нечестиво добивался расторжения брака своей дочери; что Россия и Пруссия сделали положение Австрии опасным; что царь и Фридрих Вильгельм проявили мало деликатности, посетив Марию Луизу в Рамбуйе; что он сам не был узурпатором; и что он был неправ, не заключив мир в Праге или Дрездене. Затем, внезапно сменив тон и тему, он с интересом спросил, что произойдет, если Эльба откажется принять его. Коллер думал, что он все еще может найти убежище в Англии. Наполеон ответил, что он думал об этом; но, поскольку он всегда стремился причинить вред Англии, примут ли его англичане радушно? Коллер ответил, что, поскольку все проекты, направленные против ее благосостояния, сошли на нет, Англия не будет испытывать горечи. Наконец, около полудня Наполеон спустился во внутренний двор, где выстроились несколько гренадер старой гвардии. Офицеры, рядовые и сержантский состав, были вызваны вперед, и в нескольких трогательных словах их бывший лидер поблагодарил всех, кто остался верен ему, за их преданность. С их помощью он мог бы продолжить войну за Луарой, но предпочел пожертвовать своими личными интересами ради интересов Франции. "Продолжайте служить Франции", - гласит наполеоновский текст этого прекрасного обращения, но комиссарам показалось, что они услышали "служить суверену, которого выбрала нация". Далее он сказал, что мог бы покончить с собой, но хотел

жить и запечатлеть для потомков великие подвиги своих воинов. Затем он обнял Пети, командующего офицера, и, прижав к груди императорского орла, свой штандарт во стольких славных битвах, прижал его к губам и сел в ожидавший его экипаж. Нарастающее рыдание вырвалось из рядов, и слезы потекли по обветренным щекам людей, которые не плакали годами.

ГЛАВА XII

ИМПЕРАТОР ЭЛЬБЫ [\[14\]](#)

Наполеон и народное безумие — Возникшие серьезные опасности — Изгнание под британским флагом — Путешествие на Эльбу — Наполеоновский двор в Порто Феррайо — Таинственные посетители — Отчуждение Марии Луизы — "Остров покоя" Наполеона — Венский конгресс — Нарушение им Договорных соглашений — Недовольство во Франции — Возрождение империализма — Ожесточение армии — Интриги против бурбонов — Поведение Наполеона — Его опасения покушения.

1814-15

Путешествие Наполеона на Эльбу было чередой разочарований. Как уже было сказано, в своем "договоре" он оговорил, что императрица должна сопровождать его в Сен-Тропе, где он должен был сесть на корабль. Он настойчиво заявлял, что ее отсутствие можно объяснить только принудительным содержанием под стражей; и он снова заговорил об отзыве своего отречения в связи с этим нарушением обязательств, данных союзниками. Но он стал более собранным, и поездка была достаточно комфортной до самого Лиона. Иногда на этом отрезке пути случались вспышки добрых чувств со стороны тех, кто останавливался, чтобы посмотреть на проезжающий мимо его поезд. Но при спуске по Роне произошли заметные перемены. Если раньше провансальцы были радикалами Революции, то теперь они стали приверженцами Реставрации. Поток позорной клеветы вырвался на свободу: люди говорили, что мать императора была распутной женщиной, его отец - мясником, сам он всего лишь бастард, его настоящее имя Николай. "Долой Бонапарта! долой Николая!" - слишком часто раздавался насмешливый крик, когда он объезжал деревни. Мобрей, наемный убийца, спешил из Парижа с отчаянной бандой, якобы для того, чтобы вернуть драгоценности короны или правительственные средства, которые могли быть среди имущества Наполеона. Вспоминая хвастовство Александра о том, что его лучшие слуги были найдены среди убийц его отца, и вспоминая, что Франциск жаловался Меттерниху на изгнание Наполеона в далекую страну, поскольку Эльба находилась слишком близко к Франции и Европе, вполне возможно, что Талейран мог рассчитывать на моральную поддержку династий в потворстве убийству Наполеона. Забыл ли он об убийстве в Энгийене? Вероятно, нет; но его совесть не была чрезмерно чувствительной. Двадцать четвертого апреля близ Валанса императорская процессия встретила карету Ожеро. Архиреспубликанец ранней карьеры Наполеона присоединился к новому правительству и был сохранен на своем посту. Он вышел, бывший император тоже: последний демонстрировал все обычные формы вежливости, первый старательно пренебрегал ими. Наполеон с приятной иронией спросил, направляется ли генерал ко двору. Удар попал в

цель, но в резкой отповеди Ожеро, используя оскорбительное "ты", с немалым смущением заявил, что бурбоны волнуют его не больше, чем Наполеон; что у него не было никаких мотивов для своего поведения, кроме любви к своей стране.

Отчасти благодаря удаче, отчасти благодаря умелому управлению кортеж избежал нападения разъяренных банд, которые в разных местах поклялись лишить жизни павшего императора. В Авиньоне его спасение было почти чудесным. Близ Оргона толпа роялистов окружила карету, и Наполеон в бледном ужасе спрятался за Бертраном, съездившись там до тех пор, пока непосредственная опасность не была устранена его русским эскортом. Проехав несколько миль, он надел форму почтальона и проехал на почте через город. В Сен-Канне он не прикасался ни к одному кусочку пищи, опасаясь отравления. Слухи о горьких чувствах, царивших в Эксе, побудили его для дополнительной защиты облачить одного из своих помощников в его собственную слишком фамильярную одежду. В этом городе он был тяжело болен, примерно так же, как в Фонтенбло. Приступ легко поддавался лечению, и прусский комиссар утверждал, что он был вызван отвратительной болезнью. После этого преследуемый беглец надел австрийскую форму и сел в карету австрийского комиссара; переодевшись таким образом, император Эльбы, казалось, чувствовал себя в безопасности. Начиная с Люка, роту охраняли австрийские гусары; но, несмотря на этих военных тюремщиков, насилие толпы день ото дня усиливалось в каждом последующем городе. Наполеону стало не по себе, и маршрут путешествия был изменен с направления Сен-Тропе на направление Фрежюса, чтобы избежать постоянно возрастающей опасности. Единственным облегчением в длинной череде невзгод был визит его легкомысленной, но любящей сестры Полины, принцессы Боргезе, которая утешила его и пообещала разделить с ним изгнание. Наконец дошли до Фрежюса, и к Наполеону вернулось самообладание, когда он увидел английский фрегат и французский бриг, стоявшие в гавани. Возможно, прекрасный вид напомнил монарху-изгнаннику возвращение в 1799 году некоего генерала Бонапарта, который высадился на том же берегу, чтобы свергнуть Директорию. Если нет, то это, должно быть, было вызвано непривычным унынием или мрачным отчаянием.

Наполеон снова заметил нарушение своего договора. Он должен был отплыть из Сен-Тропе на корвете; здесь был только бриг. Соответственно, как бы в знак намеренного пренебрежения, на самом деле ради своей безопасности и комфорта, он попросил и получил разрешение подняться на борт английского фрегата "*Неустрашимый*" в качестве гостя его капитана. Обещанный "корвет" находился в Сен-Тропе в ожидании своего пассажира, но поспешное изменение плана сделало невозможным доставить его вовремя. Возможно, и по этой причине багаж Наполеона был значительно уменьшен в количестве; и на это он также жаловался, как на нарушение своего договора. Его прощание с русским и прусским комиссарами было кратким и достойным; австрийские гусары воздали присутствующим все воинские почести; и когда император в сопровождении английского и австрийского комиссаров сел на корабль, с "*Неустрашимого*" раздался залп из двадцати четырех орудий. Он уже начал восхвалять Англию и ее цивилизацию и вести себя так, словно полагался на добрую волю английского джентльмена, точно так же, как побежденный рыцарь полагался бы на рыцарскую учтивость своего победителя. Такое видимое изысканное обращение усилило его самодовольство. Его приближенные говорили, что он снова "всецело император".

Для него было серьезным ударом, когда, поднявшись на борт корабля, он обнаружил, что салюты были отданы в знак признания членов комиссии и что вежливый, но решительный

капитан Ашер был полон решимости относиться к своему знаменитому гостю с вежливостью, подобающей обычному джентльмену, и только с ней. Несмотря на то, что во время плавания Наполеон временами раздражался из-за ограничений военно-морской дисциплины, он изящно подчинился и держался смиренно. Это было его первое знакомство с английскими обычаями: иногда они интересовали его; часто, как в случае с послеобеденными развлечениями и соблюдением воскресного дня, они раздражали его, и тогда с презрительным раздражением он удалялся в свою каюту. В разговоре с Коллером, австрийским комиссаром, он однажды назвал свое поведение при переодевании по дороге во Фрежюс малодушием и вульгарно признал, что выставил себя напоказ. Он был убежден, что все ужасные сцены, через которые ему пришлось пройти, были делом рук эмигрантов Бурбонов. В целом его выступление представляло собой беглый комментарий к прошлому, хорошо просчитанную болтовню, в которой с кажущейся спонтанностью и непосредственностью его поведению давались совершенно новые толкования. Это было началом серии исторических комментариев, продолжавшихся, с перерывами, до конца его жизни. В объяснении и приукрашивании истории повсюду присутствует единство цели, которое будет рассмотрено позже. Четвертого мая "*Неустрашимый*" бросил якорь в гавани Порто-Феррайо.

Эльба была островом, разделенным сам по себе, среди его жителей были как империалисты, так и роялисты, а также значительная партия, желавшая независимости. Заявив, что Наполеон привез с собой баснословные суммы, австрийские и английские уполномоченные легко склонили эльбанов к пылкой преданности своему новому императору. До наступления темноты четвертого числа суд был учрежден, и новая администрация приступила к своей работе. Овладев ресурсами и потребностями своего пигмейского королевства, император сразу же начал задействовать все свои силы, ремонтируя дороги, укрепляя стратегические пункты и создавая примерно ядро из четырехсот гвардейцев, которые были отправлены из Фонтенбло, - боеспособную небольшую армию в тысячу шестьсот человек. Его расходы регулировались до мельчайших деталей, солеварни и железоделательные рудники, которые были оплотом процветания Эльбана, сразу же начали увеличивать свою добычу, а налогообложение регулировалось со скрупулезной тщательностью. Благодаря этому главному достоинству французского бюргера - хорошему управлению - остров стал почти независимым от остатков сокровищ Тюильри, суммы около пяти миллионов франков, которые Наполеон привез из Франции. Те же силы, которые правили миром, действовали с равным успехом в сфере, почти микроскопической по сравнению с ними. Многим это показалось жалким комментарием к человеческому величию, но великий изгнанник не собирался погружаться в презренную летаргию. Если в будущем для него что-то припасено, его способности должны быть развиты, а их ориентация должна поддерживаться плавной при использовании. Принцесса Боргезе была разлучена со своим вторым мужем вскоре после свадьбы, и с 1810 года она жила в изгнании из Парижа, будучи изгнанной за дерзкое поведение по отношению к императрице. Но она не затаила злобы и вскоре, как и было обещано, прибыла и поселилась в качестве компаньонки своего брата. Мадам Мер, хотя и была далека в достатке, тоже приехала, чтобы утешить своего сына в беде. Перехваченные письма первой доказывают, что она вела на Эльбе по меньшей мере такую же свободную жизнь, как и прежде, но они не дают достаточного основания для скандалов, касающихся ее отношений с Наполеоном, которые были основаны на них и усердно распространялись при дворе Людовика XVIII. Это позорное обвинение, хотя и недавно возрожденное и находчиво поддержанное, по-видимому, не имеет под собой достаточных оснований.

Экономия Наполеона стала не просто целесообразной, но и императивной из-за того факта, что из Франции не поступило ни одной денежной суммы, обещанной в его договоре с державами. После короткого пребывания Коллер откровенно заявил, что, по его мнению, им никогда не заплатят, и уехал. Остров кишел шпионами Бурбонов, и единственным разговором, в котором Наполеон мог позволить себе не стесняться, был разговор с сэром Нейлом Кэмпбеллом, английским представителем, или с титулованными английскими джентльменами, которые удовлетворили свое любопытство, посетив его. В летнюю жару, когда двор расположился лагерем на высотах Марчианы, чтобы подкрепиться, там появилась таинственная дама со своим ребенком. Обоих хорошо приняли и с ними по-доброму обращались, но они полностью скрылись от общественного внимания. Распространенные слухи гласили, что это была императрица, но это было неправдой; это была графиня Валевская с одним из двух сыновей, которых она родила от своего хозяина, которого она по-прежнему обожала. Они пробыли там всего несколько дней и ушли так же таинственно, как и пришли. Низменные женщины толпились на территории императорской резиденции, открыто борясь за благосклонность Наполеона, на что они до сих пор никогда не осмеливались; успех слишком часто сопутствовал их усилиям.

Но единственная женщина, которая должна была быть рядом с ним, отсутствовала. [\[15\]](#) Несомненно, она приложила честные усилия, чтобы приехать, и для ее приема были подготовлены апартаменты в маленьком дворце в Порто-Феррайо. Однако ее отец препятствовал ей на каждом шагу, и в конце концов она фактически оказалась пленницей в Шенбрунне. Сдержанность была настолько очевидной, что ее бабушка Каролина, королева Обеих Сицилий, воскликнула в негодовании: "Если бы я была на месте Марии Луизы, я бы привязала простыни со своей кровати к оконной раме и сбежала". Вверенная заботам элегантного и утонченного Нейпперга, любимого камергера, которого она впервые увидела в Дрездене, она подверглась таким коварным уловкам, что в конце концов ее хрупкие моральные устои были полностью сломлены, и она пала жертвой его обаяния. Еще в августе Наполеон получал от нее страстные письма; затем она стала формальной и холодной; наконец, под напором Меттерниха она вообще перестала писать. Ее французский слуга Меневаль сумел передать всю печальную историю ее мужу, но император отнесся к этому недоверчиво и надеялся вопреки всякой надежде до декабря. Тогда только он прекратил свои непрекращающиеся и настойчивые призывы.

Число посетителей Эльбы иногда достигало трехсот за один день. Среди них было несколько англичан, меньше французов, но много итальянцев. Со временем тяжесть австрийского ига начала раздражать народ бывшего королевства Наполеона, и значительное число из них, с тоской вспоминая мягкого Эжена, присоединились к обширному, хотя и слабому заговору с целью восстановить Наполеона на троне Италии. Люсьен вернулся в Рим, чтобы способствовать развитию движения, а Мюрат, с беспокойством наблюдая за общей неверностью великих держав в мелочах, начал дрожать за безопасность своего собственного трона. С ними и другими людьми Наполеон, по-видимому, регулярно переписывался. Он чувствовал себя полностью свободным от обязательств, которые взял на себя в Фонтенбло, поскольку был уверен, что народ южной Франции был подстрекаем к лишению его жизни агентами роялистов, и пока проходил один срок за другим, из обещанной пенсии не было выплачено ни цента; следовательно, его собственное состояние неуклонно таяло. В течение нескольких месяцев он вел себя так, словно действительно был полон решимости сделать Эльбу своим "островом покоя", как он назвал ее непосредственно перед высадкой; но под воздействием таких провокаций его

характер изменился. Краеугольным камнем его договора был его полный суверенитет; в противном случае документ был просто обещанием без какой-либо санкции, даже со стороны международного права. Этот совершенный суверенитет был признан уходом всех комиссаров как таковых, Кэмпбелл настаивал на том, чтобы он оставался просто послом.

В договоре, заключенном тридцатого мая между Людовиком XVIII и державами коалиции, границы Франции были установлены в основном в том виде, в каком они были в 1792 году, и судьба земель, попавших под ее власть в результате революции и Наполеона, должна была быть определена европейским конгрессом. Этот орган собрался первого ноября 1814 года в Вене. Вскоре стало очевидно, что четыре державы коалиции превзойдут крайние попытки Наполеона в своем безрассудном распоряжении европейскими территориями. Однако еще до конца месяца Талейран своими ловкими манипуляциями и заклинаниями, связанными со священным словом "легитимность", превратил себя в движущую силу конгресса и настолько воспламенил гнев как Меттерниха, так и Каслри против диктаторской позиции России и Пруссии, что побудил Австрию и Великобританию подписать третьего января 1815 года секретный договор с Францией, согласно которому стороны первой части обязались противостоять агрессивности северных держав, в случае необходимости применив силу. Это вернуло Франции статус великой державы. К середине февраля северные союзники были приведены к соглашению, и в обмен на их уступки было решено, что Мюрат должен быть свергнут. Этот дух компромисса угрожал или, скорее, окончательно разрушил суверенитет Наполеона, каким бы мелочным он ни был. По обвинению в сговоре с Мюратом его легко могли удалить с Эльбы и депортировать в какое-нибудь более отдаленное место, откуда он не мог оказывать никакого влияния на европейскую политику.

С первых заседаний конгресса сложилось общее мнение относительно этого курса. Что касается места проведения, мнения разошлись. Каслри отдавал предпочтение Азорским островам, но другие - островам Зеленого Мыса; остров Святой Елены, в то время хорошо известный как место захода в длительном путешествии к мысу, был предложен гораздо раньше, еще до того, как была выбрана Эльба, но когда и кем - неизвестно. Вполне возможно, что Веллингтон, сменивший Каслри на посту английского полномочного представителя в феврале, мог упомянуть это название; он бывал там и знал это место как едва ли не самое отдаленное в мире. Официальное предложение на этот счет, по-видимому, было сделано прусским кабинетом министров. Конгресс не предпринял никаких определенных действий по этому вопросу, но понимание было настолько ясным и общим, что в "Монитер" от восьмого марта 1815 года было напечатано воззвание к национальной гвардии, в котором говорилось, что на Венском конгрессе были приняты меры для дальнейшего удаления Наполеона. Всем, включая самого пленника, было легко поверить, что, поскольку все остальные статьи соглашения в Фонтенбло были нарушены, то и то, что гарантировало суверенитет Эльбы, в равной степени ничего не стоило.

Не подлежит сомнению, что Наполеон был полностью осведомлен о том, что было предложено в Вене, и абсолютно несомненно, что он был полностью информирован об изменившемся состоянии общественного мнения во Франции. Пообещав довольно либеральную конституцию в качестве платы за свой трон, Людовик XVIII с колоссальной глупостью решил проигнорировать прошлое и провозгласил хартию как свой собственный акт милосердия, совершенный на девятнадцатом году его правления! Верхняя палата, или Палата пэров, была его творением, поскольку он мог создавать членов по своему желанию. Слабый умом и телом, он был не в состоянии опровергнуть реакционные предположения

своей семьи, которая, покинув свою страну, вернулась в нее с помощью захватчиков, презираемых и страшящихся нации. Им и возвращающимся эмигрантам были предоставлены богатые sinecтуры, и они начали поговаривать о возвращении поместий их законным владельцам; в некоторых случаях владельцев на смертном одре запугивали, чтобы они произвели такую реституцию. Крайне клерикальная партия начала даже препятствовать министерству в его усилиях по предоставлению свободы вероисповедания, гарантированной конституцией. В определенные святыи дни светские дела были запрещены, и были отслужены заупокойные мессы по Пишегрю, Моро и Кадудалю, причем по последнему за счет короля. Когда, наконец, актрисе было отказано в христианском погребении, в Париже начались беспорядки.

Но правительство продолжало свой самоубийственный курс; даже в Вандее росло недовольство, и, поскольку избирательное право было сильно ограничено, послышался ропот по поводу олигархии и тиранов. В Ниме протестанты опасались нового Святого Варфоломея и говорили об этом. Даже умеренные роялисты встревожились и не смогли возразить, когда услышали, что новый порядок заклеямен подходящим названием "отцовская анархия". И ветераны, и призывники в большом количестве дезертировали из армии, поскольку они видели, как их офицеров увольняли десятками, чтобы освободить места для молодой аристократии, или как их товарищи уходили на пенсию, номинально на половинном жалованье, на самом деле, чтобы как можно лучше зарабатывать на жизнь. Прошло совсем немного времени, прежде чем люди показали друг другу карманные карточки с изображением Наполеона, шепча в качестве лозунгов: "Мужество и надежда", или "Он был и будет", или "Французы, проснитесь; император просыпается". Уже в июле 1814 года слухи о его возвращении распространились по сельским округам, а к осени стремление к нему стало откровенным и всеобщим. В Париже были более осторожны, но как Мармона называли "Иудой" за то, что он предал своего хозяина, так и Бертье был известен как "Питер" за то, что он отрекся от него, и это была обычная шутка - привязать белую кокарду к хвосту собаки. Перед заседанием Палаты различные фракции открыто называли себя либо роялистами, либо бонапартистами, либо либералами, либо якобинцами. Представленные денежные расчеты ясно давали понять, что король дороже императора, и когда пары не только проголосовали за выплату компенсации эмигрантам за земли, принадлежащие их семьям, но также приняли законопроект, устанавливающий цензуру в прессе, все заговорили о том, что нынешнее положение вещей не может продолжаться долго.

Число французских военнопленных и солдат, освобожденных из осажденных крепостей в Центральной Европе, составляло около трехсот тысяч, из которых треть были ветеранами Империи. К ним следует добавить армию, которую Сульт, не зная об отречении Наполеона, привел к поражению при Тулузе, и солдат, служивших в Италии. Эти люди, давно привыкшие к большому вниманию, по возвращении оказались личностями, не имеющими никакого значения. Они узнали, что к великим офицерам империи повсюду относились со скудной вежливостью и что знатные дамы императорского двора теперь фактически были изгнаны из Тюильри многозначительными вопросами и громкими приветствиями королевских особ, которые их заменили. На всех общественных курортах рассказывали, как Ней был возмущен грубыми оскорблениями, нанесенными его жене герцогиней Ангулемской. Хорошо обученные подчиненные офицеры этих контингентов тысячами бросались на произвол судьбы на тех же условиях, что и в собственной армии Наполеона, - половинное жалованье, если они проявляли себя добрыми католиками, в противном случае

ничего. По большей части, опять же, это обещание было пустым; молодые роялисты были поставлены на свои места, жалование старой гвардии было сокращено, была организована новая благородная гвардия, в продвижении по службе было отказано тем, кто получил чины во время военных действий, и приюты, созданные для сирот тех, кто принадлежал к ордену Почетного легиона, были упразднены. Протест был таким горьким, что король счел необходимым уволить своего военного министра и, не осмеливаясь заменить Мармона, который требовал этого места, назначил Сульта. Он тоже был быстро дискредитирован за резкость по отношению к Эксельмансу, подчиненному, который, как выяснилось, состоял в переписке с Наполеоном; и к середине февраля 1815 года почти все солдаты в душе были бонапартистами, а их друзья по большей части им потворствовали.

Выставка наполеона, 1895

КОРОЛЬ РИМА

Написан Марией Луизой под руководством Изаби
, принадлежащей господам . Маркиз и граф де Лас Кейсес.

Менее чем через два месяца после того, как Людовик XVIII занял свое место, Талейран и Фуше погрузились в свои интриги. Они думали о сыне Филиппа Эгалитэ как о возможном конституционном правителе; они говорили о восстановлении императорского регентства; поскольку возвращение Наполеона было исключено, последний курс был бы безопасен. В последующие месяцы они продолжали жонглировать этой двойной интригой, и вокруг их заговоров скопилось масса второстепенных. Лорд Ливерпуль фактически вызвал Веллингтона в Лондон, опасаясь, что герцог будет схвачен, и Мармон взял парижский гарнизон под ружье. Двадцать первого января 1815 года смерть Людовика XVI была отмечена роялистами самыми дикими разговорами; и такова была всеобщая ярость по поводу обращения Эксельманса, что Фуше, наконец, выступил вперед, чтобы придать своему заговору какую-то форму. Ожидалось, что Карно и Даву будут сотрудничать; но, хотя они отказались, было обеспечено достаточное количество влиятельных лиц, чтобы сделать план расширенного восстания полностью осуществимым. Ради этого все партии были готовы объединиться; никто не знал и не заботился о том, что должно прийти на смену существующему правительству — все было лучше, чем "отцовская анархия".

Насколько точна была информация, дошедшая до Наполеона на Эльбе, мы не можем установить, поскольку его чувства были скрыты, а поведение ни к чему не обязывало. Он

полностью восстановил свое здоровье, и, несмотря на преклонный возраст, ему было всего сорок пять лет, и он все еще выглядел как человек в расцвете сил. Он был явно энергичен, невысок ростом, с толстой шеей и склонен к полноте. Его щеки были несколько тяжеловатыми и чувственными, волосы были зачесаны далеко назад на висках, конечности мощными, кисти и ступни изящной формы и заметно маленькими. Его движения были нервными и хорошо контролируемые, его взгляд был ясным и блестящим, его страсти были сильными, его самоконтроль был очевиден, и координировать его силы было легко. С эльбанским крестьянином он был любезен; со своими подчиненными держался с достоинством; среди своих многочисленных посетителей он держался с хорошим чувством юмора и такта; его доброта к матери и сестре сделала их обоих преданными и счастливыми.

Единственное беспокойство, которое он проявлял, касалось убийств и похищений: с первым, по его словам, он мог бы встретиться как солдат; о последнем он говорил с тревожным предчувствием. У него были причины опасаться и того, и другого. Каждую неделю либо во Франции, либо в Италии, либо в обеих странах среди фанатичных роялистов и священников вспыхивал заговор с целью его убийства; и хотя берберийские пираты горели желанием схватить его и получить большой выкуп, в своем рвении их превзошли как Мариотта, агент Талейрана в Ливорно, так и Брюслар, заклятый и давний враг, который с этой целью был назначен губернатором Корсики. Вероятно, по этим причинам император Эльбы жил, насколько это было возможно, в уединении. Со временем он стал менее близок к Кэмпбеллом, но шотландский джентльмен не объяснял этот факт недовольством. Перед тем как шестнадцатого февраля покинуть Эльбу, чтобы некоторое время пожить во Флоренции и исполнять там обязанности английского посланника, он высказал мнение, что, если Наполеон получит пенсию, предусмотренную договором, он спокойно останется там, где находится.

ГЛАВА XIII

НАПОЛЕОН ОСВОБОДИТЕЛЬ [\[16\]](#)

Наполеон готов к повторному появлению — Причины его решимости — Возвращение во Францию — Марш на Север — Гренобль открывает свои ворота — Лионские прокламации — Император в Тюильри — Император французов — Дополнительный акт — Последствия возвращения во Франции и в других местах — Венский конгресс осуждает Наполеона.

Недавно вспомнили, что еще в июле 1814 года император Эльбы заметил английскому гостю, что Людовик XVIII, будучи окружен теми, кто предал Империю, в свою очередь, вероятно, сам будет ими предан. Однако в течение последующих четырех месяцев изгнание не выказывало никаких признаков какой-либо глубокой цели; с теми, кто хотел покинуть его, он сердечно прощался. Однако в декабре он многозначительно заметил одному из своих старых солдат, как тот подумал: "Что ж, гренадер, тебе скучно; ... принимай погоду такой, какая она есть". Сунув золотую монету в руку ветерана, он отвернулся, напевая под нос простые слова: "Это не будет длиться вечно". После этого он отговорил всех, кто хотел уехать, сказав: "Будьте терпеливы. Мы проведем эти несколько зимних дней как можно

лучше; затем мы попытаемся провести весну по-другому". Возможно, эти туманные формулировки относились к итальянскому плану, но десятого февраля он получил четкий отчет о том, что произошло в Вене, а вечером двенадцатого Флери де Шабуллон, близкий друг Маре, прибыл, переодевшись моряком, и самым полным и достоверным образом раскрыл положение дел во Франции. Услышав о плане восстановления регентства, Наполеон горячо воскликнул: "Регентство! Зачем? Значит, я мертв?" Два дня спустя, после долгих совещаний, эmissар был отправлен сделать все, что в его силах, в Неаполь, и император начал свои приготовления.

Вскоре об этом стало известно на материке, и три дня спустя персонаж, личность которого так и не была раскрыта, прибыл под видом марсельского торговца, заявив, что, за исключением богатых и эмигрантов, каждый человек во Франции жаждет возвращения императора. Если бы он только водрузил свою шляпу на берегах Прованса, это привлекло бы к ней всех людей. Когда Наполеон стал псевдоисториком, он заявил в одном месте, что нарушения договора в Фонтенбло и его опасения депортации не имели никакого отношения к его возвращению с Эльбы; в другом он утверждает обратное. Поскольку легенда, которую он тогда старательно конструировал, требовала нерушимой преданности французов знаменосцу Революции ради последовательности, он, вероятно, вспомнил только чувства, пробужденные сообщением Флери о том, что возможность созрела, и это тоже раньше, чем ожидалось. Но в то время были и другие мотивы, поскольку Пейруссе, хранитель кошелька Наполеона во время пребывания на Эльбани, слышал, как его хозяин утверждал, что оставаться в Порто-Феррайо было бы опаснее, чем возвращаться во Францию. В любом случае, что касалось Франции и мира в целом, презрительное безразличие Людовика и его министров к своим обязательствам по договору убедительно оправдывало курс Наполеона. Даже Александер и Каслри рано выразили негодующий протест Талейрану, но последний, уже погрязший в заговоре, отверг их легкомысленным ответом.

С большой ловкостью и секретностью Наполеон собрал и снарядил свою маленькую флотилию, которая состояла из *"Непостоянного"*, крепкого брига, выделенного ему в Фонтенбло, и семи судов поменьше. Во время приготовлений французские и английские военные корабли, патрулировавшие соседние воды, приходили и уходили, но их капитаны ничего не подозревали. Отъезд Кэмпбелла породил среди островитян ложный слух о том, что Англия одобряет какую-то экспедицию, в которую собирался отправиться император, и таким образом рассеял все подозрения. Когда двадцать шестого числа маленькая армия в тысячу сто человек оказалась на плаву, с восьмьюдесятью лошадьми и несколькими пушками, никто, казалось, не понял, что произошло; кроме Друо, который умолял Наполеона не поступать опрометчиво, все были полны энтузиазма. Чтобы избежать подозрений, каждый капитан следовал своим собственным курсом, и различные суда, разбросанные по морю через неравные промежутки времени, ничем не отличались от других судов, бороздивших эти воды. Было замечено несколько военных кораблей, но они держали свой курс. По мере того как одна опасность за другой была предотвращена, настроение великого авантюриста поднималось до тех пор, пока он не преисполнился радости и не заговорил об Аустерлице. Было первое марта, когда с *"Непостоянного"* наконец увидели землю; как по волшебству, другие суда сразу же появились в поле зрения, и к четырем часам все матросы были на берегу залива Жуан. Камбронна, полковника императорской гвардии, послали реквизировать лошадей в Каннах со строгим предписанием не проливать ни капли крови. Как театрально сказал великий актер на борту своего брига, он был "готов показать великую новинку" и рассчитывал ослепить зрителей

энтузиазмом, который они перестали испытывать к старым пьесам. Среди других, доставленных на бивуак Наполеона той ночью, был принц Монако, которого Камбронн нашел в Сен-Пьере путешествующим в карете, запряженной четверкой лошадей, и который был взят в качестве пленника в присутствии Наполеона. "Куда вы направляетесь?" таково было, согласно традиции, приветствие Наполеона. "Я возвращаюсь в свои владения", - последовал ответ. "Действительно! и я тоже, - последовал веселый ответ.

Вспомнив смертельную агонию, которую он пережил на шоссе через Экс всего год назад, и ее причины, а также узнав, насколько сильны были антироялистские настроения в Дофине, Наполеон направил свою маленькую армию маршем прямо на Гренобль. В Каннах царил всеобщее безразличие; в Грассе выяснилось, что командовавший дивизией генерал бежал, и раздалось несколько робких возгласов: "Да здравствует император!" Оттуда в Динь по Гренобльскому шоссе вела горная тропа через хребет в двенадцати тысячах футов над уровнем моря. За двадцать часов стройная колонна прошла тридцать пять миль. "Ворчуны" шутили о "маленьком капрале", который тащился рядом с ними, альпийские деревушки обеспечивали обильным пайком, а правительственные чиновники снабжали незаполненными паспортами, которые позволяли Наполеону посылать эмиссаров как в Гренобль, так и в Марсель, где командовал Массена. Небольшой гарнизон Диня был настроен бонапартистски, но он еще не был готов присоединиться к Наполеону и отступил; в Систероне его удержал от вмешательства отряд войск, присланный в качестве наблюдательного отряда из Марселя, в то время как население горячо призывало императора. В Гэпе чиновники пытались организовать сопротивление, но они отступили перед угрозами народа. К этому времени крестьяне прибывали сотнями. До сих пор предприятие Наполеона получило всего четырех новобранцев: двух солдат из Антиба, кожевника из Грасса и жандарма. Теперь он был настолько уверен в себе, что распустил крестьян, заверив их, что солдаты впереди встанут под его знамена.

Седьмого марта голова колонны имперских авантюристов достигла Ла-Мюра, расположенного в коротком дневном переходе от Гренобля. Их встретили с энтузиазмом, и мужчинам принесли ведро плохого местного вина, чтобы они могли подкрепиться. Когда все было подано, Наполеон потянулся за дешевым стаканчиком и проглотил свою порцию, как и все остальные. Как среди его людей, так и среди зрителей царил дикий восторг, когда "армия" двинулась к Лаффре, следующей деревне, куда был направлен небольшой отряд из Гренобля для разрушения моста через Драк. С непроницаемыми лицами они стояли поперек шоссе, выставив копья и зарядив мушкеты, получив приказ стрелять в Наполеона в тот момент, когда он появится. Наконец наступил критический момент. "Вот он! Огонь!" - закричал офицер-роялист. Солдаты схватились за оружие, их лица побледнели, колени задрожали, и они — не подчинились! Наполеон, медленно ступая, приблизился на расстояние пистолетного выстрела. На нем был старый знакомый серый сюртук, хорошо знакомая треуголка и трехцветная кокарда. "Солдаты Пятого полка, - сказал он сильным, спокойным голосом, - смотрите на меня!" Затем, сделав еще несколько шагов, он распахнул пальто и, демонстрируя знакомую форму, крикнул: "Если среди вас есть хоть один солдат, который хочет убить своего императора, он может это сделать. Я пришел предложить себя для ваших атак ". В одно мгновение ряды противников превратились в толпу рыдающих, ликующих людей, целующих ботинки Наполеона, пытающихся дотронуться до подолов его поношенной одежды. Окружающая толпа придвинулась ближе, выражая сочувствие. "Солдаты, - воскликнул волшебник, - я иду с горсткой храбрецов, потому что рассчитываю на вас и народ. Трон бурбонов незаконен, потому что он был возведен не нацией. Вашим

отцам угрожает восстановление титулов, привилегий и феодальных прав; не так ли?" "Да, да", - закричала толпа. В этот момент появился всадник, одетый в форму национальной гвардии, но с огромной трехцветной кокардой. Опустившись к ногам Наполеона, он сказал: "Сир, я Жан Дюмулен, перчаточник; я приношу вашему величеству сто тысяч франков и свое оружие". В тот же миг императорская прокламация, осуждающая изменников и обещающая, что под старыми знаменами победа вернется подобно штормовому ветру, переходила из рук в руки в гарнизоне Гренобля. Лабедойер, полковник Седьмого линейного полка, первым объявил о своем намерении поддержать своего императора, и офицеры-роялисты с тревогой наблюдали, как распространяются империалистические настроения. Они договорились эвакуировать это место на следующее утро. В семь часов вечера Наполеон созвал город; комендант, не в силах противостоять давлению как солдат, так и населения, бежал с несколькими приверженцами, и в десять часов ворота были открыты. Прием вернувшегося изгнанника был сердечным и впечатляющим. После тридцатишестичасового отдыха он отправился в Лион с семитысячной армией.

"До Гренобля я был авантюристом; в Гренобле я был принцем", - писал Наполеон на острове Святой Елены. Если это было правдой, то в Лионе он был императором не только номинально, но и фактически, и этот великий город приветствовал его с такой же энергией, с какой были отвергнуты Артуа и Макдональд. Вспоминая уроки своей юности, некоторые из которых были усвоены на Корсике, некоторые - в долине Роны, вернувшийся император тщательно прощупывал пульс общественного мнения во время своего путешествия. Он обнаружил, что стремление к миру является всеобщим, и еще до вступления в Лион он начал обещать мир с честью. Но этого, как он быстро понял, было недостаточно: это должен быть мир со свободой. Поэтому он объявил, что единственной стоящей перед ним задачей является защита интересов и принципов Революции от возвращающихся эмигрантов. Франция, восстановившая свою славу, должна была жить в гармонии с другими европейскими державами до тех пор, пока они занимались своими собственными делами. Наполеон, освободитель Франции! Для устрашения иностранных захватчиков и внутренних врагов великая объединенная нация должна была заговорить трубными звуками. Таким образом, из Лиона, второго города империи, было созвано народное собрание для пересмотра конституции. Чтобы создать впечатление, что Австрия втайне поддерживает курс императора, были вызваны три делегата из восточной столицы для участия в важной церемонии, которая должна была состояться почти немедленно, - коронации императрицы и короля Рима. Более того, был издан указ, который изгонял вернувшихся эмигрантов и отменял притязания высокомерной знати. Талейран, Мармон, Ожеро и Дальберг были смещены, а королевская дворянская гвардия была упразднена. Под этим влиянием бонапартистские настроения стали настолько сильными и распространились так широко, что армия Сульта, собранная на юго-востоке для противостояния Мюрату, превратилась в империалистов почти поголовно. Массена, который, похоже, последовал примеру Фуше, выжидал, что будет дальше, и оставался нейтральным. Ней присоединился к общему движению и присоединился к Наполеону в Осере. "Обними меня, мой дорогой генерал", - были слова приветствия императора. "Я рад видеть тебя; и мне не нужны ни объяснения, ни оправдания".

Всякое сопротивление исчезло перед наступлением Наполеона, когда он миновал Отен и спустился по долине Йонн к Парижу. Повсюду среди населения возникали разногласия, но энтузиазм солдат и сочувствующих им торжествовал. Войска, посланные королевским правительством для подавления "узурпатора", рано или поздно перешли на сторону

"узурпатора". Однажды утром на ограде вокруг Вандомской колонны был найден плакат: "Наполеон - Людовику XVIII. Мой добрый брат, бесполезно посылать мне еще войска; у меня их достаточно". Париж был охвачен бурей сдерживаемого возбуждения. Меры сопротивления были нерешительными; король пошел на щедрые уступки, и палаты приняли превосходные законы, не привлекая к себе никакого внимания или сочувствия; были набраны добровольцы, но в их организации не было энергии. Когда восемнадцатого числа Наполеон достиг Фонтенбло, резервы, дислоцированные в Париже и его окрестностях на юге, перешли к нему в полном составе. Девятнадцатого Людовик обратился с отчаянным обращением к армии и бежал в Лилль; утром двадцатого числа столица оказалась без каких-либо признаков правления. Улицы были запружены людьми, но беспорядков не было, пока банда роялистов не напала на офицера на половинном жалованье с императорской кокардой. Немедленно сформированная городская стража вмешалась, чтобы подавить беспорядки. Вслед за этим империалисты попытались захватить Тюильри; они тоже были остановлены, и для защиты этого важного места были брошены двойные силы, роялистские и имперские. Над другими общественными зданиями одиноко и нетронуто развевались императорские флаги. Во второй половине дня толпа рассеялась, и имперские чиновники спокойно заняли свои места. В девять часов вечера к воротам Тюильри подкатила почтовая карета, Наполеон вышел, и наблюдателям показалось, что его улыбка похожа на улыбку человека, идущего во сне. Тут же он был подхвачен мускулистыми руками своих поклонников и поднят со ступеньки на ступеньку, с площадки на площадку. Привязанность его друзей была столь неистовой, что казалось, что их объятия угрожают его жизни, и он с облегчением вошел в свой кабинет, закрыл дверь и оказался среди нескольких своих старых стойких и испытанных слуг во главе с Коленкуром. Такой прием резко контрастировал с апатией, проявленной на улицах, где людей было немного, без энтузиазма и безразличия. "Они позволили мне приехать, - сказал Наполеон Моллиену, - как позволили уйти другому". Обнаружив, что не в силах вынести одиночества Тюильри и подавленный знакомыми пейзажами, он через несколько дней удалился в сравнительное уединение Елисейского дворца, тогда пригородного особняка, из вежливости названного дворцом.

Некоторая часть досуга Наполеона на Эльбе была посвящена, как упоминалось в другой связи, наброскам трактата, призванного доказать, что его династия была столь же законной, как и любая другая, правившая Францией. Его иллюзии относительно европейской империи были развеяны либо навсегда, либо временно, и на данный момент он был апостолом национальности и народного суверенитета во Франции. Прежде чем положить голову на подушку в Тюильри, он продемонстрировал этот факт миру в составе своего кабинета, который в наши дни был бы обозначен как кабинет концентрации, представляющий различные оттенки мнений. Маре, Даву, Камбасерес, Годен, Мольен, Декре, Коленкур, Фуше и Карно приняли различные портфели; что самое удивительное, Бенжамен Констан, конституционный республиканец, стал президентом реконструированного государственного совета. В связи с объявлением этих имен нация была проинформирована о том, что конституция должна быть пересмотрена и что цензура прессы отменена. По поводу последнего Наполеон заметил, что, поскольку за прошедший год о нем было сказано все возможное, ему самому могло быть не хуже, чем было, но редакторы все еще могли найти, что сказать о его врагах. Константу он откровенно объяснил, что имел в виду под пересмотром. Простые люди приветствовали его возвращение, потому что он был одним из них, и по сигналу он мог убить дворян. Но он не хотел крестьянской войны, и, поскольку вернулся вкус к неограниченным дискуссиям, публичным судебным процессам, свободным выборам, ответственным министрам и всем атрибутам конституционного правления,

общественность должна быть довольна. Ко всему этому он был готов, а вместе с этим и к миру. Но мир он мог завоевать только победой, ибо, хотя в своем поведении, в лионских декретах и в непринужденных разговорах он намекал на переговоры с иностранными державами, эти переговоры были чисто воображаемыми.

С четким пониманием ситуации министры приступили к работе. Двадцать третьего апреля был обнародован Дополнительный закон, согласно которому избирательное право было расширено, государственная церковь упразднена, свобода вероисповедания гарантирована, а все жалкие остатки привилегий или божественных прав аннулированы. Две палаты были сохранены, многие императорские сановники были назначены в Палату пэров, в том числе братья Бонапарты, Люсьен, Жозеф и Жером. Это было, как саркастически заметил Шатобриан, пересмотренное и улучшенное издание конституции Людовика. Преамбула, однако, была новой; в ней говорилось, что Наполеон, долгое время занимавшийся созданием великой европейской федеральной системы, соответствующей духу времени и благоприятствующей духу цивилизации, теперь отказался от нее и отныне посвятит себя единственной цели - совершенной безопасности общественной свободы. Это надуманное представление, наполовину правдивое, наполовину ложное, не вызвало энтузиазма во Франции; оно было принято вместе с Дополнительным актом путем плебисцита, но всего лишь миллионом тремя сотнями тысяч голосов — менее половины от числа, поданного за Консульство и Империю. Во многом это было вызвано странной апатией, вызванной еще более странной, но твердой убежденностью в том, что Франция наконец-то с честью заключила мир. Упоминался военный заговор, спровоцированный Фуше на Севере; до того, как враждебные общественные чувства, таким образом, возникли в этой части, Людовик бежал в Гент в течение пяти дней после того, как Наполеон достиг Парижа, и, хотя принцы королевской крови смогли немного дольше продолжать гражданскую войну на Юге, в целом считалось, что у нации теперь есть правитель по собственному выбору, и что, если они будут строго заниматься своими делами, их оставят в покое. В течение длительного времени из-за границы поступало мало новостей, а внутренние дела шли так стремительно, что на происходящее не обращали внимания.

Ситуация внезапно изменилась в апреле, когда до нации дошло, что призрак войны снова возник и что династии, наконец, стали единым целым в своей решимости искоренить наполеоновский режим в качестве меры самообороны. Каждый мужчина, имеющий какие-либо средства, видел себя нищим, и каждая мать чувствовала, что ее сын выскальзывает из ее рук, чтобы еще раз переплыть то море крови, в котором на протяжении целого поколения была утоплена надежда нации. Депрессия была всеобщей и ужасной, потому что перспектива была ужасающей. Англия, опутанная династическими союзами ради сохранения своего процветания и достоинства, потеряла большинство своих серьезных и пользующихся доверием лидеров, а те немногие, кто выжил, были настолько охвачены паникой, что не обладали достаточной проницательностью. Болезнь короля, наконец, удалила его от общественной жизни, и ему наследовал самый расточительный и легкомысленный из всей линии английских королей, принц-регент, который позже стал Георгом IV. Персиваль и Ливерпуль были консервативны не только из принципа; они были негативными из-за любви к негативу. Своим неумелым управлением внутренними делами они уже заложили основу для социальных потрясений, которые в течение короткого времени должны были вынудить к самым радикальным реформам. Каслри даже не подозревал о том, что в конечном итоге может означать для Великобритании Шомон-ский мирный договор. Чтобы уничтожить Наполеона, он был совершенно доволен тем, что его

собственная свободная страна должна поддерживать систему династической политики, разрушающую все принципы свободы.

Венский конгресс представлял собой не конфедерацию государств, а лигу династий, выдававших себя за нации и объединившихся для взаимного самосохранения. Для них постоянная реставрация Наполеона могла означать только одно - признание права нации выбирать своих собственных правителей, и это стало бы концом абсолютизма в Европе. Для Великобритании это означало бы разрушение ее процветания или, по крайней мере, серьезное ослабление как власти, так и престижа. Таким образом, недавняя коалиция была восстановлена без труда, но на совершенно новой основе. Сообщение о побеге Наполеона дошло до Вены шестого марта. В течение недели Мария Луиза, теперь полностью находившаяся под влиянием Нейпперга, написала, что ей чужды все планы Наполеона, а несколько дней спустя французские слуги маленького короля Рима были уволены; последними словами ребенка, обращенными к Меневалю, были слова любви к его отцу. [\[17\]](#) В то время переговоры между державами продвигались успешно, каждая из которых достигла своей главной цели; тринадцатого марта Конгресс по инициативе Каслри публично осудил Наполеона как "врага и возмутителя мира во всем мире" и объявил его вне закона. Виги заклеили газету в парламенте как провокационную с целью убийства и позорящую английский характер, но из всех важных журналов только "Морнинг Кроникл" хватило смелости поддержать их, заявив, что Англии совершенно безразлично, правят ли во Франции бурбоны или Бонапарты. Эти мужественные протесты остались без внимания, и к двадцать пятому вся Европа, за исключением Неаполя, объединилась против одной Франции.

ГЛАВА XIV

НЕПРИМИРИМЫЕ ДИНАСТИИ [\[18\]](#)

Венская коалиция — Ее цель — Наполеон как либерал — Фиаско — Франция в обороне — Здоровье Наполеона — Военные приготовления воюющих сторон — Их соответствующие силы — Качества и достижения французов — Армии Блюхера и Веллингтона — Французская стратегия — Первое несчастье Наполеона.

1815

Величайшая попытка династий объявить Наполеона вне закона и вернуть Францию бурбонам была предпринята тем, что номинально было союзом восьми членов — Австрии, Великобритании, Пруссии, России, Франции, Испании, Португалии и Швеции. Последняя, однако, была поглощена своей борьбой с Норвегией, и, хотя Испания и Португалия подписали соглашение, реальная сила коалиции, созданной в Вене, заключалась в фактическом возобновлении Шомон-ского мирного договора: Австрия, Пруссия и Россия должны были каждая выставить по сто восемьдесят тысяч человек на поле боя, а Великобритания должна была продолжать свои субсидии.

Четвертого апреля правители Европы были уведомлены, что империя намерена заключить мир; они ответили мобилизацией своих сил и денонсацией в совместном протоколе Парижского мирного договора. В отчаянии Наполеон обратился к Талейрану, но этот министр слишком хорошо знал настроение Венского конгресса и отказался сотрудничать. Разносторонний Фуше вслед за этим инициировал новый заговор, на этот раз против Наполеона, и переубедил Меттерниха; но Меттерних был нем. Другие дипломаты утверждали, что они не хотели вмешиваться во внутренние дела Франции; но они увиливали, намереваясь не что иное, как полную реставрацию Бурбонов.

Под сенью этой грозовой тучи Наполеон управлял своими внутренними государственными делами с бесстрашным спокойствием. Перед ним стояла нелегкая задача. Это была возрожденная ненависть масс к священникам и дворянам, к которой он взывал по пути из Гренобля, и, наблюдая за дикими вспышками гнева населения в Лионе, он прошептал: "Это безумие". Поэтому в Париже он с обдуманной решимостью полностью перешел на сторону умеренных либералов. Это оттолкнуло якобинские элементы по всей стране, а они, в свою очередь, раззадорили роялистов. Когда стало ясно, что ни Мария Луиза, ни король Рима не будут коронованы и что в Австрии не будет никакой помощи, даже империалисты проявили опасный нрав. Общая тревога по поводу войны была такова, что первые меры по реорганизации армии были приняты почти тайно. Было достаточно легко создать костяк формирования и не очень сложно найти заслуживающих доверия офицеров, как рядовых, так и сержантов; но призвать новобранцев означало объявить о надвигающейся войне. Из трехсот тысяч ветеранов, вернувшихся домой, менее пятой части откликнулись на призыв добровольцев; император рассчитывал по меньшей мере на четыре пятых. Национальная гвардия была настолько угрюмой, что многие посчитали, что со стороны Наполеона было бы бравадой устраивать им смотр. Но он был полон решимости сделать это, и шестнадцатого апреля состоялась опасная церемония. До тех пор, пока по крайней мере половина рот не была осмотрена, не раздавалось одобрительных возгласов; затем в рядах раздалось несколько разрозненных выкриков; наконец, появился какой-то неподдельный энтузиазм.

К середине мая начали прибывать национальные депутаты, вызванные в Лион. Они должны были встретиться, по обычаю собраний Карла Великого, в открытом поле. Их задачей должно было стать создание новой конституции. Новости, которые они приносили из своих разных домов, были неутешительными, и их сообщения, к сожалению, взволновали общественное мнение в Париже. Вскоре стало известно, что в Вандее снова вспыхнула гражданская война; последствия были бы самыми катастрофическими, если бы четвертого июня не был убит лидер повстанцев Ларошжаклен. Как бы то ни было, подлое убийство одного из членов их ордена усилило горечь знати. Хуже того, выяснилось, что из шестисот двадцати девяти депутатов пятьсот были ярыми конституционалистами, равнодушными к Наполеону, и что только пятьдесят были его преданными личными друзьями; было даже от тридцати до сорока якобинцев, находившихся под командованием Фуше. При таких обстоятельствах император не осмелился провести обещанный национальный конгресс. Чем можно было его заменить? Великий драматический артист недолго пребывал в растерянности. Он решил созвать депутатов-выборщиков на великолепную церемонию под открытым небом первого июня и заставить их скрепить своим одобрением Дополнительный акт. Поистине впечатляющее зрелище сошло бы за обещанное "майское поле" и глубоко повлияло бы на умы всех присутствующих. Но, к сожалению, хотя Сегюр разработал план и хотя каждая деталь была тщательно изучена Наполеоном, дело не

произвело впечатления. На скамейках собралось около восемнадцати тысяч человек, а на поле собралась огромная толпа. Приветственно взревели пушки, и народ приветствовал императорскую карету, маршалов, телохранителей и процессию. Но когда Наполеон и его братья вышли вперед, одетые, как актеры, в театральные костюмы из белого бархата, в испанских плащах, расшитых императорским гербом в виде золотых пчел, и в огромных шляпах с перьями на головах, воцарилась тишина разочарования. Население ожидало увидеть солдата в солдатской форме; многие были уверены, что "он" наденет форму Национальной гвардии.

Однако не было никаких признаков неуважения, пока министры и восстановленный корпус маршалов занимали свои места. Среди последних были знакомые лица — Ней, Монси, Келлерманн, Серюрье, Лефевр, Груши, Удино, Журдан, Сульт и Массена. Затем выступил комитет депутатов, и их председатель зачитал обращение, в котором говорилось, что Франция желает иметь правителя по своему собственному выбору и обещала верность в грядущей войне. Наполеон встал и, несмотря на свою нелепую одежду, привлек к себе внимание, излагая свои доводы в пользу того, чтобы предложить готовую конституцию вместо того, чтобы рисковать бесконечными дебатами. Хотя он заявил, что то, что было предложено, конечно, может быть изменено, аплодисментов не последовало, за исключением нескольких солдат. Неделью спустя, когда палаты собрались, Ланжуине, один из пожизненных противников Наполеона, был избран президентом Палаты депутатов. Тронная речь была умной и примирительной, и, несмотря на явное недоверие, обе палаты пообещали всю мощь Франции для обороны — но только для обороны. Пэры заявили, что при ее новых институтах Франция никогда не поддастся искушению победы; депутаты утверждали, что ничто не может вывести нацию за пределы ее собственной обороны, даже воля принца-победителя.

Тревоги и напряжения двух месяцев проявились во внешности Наполеона. Черты его лица, хотя и впечатляющие, были вытянутыми, а длинная челюсть выдавалась вперед. Он потерял плоть везде, кроме талии, так что его живот, доселе незаметный, выглядел почти отвисшим. Вставая, он складывал руки иногда спереди, иногда сзади, но часто разводил их, чтобы понюхать табак или потереть нос. Иногда он механически вздыхал, сглатывая, как будто для того, чтобы унять внутреннее волнение. Часто он хмурился и смотрел наружу сквозь полуприкрытые веки, как будто становился дальнозорким; подергивание его глаза и уха с левой стороны становилось все более частым. С нарастающими затруднениями и нарастающим раздражением начались серьезные проблемы с мочеиспусканием и желудком; также появился постоянный отрывистый кашель. Ему снова пришлось прибегнуть к длительным теплым ваннам, чтобы облегчить сопутствующую нервозность; но так как недуги были стойкими, вскоре болезнь окутала тайна, и его враги сказали, что это отвратительная болезнь. Несмотря на заявления как прусского комиссара в Фонтенбло, графа Трюхзесс-Вальдбурга, так и сэра Хадсона Лоу, крайне маловероятно, что здоровье Наполеона было подорвано половой инфекцией. Всю свою жизнь он был окружен злобными слугами, и среди измышлений их умов, которые в последние годы были выставлены на всеобщее обозрение, нашлось бы какое-нибудь доказательство этого факта. При полном отсутствии какой-либо достоверной информации некоторые предположили, что проблема была начальной стадией болезни, от которой он умер; а другие, опять же, ввиду его быстрых изменений настроения, депрессий, экзальтации, обостренной чувствительности и резкой грубости, объяснили все его особенности в болезни и здоровье, приписав их скрытой форме эпилепсии. Измученный и нервничающий, страдалец вполне мог, как это и было в

действительности, быть застигнутым в слезах перед портретом своего сына; он вполне мог возвысить голос, как, по слухам, он это делал, против судьбы, которая обошлась с ним превратно. Но он был достаточно проницателен, чтобы понять, что во время его отсутствия нельзя доверять никакому регентству, и он организовал ведение дел с помощью специальных посыльных. Жозефу предстояло председательствовать в государственном совете и подавать решающий голос; Люсьену было предоставлено место в том же органе; но верховная власть принадлежала Наполеону.

Когда Веллингтон заменил Каслри на Венском конгрессе, быстро стало очевидно, что он был лучше на местах, чем в совете директоров. И он, и Блюхер желали быстро перейти в наступление; но поскольку Александр был полон решимости сохранить свое господство в коалиции, и поскольку каждая держава настаивала на своем участии в борьбе, было решено начать военные действия двадцать седьмого июня, в самый ранний срок, когда русские войска могли достичь границ Франции. Там должно было быть три армии. Шварценберг с двумястами пятьюдесятью тысячами человек, включавшими австрийский, русский и баварский контингенты, должен был атаковать через верхний Рейн; Блюхер со ста пятьюдесятью тысячами пруссаков должен был перейти нижний Рейн; а Веллингтон в Нидерландах должен был собрать армию численностью в сто пятьдесят тысяч человек, состоящую из голландцев, бельгийцев, ганноверцев и примерно тридцати восьми тысяч британцев, которые могли быть там собраны. Две последние армии были в наличии к первому июня, но Веллингтон был недоволен качеством своих разношерстных войск; даже английский контингент был не лучшим из возможных, поскольку его ветераны с полуострова были отправлены искать себе равных в стрелках Джексона в битве при Новом Орлеане.

Накануне военных действий у Наполеона было сто двадцать четыре тысячи боеспособных солдат и еще три тысячи пятьсот человек в его походном обозе; у Веллингтона было сто шесть тысяч, но из этих четырех тысяч ганноверцы оставались в гарнизоне; у Блюхера было около ста семнадцати тысяч. Ни одному из двух союзных генералов и в голову не приходило, что Наполеон выберет ту дерзкую форму атаки, на которую он решился, — клин, вбитый в разорванную линию длиной почти в сто миль, на которой находился его враг, — ибо для этого ему нужно было пройти Арденны. Но он действительно выбрал его, и выбрал для этой цели долины рек Самбр и Маас. Учитывая различия в топографии, идея была идентична той, которую девятнадцать лет назад он великолепно реализовал в Пьемонте и повторил в Германии. Противник-близнец, казалось, не подозревал, что его длинная и разветвленная линия должна быть в случае начала боевых действий либо прорвана для поддержания соответствующих баз, либо оставить одну базу для сосредоточения и быть отрезанной от снабжения. База Веллингтона находилась на западе, в Антверпене, база Блюхера - на востоке, через Льеж, к Рейну. Наполеон чувствовал, что в центральной атаке возникнут колебания, и в этих колебаниях он намеревался повторить с Блюхером то, что он сделал с Брауншвейгом при Йене.

Начало кампании было достаточно благоприятным. Совершив великолепный марш в ночь на тринадцатое июня, армия Наполеона заняла наиболее выгодную позицию. Первый корпус под командованием д'Эрлона находился в Сольре на Самбре, второй под командованием Рейля - в Леерсе. Гвардия, шестой корпус под командованием Лобау, линейная кавалерия и третий корпус под командованием Вандама стояли в таком порядке на линии к северо-востоку от Бомона, а прямо к востоку от этого места располагались

четыре кавалерийских корпуса; четвертый корпус под командованием молодого и отважного Жерара выступил из Меца и находился в Филиппвиле; к югу располагались гвардейская кавалерия и резервная артиллерия под командованием Груши. Впереди был Шарлеруа, откуда широкая магистраль вела почти прямо к Брюсселю, в тридцати четырех милях прямо на север; другая поворачивала на восток, к Льежу. В тринадцати милях отсюда находился Сомбрефф; несколько дальше - Катр-Бра, оба на шоссе, идущем с востока на запад между Намюром и Нивелем. Чтобы совершить такие марши, французская армия должна была быть великолепна; чтобы занять такую блестящую стратегическую позицию, ее генерал должен был быть почти вдохновлен. Он командовал операционными линиями как Веллингтона, так и Блюхера, хотя они были далеко друг от друга, разделенные серьезными препятствиями, оба одинаково склонялись к центробежному, а не центростремительному движению. Те же высокие качества, которые блистали в их генерале, отличали подчиненных французских командиров. Хотя многие известные имена отсутствуют в списке, — например, Мортье, заболев на границе, — Сульт все же присутствовал в качестве начальника штаба, а Ней собирался принять командование левым крылом. Рейль, д'Эрлон и Фой были ветеранами войны на полуострове; известно, что сделали двадцать два года службы для "дикого гунна" Вандама. Келлерман прославился благодаря Маренго, Лобау отличился смелостью, Жерар отличился в России, и хотя заслуги Груши были предметом многочисленных дискуссий, все же он был знаменит при Журдане и Моро, и за долгий промежуток времени не произошло ничего, что могло бы запятнать его репутацию.

Почти половина войск Блюхера составляли иррегулярные резервы, а многие регулярные части были новобранцами, но все они были тщательно вымуштрованы и хорошо экипированы. Страсть ненависти, которая одушевляла их, была сравнима только с "французской яростью", с которой армия Наполеона боролась за национальное существование. Таково было почтение к рутине среди прусских офицеров и так велика была зависть мелкой аристократии, из которой они происходили, что король не осмеливался продвигаться по службе ни на какой основе, кроме старшинства. Чтобы назначить Гнейзенау заместителем командующего, Йорк, Кляйст и Тауэнзин были размещены в другом месте, а Бюлов был назначен командующим резервом для удержания Бельгии, когда Блюхер должен был наступать на Париж. Престарелый, но пылкий маршал не поправил своего здоровья, потакая своим слабостям в течение года; три дивизионных генерала - Зитен, Пирх и Тилеманн - были способными людьми с местной известностью. Гнейзенау и Бюлов были единственными первоклассными людьми среди прусских военачальников, но имя Блюхера вызывало энтузиазм. Его офицеры и солдаты считали Веллингтона человеком реальной власти; его британские новобранцы были хорошо обучены, а его ветераны - хороши. Его генералы-сподвижники были не более известны, чем генералы Гнейзенау, но по большей части это были английские джентльмены с высоким чувством долга и большими исполнительными способностями. Одним из его корпусов командовал принц Оранский, уважаемый солдат, чье имя, однако, было более ценным, чем опыт, который он приобрел на полуострове в качестве адъютанта; другим корпусом командовал лорд Хилл, замечательный подчиненный и превосходный командир. Единственным английским генералом, чье имя известно за границей, был Пиктон, погибший на поле боя. Что касается качества соответствующих армий, то у каждой нации вошло в моду порицать качество своей собственной и переоценивать качество двух других. Таким образом, они оправдывают свои собственные промахи и в то же время усиливают славу победы. Наполеон превосходил Веллингтона и Блюхера в организации, кавалерии и артиллерии, но уступал им обоим в пехоте. У него было слабое здоровье, и у него было отчаянное дело. В полной мере принимая

во внимание его непревзойденные способности и личный престиж, все же остается верным, что шансы против него были высоки, определенно восемь к пяти.

Посты Зитена перед Шарлеруа увидели французские лагерные костры рано утром четырнадцатого июня; в тот вечер они начали отходить к Флерюсу, куда постепенно приводились в движение остатки прусской армии. Кажется невероятным, что это был первый шаг союзников к сосредоточению своих широко разбросанных сил, поскольку ни Веллингтон, ни Блюхер не были полностью удивлены. Оба командующих в течение двух дней были в общих чертах осведомлены о передвижениях Наполеона, но ожидали развития событий. Это было мнение Веллингтона, тщательно изложенное в его преклонном возрасте, что лучшей стратегией для французов было бы наступление таким образом, чтобы повернуть его направо, захватить его боеприпасы и отрезать его базу; но поскольку это собрало бы все силы союзников, готовые вступить в бой с перевесом два к одному, это утверждение, возможно, можно принять как объяснение, но уж точно не как оправдание.

На рассвете пятнадцатого французским солдатам было зачитано звонкое, воодушевляющее воззвание, подобное воззваниям старины и написанное накануне, в годовщину Маренго. В приподнятом настроении армия тремя колоннами двинулась в путь. Левые, под командованием Рейля, выбили прусские аванпосты из Тюена и, оттеснив их обратно через Маршьен, захватили мост в этом месте и переправились на левый берег Самбры. Движение было завершено к десяти часам утра. Центр при Наполеоне состоял из основной массы армии: Пажоля, Вандама, Лобау, гвардии, Эксельманса, Келлермана и Мийо. Сульт отдавал свои приказы через единственного адъютанта, который сломал ногу, упав с лошади, и не смог их выполнить. Хотя в одинаково критические моменты перед Эйлау и Ваграмом Бертье поступил так же, как Сульт, с одинаковыми результатами, тем не менее последнего справедливо и сурово обвинили. Если бы Вандама нашли, продвижение центра значительно ускорилось бы, быстрое взятие Шарлеруа позволило бы третьему корпусу достичь Флерюса вовремя, чтобы перехватить Зитена, и, таким образом, весь ход событий был бы изменен. Таким образом, неудачный ход маршала был, как выразился Наполеон, "прискорбным несчастьем", и был уже полдень, когда Пажоль с авангардом достиг Шарлеруа и после удачного сражения выбил пруссаков. Правое крыло под командованием Жерара пришло в движение в пять утра, но оно также было задержано серьезной катастрофой. Вскоре после начала операции выяснилось, что Бурмон, командир ее лучшей дивизии, человек, который поочередно был шуаном, империалистом и роялистом, дезертировал со своим начальником штаба и восемью солдатами. Побывав на военном совете, он располагал последней информацией о тайных планах Наполеона, и его измена деморализовала войска, которые он так подло бросил. Прошло много времени, прежде чем удалось восстановить доверие; переправа в Шарлеруа слишком затянулась, и уже наступила ночь, когда Жерар наконец добрался до Шатле, расположенного четырьмя милями ниже, захватил мост и переправился только с половиной своих людей. Кампания началась если не катастрофой, то, по крайней мере, лишь с частичного успеха.

ГЛАВА XV

Линьи и Катр Бра [\[19\]](#)

Приказы Наполеона — Неудача Нея при захвате Катр—Бра — Веллингтон застигнут Врасплох — Прекрасная стратегия Наполеона — Встреча в Линьи — Поражение Блюхера — Вражеские силы в Катр—Бра - Веллингтон отступает — Чрезмерная самоуверенность Наполеона — Его Инструкции Груши - Его наступление из Катр-Бра.

В течение четырех часов после своего прибытия в Шарлеруа Наполеон, обеспокоенный местонахождением своих отрядов, стоял в бездействии, ожидая новостей. В течение этого промежутка времени первый прусский корпус под командованием Зитена, отступая от Шарлеруа, беспрепятственно достиг Флерюса, все, за исключением небольшого отряда, который собрался в Госсели, на брюссельской дороге, но был легко рассеян Рейлем. Казалось, что дорога на Катр-Бра была открыта, и когда в половине пятого появился Ней, его назначили командующим левым флангом с устными инструкциями, как утверждал Наполеон несколько лет спустя, захватить этот стратегический пункт. В этих пределах он должен был действовать самостоятельно. Если бы Катр Бра был застигнут врасплох и задержан, можно было бы предпринять второй ход: захватить Сомбреффа. Поскольку шоссе между ними было единственной линией, по которой союзные армии могли быстро соединиться, возможность атаковать их по отдельности была бы гарантирована, даже если последовательные атаки следовали бы друг за другом так близко, что по существу представляли бы собой одно сражение. Либо Ней неправильно понял, либо Наполеон записал то, что он намеревался сказать, а не то, что он сказал на самом деле. Полковник Хеймес, начальник штаба Нея, заявил, что последними словами императора были: "Идите и отбросьте врага"; император утверждал, что его приказ идти и удерживать Катр-Бра был положительным.

Также остается спорным, надеялся ли Наполеон после захвата мостов и переправы через Самбр завершить свое наступление, застигнув врасплох Катр-Бра и Сомбреффа в тот же день, пятнадцатого, или нет. Если бы Блюхер сделал это, он, возможно, отступил бы, чтобы соединиться с Веллингтоном для решающего столкновения, и таким образом сорвал бы стратегию Наполеона; но это маловероятно, поскольку этот шаг, в том виде, в каком он был выполнен в конечном итоге, был работой не Блюхера, а Гнейзенау; на этом этапе кампании пруссаки, вероятно, отступили бы к Намюру. Каковы бы ни были намерения Наполеона, Ней поспешил к Госсели, поставил Рейля удерживать этот пункт, а затем, отправив одну дивизию преследовать пруссаков, а другую, с кавалерией Пире, к Катр-Бра, встал во главе кавалерии гвардии, чтобы помочь захватить этот последний важный пункт. Но в семь часов его отряд, к их удивлению, столкнулся с сильным отрядом нассауэров из армии Веллингтона, которые, пройдя Катр-Бра, захватили Фрэсна, деревню в двух с половиной милях впереди. Они не оказали сопротивления, но Ней, вместо того чтобы немедленно атаковать сам Катр-Бра, оставил своих людей удерживать позицию во Фрэсне, а сам поспешил посоветоваться со своим начальником. Для этого у него были веские причины: его штаб еще не был организован, а корпус д'Эрлона не находился в пределах досягаемости; следовательно, он был слишком слаб для действий, предусмотренных его приказами. В ту же минуту Наполеон, который был в седле с трех часов утра и убедился, что отступающие пруссаки не остановятся во Флерюсе, а присоединятся к своей главной армии, повернул обратно к Шарлеруа и, добравшись часом позже до своей квартиры, в полном изнеможении рухнул на свое ложе. На самом деле он испытывал невыносимую пытку из-за осложнений, связанных с мочеиспусканием, геморроем и другими недугами, которые усугубила его

многодневная поездка верхом, и, как он заявил на острове Святой Елены, — вероятно, это была правда, — он потерял уверенность в конечном успехе. День был довольно успешным, но какой ценой потрачена энергия! Никто, и меньше всего он сам, не мог почувствовать, что в движениях его армий была какая-то оживленность или что судьба благоприятствовала им в объединении сил.

В течение всего дня Блюхер проявлял пламенное рвение. С начала мая у него не было серьезных консультаций с Веллингтоном, и в общей беседе, состоявшейся в то время, было лишь смутное понимание относительно объединения в какой-то точке к югу от Сомбреффа. Соответственно, этот город был выбран им для сосредоточения, и в целом его приказы были хорошо выполнены. Почему мосты Маршьен и Шатле не были подорваны и взорваны пруссаками, так и не было объяснено. Более того, формулировки приказов Гнейзенау Бюлову были расплывчатыми, последний неверно истолковал их, и его стольнеобходимые силы не были введены, как ожидалось. Поведение Веллингтона - загадка. Он не проявлял особого беспокойства и находил время для социальных развлечений, а также для деятельности военного командования в условиях чрезвычайного кризиса. Примерно в середине дня он был проинформирован через принца Оранского о передвижениях своего врага. С совершенным спокойствием он приказал, чтобы его войска были готовы в своих местах расквартирования; в пять часов он отдал приказ дивизиям выступить с целью сосредоточения в Нивеле, самой восточной точке, которую он намеревался занять; в десять, как раз когда он отправлялся на знаменитый бал, который герцогиня Ричмонд давала накануне принятия решения, он отдал четкие указания о начале сосредоточения. Это были его самые первые шаги к сосредоточению, хотя двадцать семь лет спустя он сделал утверждение, подтвержденное только его депешей в Батерст от девятнадцатого числа, что он приказал англо-союзной армии сосредоточиться слева, как Блюхер приказал пруссакам сосредоточиться справа. Фактически, он на двадцать четыре часа отставал от Блюхера, когда отдавал приказы о своих первых оборонительных действиях. Это не оправдывается тем фактом, что его движение концентрации было завершено несколько раньше, чем у Блюхера. Примерно через двадцать минут после того, как принц Оранский вошел в бальный зал, Веллингтон тихо отослал его, а затем, вызвав герцога Ричмондского, который, как сомнительно говорят, должен был командовать резервом после его полного формирования, попросил карту. Они удалились в соседнюю комнату. Веллингтон закрыл дверь и сказал с ругательством: "Наполеон обманул меня". Затем он объяснил, что приказал своей армии сосредоточиться в Катр-Бра, добавив: "Но мы не остановим его там; и если так, я должен сразиться с ним здесь", отметив Ватерлоо ногтем большого пальца на карте, пока говорил. Только на следующее утро он уехал на фронт. Хотя вечером пятнадцатого у Наполеона не было ни Катр-Бра, ни Сомбреффа, он удерживал все спорные позиции; и если бы на следующее утро ему удалось захватить оба города одновременно, первый ход в его великой игре был бы выигран. Кажется, что ради этого он должен рискнуть всем.

Что происходило между Наполеоном и Неем с полуночи до двух часов ночи, неизвестно. Нет никаких свидетельств того, что император выражал серьезное недовольство, хотя, возможно, он был раздражен. Он был не совсем в том положении, чтобы давать волю своим чувствам. Каким бы ни был характер их разговора, Ней снова был на своем посту задолго до рассвета, и ни один солдат не двинулся из Шарлеруа почти до полудня! Похоже, что Наполеон, или Ней, или оба они, должно быть, были упрямо убеждены, что Веллингтон не сможет сосредоточиться в течение двадцати четырех часов. То, что Наполеон не был выведен из строя из-за прострации, доказывается его действиями: около пяти он отправил

предварительный приказ в Ней; также очень рано он принял меры для завершения переправы Жерара в Шатле; а затем, подробно рассмотрев альтернативы: продвигаться прямо к Брюсселю или следовать тем курсом, которым шел, он принял решение уже в семь часов. Кажется почти несомненным, что он задержался главным образом для того, чтобы привести в порядок свои войска, отчасти для того, чтобы дать им столь необходимый отдых. Накануне они были в пути семнадцать часов. Ближе к девяти, полагая, что командования Нея собралось больше, чем было на самом деле, он отправил раздраженный приказ, приказывающий маршалу захватить Катр-Бра и заявляющий, что полунезависимое командование под командованием Груши останется в Сомбреффе, в то время как он сам будет удерживать Жамблу. Покончив с этим, он впал в явную летаргию. Груши он написал, что намеревается атаковать врага у Сомбреффа и "даже у Жамблу", а затем немедленно действовать вместе с Неем "против англичан". Его план был удачным, потому что, если бы в любом важном месте, будь то Катр-Бра или Сомбрефф, его присутствие было бы необходимо, он мог бы при необходимости быстро присоединиться к Ней или Груши; но его чувства, должно быть, были притуплены. Когда ему сообщили, что противник сосредоточен во Флерюсе, он долго колебался, прежде чем решиться на наступление, будучи подавленным неспособностью его левого фланга наступать на Катр-Бра и ведя себя так, как будто был уверен, что солдаты перед ним - всего лишь один корпус армии Блюхера, который он может смести при удобном случае. Тем временем Вандамм продвинулся вперед. Пруссак отступили из Флерюса и расположились у подножия холма, на котором стоит деревня Линьи. Когда около полудня Наполеон прибыл во Флерюс, ему пришлось испытать неприятный сюрприз, обнаружив сильные силы, готовые выступить против него. Восемьдесят семь тысяч человек, вся армия Блюхера, за исключением корпуса Бюлова и части Зитена, которая была рассеяна правым крылом и кавалерией французов близ Гилли, были выстроены в боевой порядок, чтобы противостоять ему. Это была потеря для противника, возможно, двух тысяч человек, серьезное ослабление в роковой момент. Но император еще не был готов встретиться с ними, как бы он ни желал именно такого развития событий. Он не знал всей силы своего врага, но не был уверен в уничтожении даже тех, кто, как он полагал, находился поблизости, поскольку оставил десять тысяч человек в Шарлеруа, под командованием Лобау, в качестве резерва, а наиболее доступные для усиления его линии войска двигались к Катр-Бра.

Благодаря независимым действиям их собственных генералов значительные силы в несколько тысяч голландско-бельгийских солдат, практически вся дивизия Перпончера, были сосредоточены в Катр-Бра рано утром того же дня. Безусловно, Веллингтон одновременно решил на тот же шаг, но это было сделано задолго до того, как поступили его приказы. Действительно, он, кажется, добрался до Катр-Бра раньше своего ординарца. Едва остановившись, он быстро оценил ситуацию и, оставив войска под командованием принца Оранского, уехал навестить Блюхера. Два командира встретились около часа дня в "ветряной мельнице" в Брае. Они расстались в твердом убеждении, что основная часть французской армии находится в Линьи, и с устным согласием, что Веллингтон, если сам не будет атакован, придет на помощь Блюхеру. Уезжая, английский командующий резко раскритиковал тактическую диспозицию армии своего союзника; но Блюхер, твердо убежденный в том, что герцог в любом случае придет ему на помощь, решил оставаться на своем месте. С таким же упрямством Наполеон, все еще уверенный, что то, что он имел перед собой, хотя и большие силы, было лишь прикрытием для отступления главной армии союзников, теперь отдал Ней приказ (второй) объединить Рейля, д'Эрлона и Келлермана, чтобы уничтожить любые силы, оказавшиеся в оппозиции при Катр-Бра. Это было в два.

Французскую атаку открыли в половине третьего Жерар и Вандамм; сопротивление было таким, что не оставляло сомнений в реальной силе пруссии. Когда это стало ясно, Наполеон немедленно написал две депеши того же содержания — одну он отправил Нею через адъютанта, а другую д'Эрлону через младшего офицера гвардии.^[20] Первое (третье по тому же адресу) призывало Нею прибыть ради Франции; второе призывало д'Эрлона из командования Нею на немедленную помощь самому императору: "Вы спасете Францию и покроете себя славой", - были его заключительные слова. Этот последний приказ, оригинал которого был обнародован совсем недавно, едва не испортил нам работу на весь день. Прежде чем Веллингтон смог вернуться в Катр-Бра, войска Нею вступили в бой с войсками принца Оранского, и еще до трех часов в этом месте бушевал ожесточенный бой. Д'Эрлон, по-видимому, оказался в ужасном затруднительном положении относительно своего долга. Он двинулся в сторону Сент-Аманда и, столкнувшись с дилеммой, направил свое лучшее подразделение, Дурутте, в сторону Бри. Ни начальник, ни подчиненный ничего не сделали для достижения этой цели. Нею оказался без поддержки целого корпуса и поэтому не выполнял его приказы буквально. Наполеон остался без помощи блуждающих войск и даже был сбит с толку их неожиданным появлением в критический момент. В Линьи их приняли за врагов; нерешительность д'Эрлона так задержала их.

Блюхер, который был полон решимости сражаться во что бы то ни стало, сдерживался, пока позволял его нетерпеливый нрав; но когда подкрепление от Веллингтона не появилось, он сначала рассвирепел, а затем около шести отдал свой роковой приказ готовиться к наступлению. Природа местности была такова, что начальные движения неизбежно ослабляли его центр. Наполеон сразу заметил это и призвал свою гвардию, чтобы прорваться. На мгновение император заколебался; слева появилась таинственная сила; возможно, это были враги. Но когда его убедили, что это люди д'Эрлона, он не стал ждать ни мгновения дольше; в восемь часов раздался грохот, и прусская линия была прорвана. Отступление превратилось в мгновенный разгром так быстро, что Блюхер даже не успел обменять свою раненую лошадь на другую, и в первом безумном натиске он был настолько ошеломлен и подавлен, что его штаб посчитал его погибшим. Несколько мгновений до того, как его нашли, были самыми ценными для союзников за всю кампанию, поскольку Гнейзенау направил бегство на север по направлению к Вавру, маршруту, параллельному тому, по которому Веллингтон, каким бы ни был его успех, теперь неизбежно должен был отступить. Этот ход, приведший к отказу от линии до Намюра, является титулом Гнейзенау на славу.^[21] Для ее выполнения быстро были сформированы очереди, и остальная часть ретроградного марша продолжалась с большой устойчивостью. Наполеон не стал дожидаться прибытия д'Эрлона и после этого отдавать приказ о немедленном уничтожающем преследовании, но пришел к выводу, что пруссаки были достаточно дезорганизованы и попытаются реорганизоваться на старой линии в восточном направлении. Таким образом, думал он, они были полностью и окончательно отрезаны от Веллингтона. Только рано утром следующего дня он отправил Пажоля с его единственным кавалерийским корпусом преследовать врага, поскольку его роковое предположение подтвердилось ложным сообщением о пяти тысячах пруссаков, замеченных на намюрской дороге и прилагающих усилия, чтобы удержать ее. Замеченные пруссаки были просто ордой отставших. Правда стала известна только на следующий день.

Почти одновременно с битвой при Линьи произошла битва при Катр-Бра. В одиннадцать Нею получил приказ с изложением общего плана на день; примерно через полчаса поступил конкретный приказ объединить силы д'Эрлона, Рейля и Келлермана и захватить Катр-Бра; в

пять часов в спешке прибыл посыльный с третьим приказом. В два часа дня в Катр-Бра было не более семи тысяч англо-бельгийцев, но, поскольку отряды прибывали один за другим, к половине седьмого их было уже более тридцати тысяч. В два часа у Нея было семнадцать тысяч человек, и хотя он пытался отозвать д'Эрлона, все же из-за отступления Дурутте и нерешительности д'Эрлона в половине седьмого у него было не более двадцати тысяч. Ни один из людей д'Эрлона не добрался до него: дивизия Жирара из корпуса Рейля была с Вандамом перед Сент-Амандом. Корпус Жерара удерживался в Линьи. Если бы он продвинулся вперед на позиции предыдущим вечером или атаковал шестнадцатого числа между одиннадцатью и двумя часами дня, ход кампании мог бы отличаться от того, каким он был. Но если он действительно верил, как впоследствии утверждал Хеймес, что его приказы заключались всего лишь в том, чтобы давить и сдерживать врага, тогда его поведение во всем было доблестным и корректным. [\[22\]](#) Весомость доказательств подтверждает утверждение Наполеона о том, что маршал поступил порочно, отказавшись принять Катр-Бра в соответствии с устными приказами. Какой бы ни была правда, поведение людей Нея было достойным восхищения, когда они все-таки продвинулись вперед, но они были вынуждены вернуться во Фрэснас перед превосходящими силами.

На следующее утро Веллингтон беседовал с полковником Боулзом, когда подъехал штабной офицер на взмыленной лошади и шепотом сообщил новости о Линьи. Не меняясь в лице, командир сказал своему спутнику: "Старина Блюхер получил хорошую взбучку и вернулся в Вавр, это восемнадцать миль. Поскольку он вернулся, мы тоже должны уйти. Полагаю, в Англии скажут, что нас разгромили. Я ничего не могу с собой поделаться; поскольку они вернулись, мы тоже должны уйти ". Соответственно, он отдал свои приказы, и в десять часов его армия выступила в поход. Таким образом, в целом события шестнадцатого июня казались благоприятными для Наполеона, поскольку, сражаясь на двух участках с меньшей численностью, он одержал победу на одном и, таким образом, обеспечил безопасность и на другом. Мы, конечно, знаем, что из-за действий Гнейзенау этот очевидный успех оказался напрасным. Бесполезно гадать, что произошло бы, будь Бюлов с Блюхером, а д'Эрлон и Лобау с Наполеоном, или если бы одна из этих возможностей произошла без учета другой; как бы то ни было, стратегия Наполеона выиграла и от Катр-Бра, и от Сомбрефа.

Пруссак потеряли двадцать тысяч человек пропавшими без вести, ранеными и убитыми, и для восстановления Блюхера требовалось энергичное лечение. Но всю ночь армия маршировала, и утром Бюлов, определив направление, был близ Бодре и Совиньера, в пределах легкой досягаемости у Жамблу. Отступление продолжалось в течение семнадцатого. Это был шаг величайшей смелости, поскольку линия обороны проходила по пересеченной местности, почти лишенной дорог, и, поскольку старая база снабжения была заброшена, людям приходилось голодать, пока Гнейзенау не смог обеспечить другую базу через Лувен. Армия хорошо переносила свои трудности; не было ни разброса, ни деморализации, и блеск успеха делает вдвойне блестящим ход, который расстроил планы Наполеона. Не подозревая поначалу, что его враг отступил в другом месте, кроме как вдоль его естественной линии снабжения к Льежу, император счел разделение двух союзников полным, и после тщательных раздумий в течение длительного промежутка времени, который он позволил собрать свои войска и дать им основательный отдых, он решил развернуться, присоединиться к Ней и атаковать Веллингтона, где бы ни оказался. Это была серьезная и необъяснимая слабость, которую он проявил, не приняв эффективных мер для немедленного определения того, где находится его поверженный враг. Тем не менее,

хорошо зная ресурсы и характер пруссии, он решил выделить Груши с тридцатью тремя тысячами человек для прочесывания страны в направлении Льежа и, по крайней мере, до Намюра. Затем, чтобы предусмотреть то, что он считал возможным на случай непредвиденных обстоятельств, а именно то, что действительно произошло, эта вспомогательная армия должна была повернуть на север и поспешить к Жамблу, чтобы обеспечить полную изоляцию Веллингтона; в любом случае генерал должен был поддерживать свои коммуникации с Наполеоном открытыми.

Было восемь часов утра семнадцатого, когда Наполеон вышел из своей квартиры во Флерюсе. Флахо ждал ответа на запрос, который он только что получил от Нея относительно подробностей дела Линьи. Император немедленно продиктовал депешу, самую известную в противоречивой литературе о Ватерлоо, в которой рассказывалось о его собственных достижениях и Ней обвинялся в несогласованных действиях его подчиненных накануне; в частности, маршалу было приказано занять позицию в Катр-Бра, "как вам было приказано", а д'Эрлона критиковали за его неспособность продвинуться на Сент-Аман. Формулировку наспех нацарапанного приказа последнему он, вероятно, забыл; она гласила: "Portez-vous ... à la hauteur de Ligny, et fondez sur St. Amand—ou vice versa; c'est ce que je ne sais bien." ("Отправляйтесь ... на высоты Линьи, атакуйте Сент-Аман - или наоборот; я не совсем уверен, что именно".) Далее, император теперь заявил, что, если бы Ней удержал д'Эрлона и Рейля вместе, ни один англичанин не спасся бы бегством, и что, если бы д'Эрлон подчинился его приказам, прусская армия была бы уничтожена. На случай, если все еще будет невозможно захватить Катр-Бра имеющимися в наличии силами, Наполеон сам двинется туда. Затем, сев в карету, он поехал в Линьи; Лобо было приказано немедленно ехать в Марбе, по дороге в Катр-Бра. После обращения с речью к войскам и пленным около полудня Наполеону сообщили, что Веллингтон все еще на позиции. Тотчас же был отправлен второй приказ, приказывающий Нейю атаковать; император, как сообщалось, уже направлялся в Марбе. Это было не совсем правдой, поскольку, когда он давал подробные инструкции Груши перед расставанием, этот генерал казался встревоженным и в конце концов заявил, что дальнейшая дезорганизация пруссаков невозможна, поскольку у них был такой долгий старт. Эти сомнения были безапелляционно отброшены, и начальник дружески расстался со своим подчиненным, но с чувством неловкости, как бы он не оставил хорошую и трудную работу в руках, не желавших ее выполнять. Разведчики вскоре догнали его и выразили сомнение в том, что пруссаки ушли в Намюр. В случае, если они этого не сделали, Груши должен действовать осторожно. Соответственно, затем были продиктованы позитивные инструкции Бертрону и отправлены Груши, чьи передвижения теперь были вдвойне важны. Последний генерал должен был провести разведку в направлении Намюра, но идти прямо на Жамблу; его главной задачей было выяснить, стремится ли Блюхер присоединиться к Веллингтону или нет. В остальном он был волен действовать по своему усмотрению.

Затем Наполеон сел в свой экипаж и поехал в Катр-Бра. Вскочив на коня, он возглавил преследование английского тыла. Возмущенный тем, что Ней упустил возможность разбить хотя бы часть сил Веллингтона, он воскликнул д'Эрлону: "Они разорили Францию!" Но самому Нейю он ничего не сказал. Император был настолько активен и напорист, что фактически подставил себя под артиллерийский огонь, которым английские артиллеристы пытались задержать преследование. Гроучи было нелегко выполнить его указания; в два часа начался сильный ливень, который продолжался до самого следующего утра; дороги в Жамблу были узкими, и дождь превратил их в липкую грязь. Только в ту ночь команда Груши собралась в Жамблу; только к десяти часам командир получил представление о том,

где находятся пруссаки, и тогда, хотя и не был уверен в их точных передвижениях, он немедленно отправил письмо, полученное Наполеоном в два часа ночи. Маршал объяснил, что он будет продолжать преследование до Вавра, чтобы отрезать Блюхера от Брюсселя и отделить его от Веллингтона. Несколькими часами позже, около семи утра, окончательно убедившись, что пруссаки отступают на Вавре, Груши двинул свои колонны по прямой к тому месту у Сарт-а-Вальхена, решив, по очень недальновидности, наступать правым берегом Дайла и, таким образом, поставив под угрозу драгоценные соединения, которые ему неоднократно и срочно приказывали держать открытыми.

ГЛАВА XVI

КАНУН ВАТЕРЛОО [\[23\]](#)

Выбор позиции Веллингтоном — Состояние двух армий — Приказы Наполеона Граучи — Интерпретация их Граучи — Наполеон удивлен передвижениями пруссии — Его бездействие — Поле битвы - Позиция Веллингтона — Боевой порядок Наполеона — Его личное здоровье — Его план.

В ночь на семнадцатое июня армия Веллингтона достигла высот у Мон-Сен-Жан, на северной окраине того места, которому суждено было стать самым обсуждаемым полем битвы в наше время. Его отступление, замаскированное сильным отрядом кавалерии, небольшим количеством конной артиллерии и одной пехотной дивизией, было медленным и регулярным, несколько замедленным из-за сильного дождя. Ней удерживал свою позицию во Фрэсне, прекрасно понимая, что перед ним было гораздо больше, чем арьергард — фактически, из-за прибытия сильного подкрепления ночью, это была большая часть англо-бельгийской армии. Но в тот момент, когда французскому маршалу сообщили об отступлении его врага, он бросил вперед сильный отряд кавалерии, чтобы сотрудничать с Наполеоном. После воссоединения французская армия насчитывала семьдесят одну тысячу пятьсот человек при двухстах сорока орудиях, исключая, конечно, весь корпус Жерара, который был оставлен в Линьи для сотрудничества с Груши. То, что Веллингтон был далеко на пути к выбранной им оборонительной позиции, вероятно, соответствовало расчетам Наполеона; его единственным опасением было то, что его противник отступит за Суанский лес, где будет обеспечено свободное сообщение с Блюхером и соединение двух союзных армий, чего не было бы при Мон-Сен-Жан.

Эта тревога была рассеяна кавалерийской разведкой, и в сумерках французский авангард расположился бивуаком в Бель-Альянс, отделенный от противника широкой неглубокой долиной. Остальная часть армии следовала за ними с большим трудом, кто по дороге, кто по вспаханным или заболоченным полям, переходя вброд разлившиеся притоки Дайла и с трудом пробираясь по лугам на их берегах. Армия Веллингтона попутно захватила всю провизию и фураж, какие только смогла найти, и развела походные костры, чтобы укрыться от непрекращающегося дождя. У французов был скудный паек или его вообще не было, и они пролежали всю ночь на хлебных полях, без огня и укрытия. В общей сложности у Веллингтона было шестьдесят восемь тысяч человек; в десяти милях справа от него, в Хэле, лежало еще восемнадцать тысяч; в десяти милях слева, в двенадцати от его штаба при

Ватерлоо, находился Блюхер. Веллингтон, который сообщил прусскому командующему, что, если к нему не поступит поддержка, он отступит к Брюсселю, в два часа ночи получил заверения Блюхера в сотрудничестве. Существует неподтвержденное заявление Наполеона о том, что он дважды посылал Груши в ночь на семнадцатое через двух отдельных офицеров четкий приказ выделить семь тысяч человек из своего лагеря в Вавре (где император притворился, что Груши находится) и соединиться у Сен-Ламбера с правым флангом основной армии. Это полностью отрезало бы Блюхера от Веллингтона. Мотив этого заявления очевиден — когда союзники были разделены, их перехитрили; учитывая возможность их объединения и взаимопонимание между ними на этот счет, он сам был перехитрен.

Граучи отрицал, что получал этот приказ; ни один из офицеров, которым он был доверен, никогда не раскрывал себя; оригинал его так и не был найден; и в последующих приказах, изданных на следующий день, нет ни упоминания, ни ссылки на какое-либо подобное сообщение. Либо заявление, дважды сделанное на острове Святой Елены, было вызвано забывчивостью и представляло собой отчет о невыполненных намерениях, либо оно было сделано для объяснения результата кампании неэффективностью его лейтенанта. У Груши, должно быть, была беспокойная совесть, поскольку в течение тридцати лет он скрывал текст приказа Бертрана, которого не было в книге приказов, потому что он не был продиктован Сульту; и когда, после ложных заявлений на протяжении целого поколения, что он действовал по устным инструкциям, он опубликовал его, он в то же время привел искаженную версию своего собственного отчета из Жамблу, отправленного в ночь на семнадцатое, изменив язык оригинала, чтобы показать, что он никогда не рассматривал разделение союзников как свою главную задачу. , но больше всего у него на уме было нападение на пруссаков.

Было два часа ночи восемнадцатого, когда письмо Груши, написанное примерно четырьмя часами ранее, прибыло в штаб Наполеона. И император, и Сульт к тому времени знали, что вся армия Блюхера движется к Вавру; однако они не сообщили ни этой информации, ни каких-либо подробных указаний вернувшемуся гонцу. Таким образом, Груши был предоставлен действовать по своему усмотрению, его начальник, несомненно, полагал, что подчиненный к тому времени сам будет полностью информирован и поспешит встать, подобно непроницаемой стене, между пруссаками и англо-бельгийской армией. Защитники Наполеона подвергают Груши суровой критике за то, что он не выступил ранним утром восемнадцатого к Мустье, где, если бы проявил энергию, он мог бы перебросить свою армию на левый берег реки к одиннадцати часам, таким образом поместив свои силы в сферу операций Наполеона. Возможно, он смог бы предотвратить объединение противоборствующих армий или, если бы не это, укрепить Наполеона в его борьбе. Мемуары Марбо доказывают, что именно этого ожидал Наполеон. С другой стороны, замечательные критики выдвигают другие очень важные соображения: линия на Мустье проходила по местности, настолько пересеченной и болотистой, что после проливного дождя артиллерия серьезно задержалась бы, и прусские разведчики вполне могли вовремя сбить сильную прусскую колонну, чтобы воспрепятствовать переправе там или в другом месте. Более того, Груши не мог знать, что Веллингтон предложит сражение перед Суаньским лесом — решение, которое, по мнению Наполеона и многих менее опытных экспертов, было серьезной ошибкой. По-видимому, он был уверен, что две армии намеревались объединиться для защиты Брюсселя; наконец, когда из Вальхейна отчетливо донеслись звуки стрельбы при Ватерлоо, и Жерар яростно настаивал на немедленном

марше к полю сражения, Груши действовал строго в рамках приказа Бертрана и в соответствии с тем, что он тогда считал четкими инструкциями, когда он настаивал на сосредоточении в Вавре и, таким образом, если Наполеон уже разбил Веллингтона, предотвратить любой союз между Веллингтоном и прусской армией. Почти наверняка Граучи никоим образом не изменил бы ход событий, двинувшись маршем прямо на Мон-Сен-Жан, поскольку перекрестки были промокшими, его войска уже были измотаны, а расстояние составляло примерно четырнадцать с половиной миль по прямой: накануне он смог преодолеть чуть меньше половины этого расстояния за девять часов.

Сам Наполеон, по-видимому, не ожидал, что пруссаки так сплотятся. Он провел часы с рассвета, когда дождь прекратился, в тщательной разведке. Местами грязь была такой густой, что ему требовалась помощь, чтобы вытащить ноги из собственных следов. За завтраком, согласно современному анекдоту, он выразился так, будто никогда еще фортуна не была к нему так благосклонна; а когда ему напомнили, что Блюхер может заключить союз с англичанами, он ответил, что пруссакам потребуется три дня, чтобы снова сформироваться. Это мнение согласуется с его преувеличенными, но неоднократно повторявшимися оценками катастрофы, произошедшей в рядах Блюхера после Линьи, и взято в связи с трудностью переброски артиллерии, что само по себе не является достаточным объяснением, но дает единственную возможную причину его задержки с атакой восемнадцатого. Это также объясняет его небрежность, позволившую Гручи проявлять полную осмотрительность в своих передвижениях. В восемь был набросан план сражения; в девять приказы на день были разосланы по всем линиям; около десяти уставший, но уверенный в себе император рухнул на землю и проспал час; в одиннадцать он вскочил в седло и поехал по брюссельской дороге на ферму Бель-Альянс. Вероятно, во время сна императора Сульт отправил Гручи депешу, помеченную десятью часами утра, с инструкцией этому генералу маневрировать навстречу основной армии через Вавр. Хотя, по словам Марбо, Наполеон ожидал Гручи во второй половине дня через Мустье, в час дня Гручи была отправлена вторая депеша, о которой император, несомненно, знал, в которой выражалось одобрение его намерения двинуться на Вавр через Сарт-а-Вальхен, но в которой ему предписывалось "всегда маневрировать в нашем направлении". Постскриптом этого второго приказа предписывает спешить, поскольку считалось, что Бюлов уже на высотах Сен-Ламбер.

Главная идея Наполеона и Сульта явно заключалась в том, чтобы оставить за Гручи широкую свободу действий при условии, что он всегда сохранял свои коммуникации с основными силами открытыми и что его общее направление было таким, которое обеспечивало бы легкую связь, чтобы либо отрезать пруссаков, либо сдержать их. Но, как бы то ни было, часы бездействия Наполеона были драгоценны для его врагов; к двенадцати часам Бюлов был в Сен-Ламбере, и в тот же час два других прусских корпуса покидали Вавр. Эти передвижения были явно запоздалыми, но Гнейзенау, чувствуя, что на Веллингтона нельзя было положиться в Линьи, и очень сомневаясь, действительно ли он намеревался выстоять при Ватерлоо, не желал, чтобы Блюхер отправлял свои войска, пока не будет уверенности, что прусская армия снова не будет брошена на произвол судьбы. Если англо-голландцы отступят к Брюсселю, пруссакам придется либо отступать к Лувену, либо снова потерпеть поражение. Тревога не рассеивалась, пока между одиннадцатью и двенадцатью часами не раздался грохот пушек. Тогда пруссаки впервые напрягли все силы; было около четырех, когда они оказались на расстоянии удара, готовые ударить во фланг армии Наполеона. Когда в тот же час Гручи добрался до Вавра, он обнаружил там только один корпус Блюхера, арьергард под командованием Тилемана.

Кампания 1815 года.
С 15 по 19 июня.

Из Бель-Альянса вернулся Наполеон и занял свою позицию на высоте Россомм. Впереди была долина шириной примерно в милю. Шоссе тянулось перед ним прямой линией, пока не огибало большую ферму Ла-Эй-Сент с противоположной стороны; затем, поднимаясь под уклон к первому гребню, оно миновало деревушку Мон-Сен-Жан, только для того, чтобы подняться еще выше, на вершину гребня, прежде чем снова упасть во вторую впадину. В Мон-Сен-Жан был центр Веллингтона. Дорога из Нивеля в Брюссель пересекает долину примерно в четверти мили к западу, и на ней, на полпути между двумя склонами, находился другой фермерский дом с амбарами, дом Гугомона. Более чем в полумиле к востоку, в том направлении, откуда ожидалось пруссаки, были разбросаны фермерские постройки Папелотта, Ла-Хэя, Смохена и Фришермона. Долина была покрыта богатыми посевами. Не огражденный канавами или изгородями, он был разрезан примерно посередине в продольном направлении крестообразным гребнем, отроги которого тянулись к Бель-Альянс с одной стороны и мимо Гугомона с другой; дорога проходила по прорези через продольный рукав. Гугомон был почти крепостью с мощными кирпичными стенами и рвом; он стоял в большом фруктовом саду, окруженном густой живой изгородью. Дом в Ла-Эй-Сент тоже был кирпичным и образовывал одну сторону четырехугольника, дополнительно огороженного двумя кирпичными сараями и прочной стеной из того же материала; хотя он и не был таким большим и прочным, как Гугомон, это был мощный передовой редут Мон-Сен-Жан.

Таким образом, правый фланг и центр Веллингтона были хорошо защищены, а левый был превосходно прикрыт уже перечисленными местами. Его армия была развернута в три линии, передняя из которых была хорошо видна французам, вторая частично скрыта гребнем холма, а третья - полностью. Его штаб находился в двух милях к северу, у Ватерлоо; пути его отступления, хотя и прерывались Суаньским лесом, были открыты либо в сторону Вавра, либо к морю. Последняя линия была хорошо защищена войсками в Хэле. Обеспокоенный характером своих голландско-бельгийских войск, герцог тщательно распределил их среди надежных англичан и немцев, чтобы исключить возможность паники.

На переднем плане позиции Наполеона находилась французская армия, также развернутая в три линии. Фронт, простиравшийся от особняка Фришермон до Нивельской дороги, состоял из двух пехотных корпусов, по одному с каждой стороны Бель-Альянса, и двух кавалерийских корпусов, одного на крайнем правом фланге, другого на левом; этой линией фронта командовал Ней. Вторая была короче, ее фланги составляли кавалерию, а центр состоял из двух дивизий, кавалерии и пехоты соответственно. Третьей, или резервной, была гвардия. Каждая из линий имела соответствующую долю артиллерии, размещенной во всех трех вдоль дороги. Такое расположение придавало французскому строю, если смотреть со стороны, веерообразный вид - палки, или колонны, сходящиеся к тылу. Построение было блестящим; каждый человек и лошадь были на виду; численность противника примерно на четыре тысячи человек превосходила его численность; к одиннадцати годам почва была почти достаточно сухой, чтобы обеспечить полное преимущество за счет превосходства в артиллерии; время от времени появлялись дезертиры от противника. Несомненно, моральное воздействие такой сцены на несколько разношерстную толпу по ту сторону долины должно быть очень сильным. И все же дорога на Шарлеруа была единственной доступной линией отступления, и она проходила через глубокий разрез; солдаты устали и были на пятьдесят процентов не из лучших. в строю были новобранцы, а почти четверть гвардейцев - необученные солдаты; все испытанные офицеры были повышены в звании, и те, кто их заменил, нуждались в таком тщательном наблюдении, что были приняты глубокие порядки, и это должно было не просто уменьшить интенсивность огня, но и представлять уязвимые цели; кавалерия была собрана наспех и была далеко не так эффективна, как британские ветераны немецкого легиона.

Несколько мгновений после того, как Наполеон занял свою позицию, он стоял бесстрастный. Он был одет в свой знакомый костюм из треуголки и серого сюртука. На протяжении всех его реплик его принимали с энтузиазмом, и его присутствие, как и прежде, явно притягивало. Направление событий в этом важнейшем кризисе было за ним, и он мечтал о двух непримиримых врагах, поверженных, о умиротворении двух, которые были менее непосредственно заинтересованы, о завоеванной славе, о восстановленной империи. Разум, должно быть, подсказывал ему, насколько пустым было такое видение, ибо после Поошвицкого перемирия Австрии и России пришлось не менее горько и мучительно, чем другим державам. Выражение его лица отражало боль, как физическую, так и интеллектуальную; его чрезмерная самоуверенность и последующая задержка были признаками упадка сил; его усилия в течение последних трех дней были выше всяких человеческих сил, особенно когда способности тела и разума ранее подвергались изнурению более двух месяцев, как у него самого.

Это был первый день недели, но стояло затишье более глубокое, чем в субботу; небо было пасмурным, туманный воздух тяжелым от летней жары; но царило выжидательное

молчание великого воинства, глубокая решимость двух мрачных и упрямых армий. Веллингтон, защищавший свои западные рубежи, был бы в безопасности, когда прусская армия появилась бы там, где, как он знал, уже находился ее авангард, и ему пришлось бы повернуть на восток, чтобы поддерживать связь. Наполеон должен сокрушить центр и левый фланг британцев и развернуть линию обороны справа от них, чтобы разделить части своего двойного врага. С этой целью он решил нанести ложный удар по Гугомону; если Веллингтон бросит свои резервы в этот пункт справа от него, один сильный удар может вызвать замешательство среди остальных и отбросить все силы на запад, подальше от Брюсселя. Это был простой план, великий в своей простоте, как и все стратегические концепции Наполеона с самого начала кампании. Но его выполнение было таким же, как и любое другое движение, предпринятое после первого великого марша концентрации, — запоздалым, вялым и немощным. Личная храбрость была в изобилии свойственна французам, но упорядоченного взаимодействия полка, дивизии и корпуса во всех родах войск, мужества самоограничения, и самопожертвования отдельных лиц в организованном движении при бодрящем вездесущем уме - всего этого не хватало с самого начала.

ГЛАВА XVII

ВАТЕРЛОО [\[24\]](#)

Гугомон — Ла—Эй—Сент—д'Эрлон Отбит — Кавалерийская атака Нея — Упущен единственный шанс Наполеона — Плансенуа — Союз Веллингтона и Блюхера — Судорожные усилия Наполеона — Атака гвардии - Разгром - Бегство Наполеона.

Приветствие Наполеона Веллингтону было канонадой из ста двадцати орудий. Огонь был направлен в центр и налево от противника, но это было безрезультатно, за исключением того, что дым частично замаскировал первое движение французов, которым была атака на Гугомон их левого фланга, корпуса Рейля. Это было в трех подразделениях, которыми командовали соответственно Башелю, Фой и брат императора Жером, директором которого был Гильемено. Колонна Джерома, которой предшествовали стрелки, частично укрылась в лесу к юго-западу от их цели, но сопротивление их наступлению было яростным; на окраинах рощи стояли нассауэрцы, ганноверцы и отряд английской гвардии, все отборные люди, а позади, на возвышенности, находилась английская батарея. Две другие дивизии наступали сзади, и какое-то время их успехи были, по-видимому, существенными. Но, сдерживаемые артиллерийским огнем и смертоносной пальбой из бойниц, прорезанных в стенах Гугомона, осаждающие заколебались. Их пламенная энергия не была направлена на научные цели; но таково было их рвение и так велика была их численность, что одна бригада удвоила усилия в тылу форта, оттеснила английских часовых от входа во внутренний двор с северной стороны и устремилась к пролому. Часть французов действительно прорвалась, и успех первого хода Наполеона был налицо, когда пятеро доблестных англичан, благодаря одной лишь физической силе, захлопнули прочные ворота перед лицом нападавших. Бесстрашный французский гренадер взобрался на стену, но он и его товарищи внутри были убиты. Вторая атака на том же месте провалилась; точно так же провалилась третья с запада и еще одна с востока, все они были отбиты английскими гвардейцами, которые спустились сверху и загнали французов в лес, где они удержали

оборону. Эти близкие и кровопролитные столкновения противоречили приказам Рейля, но в гуще боя его различные подразделения не могли быть сдержаны.

Из коллекции У. К. Крейна

НАПОЛЕОН ФРЭНСИС ШАРЛЬ ЖОЗЕФ, ГЕРЦОГ РЕЙХШТАДТСКИЙ И Т.Д. И Т.П.,
СЫН НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

Вторая часть сражения была главным ударом корпуса д'Эрлона по левому флангу Веллингтона. Между двенадцатью и часом дня был схвачен прусский гусар с посланием Блюхера Веллингтону, извещавшим о наступлении пруссии. Сразу же постскриптом был добавлен ко второму посланию Груши, уже упомянутому, и Наполеон приготовился к своему великому усилию. Не в силах сидеть на лошади, он спешился и, сидя за столом, на котором была расстелена его карта, часто клевал носом и дремал. Ней и д'Эрлон, предоставленные самим себе, разработали схему формирования, настолько сложную, что при попытке, как это было сейчас, она оказалась неработоспособной. Замешательство было скрыто ужасающим, непрерывным и разрушительным артиллерийским огнем. После некоторой задержки и перестройки, включавшей подготовку к возможной фланговой атаке пруссаков, корпус д'Эрлона двинулся в наступление четырьмя колоннами под командованием Донзело, Алликса, Марконье и Дурутте соответственно. Противостоял уничтоженному корпусу Пиктона голландско-бельгийская бригада Байланда, которая все это время была мишенью для сильнейшей французской батареи, одной из семидесяти восьми орудий, [\[25\]](#) и теперь должна была выдержать первое наступление французских войск. Люди Байланда стойко выдержали ужасный артиллерийский огонь, но их форма была такой же, как у французов, и

в рукопашной этот факт мог навлечь на них огонь их собственных товарищей, как это действительно произошло позже в тот же день при Гугомоне, и им стало очень не по себе. Дурутте, крайне правый, захватил Папелот, но почти сразу же потерял его. Затем конфликт сосредоточился вокруг Ла-Э-Сент, где сад и огород были захвачены превосходящими силами. Здания были недостаточно укреплены, но майор Бэринг со своим гарнизоном проявил чудеса доблести и удержал их.

Нападавшие, которых до сих пор поддерживали батареи, стрелявшие у них над головами, теперь атаковали холм; когда они достигли гребня, их собственные орудия замолчали, но их вызывающие крики сотрясали воздух. Голландско-бельгийцы первой шеренги на мгновение прислушались и, сопровождаемые насмешками и угрозами британских гренадеров и королевских шотландцев, без промедления обратились в бегство, пока не достигли безопасного места, где перестроились и встали. Таким образом, Пиктон остался без поддержки, но в этот решающий момент Донзелот снова попробовал новую тактику, и в его рядах на мгновение воцарилось замешательство. Пиктон бросился в атаку, открыла огонь британская артиллерия, и хотя английский генерал упал, смертельно раненный, его люди отбросили французов. Этот первый успех позволил Веллингтону ввести больше своей пехоты, с шотландскими серыми, и бросить свою кавалерию, Первый королевский драгунский полк и эннискилленов, для действий против отряда французских всадников под командованием Русселя, который, очистив поля вокруг Ла-Э-Сент, теперь наступал. Он приказал Сомерсету и Понсонби атаковать. Удар был ужасающим, французская кавалерия сдалась, и вся линия д'Эрлона в беспорядке откатилась назад. Отважные англичане предприняли попытки создать полную неразбериху, но они не увенчались полным успехом, поскольку колонна Дурутте сохранила свой строй, в то время как французские уланы и драгуны произвели страшный хаос среди британской пехоты, несколько дезорганизованной победой. Понсонби пал среди своих людей, и именно благодаря лошади Венделера наступление французов было остановлено. Это положило конец усилиям, на которых Наполеон основывал свои надежды на успех; при Гугомоне все еще шли беспорядочные бои, и пруссаки, хотя их и не было видно, формировались за парижским лесом.

Наступила долгая и зловещая пауза перед очередным возобновлением конфликта. Веллингтон использовал его, чтобы починить свою раздробленную левую руку, и привлек ветеранов полуострова Ламберта численностью в две тысячи две сотни человек. Наполеон быстро сформировал корпус под командованием Лобау, предназначенный для отражения фланговой атаки пруссаков. Ней был полон решимости компенсировать свой отпор атакой вторым фронтом, и Наполеон, словом или молчанием, дал согласие. Пока батареи продолжали вести огонь, маршал собрал в центре самую большую массу всадников, которая когда-либо атаковала на европейском поле боя, — двенадцать тысяч человек, легкую и тяжелую кавалерию. Его целью было дополнить Рейля, все еще сражавшегося при Гугомоне, и обрушиться на правый центр союзников. Колонна Донзело, теперь переформированная, была брошена прямо на Ла-Э-Сент, и масса кавалерии хлынула вверх по холму. Артиллеристы артиллерии Веллингтона, не защищенные даже брустверами, стояли навтыжку, пока линия атаки не оказалась в сорока ярдах; затем они дали свой последний залп и обратились в бегство. Поколебавшись мгновение, французы с радостными криками двинулись вперед. Перед ними стоял враг полыми квадратами, в четыре шеренги глубиной, передний на коленях, второй в атаке, двое других готовы стрелять. Всадники не осмеливались броситься на эти ошетилившиеся шеренги. Они врывались в сомкнутые ряды и пенились, разряжая пистолеты и рубя саблями, пока, обескураженные потерями и

измученные бесполезным напряжением сил, их усилия не ослабли. Бригада Дюбуа, согласно сомнительной традиции, в неведении бросилась через край некоего неглубокого оврага, люди и лошади в ужасном замешательстве скатились в неожиданную яму. Котловина, несомненно, находилась там в то время, хотя с тех пор ее засыпали, и, как полагают, она также была могилой полутора тысяч человек и двух тысяч лошадей, которых в конце концов собрали со всей округи. Британская резервная кавалерия, поддержанная огнем пехоты и несколькими наспех собранными батареями, завершила разгром первой атаки Нея. Вторая была отбита таким же образом. Затем неустрашимый маршал стал ждать подкрепления. Прибыло не менее тридцати семи эскадронов, Наполеон послал тяжелых драгун Келлермана в качестве последнего средства. Дивизия тяжелой кавалерии гвардии Гийо также была там — некоторые говорят, что они были вызваны Неем, другие, что они пришли по собственной воле; вопрос возникает потому, что на следующем этапе сражения их отсутствие на вверенном им участке было серьезной проблемой. В другой раз, и еще в один, эта могучая сила двинулась против врага. Вливаясь туда и обратно, взад и вперед, среди квадратов, они теряли сплоченность и силу, пока в самый решительный момент для Веллингтона не отступили, как и прежде, измученные и измотанные.

Энергия и рвение английского командующего странно контрастировали с растущей апатией Наполеона; Веллингтон еще больше укрепил свою линию двумя брауншвейгскими полками и батареей Мерсера, и, наконец, бригадой Адама с королевскими немцами под командованием Дюпона. Сделав это, он держался превосходно до последнего. И все же теперь его ресурсы были на исходе. Было шесть часов, и на его неоднократные сообщения с призывом о помощи Блюхера ответа не последовало. Хотя часть людей Бюлова сражалась уже более часа, все же прусская армия еще не вступила в бой полностью, и он сам, не имея ни подкрепления, ни помощи, казалось, оказался лицом к лицу с поражением. Бэринг удерживал Ла-Эй-Сент с непревзойденной храбростью; на его призывы о выделении людей откликнулись, но его просьбами о боеприпасах странным образом пренебрегли. Ней, видя, насколько тщетны были его кавалерийские атаки, отступил до того, как произошла последняя, выстроил дивизию Бачелю, собрал несколько полевых орудий и яростно обрушился с канонадой и штыковой атакой на фермерский дом. Его успех был полным; гарнизон обратился в бегство, его преследование было жарким, и, возглавив его лично, он прорвал линию противника в самом ее центре. Если бы его поддержал сильный резерв, битва была бы выиграна. Мюффлинг, прусский адъютант Веллингтона, бросился к прусским позициям и, приблизившись к голове дивизии Зитена, крикнул: "Битва проиграна, если корпус не двинется дальше и немедленно не поддержит английскую армию". Адъютант Нея, потребовавший от пехоты завершить проделанную им брешь, был встречен Наполеоном раздраженно. Одна бригада из корпуса Бюлова атаковала примерно в половине пятого; сначала их натиск был отбит, но затем он становился все более ожесточенным, поскольку подошли две другие бригады. Сульт возражал против пустой траты кавалерии Нея. Но последний был в отчаянии и вместе с другими генералами проявлял своеволие, граничащее с неповиновением. Часть гвардии только что была выделена для поддержки Лобау. На требование Нея о пехоте император ответил: "Откуда, по-вашему, я их возьму? Должен ли я их создавать?" По правде говоря, его ум и энергия были теперь больше связаны с Блюхером, чем с Веллингтоном, и он уже боролся с наступлением Бюлова в своих планах. Но если бы старый дух Бонапарта побудил вождя встать во главе того, что осталось от гвардейской пехоты, и совершить отчаянный рывок за поддержкой Нея, временное преимущество почти наверняка было бы завоевано; тогда, воодушевленный победой, он мог бы обратиться к

помощи Лобау до того, как подошли основные силы прусской армии. Так был упущен единственный шанс Наполеона нанести Веллингтону решающий удар.

Именно для предотвращения опасного флангового движения противника, а именно наступления Бюлова с кавалерийским корпусом принца Вильгельма на Плансенуа, Наполеон выделил молодую гвардию под командованием Дюэсма, треть своего драгоценного резерва, для поддержки правого фланга Лобау; Дюрютте находился в тылу его левого фланга, и эта часть была уже настолько сильной, насколько это было возможно. Тем не менее пруссаки захватили Плансенуа; французы немедленно сплотились и прогнали их; Блюхер бросил восемь свежих батальонов, и они, вместе с шестью уже сраженными, бросились к ущелью, ведущему к деревне. Проход был окружен французами, и какое-то время он напоминал Хинномскую долину; но пруссаки наседали, и молодая гвардия дрогнула. Наполеон послал два батальона старой гвардии под командованием Морана и Пеле; их стойкость восстановила стойкость их товарищей, и место было очищено, две тысячи убитых остались жертвами этой яростной атаки и контратаки. В семь часов Бюлов снова был на своей первой позиции, ожидая прибытия корпуса Пирха, чтобы восстановить свои поредевшие ряды. У Наполеона теперь оставалось только двенадцать из двадцати трех батальонов гвардейского резерва, менее шести тысяч человек. Веллингтон заделал брешь, сделанную Неем, и, хотя его правый фланг все еще был сильно потеснен, Зитен усилил свой левый фланг, откуда часть его кавалерии, бригады Вивиана и Венделера, была выделена для ремонта других слабых мест в линии фронта. В этот момент Зитен понял, что Бюлов еще больше уступает дорогу, и заколебался в своем наступлении. Короткий перерыв был замечен Дюрютте, и последним отчаянным усилием он вынес Папелотта, Ла Хэя и Смохейна, надеясь предотвратить роковой исход. Прошло полчаса, прежде чем Зитен восстановил свою потерю и, таким образом, вероятно, спас левую руку Веллингтона. К тому времени подошел Пирх, и с этим подкреплением Бюлов под шквальным огнем своих мощных батарей атаковал Лобау и двинулся на охрану Плансенуа. Лобау, герой Асперна, стоял как скала, пока люди Дюрютте и остатки корпуса д'Эрлона, пролетев мимо его фланга, не посеяли панику в его рядах. Вслед за этим весь французский правый фланг пришел в замешательство: все, кроме гвардии, которая стояла на церковном дворе Плансенуа, пока ее не окружили и не сократили численность примерно до двухсот пятидесяти человек; затем, под командованием Пеле, они построились в каре, поместили своего орла в середине, отогнали кавалерию, преградившую им путь, и достигли главной линии отступления с едва достаточным количеством людей, чтобы сохранить свой строй. Имя Зитена должно быть наравне с именем Колборна в анналах Ватерлоо. Разгром французских левых сил был началом бедствия Наполеона, а разгром его правых при Колборне стал его завершением.

Перед объединенными армиями Веллингтона и Блюхера французы устоять не могли; но, несмотря на меньшую численность и явные признаки поражения, генерал Бонапарт мог бы организовать организованное отступление. Иначе обстояло дело с императором Наполеоном, хотя теперь он был освободителем; отступление было бы всего лишь отсрочкой дня расплаты. Соответственно, великий искатель приключений, встретившись лицом к лицу со своей судьбой на высоте в Россомме, решил в последнем отчаянном усилии вернуть этот день и поставить все на последний бросок костей. На мгновение он, по-видимому, задумался о смене фронта, развернувшись с этой целью у Гугомона, где его сопротивление все еще было сильным; но в конце концов он решил сокрушить англо-бельгийский правый фланг, если это возможно; скрутить обе армии в беспорядочную массу, чтобы, возможно, они могли скорее ослабить, чем усилить друг друга; а затем, с помощью

Груши, нанести удар до победы. Хотя он и был равнодушен к требованиям Нея, он выставил против Бюлова самые отборные войска своей армии; несомненно, они могли выстоять, пока его удар будет нанесен в другом месте. Но он не считался при этом с резервными силами Веллингтона; хотя драматические истории о смертельной тревоге герцога имеют под собой слабое основание, нет сомнения, что он почувствовал большое облегчение, когда пруссаки вступили в бой, поскольку немедленно обратил свое внимание не на отдых, а на переформирование своей линии. Офицеры и рядовые, английские или немецкие, ничего не знали о местонахождении Бюлова или Блюхера, когда Наполеон принял свое решение; но, чувствуя, что они укрепились, они проявили в половине восьмого вечера ту же мрачную решимость, что и в одиннадцать утра. Хотя задача Веллингтона стойко продержаться до прибытия Блюхера была выполнена, и хотя, возможно, его солдаты слышали отдаленную стрельбу прусских орудий, все же за большим промежутком времени ничего не было видно, шум привлек мало внимания, и ни он, ни они не могли знать, что им еще предстояло. Следовательно, великолепное мужество генерала и армии всегда поддерживало их в готовности к любым действиям, какими бы отчаянными они ни были.

Против этой армии, в таком настроении Наполеон направил то, что осталось от тех сил, которые были своеобразным продуктом его жизни и гения, - старую и среднюю гвардию. Большинство его членов были детьми крестьян и родились в дореволюционные дни. Ни умные внешне, ни грациозные в осанке, они, тем не менее, имели вид совершенных боевых машин. Их огромные шапки из медвежьих шкур и длинные усы не умаляли свирепости их облика. Их отбирали по росту, послушанию и силе; им хорошо платили, хорошо кормили и муштровали; следовательно, у них не было никаких уз, кроме привязанности к своему Императору, никаких домов, кроме казарм, и никакого энтузиазма, кроме страсти к имперской Франции. Они не последовали бы ни за каким вождем, если бы он не отличался в их образе жизни; соответственно, Ней был удостоен этой чести; и когда они с гордой уверенностью поднимались по дороге Шарлеруа, их император обошел их на смотру. Как и в любой другой дивизии, им сказали, что отдаленный грохот исходил от орудий Граучи; когда им сообщили, что все готово к завершающему удару, что будет общее наступление по всей линии фронта и что ни один человек не должен быть лишен своей доли в верной победе, даже больные, как говорят, встали и поспешили в ряды. Воздух, казалось, разрывался от их хриплых приветствий, когда их колонны размеренным шагом пересекали по диагонали северный отрог крестообразного возвышения, разделявшего поверхность долины.

Веллингтон, проинформированный о передвижении французов, как это думает дезертир, отдал поспешные приказы в центр, приказал бригаде Мейтленда выступить туда, где должна быть предпринята атака, а сам расположился с батареей Напье несколько правее от нее. Едва он успел произнести слова предупреждения, как появилась голова французской колонны. Английские батареи приветственно рыгнули; но хотя лошадь Нея, пятая за этот день, была подстрелена, люди, которых он вел, пострадали мало, и с ним рядом в пешем строю они неуклонно продвигались вперед. Британские гвардейцы залегли за гребнем холма, и французы не могли разглядеть противника — только нескольких конных офицеров, одним из которых был Веллингтон. Изумленные и недоверчивые, нападавшие упорно продвигались вперед, пока не оказались в двадцати ярдах от английской линии. "Встать, стража! приготовиться!" - раздался хорошо известный призыв герцога. Британцы вскочили и открыли огонь; около трехсот доблестных солдат Нея пали. Но замешательства не было; с обеих сторон залп следовал за залпом, и это продолжалось до тех пор, пока британцы не атаковали. Тогда, и только тогда, французы отступили. Одновременно Донзело

напал на дивизию Альтена; но он питал слабую надежду и не произвел никакого впечатления.

Когда Ней отступил, отряд французских кирасир двинулся на английские батареи. Их успех был частичным, и за ними была сформирована вторая гвардейская колонна. Снова штурм возобновился, но вторая попытка удалась хуже первой. Справа от Мейтленда заняла позицию бригада Адама с Пятьдесят вторым полком; развернувшись, они вели убийственный фланговый огонь по наступающим французам, в то время как другие обрушивали сокрушительный град пуль с фронта. Передние ряды французам отважно ответили, но когда британцы завершили свой маневр, Колборн отдал приказ, его люди одобрительно закричали в ответ, и началась контратака. "Да здравствует Имперец!" - раздалось ответное приветствие из редущих рядов нападавших, и они все еще наступали. Но от ужасного грохота они пошатнулись, последовало замешательство, и почти в мгновение ока начался разгром. Подразделение старой гвардии, два батальона под командованием Камбронна, в полном порядке отступили к центру долины, где они дали свой последний доблестный отпор превосходящей по численности немецкой бригаде Хью Хэлкетта. Они сражались до тех пор, пока в живых не осталось всего полторы сотни. Казалось, что издали до их ушей донесся отчаянный крик "Sauve qui peut!". На первый призыв сдаться главарь ответил упрямым вызовом; вскоре после этого, около трех часов дня, прозвучал второй призыв, и на этот он уступил. Он и его люди двинулись в тыл англичан безропотно, но в глубоком унынии. Это событие вошло в традицию как эпическое событие; то, что Камбронн вполне мог бы сказать: "Гвардия умирает, но никогда не сдается", было произнесено не им, но оно олицетворяет их характер, и во фразе, которую, кажется, выкрикнули сами люди в своей последней отчаянной борьбе, они и их предводитель обрели бессмертие.

Последняя атака того, что осталось от гвардии, произошла почти в тот момент, когда Дурутте был окончательно разбит. Затем Веллингтон направил свежие кавалерийские бригады Вивиана и Ванделера против колонны Донзело и остатков французской кавалерии. Они сметали все перед собой, и тогда герцог отдал приказ о всеобщем наступлении. Французы слева впали в панику и бежали в сторону Бель-Альянса. Перед Ла-Э-Сент стояли два каре французских солдат, привилегированного легиона, выбранного для защиты имперской штаб-квартиры. В роковой час он великолепно подтвердил свой выбор, и среди хаоса царил идеальный порядок. На протяжении всего знаменитого наступления своих преданных людей Наполеон разъезжал туда-сюда, от Россомы до Бель-Альянса. Его взгляд потемнел, но в самый последний момент он хрипло окликнул массы неорганизованных войск, которые проносились мимо, приказывая им стоять крепко. Все было напрасно; и когда появился последний квадрат, он вжался в его замкнутую стену. Это было не слишком скоро, так как пруссаки теперь присоединились к движению вперед, и в последовавшем за этим чрезвычайном беспорядке другое каре распалось. Конвой Наполеона выдержал удар Двенадцатого британского легкого драгунского полка и снова прусскую атаку у Россомы, где Гнейзенау предпринял ожесточенное преследование. Несмотря на нападение и жестокий мушкетный обстрел, каре двигалось молча. Не было слышно ни слова, за исключением случайного замечания, адресованного Наполеоном своему брату Жерому или одному из офицеров. В одиннадцать часов были достигнуты Генаппе; там преследователи проявили такую активность, что всякая надежда на организованное отступление исчезла, и площадь растаяла. Наполеон стал предметом жалости — его глаза закатились, тело обмякло, огромная голова моталась в сонном оцепенении. Монтион и Бертран, как могли, усадили его

на лошадь и, по одному с каждой стороны, поддерживали его во время езды. У них был эскорт из сорока человек. В Катр-Бра они отправили гонца за Груши, приказав ему отступить на Намюр. Пруссаки отставали всего на час. На рассвете преследуемый император добрался до Шарлеруа, но его приближенные не посмели медлить; две шаткие повозки были под охраной, и только когда жалкий караван достиг Филиппвиля, беглецы получили несколько часов отдыха.

ГЛАВА XVIII

Сдача [\[26\]](#)

Природа поражения Наполеона — Его политические последствия — Фатальное решение Наполеона — Состояние Парижа — Наполеон в Елисейском дворце — Его отъезд в Рошфор — Мысли о возвращении — Промедление — Безумные планы бегства — Убежище в Англии — Его единственный ресурс — Белый террор и союзники.

Битва при Ватерлоо названа так потому, что депеша Веллингтона в Англию была датирована из его штаб-квартиры в этом месте. Всемирная известность борьбы была обусловлена провалом грандиозного дела и исчезновением выдающегося гения. Этот гений был настолько колоссальным, что сбивал с толку человеческие суждения. И все же человечество забывает, что его обладатель был конечным существом, и приписывает его падение любой причине, кроме истинной. Западная Европа дорого заплатила за это образование, но она была образована, изучив его новые и оригинальные методы как в войне, так и в дипломатии. Мы проследили за постепенным снижением способностей учителя, физических, умственных и моральных; мы отметили рост противостоящих ему сил, военных, дипломатических и национальных. Ватерлоо - это имя высочайшего значения, потому что оно знаменует окончательный крах личного гения, начало реакции на порядок, старый по названию, но новый по духу. Ватерлоо не было великим из-за численности сражавшихся, поскольку на стороне союзников было около ста тридцати тысяч человек, на стороне остальных примерно семьдесят две тысячи; и в его проведении не было особого блеска. Веллингтон хорошо защищал сильную позицию, тщательно подобранную. Но он умышленно оставил себе меньшую численность; он не стал сердечно сотрудничать с Блюхером; оба были не готовы; Гнейзенау был подозрителен; и битва при Линьи была грубой ошибкой пруссаков. Между рассветом и сумерками восемнадцатого июня Наполеон совершил ряд мелких ошибок, каждую из которых можно объяснить, но не оправдать. Он начал слишком поздно; он не продолжил свои атаки; он не отступал, когда его били; он мог заниматься только чем-то одним одновременно; он не контролировал своих подчиненных; он не был ни спокоен, ни бдителен. Его возвращение с Эльбы сделало его кумиром большинства во Франции, но его поведение на протяжении Ста дней было поведением сломленного человека. Его гениальность казалась яркой в начале его последней кампании, но с каждым днем выполнение дневной задачи откладывалось. Его великие помощники становились беспокойными и ненадежными, хотя, подобно его терпеливым, стойким и доблестным людям, они проявляли чудеса личной доблести. Ней и Груши действовали осмотрительно, но это была осмотрительность, совсем не похожая на осмотрительность

Десо в Маренго или самого Нея в Эйлау. Их невежеству нельзя оправдывать; решение Гручи в Валхайне, хотя и было в какой-то мере оправдано более поздним приказом Сульта, возможно, стало непосредственной причиной окончательной катастрофы. Но такие соображения не оправдывают ни неспособность Наполеона отдать четкие приказы, ни его нервное вмешательство в построение Нея перед Катр-Бра, ни его преднамеренные повторы во время своего пленения, которые он ожидал услышать на протяжении всего сражения. Более того, интерес к Ватерлоо связан скорее с его непосредственными и драматическими последствиями, чем с его решающим характером. Если бы Наполеон победил в тот день, союзники были бы далеки от уничтожения; и Веллингтон, и Блюхер сохранили открытыми свои соответствующие пути отступления. Национальное восстание в Европе было бы более решительным, чем когда-либо; 1815 год был бы всего лишь повторением 1814 года. Наконец, потери, хотя и ужасные, не были беспрецедентными. Груши одержал победу при Вавре и, услышав о катастрофе при Мон-Сен-Жан, сначала подумывал ударить в тыл пруссии, когда они устремятся в погоню. Но он быстро отказался от этой химерической идеи и, получив приказ Наполеона из Катр-Бра, отступил к Намюру, а оттуда мастерским отступлением повел свою армию обратно во Францию. Включая тех, кто пал при Вавре, союзники потеряли около двадцати двух тысяч пятисот человек, из которых семь тысяч были британцами и столько же пруссаками. Записи в Париже очень несовершенны, но они указывают на то, что французские потери составили около тридцати одной тысячи человек.

Добыча, захваченная после Ватерлоо, была неважной; но политические трофеи были огромны, и они принадлежали пруссакам. Их высокие ожидания схватить Наполеона были обмануты; но единственный великий результат — осуществление, а именно, всех тиранических планов, составленных в Вене для унижения либеральной Франции, — которого они добились своим немедленным, горячим преследованием. Трудно разглядеть факты в пыли споров. Пруссия, Австрия, Россия и Великобритания убеждены, что каждая из них положила начало корсиканскому призраку; Франция долгое время была занята разъяснением фактов своего поражения, но, похоже, наконец выполнила свою задачу; самый заметный памятник на поле битвы - это памятник голландско-бельгийцам!

Наполеон полностью осознавал, что при Ватерлоо он бросил последнюю кость и проиграл. Это не может быть доказано, но выдвигается обвинение в том, что гораздо раньше он перестал считаться с фактами и начал жонглировать нереальностью. В "Возвращении с Эльбы" есть все элементы романтики, но события показали, что оно было основано на здравом суждении. Если бы союзные державы пожелали предоставить Франции привилегию выбирать свое собственное правительство, которое, несмотря на все произошедшее, принадлежало ей по всем принципам, известным международному праву, Европа, во всяком случае, наслаждалась бы несколькими годами покоя; принимая во внимание подорванное здоровье и преждевременную старость Наполеона, Франция могла бы на длительный период перестать нарушать общественный покой, разрабатывая тогда, как и сейчас, возможно, с такими же трудностями, незыблемые принципы Революции; континент мог бы избежать сорока лет беспорядков, и кровавые наводнения в Катр-Бра пролились на землю. Линьи и Ватерлоо могли бы беспрепятственно течь по венам невинных людей, из которых они вытекли. Ответственность за всю кровь, пролитую после первого Парижского мирного договора, должна быть разделена с Наполеоном династической Европой, в частности дипломатами, которые олицетворяли ненависть к России, Австрии и Пруссии и позволили ей найти выход в войне возмездия; часть также принадлежит к фракционному ожесточению, которое безраздельно царило в различных

французских партиях, разжигая гражданскую рознь и ставя под угрозу французское гражданство. От начала и до конца в характере Наполеона было мало последовательности — ни в коем случае нельзя быть уверенным, что он плохо играл, и, возможно, магистерски, роль национального правителя; конечно, также возможно, что он до конца оставался тем же неукротимым космополитическим авантюристом. Принимая во внимание политическую историю Франции периода Ста дней, первое представляется более вероятным. Но после Ватерлоо он ясно осознал, что больше не может быть ни тем, ни другим. Нельзя было ожидать, что все инстинкты исчезнут сразу, что он без усилий погрузится в неизвестность.

После короткого отдыха в Филиппвиле Наполеон составил обычные бюллетени о своей кампании и отправил их в столицу вместе с письмом, в котором советовал Жозефу проявлять твердость и держать законодательную власть в руках. Если бы Граучи сбежал, писал он, он мог бы уже на месте собрать пятьдесят тысяч человек; имея под рукой средства, он вскоре смог бы организовать сто пятьдесят тысяч; войска на полковых складах вместе с национальной гвардией довели бы их численность до трехсот тысяч. Эти представления были основаны на привычке ума, а не на подлинной убежденности. Он считал, что силы Груши были уничтожены, и хотя он остановился в Лаоне, как будто для реорганизации армии, он воспользовался формой консультаций с теми офицерами, которых смог собрать, а затем, по их совету, двинулся на Париж. Офицеры настаивали на том, что армия и большинство народа лояльны, но что аристократия, роялисты и депутаты-либералы совершенно ненадежны. "Мое настоящее место здесь", - последовал ответ. "Я поеду в Париж, но вы толкаете меня на глупый путь". Это был голос разума, но он подчинился велению склонности. И все же он остановился на пороге и, войдя в город ночью двадцать первого июня, не стал публично объявлять о своем присутствии. Напротив, он почти незаметно прокрался в тихие залы Елисейского дворца, где сонный слуга или двое встречали нежданного гостя, не понимая, что произошло. Должно быть, он чувствовал, что моральный эффект Ватерлоо погубил его; в отличие от любых других его поражений, это не разрушило его ни как генерала, ни как правителя в одиночку: его престиж и как монарха, и как солдата исчез.

Новость о Линьи была воспринята в городе с ликованием; в момент прибытия Наполеона правда о Мон-Сен-Жан распространялась слишком быстро на тысяче языков, передавая слухи из квартала в квартал по всему городу, вызывая всеобщий ужас. Ранним утром Даву, полностью осведомленный об общественных настроениях и верный своим инстинктам, посоветовал слабеющему императору отложить заседание палаты и броситься на армию; Карно считал, что общественная безопасность требует диктатуры, и настаивал на этом; Люсьен придерживался того же мнения. Но прежнего Наполеона больше не было; колеблясь, словно в частичной каталепсии, бормоча пустые фразы быстрыми, невнятными фразами, он отказывался принимать решение. Члены совета начали получать доступ, и, становясь все смелее по мере того, как Наполеон становился все более молчаливым, слово "отречение" вскоре было у всех на языке. Наконец решение было принято, и такое! Люсьена отправили на переговоры с палатами, и вызвали Фуше. Последний с коварным красноречием доказывал, что только в законодательном органе Наполеон может найти опору для своего трона. Об этом разговоре, как по волшебству, стало известно в залах собраний, и Лафайет, поддержанный Константом, внес предложение о том, что любая попытка распустить палаты будет рассматриваться как государственная измена. Люсьен тщетно умолял создать комиссию для переговоров с захватчиками от имени его брата; депутаты назначили комитет общественной безопасности и закрыли заседание.

Сломленный духом, Наполеон провел вечер в мрачных размышлениях, взвешивая и балансируя, но так и не приняв решения. Должен ли он появиться на рассвете перед Тюильри, созвать войска, уже находящиеся в Париже, и отложить захват ненавистных палат, или не должен? Эта идея так и осталась мечтой. В начале июня император приказал придворному аптекарю кадету де Гассикуру приготовить безошибочный яд. Это было сделано, и в течение этой ночи ужасных колебаний отчаявшийся беглец принял дозу. Но, как и прежде в Фонтенбло, теория философа оказалась слабее его инстинктов. Испытывая ужасные физические и душевные муки, потенциальный самоубийца вызвал своего фармацевта, и тот снабдил его необходимыми противоядиями. Но утро не принесло храбрости, и когда палаты собрались в свой обычный час, по предложению малоизвестного члена они потребовали отречения императора. Послание было передано военным комендантом Бурбонского дворца, где заседало законодательное собрание, которое теперь узурпировало верховную власть, и он по собственной инициативе заявил, что в случае отказа в согласии палаты объявят Наполеона вне закона. Сначала император изобразил яростный гнев, но во второй половине дня продиктовал Люсьену свое окончательное отречение от престола. Как только был получен этот документ, дикое возбуждение депутатов и пэров улеглось, и сразу же новая Директория, состоящая из Карно, Фуше, Коленкура и Кинетта, взяла бразды правления в свои руки. Город молча подчинился, и час за часом ничто не нарушало глубокого уединения Елисейского дворца, за исключением случайных криков проходящих групп рабочих, призывающих Наполеона стать диктатором.

Но все изменилось, когда начали прибывать отставшие от Ватерлоо люди, клявшиеся, что они все еще поддерживают императора, и осуждавшие тех, кого, по их мнению, предали его. Идея поддержать Наполеона силой начала распространяться, и когда солдаты, которые прибывали после подавления восстания в Вандее, присоединили свои голоса к голосам своих товарищей при Ватерлоо, новые власти испугались присутствия Наполеона как угрозы их власти. Даву был первым, кто предложил прибегнуть к силе, но когда Наполеон наконец вернулся к этой идее, маршал выступил против нее. Итак, двадцать пятого июня павший человек удалился в Мальмезон, где в обществе королевы Гортензии и нескольких верных друзей в течение трех дней надолго предавался печальным воспоминаниям об этом месте. Но он также написал прощальное обращение к армии и, находясь в постоянной связи с правительственным комитетом, разработал план побега в Соединенные Штаты, "чтобы там исполнить свое предназначение", как он сам сказал. Для этой цели в распоряжение "того, кто недавно был императором" были предоставлены два фрегата. Все было готово двадцать девятого. В тот день проходивший мимо полк прокричал: "Долгих лет жизни императору", и в последнем отчаянном усилии Наполеон прислал предложение своих услуг в качестве простого генерала, чтобы спасти Париж и разгромить союзников, которые, хотя и приближались к столице, теперь были разделены. Фуше ответил оскорбительно, заявив, что правительство больше не может нести ответственность за безопасность заявителя. Тогда, наконец, Наполеон понял, что в этом квартале все кончено. Переодевшись в гражданскую одежду и сопровождаемый Бертраном, Савари и Гурго, он немедленно отправился в Рошфор. Генерал Беккер возглавлял партию в качестве уполномоченного временного правительства.

Изгнанник намеревался поспешить дальше, но в Рамбуйе он остановился и провел вечер, составляя два запроса: один на поставку мебели из Парижа, другой - для библиотеки в Малом Трианоне, а также экземпляров "Греческой иконографии" Висконти и большого труда о Египте, составленного на основе материалов, собранных во время его злополучного пребывания в этой стране. На следующее утро из Парижа прибыл курьер с новостями. "С

Францией все кончено", - воскликнул он и снова отправился в путь. Толпы выстроились вдоль шоссе; иногда они приветствовали друг друга, и всегда были почтительны. Энтузиазм двух кавалерийских полков в Ньоре был таков, что Беккер был вынужден направить правительству депешу, в которой умолял, чтобы армия, сплотившаяся во имя Наполеона, все еще могла оказывать важное влияние на государственные дела. Как раз в тот момент, когда генерал закрывал документ, пришло известие о канонаде, раздававшейся под столицей тридцатого числа. Наполеон продиктовал постскриптум: "Мы надеемся, что враг даст вам время охватить Париж и довести ваши переговоры до конца. Если в таком случае английский крейсер остановит отплытие императора, вы можете избавиться от него как от простого солдата.

По странному совпадению, английские крейсера действительно появились через несколько дней в районе Рошфора. Какова бы ни была связь между этим обстоятельством и его предложением, Наполеон изучил все возможные способы отсрочить свое путешествие и фактически вступил в переписку с командующими в Бордо и Вандее с целью свержения "предательского" правительства. Третьего июля он наконец добрался до Рошфора. И снова в течение пяти дней он медлил. Но союзники вступали в Париж; Веллингтон возвращал Людовика XVIII на его трон; через сорок восемь часов придут монархи коалиции. Блюхер приказал прусскому отряду схватить и расстрелять своего ненавистного противника, где бы его ни обнаружили. Итак, восьмого числа император-изгой сел на корабль; но на два дня фрегаты задержал неблагоприятный ветер. Десятого числа в поле зрения появились английские крейсера, а одиннадцатого Лас Кейсса, назначенного личным секретарем Наполеона, послали побеседовать с капитаном Мейтлендом с *"Беллерофонта"* относительно инструкций, полученных им от британского правительства. Посланник вернулся и заявил, что английский командующий всегда будет готов принять Наполеона и проводить его в Англию, но он не может гарантировать, что бывший император сможет там поселиться или будет свободен отправиться в Америку.

Эта формулировка была почти фатальной для идеи последнего убежища в Англии, которую Наполеон начал обсуждать и обдумывать в течение дней, проведенных в Рошфоре; поэтому Лас Кейсс попросил о повторном собеседовании. Согласно его рассказу, затем Мейтленд сменил тон, заметив, что в Англии монарх и его министры не обладают произвольной властью; что великодушные английского народа и его либеральные взгляды выше тех, которые исповедуют монархи. Для оратора это было банальностью; для слушателей это было весомое замечание. Будучи жертвой неуверенности, Наполеон вынашивал различные планы. Он купил две небольшие полупалубные рыбацкие лодки, намереваясь сесть на датский корабль, стоявший снаружи, но от этого проекта быстро отказались. Два молодых офицера французского фрегата предложили доплыть до Нью-Йорка на маленьком суденышке. Наполеон серьезно рассматривал эту возможность, но, напомнив, что такие суда должны получать последние припасы у берегов Испании или Португалии, отверг этот план, поскольку не осмеливался рисковать попасть в руки озлобленных врагов. Пришло известие, что неподалеку, в Жиронде, стоит американский корабль. Генерал Лаллеман в спешке примчался посмотреть, можно ли обеспечить убежище для объявленной вне закона партии под ее флагом. Он вернулся с ответом, что капитан был бы "горд и счастлив предоставить это".

Но тем временем Наполеон решил положиться на "великодушные Англии". Тринадцатого Гурго был отправлен в Лондон с просьбой к принцу-регенту разрешить императору жить в

неизвестности в каком-нибудь провинциальном английском местечке под именем генерала Дюрока. Пятнадцатого Наполеон поднялся на борт "*Беллерофонта*", где его приняли со всеми почестями; на следующий день судно отчалило, а двадцать четвертого бросило якорь в Торбее. Во время путешествия пассажир часто впадал в сонливость и казался измученным; но он был приветлив в общении с офицерами и с Мейтландом, который неразумно уступил ожидаемое преимущество. Своему доброму надзирателю узник, как бы умоляя о доверии, показал портреты своей жены и ребенка, с нежностью сожалея о вынужденной разлуке с ними. Сцены в Торбее были любопытны. Толпы людей издалека и вблизи выстроились вдоль берегов, а лодки всех видов заполнили воды; туристы отваживались на все, чтобы хоть мельком увидеть ужасное чудовище, под страхом власти которого целое поколение достигло зрелости. Если, возможно, им это удавалось, воздух разрывался от радостных криков. Через два дня кораблю было приказано повернуть в Плимутский пролив, но безрассудные искатели сенсаций собрались там в еще большем количестве.

Многие удивлялись тому, что Наполеон выдал себя англичанам. Не было другого выхода, который казался бы осуществимым сломленному духом человеку в его положении. Его поклонники правы, полагая, что для него было более благородно пережить свое величие, чем покончить с собой. Пуститься в серию романтических приключений, подобных тем, что предлагались, — спрятаться на датском судне, сбежать в открытых шлюпках, спрятаться в бочке с водой на американском торговом судне и тому подобное — было бы просто добавлением позора к его поимке; ибо о его присутствии под американским флагом сообщили бы шпионы, а в тот день знамя Соединенных Штатов не давало бы ему особого иммунитета. Возможно, что на следующий день после Ватерлоо Наполеон с армией Груши, другими выжившими и людьми из Вандеи вновь собрал армию в Париже, но это сомнительно. Ничто в революционных анналах не может превзойти ужас безумия роялистов, известного как Белый террор, который разразился в Провансе и южной Франции после получения известий о Ватерлоо. Ужасная смута распространялась быстро, и когда Наполеон взшел на борт, триколор развевался только в Рошфоре, Нанте и Бордо; его семья была объявлена вне закона, Ней и Лабедойер были заключены в тюрьму и обречены на казнь. Сдаться Веллингтону или Блюхеру означало бы искать немедленной смерти; собрать вместе таких отчаявшихся солдат, каких только можно было собрать, было бы попыткой партизанской войны. Найти убежище у офицеров английского военно-морского флота было единственным достойным поступком, в котором был хоть какой-то элемент безопасности, поскольку Великобритания была единственной страной в Европе, предоставлявшей привилегии убежища определенным классам политических преступников. Естественно, участники переговоров не заявляли о своей крайности. Учитывая дату посольства Гурго, становится ясно, что они были не в том положении, чтобы требовать официальных условий, а характер Мейтленда не позволяет сделать вывод, что он их выдвинул. К сожалению, он не обязался описывать все свои сделки с Лаллеманом, Савари и Лас Кейсами; возможно, он был необдуманно вежлив, но несомненно, что, вопреки их заверениям, он не давал никаких обещаний, даже косвенных, что под английским флагом Наполеон найдет убежище, а не тюрьму.

ГЛАВА XIX

Остров Святой Елены [\[27\]](#)

Смущение английского министерства — Странное посольство — Позиция Наполеона — Транспортировка — Тюрьма и ее начальник — Занятия заключенного — Исторические труды Наполеона — Ухудшающееся здоровье и подготовка к смерти — Его Последняя воля и Завещание — Конец заточения гения — Период Святой Елены — Ненасытное любопытство Европы — Первые сообщения с острова — Обращение Наполеона — Гурго в Европе — Его незаслуженная известность — Тщетные усилия Лас Кейсес — Деятельность О'Мира — Неразбериха последних лет — Документальные свидетельства — Легенда как историческая сила.

НАПОЛЕОН СПИТ У ЛАС КЕЙС НА БОРТУ "БЕЛЛЕРОФОНТА"

Красным мелом работы Леписье.

1815-21

Министерство лорда Ливерпуля, хотя и принадлежало к ультра-ториям, тем не менее было смущено ходом событий. Двадцатого июня премьер-министр написал Каслри, что хотел бы, чтобы Наполеон был схвачен Людовиком XVIII и казнен как мятежник. Это удивительное предложение стало результатом прогресса, достигнутого в течение года доктриной легитимности. Хотя Талейран провел Сто дней в безопасном уединении Карлсбада и был холодно принят своим "законным" сувереном, когда вернулся в Париж под командованием эгиса Веллингтона, все же не было никого, кто мог бы в равной степени восстановить "законное" правительство, и с помощью Веллингтона, который, без сомнения, занял главное место в восстановлении Франции, он вскоре начал действовать в полную силу. Следуя строгой логике, союзники рассудили, что Наполеон был их общим пленником, и как главного злоумышленника его должна была постичь участь Нея, а позже и Мюрата. Благодаря долгому знакомству с подобными понятиями царь, наконец, смирился с некогда отвратительной идеей легитимности и вынашивал план Священного союза; даже он не стал бы возражать. Но английское общественное мнение, каким бы раздраженным оно ни было, не потерпело бы идеи смертной казни как наказания за политические преступления. Что бы ни чувствовали или ни говорили министры, они не осмеливались рассматривать никакой альтернативы в борьбе с Наполеоном, кроме тюремного заключения. Соответственно, остров Святой Елены, место, предложенное Веной как самое удаленное в пригодном для жизни мире, был обозначен как остров, позаимствованный у Ост-Индской компании. Были приняты парламентские акты, которые учредили для него специальное правительство и отрезали его от всех внешних связей, "для лучшего содержания под стражей Наполеона Бонапарта". Поэтому континентальные союзники второго августа объявили бывшего

императора своим общим пленником. Англии они предоставили право определять место его содержания под стражей, но за каждой из них — Австрией, Россией и Пруссией — было сохранено право направить туда комиссара, который должен установить факт фактического заключения.

Именно в Торбее газеты, доставленные на борт *"Беллерофонта"*, впервые сообщили о том, что рассматривалось. Тридцать первого июля, с непоследовательной церемонией, решение было официально объявлено посольством в составе адмирала лорда Кейта, заместителя государственного секретаря сэра Генри Банбери и секретаря адмирала мистера Майке. К кому обращалась эта высшая официальная инстанция? К генералу Бонапарту, частному гражданину! Их послание было зачитано по-французски, и Наполеон продемонстрировал полное самообладание. На вопрос, есть ли ему что сказать, экс-император без гнева или горечи апеллировал к решению правительств как перед потомками, так и перед британским народом. По его словам, он был добровольным гостем; он хотел, чтобы его приняли как такового в соответствии с международным правом, и чтобы он проживал как гражданин Англии (*sic*). В период до натурализации он будет жить под надзором в любой точке Англии, в тридцати лигах от любого морского порта. Он не мог жить на острове Святой Елены; он привык проезжать по двадцать миль в день; что он мог делать на этой маленькой скале на краю света? Он мог бы обратиться к своему тестю или к царю, но, пока развеивался триколор, он полагался на британское гостеприимство. Несмотря на поражение, он все еще был сувереном и заслуживал, чтобы с ним обращались как с таковым. Подчеркнуто он заявил, что предпочитает смерть острову Святой Елены.

Посольство в молчании покинуло трогательную сцену. Ранее лорд Кит выразил благодарность Наполеону за личное внимание к молодому родственнику, попавшему в плен при Ватерлоо. Поэтому императорский пленник теперь вспомнил о нем и спросил, есть ли какой-нибудь трибунал, в который можно было бы подать апелляцию. Ответом было вежливое отрицание с заверением, что британское правительство смягчит ситуацию настолько, насколько позволит благоразумие. "Каким образом?" - спросил Наполеон. "Конечно, остров Святой Елены предпочтительнее, чем меньшее пространство в Англии, - ответил Кейт, - или быть отправленным во Францию, или, возможно, в Россию". "Россия!" - воскликнул Наполеон, застигнутый врасплох. "Боже, сохрани меня от этого!" Это был единственный момент волнения; свидетели долгой и мучительной сцены оставили запись о глубоком впечатлении, произведенном на них достоинством Наполеона и его восхитительным поведением на протяжении всего матча. Впоследствии заключенный составил письменный протест, апеллируя к истории. Враг, который в течение двадцати лет вел войну против английского народа, добровольно приехал просить убежища по английским законам; как Англия отреагировала на такое великодушие? По крайней мере, в своем собственном сознании он установил и поэтому написал сравнение между собой и Фемистоклом, который нашел убежище у персов и был обласкан. Параллель нарушалась тем, что великий грек никогда не принуждал своего врага к запутанным союзам, как Наполеон принуждал Англию к последовательным коалициям в целях самосохранения. Более того, его капитуляция не была добровольной: его жизнь не стоила бы и ломаного гроша ни во Франции, ни где-либо еще на Континенте, бежать морем означало бы навлечь на себя плен. "Везде, — как он сам неоднократно говорил, - везде, где была вода, по которой мог плавать корабль, должен был быть британский штандарт". И все же в Англии было много тех, кто разделял его точку зрения; было вызвано большое сочувствие, и были предприняты некоторые тщетные попытки добиться его освобождения.

Для путешествия на остров Святой Елены Наполеона перевели на корабль адмирала Кокберна "*Нортумберленд*". Свита насчитывала тридцать человек, и ее выбрал сам Наполеон. Его членами были Бертран, Монтолон и Лас Касес со своими семьями, а также Гурго и, следовавший на более позднем корабле, поляк с сомнительными обязанностями и сомнительной личностью, самозванный полковник Пионтковский. Там было шестнадцать слуг, из которых двенадцать принадлежали Наполеону. Путешествие было утомительным и без происшествий. Адмирал придерживался английских обычаев и пренебрег этикетом, соблюдаемым по отношению к коронованным особам; но он оставался в наилучших отношениях со своим прославленным пленником. Время от времени возникали недоразумения, а иногда и злонамеренные сплетни, в которых адмирала за его спиной называли "акулой"; но такие небольшие порывы гнева проходили без необратимых последствий. Наполеон обзавелся превосходной библиотекой, о которой мечтал, и каждый день читал или писал большую часть утра; вечера он посвящал азартным играм по низким ставкам или шахматам, в которые играл очень плохо. Он тщательно следил за своим питанием, регулярно делал обильные физические упражнения, и, поскольку здоровье у него было отменное, он казался в основном жизнерадостным и покорным.

Остров Святой Елены представляет собой скалистую вершину древнего вулкана, возвышающуюся на две тысячи семьсот футов над уровнем моря и занимающую площадь в сорок пять квадратных миль. Его берега обрывисты, но у него есть превосходная гавань Джеймстаун, которая в то время была портом захода на рейсе из Англии мимо мыса Доброй Надежды в Индию. Он расположен в четырех тысячах миль от Лондона, в тысяче ста сорока от побережья Африки, в тысяче ста восьмидесяти от ближайшей точки Южной Америки. Там проживало несколько тысяч жителей смешанной расы, а тропический климат, хотя и влажный и изнуряющий, довольно целебен. В соответствии с законом, принятым парламентом, Англия увеличила территориальные воды вокруг острова до кольца, в три раза превышающего обычные размеры, и охраняла их с помощью "зависших" судов, что делало приближение подозрительных судов практически невозможным. Это, наряду с многочисленными другими не имеющими большого значения мерами предосторожности, превратило остров Святой Елены в неприступную тюрьму. Шестнадцатого октября 1815 года Наполеон высадился на его берегах.

Резиденция, предоставленная пленному императору, представляла собой довольно обычный фермерский дом в центре острова, на плато высотой в две тысячи футов. Территория была ровной и ограничена естественными границами, так что ее было легко охранять, и часовые могли наблюдать за ней на всем ее протяжении; в конце концов был размечен круг в двенадцать миль, и в пределах него заключенный мог передвигаться по своему желанию; если он хотел пересечь линию, его должен был сопровождать английский офицер. Учитывая господствовавшие тогда представления о государстве и рыцарстве, место было убогим; долгое время спустя, когда дом расширили и отремонтировали, считалось, что он вполне подходит для развлечения заключенного в тюрьму вождя зулу. Лонгвуда, ибо это знакомое название, в крайнем случае могло бы хватить для жилья генерала Бонапарта; это было, конечно, лучше, чем темница; но его скромный комфорт был далек от роскошной элегантности, которая стала второй натурой императора Наполеона. Однако, каким бы ему ни суждено было стать, в октябре он все еще был непригоден для жилья, и до девятого декабря его будущий обитатель был гостем гостеприимного торговца мистера Балькомба

на его вилле, известной как Брайарз. Днем часовые и патрули оставались в шестистах шагах от двери; ночью кордон охраны плотно обступал дом; дважды в сутки денщик должен был удостовериться в действительном присутствии заключенного, и человеческая изобретательность не могла придумать такой меры предосторожности, которая не была бы принята на суше и на море, чтобы сделать невозможным любое тайное сообщение, внутреннее или внешнее. Безмятежное добродушие Кокберна исключало возможность того, что пленник мог сделать что-то большее, чем заявить о своей политике протеста и раздражения, до апреля 1816 года, когда адмирал отбыл и был заменен сэром Хадсоном Лоу. Последний был уязвимым противником. Человек рутинный, только что закончивший двухлетнее пребывание в качестве английского комиссара в лагере Блюхера, он полностью впитал характер как министерства Тори, так и континентальных реакционеров. Не вспыльчивый, не суровый и не злонамеренный, он все же был пунктуален и ни в коем случае не мог сравниться с блестящим гением своего антагониста. С прибытием этого злополучного чиновника собственно и начинается период жизни Наполеона на острове Святой Елены — период, который многие считают поучительным; но в том, что касается разговоров и тщетных расчетов, которым он предавался, сравнимый только с периодом его безрезультатной агитации на Корсике.

Из коллекции У. К. Крейна
Гравировка С. У. Рейнольдса

НАПОЛЕОН НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Кисти Горация Верне.

У заключенного Наполеона была двойная цель — освобождение и самооправдание. Первого он надеялся добиться, воздействуя на чувства английских либералов; второго -

написав автобиографию, которая, чтобы вернуть утраченное доверие Франции, должна была подчеркнуть демократическую, прогрессивную и благотворную сторону его карьеры и предать забвению его тиранию и непомерные личные амбиции. Мрачная хроника ссоры между обезоруженным великаном и могучим пигмеем неинтересна в деталях, но очень проливающая свет в своих общих чертах. Был установлен распорядок дня суда, который какое-то время строго соблюдался в Лонгвуде. Бессильный монарх так успешно имитировал мудрость и рассудительность наказанной души, что сообщения, дошедшие до далекого мира, пробудили великую жалость среди бескорыстных людей. Как на борту корабля, так и в "Брайарз", он посвящал свое утро литературе, облаченный в заученную, живописную одежду. Вторую половину дня он посвятил развлечениям и физическим упражнениям; но отвращение к большим физическим нагрузкам, чем это было на самом деле необходимо для здоровья, неуклонно росло, пока он не стал вялым и тучным. За столом он всегда был воздержан; его сон был нерегулярным и беспокойным. Вечера он проводил с любимыми авторами - Вольтером, Корнелем и Оссианом; часто также за чтением Библии. Мнения, которые он высказывал, в основном совпадали с мнениями его псевдонаучных дней; среди других обсуждавшихся вопросов был вопрос о полигамии, который он теоретически рассматривал как превосходный институт. Домочадцы потратили много времени на то, чтобы злоупотреблять Лонгвудом, и так эффективно, что в Англии был построен деревянный дом, возведенный неподалеку; но заключенный создавал трудности по каждому поводу и никогда не занимал его. Постоянно строились планы прямых контактов с друзьями во Франции, и частичный успех закончился закрытием дел Las. Гурго тоже уехал, якобы из-за ссоры с Монтолоном, на самом деле, как он утверждал, чтобы вместе с Александром, Франциском и Марией Луизой агитировать за освобождение Наполеона. Изгнанник неосторожно признался, что ни один живой человек не смог бы удовлетворить его в отношении губернатора острова Святой Елены, но все же он был ловок и неутомим в своих попытках дискредитировать Лоу. "Письма с мыса Доброй Надежды", опубликованные в Англии анонимно, но теперь включенные в официальное издание сочинений Наполеона в качестве тридцать первого тома, оскорбляют климат острова Святой Елены, изображают несправедливость тюремного заключения и высмеивают губернатора. Книга была широко прочитана и обрушила на вигов в парламенте множество шквалов критики. Этот успех придал автору смелости, и дальнейшие сочинения, написанные его рукой, таинственным образом публиковались в Европе.

В течение трех лет Наполеон неустанно выполнял самопровозглашенную задачу историка, и результаты, пока ему помогали Лас Касес и Гурго, были обширными; впоследствии результат был незначительным. Большинство томов, в которых записаны его наблюдения и мнения, носят имена соответствующих мемориалистов: Монтолон, Лас Кейсес, Гурго, О'Мира и Антоммарчи, двое последних - его лечащие врачи. Период, который он постарался наиболее полно осветить в этих работах, был периодом между Тулоном и Маренго. Под его собственным именем появились монографии об Эльбе, Ста днях и Ватерлоо. О его профессиональных способностях свидетельствуют краткие исследования по "Искусству и истории войны", "Организации армии" и "Фортификации"; также он подробно анализирует войны, которые вели Цезарь, Тюренн и Фридрих Великий. Это не лишено репутации автора; его разносторонность проявляется в нескольких банальных замечках — одни о "Магомете" Вольтера, другие о самоубийстве, третьи о второй книге "Энеиды". Широко распространенный трактат "Рукопись со острова Святой Елены" долгое время приписывался ему, но был искусной подделкой. Как будет объяснено, его влияние на историю было важным.

В течение почти четырех лет здоровье Наполеона было в порядке. О'Мира, врач, назначенный для его лечения, был усердным и умелым, но когда он стал преданным рабом своего пациента, Лоу уволил его. Вслед за этим определенные тревожные симптомы, которые отмечались время от времени, стали более выраженными, и заключенный начал размышлять и хандрить в уединении. Осенью 1819 года доктор Антоммарчи, корсиканский врач, выбранный Фешем, поселился в Лонгвуде. На какое-то время, как он утверждал, ему удалось добиться некоторого успеха в улучшении состояния бывшего императора, и тому, что автор описывает как их конфиденциальные беседы, мы обязаны нашими знаниями о детстве Наполеона. Но из месяца в месяц силы пациента убывали, и разрушительные последствия его загадочной болезни в конце концов стали совершенно очевидны. Упорство Лоу в выполнении буквы своих инструкций, когда он вторгнулся к страдальцу, чтобы получить материал для ежедневного отчета, серьезно усугубило страдания Наполеона. Антоммарчи сопровождали два священника: один оставался только на некоторое время, и после его приезда почти каждое утро в часовне, примыкающей к комнате больного, служили мессу. "Не каждый человек является атеистом, который хотел бы им быть", - таково было замечание, брошенное Наполеоном Монтолону. И все же, хотя он и готовился к смерти, он одновременно готовился пустить в ход свою парфянскую стрелу.

Его завещание демонстрирует его качества во всей их полноте. Язык звучит просто и искренне; почти в каждой строке есть скрытый смысл. Внешне его религия была религией деиста; теперь он исповедовал благочестие, которое всегда чувствовал, но редко практиковал. При его жизни Францию ласкали и использовали, как искусный мастер ласкает и использует свои инструменты; последние слова его завещания свидетельствуют о страстной преданности. Своему сыну он рекомендовал "любовь к справедливости, которая одна может побудить к совершению великих подвигов"; к своей неверной жене он выражал самые нежные чувства и, вероятно, чувствовал их. Он надеялся, что английский народ отомстит за себя английской олигархии и что Франция простит предателей, которые предали ее — Мармона, Ожеро, Талейрана и Лафайета, — как он простил их. Луи он простил в том же духе за "клевету, опубликованную в 1820 году; она полна лжи и фальсифицированных документов". Вину за убийство Энгьена он взял на себя. Вторая часть документа представляет собой серию щедро звучащих завещаний списку наследодателей, в который входят все, кто оказал завещателю какую-либо важную услугу с самого раннего детства. Франция при Бурбонах конфисковала имперские владения примерно на сто восемьдесят миллионов, которые Наполеон оценивал более чем в двести двадцать. Когда нация снова перешла под власть Бонапартов, она выделила восемь миллионов на выплату неоплаченного наследства. В конце концов его душеприказчики собрали три с половиной миллиона франков для выплаты завещания, которое на их взгляд составляло более девяти с половиной. В дополнении он вспоминает некоего Каутильона, который предстал перед судом по обвинению в предполагаемой попытке покушения на Веллингтона. "Котийон имел такое же право убить этого олигарха, как и он [Веллингтон] отправить меня на скалу Святой Елены, чтобы погибнуть там". Такова была природа и содержание обращения к великодушной, всепрощающей нации и к потомкам человека, написавшего в том же документе, что он желает умереть в лоне христианской церкви, центральным учением которой является любовь, а этикой - прощение врагов.

"Я закрыл пропасть анархии и вывел порядок из хаоса. Я очистил Революцию, облагородил народ и сделал королей сильными. Я пробудил все амбиции, вознаграждал все заслуги и расширил границы славы". Это были слова Наполеона в 1816 году; он жил в этой

галлюцинации до конца. Осенью 1820 года он осознал свое состояние, и всю зиму был слаб и подавлен. В феврале 1821 года он начал быстро ослабевать, и симптомы его болезни - рака желудка - усилились; но, несмотря на слабость, он мужественно встретил смерть. Третьего мая два недавно прибывших английских врача пришли на консультацию; они могли порекомендовать только паллиативы, и под влиянием этого лечения императорский пациент неуверенно держался в своих силах. Два дня спустя разразился сильный шторм с ветром и дождем. Раскидистая ива, под которой Наполеон провел много часов, была опрокинута; деревья, посаженные его руками, были вырваны с корнем, а ураганный ветер опустошил сад, в котором он работал ради тренировки. Смерть пострадавшего была случайной и едва ли менее жестокой. Последние произнесенные слова были услышаны на восходе солнца; они были "Тет-а-тет" ... armée." Mme. Присутствовали Бертран и ее дети; при виде страданий их друга мальчик упал в обморок, а маленькие девочки разразились громкими причитаниями. В одиннадцать утра начались сильнейшие мучения; незадолго до шести вечера сердце сделало последнее судорожное усилие и перестало биться. Скорбная группа наблюдателей внутри склонила головы. За дверью был установлен другой часовой — санитар. Во время первой вспышки горя среди тех, кто находился у постели больного, бесшумно вошли два офицера, пощупали холодные конечности, отметили отсутствие жизни и ушли, не сказав ни слова. Английский пленник сбежал.

Для развития человека любого типа требуется сложное окружение; для проявления своей личности он должен жить в семье, церкви и государстве, а за пределами всего этого окружения даже самые ничтожные представители человечества подвержены некоторому космополитическому влиянию. Насколько более верно это в отношении исторического и политического персонажа, который является и может быть самим собой только при тех условиях, которые допускают игру его сил. Вдали от них его душа и дух заболевают, его характер становится болезненным, его способности калечатся, его личность искажается. Ничто не могло быть более бессмысленным и простым, чем попытка прочесть истинный характер Наполеона Бонапарта по его разговорам и поведению в изгнании; узник времени и пространства, какими тогда были мировые коммуникации; истощенное тело; искалеченный, оскорбленный дух, сведенный для нападения и защиты к оружию пера и языка, которым орудуют в условиях необъятной обособленности. И все же именно это было добровольной задачей многих исследователей и писателей. Литература его тюрьмы разрослась до огромных размеров, и читатели чувствуют себя обманутыми, когда им предлагают на рассмотрение голые очертания всего, что вообще можно считать историей. Только что приведенный рассказ об эпохе Святой Елены в его жизни, вероятно, точен, и в нем есть фрагменты, основанные на исторических свидетельствах, как объективных, так и внутренних, столь же достоверных, как и большая часть того, что считается историей.

Но когда это говорится, заявление должно быть тщательно защищено по той причине, что практически все наши показания практически таковы, как если бы их давал о себе осужденный за решеткой, его сочувствующие сообщники, его тюремщик и его прокуроры. Сравнение не натянутое. Врач *Нортумберлендской* больницы, не знавший французского языка, собрал у тех из приближенных Наполеона, кто говорил по-английски, все, что смог, сведения о заключенном, опубликовал их и потерял работу в правительстве. Книга была широко прочитана и оказалась очень прибыльным предприятием. За пределами ее страниц в Европе царил глубокий молчок и полное невежество относительно ныне загадочного осужденного, похороненного для всего мира. Жажда информации была всеобщей и

ненасытной; если бы только сам Наполеон заговорил! Создавалось впечатление, что это страстное желание было удовлетворено в опубликованной "Рукописи, доставленной со острова Святой Елены неизвестным способом". Достать этот том было трудно, хотя издание быстро следовало за изданием; многие ценные экземпляры использовались в читательских кругах, и до сих пор существует значительное количество очень многочисленных репродукций, сделанных в то время пером и чернилами. Одна из них действительно была не так давно продана ничего не подозревавшему редактору в Соединенных Штатах и опубликована в его журнале как раритет. Это не сработало, потому что очень многие знали правду: что это был апокриф, веселая шутка женевского джентльмена Луллена де Шатовье, который дожил до того, что увидел в своем спорте опасный элемент фальсификации истории. Это был не только наполеоновский стиль, но и слишком наполеоновский; и, рассматриваемый как империалистический памфлет, антироялистское произношение, породившее зародыш легенды, которой жаждут люди и которую преданные усилия многих историков совершенно не смогли уничтожить. Его содержание, конечно, совершенно бесполезно, если не считать комедии, литературной маски, повлиявшей на общественное мнение.

Первая известная возможность общения двора Наполеона с внешним миром была предоставлена британским правительством. Охрана и содержание Наполеона оказались источником больших расходов. Гарнизон и военный персонал, парящие суда военноморского флота, развлечения континентальных комиссаров и особенно пособие на обустройство Лонгвуда, каким бы жалким оно ни было, — общая стоимость показалась лондонским властям непомерной. Цены на припасы на острове Святой Елены были огромными из-за его удаленности. Итак, подчиненные министерства, с согласия своего начальства, определились с сокращениями, и они начали с двора императора, издав приказ об увольнении четырех его членов. Это был, во-первых, польский авантюрист Пионтковский, наполовину джентльмен, наполовину слуга, а полностью эmissар и шпион, который был послан английским правительством на судне, следовавшем за *Нортумберлендом*, по причинам, известным только им самим. Он, по-видимому, принял обвинение от Наполеона, а именно, в предъявлении царю официального протеста против договоров, которые сделали Наполеона совместным пленником союзников, вверенным ведению Великобритании. Следующими уехали Аршамбо и Руссо, один - егерь, другой - главный дворецкий; они должны были посетить Жозефа Бонапарта в Соединенных Штатах и предоставить ему самую полную информацию. Четвертым был камергер Сантини, корсиканец и, хотя и солдат, совершенно неграмотный. Ему был передан протест для использования либо в Лондоне, либо в Италии, в зависимости от обстоятельств. Копия была сделана китайскими чернилами на белой атласной ленте для сокрытия информации о его личности, но главной опорой было то, что "устно и буквально" его обучали ее повторению до тех пор, пока он не смог ни забыть, ни ошибиться в ее изложении. Верные слуги добрались до дома Джозефа в Америке, поляк по прибытии в Англию провозгласил себя графом и полковником, стал героем светского сезона в Лондоне и исчез из истории так же таинственно, как и появился в ней. Но Сантини с итальянской ловкостью завоевал не только присутствие лорда Холланда, но и его внимательный слух; его выступление было переведено на английский и опубликовано, вопрос был передан в парламент по запросу великого государственного деятеля-ви́га и вызвал большое волнение во всем мире.

В "Обращении Наполеона к английской нации", напечатанном по копии Сантини, говорилось о глупости его тюремщика, нездоровом климате, дороговизне и трудностях

жизни. Его заявления были не просто подтверждены, условия жизни на острове Святой Елены были чудовищно преувеличены Моншеню, французским комиссаром, в частном письме, которое было опубликовано вскоре после прибытия Сантини в Лондон. Это тоже было распространено за границей. Общественное мнение еще больше взволновалось. Союзные династии были посрамлены своими подданными, и в Великобритании прокатилась яростная волна осуждения, резонанс которой до сих пор не утих. Изгнанник был прикован цепью к ужасной скале, в климате, который европейцы не могли вынести, его жалкое существование в лачугах, кишаших паразитами, приходилось поддерживать за счет займов у друзей и продажи его серебряной посуды, он был подвергнут ненужному позору из-за глупых постановлений глупого правительства, глупо исполняемых глупым губернатором, он был болен телом и сердцем, очень болен и мог умереть. Кто был ответственен за этот позор цивилизации? Примерно таким образом люди говорили и задавали вопросы; вскоре его ошибки были забыты за жалостливым перечислением его горестей; легенда получила дальнейшее развитие, и слава эпохи Наполеона снова стала могущественной силой в Европе.

Четырнадцатого марта 1818 года в Англию прибыл член суда Святой Елены, чье имя и слава вполне могли соперничать, если не затмевать, со всеми его товарищами по изгнанию, хотя и совершенно незаслуженно. Это был генерал Гурго, именуемый Магистром Таинств. Ему было тридцать пять лет, и он шестнадцать лет был солдатом, добившись повышения за ум и бесстрашие, завоевав расположение Наполеона личным обаянием и услугами, которые по крайней мере один раз, а возможно, и дважды, непосредственно спасли императору жизнь, пока, наконец, он не стал бароном, генералом при Ватерлоо и товарищем на острове Святой Елены. Все это кажется мимолетно странным, потому что он был высшим офицером Людовика XVIII до возвращения Наполеона с Эльбы; проявил почтение к установленной власти, как только вернулся из плена, и во время сменявших друг друга правительств Франции до своей смерти в 1852 году снискал расположение каждого по очереди. Кем бы он ни был до и после, его жизнь на острове Святой Елены была жизнью сентиментального, ревнивого, чувствительного ребенка, к тому же едва ли мужского пола. Каждое слово и каждый поступок каждого причиняли ему такие муки уязвленного тщеславия, что в конце концов его присутствие стало невыносимым, и под влиянием Монтолонов было решено, что он уедет. Как только пыль Лонгвуда была отряхнута от его ног, он с готовностью принял любезное внимание своих бывших тюремщиков, и как только эти ноги ступили на берег Англии, он начал добиваться расположения министерства, заигрывать с бурбонами и заискивать перед самым Священным союзом. Только после того, как он испытал определенный озноб и нащупал пульс общественного мнения, он обнаружил, что глубоко заблуждается и находится под угрозой смертельной ошибки. Затем он написал и раздал публике распечатанное любопытное письмо, адресованное Марии Луизе, в котором утверждалось, что Наполеон умирал в страшных муках. Это было равносильно отречению. В результате он был изгнан из Англии в соответствии с Законом об иностранцах. Он сразу же поспешил к принцу Евгению (казначею Наполеона) и потребовал от него возмещения и получения, разумеется, за четыре года, своей задолженности по императорскому жалованью и пенсии. В 1822 году ему было разрешено вернуться во Францию.

Дурная слава его имени обусловлена двумя стечениями обстоятельств. Сэр Вальтер Скотт рассказал правду о своем поведении как раз в тот момент, когда благородный генерал начал купаться в лучах наполеоновской легенды. Последовала словесная война. Оружие на одной стороне представляло собой официальные бумаги; на другой - опровержения, инсинуации и,

наконец, утверждение о том или ином туманном поручении, данном великим пленником, которое невозможно было выполнить никаким иным способом, кроме как благодаря таинственному поведению полномочного представителя. Эта тайна до сих пор не разгадана, а комиссия не раскрыта, но, по крайней мере, во Франции конфликт все еще бушует. Еще в 1908 году язвительный критик был вызван на дуэль вспыльчивым и разъяренным главой семьи Гурго. Не менее любопытен и другой набор обстоятельств. Гурго оставил после себя дневник своей жизни на острове Святой Елены. Его содержание, безусловно, является подлинным свидетельством характера автора, и поскольку нет возможности проверить подлинность того, что записано о Наполеоне и его доме в Лонгвуде, запись, возможно, является точной. Измученный дух писателя нуждался в доверенном лице, и поскольку рядом не было близкой души, способной принять его излияния, он облегчился, как это делали другие сентиментальные эгоисты, на страницах дневника. Исходя из этого, были предприняты самые добросовестные попытки построить психологию императора. Результатом является болезненная психология сокола в клетке, возрождение ожесточенных споров относительно обращения министерства Тори с великим узником и в целом довольно абстрактный, но интенсивный интерес к легенде о Наполеоне. Отсюда длительная популярность знаменитости, которая должна была быть эфемерной. Генерал ни в каком смысле не является историческим фактором, за исключением того, что влияние его поведения в Европе способствовало росту существующего живого интереса к Наполеону. Насколько можно было судить по его самым ранним показаниям, и многие склонны были прислушаться к ним, хозяин, которому он служил, был в отличном здравии, с ним хорошо обращались и в целом он жил лучше, чем можно было ожидать. Это, конечно, привело империалистов в ярость; их информация произвела диаметрально противоположный эффект.

Отъезду Гурго предшествовал отъезд Лас Касеса, но его путешествие было настолько затруднено, его здоровье настолько пошатнулось, а его преданность была настолько недооценена, что все, чего он добился в формировании общественного мнения, логически вытекало из работы генерала. Испанец по происхождению, француз благодаря шестивековой преданности, его семья принадлежала к высшей знати. Он сам был эмигрантом, но вернулся, чтобы стать членом Государственного совета. Как крупный государственный чиновник, он научился любить Наполеона и сознательно предпочел изгнание вместе с ним почестям и службе при восстановленных бурбонах. В 1816 году он написал и попытался тайно переслать письма, содержащие его взгляды на позорное обращение с Наполеоном. Они были перехвачены, и в первой ярости Лоу приговорил автора к отъезду. Поразмыслив, губернатор умолял его остаться с определенными ограничениями; эти случаи Лас не принял, возможно, потому, что считал себя более полезным в Европе, чем на острове Святой Елены. Он достиг мыса Доброй Надежды в январе 1817 года, пробыл там восемь месяцев, затем был переправлен в Англию, где ему запретили высаживаться, оттуда в Бельгию, и, наконец, в декабре, физически покинутый, он нашел убежище во Франкфурте-на-Майне, где некоторое время жил под строжайшим наблюдением. Вскоре его способности вернулись к некоторой, несколько ослабленной активности, и в 1818 году он выступил с решительным протестом против обращения с Наполеоном перед конгрессом Экс-ла-Шапель. Не кто иной, как мать императора, была его агентом и посредником. Собрание реакционных монархов и их министров, напуганных муками революционного духа, все более и более воплощавшегося в Бонапарте, ни в коем случае не могло быть воспринято к такому протесту и отнеслось крайне холодно и презрительно к уже опубликованным свидетельствам Гурго о благополучии и добром обращении с Наполеоном. Даже у самой просвещенной и

либеральной общественности Европы, Великобритании, спорные публикации Las Cases не вызвали должного отклика. Читатели устали от этой темы, поскольку О'Мира теперь владел полем битвы Наполеона.

Доктор О'Мира, личный врач императора, был добросердечным ирландцем, верным, способным и преданным. То, что он получал значительные вознаграждения от своего пациента, больше не подвергается сомнению, и эти денежные переводы были названы грубым именем; однако лояльному, но нелогичному приверженцу легко спутать жалованье, подарки, гонорары, взятки, одно с другим и одно с другим; преступление было не таким ужасным для человека с его характером, как это было бы у людей более суровых качеств и нравов. Столь же очевидно, что суровый педант, исполняющий обязанности губернатора, с радостью использовал бы те же самые стимулы, чтобы заполучить его в качестве шпиона. По крайней мере, он не квалифицировался как канал двойного шпионажа и по этой причине попал под серьезное подозрение властей. Диагноз болезни Наполеона как очень серьезной, который он поставил, был подтвержден в январе 1819 года Стокоу, корабельным врачом *Conqueror*, судна под британским флагом, находившегося тогда в гавани. Но от О'Мира это предложение не было принято; он был уволен со службы и двадцать пятого июля 1818 года отплыл домой. Семнадцатого августа лондонская "Морнинг пост" начала печатать сообщения, отправленные им со острова Святой Елены, а вскоре после того, как он приземлился, в октябре, появилась написанная им брошюра с нападка на сэра Хадсона Лоу. Его объемистый "Голос со острова Святой Елены" был опубликован только после смерти Наполеона. Как и остальные современные мемуары и мемориалы, ценность его трудов заключается в их влиянии на либеральные настроения в мире. Система репрессий и интервенции Меттерниха, которая воплощала свою волю в династическом правительстве в течение поколения после Наполеона, породила новый либерализм, который забыл тиранию наполеоновского империализма и помнил Консульство как выражение хорошо организованной формы правления, великолепно приспособленной для сокрушительных систем, династических, аристократических или плутократических, которые угнетали человечество, отрицая единственно возможное равенство, равноправие возможностей, наполеоновскую "верность талантам". Все сочувствующие националисты, конституционалисты и радикалы буквально поглощали эти книги, и особенно во Франции их эффект был длительным. Второго Наполеона никогда не могло быть, за исключением того, что считалось вероятным, что он воспроизведет Консульство; когда его правление оказалось империалистическим, страна разочаровалась. Так горячо желанна свобода с порядком! но слишком часто устройства для его защиты порождают хаос. Буквальная правильность репортажа О'Мира, как и остальных, не может быть оспорена никакими опровергающими свидетельствами, но изображенная натура - такой же болезненный, сенсационный, ищущий дурной славы, нездоровый и патологический образец, как и у других.

Доктор Стоко был быстро опозорен, потому что теперь было ясно, что любое сообщение о серьезной болезни является доказательством заговора императора и его друзей с целью его побега. До сих пор утверждается, что этот второй врач поддался уговорам императора и послушался приказов Лоу. Его преемник, доктор Верлинг, был человеком Лоу и, сочтя его положение невыносимым, подал в отставку, намекнув, что он не может брать взятки. Партийная борьба требовала либо того, чтобы с Наполеоном обращались совершенно хорошо, либо того, чтобы его совершенно умирали и отвратительно использовали. Ни того, ни другого не было, но смертельная болезнь заявила о себе, его великий маршал был

серьезно встревожен, а члены семьи Бонапартов в Европе мечтали о побеге Наполеона или планировали обновление его семьи за счет свежей крови. Бертранны и Монтолоны, хотя и были верными и преданными, были просто измотаны. В сентябре 1819 года в доме появились корсиканский врач доктор Антоммарчи и итальянский священник Буонавита. Монтолон со своим ребенком уже была дома в поисках заменителей, отбыв с острова Святой Елены в июле. Ни то, ни другое событие не имело каких-либо особых последствий. Мте. Монтолон нашел возможного преемника великого маршала в лице Планата, офицера Ста Дней. Переговоры о его отплытии затянулись; таково было условие Наполеона перед их завершением, что Монтолон и не думал покидать свой пост, хотя Бертран был вполне готов к тому, чтобы Планат заменил его самого. Буонавита заболел и вернулся в Европу. Пациент возненавидел Антоммарчи, были найдены новый священник и новый врач, а верная Паулина пожелала присоединиться к своему изгнанному брату. К этому времени прошел 1820 год, и судьбоносная весна 1821 года была далеко впереди. Все приготовления к смене домочадцев и охраны на острове Святой Елены были теперь, конечно, тщетны. Три года страданий завершились смертью изгнанника.

Документальный материал об эпохе острова Святой Елены очень скуден. "Воспоминания" Лас Кейса и "Голос" О'Мира ценны как произведения, но не как стенограммы. В "Дневнике" Гурго ценность выше, но средство передачи наиболее ненормальное. Тома миссис Абелл и леди Малькольм дают очень мало материала; бумаги посторонних, таких как Моншеню, Балмейн и Штюмер, как даже сам Лоу, дают лишь второстепенные сведения; сувениры мадам Дж. Монтолоны пустячны и не выдерживают критического анализа. Выступления Монтолона считались важными, пока тщательное изучение не показало, насколько он опирался на Лас Кейса и О'Миру, насколько скудными, обрывочными и путанными были его собственные заметки, и, наконец, когда были напечатаны его письма жене, насколько полностью эти неподтвержденные документы противоречили другим публикациям в нескольких интересных моментах, которых они касаются, как в английском издании Colburn, так и в тщательно отредактированном и переизданном французском издании. Чем больше изучается этот скудный подлинный материал, тем более очевидным становится то, что прочесть по нему характер Наполеона безнадежно, даже в неестественной обстановке острова Святой Елены, и уж тем более в годы реальной жизни. Поведение - это единственная проверка веры, а не необоснованные стенания или циничные подшучивания над унылым, безнадежным заключением. И когда все эти разговоры о человеке в муках передаются с сомнением, искажаются устами слушателя с больным сердцем, или путем транскрипции слов "люди, которым смертельно скучно", их ценность, очевидно, еще больше снижается. Была кратко рассказана история о том, как зародилась легенда, о том, как ее сажали и поливали на европейском континенте, и указано ее влияние на последующие поколения. Такова общая сумма того, что история находит в качестве материала в последние годы жизни Наполеона. Сувениры Бертрана и Маршана пока недоступны, если они действительно существуют. Когда-нибудь их возможная публикация может пролить несколько лучей нового света на второстепенные моменты: они не могут значительно расширить или существенно реконструировать тот небольшой исторический материал, который нам удалось обнаружить. Для ценных обобщений мы должны обратиться ко многим многочисленным фактам долгой карьеры Наполеона, к очень немногим фактам его поведения, когда он мяукал и раздражался на острове Святой Елены, к тому эффекту, который они в сумме произвели в истории. Весь мир восхищается полководцем, государственным деятелем, завоевателем, императором; он склонен оставаться незамеченным судьей и укротителем двух эпох, посредником между разрушенным

прошлым, хаотичным настоящим и будущим, по крайней мере упорядоченным, хотя и испещренным пятнами тирании.

ГЛАВА XX

СОЛДАТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ДЕСПОТ

Вопросы — Трудолюбивый бюргер — Трудолюбивый Суверен — Конец чудесного — Общественная добродетель и личная слабость — Человек и эпоха — Латынь и немецкий — Первая борьба — Узурпация власти — Политические теории — Наполеоновская система — Ее основание — Стимул к деспотизму — Капитуляция Франции — Мастер-солдат.

Обзор

Могила Эразма в Базеле отмечена каменной плитой, на которой выбиты эпитафия, изображение, а затем патетическое слово "Терминус". Должны ли эти судьбоносные слова быть написаны над бренными останками Наполеона Бонапарта? Нет. После его смерти было больше, гораздо больше, чем работа, которую он проделал при жизни. Мужчины всегда любят кажущуюся загадочность, и пока они любят, любимой темой для размышлений будет карьера великого корсиканца в ее историческом аспекте. Прежде чем наше долгое исследование может быть завершено, необходимо рассмотреть два вопроса, или, скорее, две стороны одного вопроса. Почему он восстал и чего он достиг? Ответы будут столь же разнообразны, как и следователи, которые их дают. Но человек, изображенный на предыдущих страницах, несомненно, обладает этими узнаваемыми чертами: он был человеком из народа, он обладал непревзойденным военным гением, он был неутомим и обладал непревзойденной энергией.

Ни один простой человек, даже самый выдающийся, не может подняться без какой-либо опоры, какой бы неустойчивой она ни была. Наполеон Бонапарт не взлетел ввысь, он поднимался по лестнице власти по легко прослеживаемым ступеням: сначала благодаря покровительству Робеспьеров; затем благодаря нуждам и подвигам Барраса и Директории; затем благодаря поддержке всей Франции, которая устала от неэффективной Директории; и еще позже благодаря армии, которая обожала лидера, который откровенно платил за преданность звонкой монетой в виде добычи, а за храбрость - великолепными наградами в виде той славы, которая была национальной страстью. Имея такие возможности, Бонапарт раскрыл то, что, безусловно, было его выдающимся качеством — качество, которое вызывало любовь французских масс, как никакое другое, качество, которое превыше всего отличало его от ненавистных тиранов, под властью которых они так долго страдали, качество, которое даже самый низкий интеллект мог бы отметить как отличительное для среднего класса, в противовес его отрицанию в высшем классе — качество, а именно, неутомимую трудолюбие; кропотливое, инициативное, самоуправляемое, самосовершенствующееся трудолюбие. Этим качеством бюргера Наполеон обладал так, как не обладал ни один бюргер. Это было не преувеличение, а простая правда, когда он сказал Редереру: "Я всегда работаю. Я много думаю. Если я кажусь всегда готовым встретить

любую чрезвычайную ситуацию, противостоять любой проблеме, то это потому, что, прежде чем браться за какое-либо предприятие, я долго обдумывал его и, таким образом, предвидел, что может произойти. Это не гений, который внезапно и тайно открывает мне, что я должен сказать или сделать в каких-то обстоятельствах, непредвиденных другими: это моя собственная медитация и размышление. Я всегда работаю — когда ужинаю, когда в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы поработать ". Насколько глубокое впечатление это произвело на тех, кто был тесно связан с Наполеоном, можно проследить в их мемуарах, занимающих многие страницы. Сульт очень мудро сказал: "То, что мы называем вдохновением, - это не что иное, как быстрый расчет".

Обычно в силе господства нет никакой тайны: правит тот, кто незаменим. Якобинцам нужен был мужчина, они нашли его в беспринципном Бонапарте; Директории нужен был мужчина, они нашли его в опытном артиллеристе; Франции нужен был мужчина, она нашла его в завоевателе Италии. И, поднявшись, он ни на минуту не прекращал своего занятия. Репетируя свою коронацию с помощью марионеток, или с болезненной тщательностью изучая запутанные счета своих финансовых чиновников, или погружаясь во что бы то ни было еще, он всегда был человеком, который знал обо всем больше, чем кто-либо другой. На протяжении всего своего правления он был источником любой правительственной деятельности: государственный совет оттачивал не свои, а его мысли; его секретари были его карманной записной книжкой; его министры были исполнителями его личных замыслов; пенсии и подарки он раздавал своим друзьям, а не тем, кто служил государству так, как они сами считали лучшим; каждая французская община удостоивалась его личного внимания, и с каждым французом, приходившим на его общие приемы, обращались с грубой шутливостью. Во всем этом он был совершенно естественен. Временами, однако, он чувствовал себя вынужденным изменить свое отношение; возможно, в театральных позах, которые он принимал для самозащиты или ради изображения персонифицированного, неприступного императорского величия, он копировал Тальму, с которым у него сложились своего рода близкие отношения. Возможно также, что он сам считал свои жестокие выходки драматичными. "В противном случае, - сказал он однажды, - они бы хлопали меня по плечу каждый день". "Это печально", - заметил Редерер по поводу определенного события. "Да, как величие", - был ответ Наполеона.

Превосходство Наполеона длилось ровно столько, сколько сохранялось это эффективное личное превосходство. Когда его способности отказались выполнять свою непрерывную задачу, он начал угасать; когда материал для его расчетов превзошел все человеческие возможности, даже его собственные, падение ускорилося; и крах наступил, когда его способности работали либо с перебоями, либо не работали вовсе. Разорение было следствием слабости; воображение мира наделило его демоническими качествами, но это перестало так действовать как раз по мере того, как его превосходство над другими в плане и исполнении начало уменьшаться. "Нет империи, не основанной на чудесном, и здесь чудесное - это истина". Это были слова Талейрана, обращенные к Первому консулу двадцать первого июня 1800 года, сразу после того, как известие о Маренго достигло Парижа. Чудом абсолютной монархии было божественное право королей: когда люди перестали придерживаться этой доктрины, дни абсолютизма были сочтены. Чудом Наполеона было его неоспоримое человеческое превосходство: когда оно пришло в упадок, его империя пала.

В самом прямом смысле этого слова, столь дорогого современности, Наполеон был человеком, сделавшим себя сам. Благодаря своей необычайной энергии он заставил

недостаточное образование выполнять двойную функцию; и те из своих природных дарований, которые у медлительного человека были бы посредственными, он демонстрировал так часто и в такой быстрой последовательности, что они казались чудесными. Эта огненная энергия, ее нельзя слишком часто повторять, была самой отличительной чертой этого человека; когда она подводила, он погибал. Можно ли было ожидать от этого персонажа последовательности в общепринятом понимании; действительно ли она присуща большинству великих людей? Нигде теория эволюции не пытается поддерживать себя так сильно, как в психологии; нигде она не обнаруживает большей сложности — сложности, которая ставит под сомнение ее достаточность. Признавая, что Наполеон был эгоистичен; что он был похотлив; что, по крайней мере, когда—то он был преступником; что в разное время — да, даже часто - он был непопулярен и не осмеливался в крайности призвать к национальному восстанию для поддержки своего дела; что у него были жалкие ограничения в отношениях с религией, политикой и финансами; предполагая, что он проявлял при случае качества воскресшего средневекового вольноотпущенника, или Борджиа, или других исторических монстров; признавая, что он был брошен в огненное озеро революции безумием крайней страсти. Якобинство; поддержание ужасного обвинительного акта в каждой детали — разве не было обратной стороны медали, света в тени, общего результата, кроме отрицания? Была ли работа Александра Македонского бесполезной из-за его распутства? Была ли Екатерина II Российская просто проклятой душой из-за ее блуда? Сделали ли двуличие и подлость Талейрана менее ценной или постоянной работу, которую он проделал, сорвав работу коалиции в Вене? Ответ истории прост: то, что великие мира сего совершили для других или против них, должно быть записано и беспристрастно оценено; о том, как они согрешили против самих себя, следует рассказать в качестве ужасного предупреждения, а затем оставить на усмотрение Великого Трибунала. Современная философия требует таких сложных и в то же время таких мельчайших знаний в каждой области науки, что специалист вытеснил ученого широкого профиля и создателя систем; человек, который стремится создать план, отображающий единство либо объективного, либо субъективного мира, либо какую-либо гармонию одного с другим, обычно рассматривается либо как устаревший идиот, либо как шарлатан. И все же при рассмотрении исторических персонажей все читатели и критики настоятельно требуют симметричной последовательности, способной быть уловленной самым скудным интеллектом. Это естественно, но не совсем разумно: симметрию невозможно найти у самого обычного человека на нашем земном шаре, не говоря уже о тех, кто возвышается над другими. Чем значительнее человек, тем более невозможно связать в математической схеме различные фазы его поведения. Поиски посредственной последовательности в характере Наполеона подобны поискам человека философ-циником.

Этот персонаж стремился, и со значительным успехом, думать и действовать от имени целой нации — более того, от имени Западной Европы. Чтобы сделать это возможным, он сначала взял под контроль свое собственное тело — спал по своему желанию и никогда не дольше шести часов; ел, когда и что хотел, но всегда с крайней умеренностью; пробуждался от глубокого сна и мгновенно пробуждал свой разум до наивысшей степени, так что затем сочинял так же четко, как в разгар активного рассуждения. Он смог превратить своих секретарей и слуг в инструменты, лишённые личной воли — даже его великие генералы, которых учили действовать самостоятельно в определенных пределах, никогда не выходили за установленные границы и становились неэффективными, когда лишались его импульса. Он никогда не упускал случая вознаградить за заслуги или удовлетворить

честолюбие ради того, чтобы заполучить способного лейтенанта, а зарождающуюся преданность он превращал в страсть, проявляя подобающую фамильярность. Вдумчивый, сдержанный, самодостаточный работник, он иногда чувствовал себя немного неловко в обществе, возможно, всегда так было под его маской хорошего воспитания, когда он ее надевал; но он играл свои различные роли на публике с непревзойденным мастерством, за исключением того, что совершал нервные движения глазами, руками и ушами. Его маленькие фокусы с поворотом правого плеча, подергиванием за манжеты и тому подобное; его неспособность писать и обычно неуклюжие движения в раздраженном состоянии были вызваны недостаточным обучением в раннем детстве. Запрещая себе общение с честолюбивыми женщинами и другими корыстолюбцами, он был внимателен к страждущим и находил трудным, если не невозможным, отказывать в просьбах нуждающихся. Любя грубость и легкомыслие тех, кто заботился о его персоне, — как, например, когда его камердинер растирал его по утрам грубым полотенцем, — он был все же настолько чувствителен, что ему приходилось заставлять надевать шляпы других людей, прежде чем он мог надеть их на свою голову. Бесплезно искать даже неказистую физическую состоятельность в человеке, устроенном таким образом.

Столь же бесполезно спрашивать, мог ли Наполеон быть таким же великим человеком в другую эпоху, каким он был в свою собственную. В любую эпоху войны он был бы велик; вполне вероятно, что в любую эпоху мира он достиг бы выдающегося положения как законодатель и администратор. Реальный исторический вопрос заключается в следующем: Как он, будучи тем, кем он был, и его возраст, будучи тем, кем он был, взаимодействовали друг с другом; и каков был результат? В его возрасте было так же мало постоянства, как и в нем самом; извилины каждого странным образом сочетались с извилинами другого, и в результате получился двадцатилетний период, за которым по общему согласию закреплено название эпохи Наполеона. Проливает ли его личность какой—либо свет на предшествующий период - влияет ли его карьера на последующие годы?

Эпоха революции имеет такую тесную связь с движениями французского общества, что в других странах ее очень часто называют Французской революцией. Но хотя во Франции движение развивалось легче и принимало более радикальные формы, чем где бы то ни было, это было связано с состоянием цивилизации в окружающем мире. Франция была в особом смысле учительницей Европы, ибо в языке, литературе, законах и институтах она является наследницей Рима. Вопреки римскому католицизму или, возможно, вследствие римской иерархии, ее наследие было скорее языческим, чем христианским; ее этика была эллинской, ее литература - августовской, ее законы - имперскими, ее темперамент представлял собой сочетание стоического и эпикурейского, которое по сути своей является латынью, ее язык изящен, эллиптичен и точен, как у Ливия или Тацита. Германец в целом, англосакс в частности, может посвящать свои дни и ночи изучению классической литературы: он никогда так не проникался их духом, как галл. "Именно с Библией в одном кармане и с Шекспиром в другом, - сказал недавно один выдающийся француз, - англосакс отправляется покорять мир в интересах своей торговли, своей цивилизации и своей религии. Самый просвещенный человек не обладает ни холодной светскостью Горация, ни расчетливым рвением цезаря, но у него есть непоколебимая вера в себя и свою нацию, которая, каковы бы ни были его личные убеждения, является составной частью его крови или, что еще лучше, управляющим элементом того сложного организма, к которому он принадлежит ". С другой стороны, я рискну поверить, что француз поддерживает свое дело из бескорыстного порыва, порожденного чистым разумом, эфирного ихора,

просачивающегося через общество по каналам сочувствия, что уменьшает историческое давление на непрерывную национальную согласованность и естественное единство, но подчеркивает великие возвышающие движения общества. Французские армии Революции отправились прочесывать Европу в поисках ее освобождения от феодализма, абсолютизма и церковности, потому что французский народ обновил свою юношескую и первозданную энергию в своем энтузиазме по поводу чистых принципов, не считаясь с опытом или целесообразностью. У Наполеона Бонапарта была вся их доктрина, но с чем-то большим: всепоглощающим пылом, не признающим никаких физических ограничений нервной силы себя или других, и готовностью к любой судьбе, которая превратила бы его скучное, безуспешное, заурядное существование в волнение. Когда он нашел возможность навалиться Пелион на Оссу, дополнить себя великолепием французской набожности, он действительно был близок к тому, чтобы превзойти даже олимпийцев и взять штурмом трон Кроноса.

Это была долгая, обескураживающая, душераздирающая борьба, в результате которой он завоевал свою первую выгодную позицию. В этом не было ничего исключительного, ибо каждый искатель приключений знает, что начать гораздо труднее, чем продолжать продвижение. Накопить первый небольшой капитал труднее, чем вести процветающий бизнес. По-видимому, в человеческой жизни преодолеть инерцию неподвижности труднее, чем инерцию движения; по крайней мере, психологические законы, по-видимому, в этом отношении противоречат законам физики. Неверно, что армии Республики были армиями бурбонов: переход, возможно, был постепенным, но он был радикальным. Неверно также, что армии Наполеона были армиями Революции: они отличались как зенит от надира, будучи набраны по новому принципу, движимые новыми мотивами и возглавляемые совершенно другим классом людей. Достигнув высшего командования средствами, причудливо сочетавшими рыцарскую романтику и низменные интриги, человек действия ни минуты не колебался, чтобы привести в движение все силы. Отбросив всякий высший контроль, он приступил ко всем задачам итальянской революции — завоеваниям, политическим и религиозным; конструктивной политике и управлению; социальным и финансовым преобразованиям. Завоевав преданность своих войск опьяняющими успехами, как уравнитель он добился постоянного успеха; но этот типичный бюргер не имел постоянного успеха в построении демократически-имперского общества из королевских, княжеских и аристократических элементов, которые так долго монополизировали власть на полуострове; то, что он сотворил, пережило его время, но стране пришлось пережить еще одну революцию, прежде чем ее средние классы были готовы взвалить на себя тяжелое бремя независимости и самоуправления. Тем не менее, борьба за то, что было достигнуто, по-видимому, привела к кульминации у деятеля. До появления Италии его амбиции были достаточно мелкими: поступление на службу России или Англии, господство на Корсике или продвижение по службе во Франции; но впоследствии они росли не по дням, а по часам: итальянские княжества, австрийские герцогства, ломбардские конфедерации, главенство Франции в той или иной форме, восточное владычество — одна из таких концепций оформлялась утром, чтобы быть сметенной ночью и замененной все более роскошными наростами фантазии. Осуществление этих мечтаний было еще более удивительным, чем их туманное оформление. Революционные доктрины уходящего века подтолкнули Францию к перенапряжению; ее лидеры были дискредитированы, ее народ истощен. Та же самая агитация ошеломила итальянцев; но каким бы ни был их политический распад, римская кафедра и трон сохранили свое моральное влияние как связующее звено и главная пружина общества на всем полуострове; и теперь преемник святого Петра был повержен в прах, желая спастись при помощи простого подобию светской или церковной независимости. Это

был исключительный момент, час колебаний, регресса в истории Австрии, Франции и Италии. Исключительный человек, энергичный гражданин новой политической эпохи, вдохновенный стратег новой военной эпохи, беспринципный скептик новой религиозной эпохи — этот типичный персонаж был рядом, чтобы воспользоваться ситуацией; и он сделал это, ускорив уже начавшиеся процессы распада, воспользовавшись каждым преимуществом, полученным в результате крушения старых систем, и пожав урожай французской беспечности. Представившаяся возможность дала человеку шанс, но, однажды воспользовавшись шансом, человек с каждым последующим годом расширял сферу своей деятельности.

Это он сделал с помощью средств, которые были столь же замечательны, как и личность, их придумавшая, — и замечательны тоже не своим негативным, а конструктивным качеством. В широком смысле, Революция полностью уничтожила все правительственные и социальные гарантии предыдущей монархии, уничтожив не только абсолютную власть одного человека с ее санкцией божественного права, но и все сдерживающие факторы, которые можно найти либо в древних традициях народа, либо в их древнем институте парламентов. Внимательному исследователю революционных правительств будет ясно, что, хотя до Консульства происходило постепенное прояснение мнений и возникло смутное стремление к гарантиям прав личности, более высоким, чем акты любого собрания, каким бы представительным оно ни заявляло о себе, тем не менее великие идеи, великие концепции, великие очертания — все это оставалось в зачаточном состоянии, и что из нескольких последующих конституций каждая была более бесполезной, чем предыдущая. Почти любая конституция послужит просвещенной нации с устоявшимися политическими привычками, если она решит поддержать основной закон, не враждебный ей; и ни одна, какой бы изобретательной она ни была, не сможет устоять перед непокорным населением. Революционные конституции Франции, за исключением, возможно, конституции 1791 года, были столь же слабыми; и при том напряжении, которое придавали единственной демократической стране Европы ее династические враги со всех сторон, они не стоили бумаги и чернил, использованных для их записи. При каждом из них развился чистый деспотизм того или иного рода под предлогом того, что на войне должен быть один глава, либо исполнительный комитет, либо исполнительный человек. Эти лица, ссылаясь на необходимость или целесообразность, постепенно присвоили исполнительной власти все полномочия правительства, более или менее полностью одурачив народ различными благовидными формальностями, посредством которых, как предполагалось, находила выражение народная воля. Никто не понимал этот факт лучше, чем Наполеон Бонапарт; и поскольку казалось, что верховная власть должна быть в руках какого-то одного человека или клики, он легко поддался искушению присвоить ее себе, когда стало ясно, что расточительная и бесчестная Директория исчерпала себя. Он не создавал ситуацию, но использовал ее. История не зафиксировала, чтобы французская нация была потрясена или обескуражена событиями восемнадцатого Брюмера; напротив, события в Париже и Сен-Клу казались обычным делом для охваченных бурей людей, и результаты были одобрены большинством в каждом классе.

Причины этого всеобщего удовлетворения, конечно, были разными; ибо консервативные и прогрессивные роялисты, консервативные и радикальные республиканцы всех мастей имели совершенно разные ожидания относительно следующего акта драмы. Но главный актер заботился только о себе и нации; партизан он не почитал и не боялся, за исключением того, что не хотел, чтобы его с ними отождествляли. Ему, как человеку из народа, казалось,

что в Революции третье сословие заявило о себе; что третье сословие должно быть умиротворено; что третье сословие должно процветать; что третьему сословию для всех этих целей нужно было только подтвердить их простую теорию правления, которая заключалась в том, что власть может быть делегирована ими любому лицу, пригодному для ее осуществления, и как только это будет сделано, делегат может без ущерба для государства беспрепятственно управлять общественными делами, в то время как люди должны уделять безраздельное внимание своим частным делам. Насколько успешным было Консульство в этом отношении, общеизвестно и признано. Проявив непревзойденный ум, Первый консул призвал к себе на помощь всех гигантов своего времени, будь то ученые с их теориями и знаниями, администраторы с их тактом и опытом, политические менеджеры с их спокойной совестью и смазанными перьями или искусные демагоги с их жадными последователями и ненасытным своекорыстьем. Их он либо переманивал, либо принуждал к себе на службу, в зависимости от того, как читал их характеры; некоторых — очень немногих — таких, как Барер, он находил упрямыми и отправлял в провинциальную ссылку. Никогда еще он так не демонстрировал свою поразительную способность формировать сильных людей своей еще более сильной волей, чем в первые дни консульства; и очевидной причиной его успеха было то, что он обладал тонким чутьем на характер и умел поставить нужного человека на нужное место.

Было рассказано, чего он таким образом добился. Фундаменты, которые он тогда заложил, прочно стоят и по сей день; ныне устаревшее здание, которое он возвел на них, хотя и было изменено и отремонтировано, все еще сохраняет свою самобытность. Революция полностью свергла старый режим, и руины общества были бесформенны и пусты. Из этого хаоса Наполеон с трудом собрал существенные материалы для новой структуры и на их основе реконструировал семью, государство и церковь. Он возродил семейный дух, превратил брак в прочный институт и восстановил родительскую власть, уничтожив родительский деспотизм. В гражданском обществе он восстановил право собственности и установил святость договора, обеспечив тем самым уважение к личности и верховенство закона. Финансы он реформировал с помощью справедливой системы налогообложения и создания хитроумной казначейской системы, сравнимой с той, что была разработана Александром Гамильтоном для Соединенных Штатов. В Конкордате он зашел, вероятно, так далеко, как только могла зайти Франция в освобождении религии и церкви; протестантизм процветал в соответствии с установленными им правилами, и благодаря его обращению с евреями они превратились из презируемых и угнетенных социальных разбойников в преуспевающих и патриотически настроенных граждан. Каждому классу людей, живших тогда, он железной волей навязал свою собственную систему. Ведущие уцелевшие приверженцы якобинства, крайние роялисты, умеренные республиканцы, проскрипторы и объявленные вне закона, представители буржуазии — все склонились перед его властью и приняли его награды. Говорят, что они уступили превосходящей силе его полиции и преторианцев. Да будет так. Созданная им пятикратная полицейская система представляла собой систему проверок и контрпроверок внутри самой себя, внутри администрации и даже внутри армии — органа, без которого, как он твердо верил, не могли быть положены начала социальным преобразованиям. Он заявлял, и, без сомнения, честно, что при первой же возможности откажется от этой полицейской службы, и вводил в заблуждение как себя, так и своих последователей, полагая, что процесс был почти завершен до конца его эры. В перспективе столетия мы можем увидеть недостатки плана Наполеона. Галльская церковь все еще римская, несмотря на его намерение, чтобы Римская Церковь стала французской; крайняя централизация его административной системы все

еще душит местное свободное правительство и облегчает как олигархическое правление, так и политическую революцию во Франции, чем в любой другой свободной стране; образовательная схема, которую он сформировал, хотя и изменена более полно, чем любой другой из его институтов, и лишь недавно, будем надеяться, взяла курс на окончательную независимость, тем не менее страдает из-за своей нынешней полной зависимости от государственной поддержки и, как следствие, отсутствия частного личного энтузиазма, который мог бы сделать его отдельные университеты и школы богатыми возможностями и сильными в мире. верность своих сыновей. Но мы должны помнить, что Консульство было учреждено сто лет назад и что для своего времени оно действовало настолько благотворно, что Бонапарт, первый консул, остается одним из выдающихся среди всех законодателей и государственных деятелей. И это тоже именно по тем причинам, которые некоторые называют осуждающими его. Он воспринял революционные идеи политической, гражданской и религиозной эмансипации: с ними он объединил как свой собственный здравый смысл, так и опыт советников из всех классов, понимая гражданскую свободу и благой порядок в той мере, в какой это представляется практичным в данный момент.

Но в одном отношении он потерпел сокрушительную неудачу, и эта неудача свела на нет большую часть существенного завоевания, которое, казалось, было достигнуто. Ему не удалось обуздать свои собственные амбиции. Величественный гребень его достижений был краем пропасти, с которой он упал. Во-первых, его выдающийся успех как законодателя был полностью обусловлен ослепительным величием его побед. Маренго стал кульминацией серии таких достижений, которые до сих пор не были достигнуты на палаточном поле за всю историю Франции. Легко утверждать, что французы были пьяны, потому что они были французами: нет ни малейших оснований предполагать, что любая другая нация при аналогичных обстоятельствах вела бы себя иначе. Семилетняя война полностью вскружила голову английскому народу, и в результате он потерял свои американские колонии; Рим потерял свою политическую свободу, когда стал хозяином не только латинского, но и греческого и восточного берегов Средиземного моря; дальние военные походы Александра Македонского подготовили падение его разношерстной империи. В каждом случае внимательный исследователь признает, что социальное возвышение было предшественником разделения и последующего деспотизма в той или иной форме. Даже в маленьких государствах Греции и южной Италии тираны всегда возникали в результате распада законного правительства и утверждения той или иной формы власти — ума, денег или военной силы.

Таким образом, именно как военный деспот Первый консул обнародовал благотворные кодексы, основал устойчивую юриспруденцию, создал эффективную магистратуру и установил общественный порядок. В этом процессе он завершил дело Революции, вознеся третье сословие к господству в стране. Таким образом, вся работа была признана его работой не только в доме каждого французского бюргера: у каждого очага его считали завершителем Революции, ради которой Франция так долго страдала в кровавых муках. Стоит ли поэтому удивляться, что не только он сам, но даже самые просвещенные лидеры европейской мысли считали, что безопасность и обновление европейского общества зависят от продолжения его работы? Нам трудно оценить это, потому что во Франции институты Наполеона остались почти такими же, какими он их оставил, и почти неподвижными, в то время как в течение столетия процессы безжалостных реформ непрерывно работали в других европейских странах, и некоторые соседние народы опередили французов в вопросе национального единства, совместимого с местной свободой.

Первый консул чувствовал, что для того, чтобы стать великим, он был вынужден стать сильным; мы можем понять, что он мог легко обмануть себя, придя к выводу, что для того, чтобы стать великим, он должен стать сильнее. Именно в те дни он воскликнул в интимной обстановке фамильярного общения: "Я чувствую в себе бесконечность". С тех пор демократия в любой форме, даже самой мягкой, стала оскорбительной. Таких людей, как Редерер, отправляли в Неаполь, Берг - куда угодно за пределы Франции. Те времена были недалеко ушли от времен благодетельных деспотов, за исключением того, что этот правил не по наследственному божественному праву, а с помощью военной силы. Несовершенная подготовка Бонапарта в области политики и истории сделала возможными такие видения, подобные тем, которые возникли сейчас, чтобы преследовать его мозг. Благодеяние, которое он уже проявил; что касается деспотизма, то он прошел наилучшую мыслимую подготовку, сначала среди вялого населения итальянских государств, которые он реорганизовал, затем в мифе о египетском завоевании, который он создал и чувствовал себя обязанным поддерживать, и, наконец, в национальных беспорядках Франции, содрогающейся от возможности возврата либо к отвратительным эксцессам Террора, либо к невыносимым злоупотреблениям церковности и абсолютной монархии.

Среди других ужасных проклятий, сопутствующих революции и гражданской войне, - разжигание фанатизма. Захватив верховную власть, Первый консул оправдал свои намерения перед самим собой, а его действия стали приемлемыми для нации в целом благодаря скандальным интригам и заговорам, которые вынашивались, как яйца василисков, в каждом грязном уголке страны. Заговорщики не останавливались ни перед чем: недобросовестностью, подкупом, убийствами всех мастей, от кинжала до чаши. Это дало Первому консулу шанс самому стать главным интриганом, и как таковой он одержал верх над всеми своими противниками, ультрамонтанами, радикалами и роялистами. В конце концов, от каждого из этих классов осталось всего несколько неисправленных реакционеров, которые, хотя и были измучены и тяжело дышали, все еще находили в себе силы шуметь и время от времени делать вид, что проявляют активность. Но в различных населенных пунктах и классах Франции у каждой из фракций было множество молчаливых и бездействующих сторонников, которые сдались только потому, что почувствовали себя неспособными продолжать неравный конфликт. Пламя вулкана было погашено, и залив кратера перекрыла корка, но лава мятежа кипела и бурлила внизу. Это хорошо известное средство для разжигания гражданских разногласий - разжигать иностранный конфликт, а затем взывать к патриотизму людей со всех сторон. К этому Первый консул не осмеливался прибегать открыто. Фактически, это указывает на то, что если бы его враги во Франции и его недруги за границей мирно согласились на осуществление его теперь уже очевидных амбиций, он сам был бы рад без дальнейших боевых действий получить то, что он приобрел войной, и расширить влияние бонапартистской Франции постоянными вторжениями, а не изнурительными военными действиями. Слово каждого человека имеет именно ту ценность, которую придает ему его характер, и международные договоры стоят доброй воли тех, кто их заключает, ни на йоту не больше. Ни одна из сторон всеобщего мира не была истощена, ни одна из них не была по-настоящему серьезна. Это был воинственный век: война тогда витала в воздухе, как и мир сейчас. Разрыв мирного договора, заключенного в Амьене, был в такой же степени делом рук Георга III, как и Первого консула Бонапарта, и две нации, над которыми они правили, легко были склонены к возобновлению борьбы. Ничто не доказывает, что это было давно обдуманно кем-либо из них; но в то время и с тех пор, если бы не широко распространенное недоверие к характеру Бонапарта, общественное мнение возложило бы вину за возобновление войны больше на его противника, чем на него самого.

До сих пор ангел и дьявол, которые борются за обладание каждым человеком, вели довольно равный конфликт, и порицание и восхваление того, что клеймится как поведение Бонапарта, должно быть воздано его врагам по заслугам. Он и его время взаимодействовали друг с другом в удивительно равной степени. Но как только он начал карьеру личного возвеличивания, все препятствия на пути к всепоглощающим амбициям были безжалостно отброшены. До 1812 года ответственность за чрезмерное кровопролитие полностью лежала на нем.

Нет необходимости останавливаться на периоде империи, чтобы изучить характер Наполеона. Он сияет лучезарно, но пагубно. Лично он остался тем, кем был всегда — властным, трудолюбивым, беспринципным; но, с другой стороны, добрым, щедрым, чутким к народным движениям. Его жажда власти стала преобладающей; его расточительное презрение к людям и деньгам демонстрировало безрассудство отчаявшегося парвеню; его страсть к войне вышла за все рамки. Личные амбиции затмевали принцип, целесообразность, проницательность — короче говоря, все качества, способствующие самосохранению. Причиной было не сознательное отчаяние, а бессознательное отчаяние. Политически он боролся и выиграл легкую, но решающую битву. Империализм прочно утвердился. Поведение французского народа было достаточно естественным, но они полностью подчинились его целям. Таким образом, мир извлек урок, который никогда не следует забывать: демократия — отличная рабочая лошадка, но плохая наездница; хороший наемный работник, но ненадежный наездник. Простой человек заинтересован в своей повседневной жизни, своей семье, своем бизнесе, своем продвижении по службе. Он не может быть экспертом во внешней или внутренней политике, в публичном праве или в военном деле; мастерство требует исключительной преданности на всю жизнь. Сделайте обычного человека теоретиком, и он станет ярким демократом, но плохим администратором. Отсюда необходимость в переходные эпохи в мудрой конституции. Было нетрудно убедить французского бюргера в том, что, поскольку все другие формы демократического управления имели шанс и потерпели неудачу во время войны, единственная до сих пор не опробованная — передача власти одному вышестоящему человеку — должна пройти справедливый суд, тем более что этот превосходный человек был рядом. Даже в мирное время усердно работающий гражданин либо вообще пренебрегает своими политическими обязанностями, либо, выполняя их в бездумной рутине, жаждет кого-то, кому он может доверить свои мысли и действия: на войне, насколько мы имели возможность наблюдать в древние и современные времена, его империализм признан, и он требует диктатора. У нас нет оснований предполагать, что существует какая-либо демократия, которая смогла бы пережить двадцать лет титанической борьбы за жизнь или смерть нации, а таковыми французу того времени казались франко-английские войны, положившие начало прошлому столетию.

С точки зрения солдата, Наполеону тоже достался такой легкий триумф, какой выпадал на долю немногих полководцев. Его оппоненты были настолько консервативны, что их идеи устарели, его собственная стратегия была настолько новой и революционной, что ошеломила их. Излюбленный метод отвлечения внимания иллюстрируется известной историей о яйце Колумба. То, что однажды сделано, может сделать каждый. Стратегическая репутация Фридриха Великого в наши дни сначала подвергается нападкам с помощью так называемого сравнительного метода, то есть путем сравнения ее с достижениями и системой не его современников, а Наполеона, его преемника; а затем стратегическая репутация Наполеона умаляется из-за насмешек над стратегической репутацией Фридриха, с чьим устаревшим методом сравнивался и соприкасался новый, что привело к полному краху первого. Этот порочный круг может быть отвергнут с презрением. Стратегический гений Наполеона, в отличие от любого другого таланта, которым он обладал, был конструктивным и оригинальным. Без сомнения, он изучал Цезаря; без сомнения, он изучал Майбуа; без сомнения, он изучал работы Тюренна и великого Фридриха; без сомнения, он был учеником солдат-гигантов, которые начинали и вели революционные войны; но в то время как другие занимались теми же исследованиями, ему оставалось разработать и привести в действие стратегию, основанную на прошлом опыте, но подрывающую общепринятые догмы, новую, приспособленную к своим целям и основанную на теориях, которые, хотя и были изменены на практике открытиями прошедшего столетия, при правильном понимании никогда не были реализованы., даже сегодня это не было поколеблено в принципе. Следовательно, его триумфы как солдата принадлежат только ему; и только после того, как вся Европа усвоила уроки, которые он преподавал ее генералам в серии наглядных демонстраций, длившихся двадцать лет, успех и величие учителя начали ослабевать. Упорные критики Фридриха задавали и повторяли подобные вопросы: почему король не выступил в начале июля 1756 года? Почему он не штурмовал лагерь Пирна? Почему он не продолжил войну в октябре? Почему он не возобновил военные действия в следующем году, пока его не вынудили к этому? И так далее, и тому подобное. Этим методом они сузили горизонт до своих собственных размеров и заключили свою жертву в черту ее недостатков; но более широкий взгляд и исторический фон показывают его стратегию в общих чертах, освещенную светом его эпохи; и, таким образом, поражения при Колине и Кунерсдорфе, а также победы при Лойтене, Россбахе, Цорндорфе и Торгау выставляют прусского генерала великим гением, каким он и был. Только после того, как Наполеон научил своих соперников, каким должно быть сражение, люди могли придирались к нему, спрашивая, почему Ватерлоо не началось четырем часами раньше, почему Груши не были даны более четкие указания, почему в 1814 году отчаявшийся человек предпочел перерезать линию коммуникаций своих врагов, а не отступить в Париж и призвать нацию к оружию; и так до бесконечности. С исторической или теоретической точки зрения стратегия Наполеона оригинальна, уникальна и не имеет себе равных. Это его величайшее достижение, потому что оно самое творческое.

ГЛАВА XXI

НАПОЛЕОН И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Решающая эпоха — Британия доминирует на море — Политика Наполеона —
Торговля и Западная империя — В Вест-Индии — Потребности империи —

Морской соперник Великобритании — Раскрытие имперской политики — Бурные времена в Соединенных Штатах — Партийное правительство — Усилия Ливингстона — Покупка Луизианы — Влияние на американскую жизнь — Изменение конституционного отношения — Калейдоскоп партийной политики — Перевес Юга и Запада - Покупка Луизианы и нация.

Решающей эпохой были революции восемнадцатого века, кризис, достигнутый после долгой, медленной подготовки, спровоцированный социальным и религиозным фанатизмом, головокружительный в своем завершении, дикий и безудержный в своем бегстве, стремительный в своем крушении. Результаты этого важного времени были настолько постоянными, что стали обычным явлением современной истории; на том, что Карлайл назвал революционным ткацким станком, основа и гав были сотканы из прошлого, и ткань - это та, из которой кроится наша рабочая одежда. В те годы появилась великая доминирующая душа современного человечества, которая в первую и последнюю очередь продемонстрировала все слабости и каждую грязную низость человечества, но в таких гигантских размерах, что даже его порочность внушает благоговейный трепет. Его добродетели были столь же знаменательны, потому что они работали в грандиозном масштабе, с материалами, которые были обмолочены и просеяны в теории и опыте пяти поколений человечества. Именно в ту колоссальную эпоху и благодаря поступку этого представительного человека Луизиана была освобождена от испанского правления и включена в состав территорий Соединенных Штатов. И это было еще не все. Тщательное изучение общей политической ситуации того времени покажет элементарный и почти непреложный факт, что продажа Луизианы совпала с началом эпохи.

Суть Амьенского мирного договора заключалась в том, что Великобритания якобы отказалась от всяких забот о европейском континенте и что Франция, якобы также, должна строго заниматься своими делами в своих колониях и более отдаленных уголках земного шара. Георг III убрал со своего герба лилию, а из своего церемониального титула - стиль короля Франции. События, описанные в другой связи, доказали, что все переговоры были с обеих сторон чисто дипломатическими, обменом публичными и пустыми любезностями с целью выиграть время для осознания реалий борьбы за превосходство между мировыми державами того периода, борьбы, начавшейся в современной истории, возобновленной в 1688 году и обреченной длиться до полного изнеможения одного из соперников в 1815 году. Ни одна из сторон договора не имела ни малейшего намерения соблюдать ни его дух, ни букву. Пока документ находился в процессе переговоров, Бонапарт укреплял французскую империю на Континенте, и после его подписания он ни на мгновение не остановился, чтобы продемонстрировать хотя бы формальное уважение к своим обязательствам. Реорганизация Голландии в рамках подготовки к ее включению во французскую систему, аннексия Пьемонта и неповиновение России в вопросе о ее итальянских протектах, Акт умеренности в Швейцарии и, наконец, презрительное перераспределение Германии были последовательными шагами, которые привели Англию в отчаяние в отношении ее континентальной торговли. Ей казалось, что не может быть и речи о двух вещах: во-первых, что старый порядок должен быть восстановлен, чтобы защитить ее торговлю; и во-вторых, что ее колониальная политика должна быть более агрессивной, чем когда-либо.

Именно Сэмюэл Адамс первым высмеял свое отечество как народ лавочников. Крылатое слово вскоре стало обычным делом для всех чужаков, но по мере того, как оно летело,

каждый народ, использовавший насмешку, готовился вступить в борьбу за ту же цель. Франция прежде всего была полна решимости стать нацией лавочников, и первый консул того, что все еще оставалось шатким экспериментом в области управления, хорошо знал, что вместо того, чтобы отказаться от этого честолюбия, он должен пожертвовать всем остальным. В конце концов, колониальная империя имеет ценность только потому, что у родной страны есть доступные порты, мануфактуры для колониальных товаров и товары для обмена с производителями. У Франции не было ни заводов, ни мануфактур, и она была лишена почти всего механизма обмена. Ее торговые суда ходили в плавание только по милости британского флота. Ее внутренний рынок зависел от британских торговцев даже во время войны. Таким образом, главной мыслью Бонапарта была концентрация энергии. Морская мощь мира принадлежала Британии, и ее тирании на морях не было реального контроля; даже Соединенные Штаты могли лишь изрыгать вызывающие и мстительные угрозы, когда британские военные корабли с презрением относились к их торговым судам в открытом море. Поэтому, быстро и всесторонне разобравшись, он сформулировал и объявил новую политику. Французский посланник в Лондоне был проинформирован о том, что Франция теперь вынуждена завоевывать Европу — разумеется, для стимулирования французской промышленности — и восстанавливать свою западную империю. Это было сделано очень ловко. Тлеющие угли французского патриотизма можно было бы раздуть до белого каления с помощью этих хорошо отработанных, но никогда не иссякающих средств — удара по вероломному Альбиону и сентиментальной страсти к Новой Франции за Атлантикой. Эти предложения были уловкой против Англии путем создания второго лагеря в Булони, где были собраны силы, действительно предназначенные для Австрии, и вырвания Луизианы из слабых испанских рук, которые ее удерживали. В качестве примера этой агитации показалось лучшим, чтобы французская демократия носила имперский, а не республиканский титул, и стиль императора и империи был извлечен из мусорной кучи Террора для использования при дворе.

Таким образом, в Европе, как и на соседних континентах, изменение политики, территориальных границ, социальных, экономических и дипломатических отношений, изменение, которое сделало возможной современную систему, на самом деле зависело от событий, которые привели к принятию только что описанной политики. Но эта политика влекла за собой изменение всех здравых исторических принципов в планах Бонапарта. Еще двенадцать лет ему предстояло совершать ошибку за ошибкой; попираť национальную гордость; возводить ложную систему политической экономии в ранг фетиша; совершать, как во время Московской кампании, великие переселения на восток вопреки законам природы; вовлекать свою простую, чтобы не сказать вульгарную и слабую семью в предприятие по созданию монархических союзов, на которые они не были способны; короче говоря, сводить на нет, насколько это было в его силах, все благотворные и хорошо продуманные образцы государственной мудрости, которыми он до сих пор занимался. Хорошо сказано, что если бы он умер в середине лета 1802 года, его слава была бы безупречной и на его солнце не было бы пятен. Работе Наполеона в Европе было суждено привести к далеко идущим и постоянным результатам, но вскоре этот человек был почти полностью лишен контроля над ними. Самым последним из его великих проектов была продажа Луизианы. Ему нужны были деньги на покупку, он выбрал своего покупателя и навязал ему их с целью создания гигантского конкурента гигантской державе Великобритании.

Поэтому, когда мы обратимся к Америке, мы сразу же увидим, на какой тонкой ниточке может зависеть великое событие, какой большой пожар может разжечь искусно поднесенная искра. В то время как другие вопросы висели на волоске, он выбрал своего собственного шурина, генерала Леклерка, такова была его глубокая озабоченность, для проведения экспедиции в Вест-Индию. На борт было поднято 35 000 человек, и это был самый цвет республиканских армий, превосходные бойцы, но, возможно, заноза в боку подающего надежды императора у себя дома. Их целью был Сан-Доминго, где замечательный негр Туссен Лувертьюр, отметив привлекательный пример доброжелательных деспотов в Европе, при республиканских формах правления не только отменил рабство, но и сделал себя великодушным диктатором. Тонкая, но хрупкая структура его негритянского государства была легко стерта с лица земли, но боевые действия были ожесточенными и продолжительными, климат и чума позволили начать и завершить кровавую бойню, более пагубную, чем война, и две трети французских захватчиков, включая командующего и пятнадцать его генералов, пали жертвами желтой лихорадки. Французы были наголову разбиты, жалкие остатки уплыли, а чернокожие попали в руки никчемного тирана Дессалина, чье неправильное правление убило ростки порядка, посеянные Туссеном. Один из наших историков считает, что эта проверка Франции чернокожими солдатами была определяющим фактором в американской истории, поскольку после этого не могло быть и речи о создании для Франции империи Персидского залива и Карибского бассейна. Луизиана, указывает он, сразу же стала ненужной зависимостью, дорогостоящей и раздражающей. Это притянутое за уши утверждение: какими бы великими ни были заслуги негра перед Соединенными Штатами с тех пор, как он впервые сражался на поле битвы при Монмуте под командованием Вашингтона, поражение Франции в Сан-Доминго произошло не от меча черных, а было Божьим деянием из-за эпидемии.

Обстоятельства, вынудившие Луизиану присоединиться к Соединенным Штатам, тогда еще мелкой державе, доходы и расходы которой были меньше, чем у многих отдельных штатов, ныне составляющих федерацию, возникли из европейских потребностей Наполеона. Уступка Испании включала все, что Испания получила от Франции, все побережье Мексиканского залива от Сент-Мэри до Рио-Гранде, а также французские притязания не только на северо-запад до Скалистых гор, но даже до Тихого океана. Возвращением Испании было незначительное королевство Этрурия и торжественное обещание, что, если Первый консул не выполнит своего обещания, Луизиана в полном объеме будет возвращена Испании. Следовательно, Франция не могла бы иным образом передать его какой бы то ни было державе. Требовательность и подозрительность, проявленные как Карлом IV, так и его презренным министром Годоем, принцем Мира, привели Бонапарта в невыносимое раздражение. Испанские бурбоны были обречены им на судьбу своих сородичей во Франции; клятва исчезающему призраку королевской власти не имела большого значения. Именно во время задержки, вызванной пунктуальностью Годоя, провал экспедиции в Сан-Доминго уничтожил все надежды на то, что Луизиана станет единственным перевалочным пунктом и основным источником поставок в Вест-Индию. И одновременно стало очевидно, что перемирие, заключенное в Амьене в качестве международного договора, не может длиться намного дольше, что либо Франции придется терпеть унижение, видя, как полностью лишают ее прибыли от этого, либо самой объявить войну, либо подтолкнуть Великобританию к возобновлению военных действий. Это последнее, как хорошо известно, было альтернативой, выбранной Наполеоном.

Наше правительство было в отчаянии. Установление французской империи в Вест-Индии разрушило бы нашу прибыльную торговлю с островами. Было достаточно тяжело, чтобы такая слабая держава, как Испания, контролировала выход из бассейна Миссисипи, но невыносимо, чтобы такое господство на континенте попало в руки такой сильной и властной державы, как Франция. Мы были в смятении даже после ухода французов из Сан-Доминго. Бонапарт, однако, был встревожен едва ли меньше; ибо Джефферсон, несмотря на свой откровенный галлицизм, пылко заявил как первому консулу, так и Ливингстону, нашему посланнику в Париже, что оккупация Луизианы большими французскими силами, организованными с этой целью, может привести только к союзу двух англоговорящих наций, который окончательно изгонит французский флаг из открытого моря. Бонапарт сохранял внешнее спокойствие для окружающих и шел своим путем, по-видимому, невозмутимый. Но внутри его разум кипел, и без долгих проволочек он сделал свой выбор между доступными ему путями. Это была первая выставка имперского деспота, который вскоре станет известен как Наполеон I, император Франции, посвященная ему самому и его семье. Если бы Британия была тираном морей, он был бы деспотом суши. Французской империи он подчинил бы Германию, Италию и Испанию, и, имея за спиной все морские ресурсы Континента, сначала закрыл бы все важные порты для английской торговли, а затем, имея в своем распоряжении союзные и зависимые флоты, попытался бы заключить с британским гигантом соглашение о свободе морей и новой колониальной империи. Вторым лагерем в Булони и оккупацией Ганновера Наполеон поверг Англию в панику, одновременно приступив к созданию своей великой имперской армии и тем самым создав угрозу Австрии, величайшей державе Германии, в ее коалиции с Россией, Швецией, Неаполем и Великобританией. Последняя, как он хорошо понимал, могла встретить враждебную демонстрацию на своем фронте мужественно, если не хладнокровно; и он решил нанести двойной удар — собрать урожай золота, а в тылу усилить своего раздраженного трансатлантического морского соперника, продав Луизиану Соединенным Штатам.

Фотография из коллекции доктора Чарльза Дж. Купера

НАПОЛЕОН I

С бюста работы Шодэ, после посмертной маски. Бюст отмечает место, где стояла кровать, на которой умер Наполеон.

Эта решимость стала поворотным пунктом в его карьере, точно так же, как внезапное развертывание великолепных сил в Булони, когда он бросил их через всю Европу на Вену, наконец-то показало поворотный момент в его политике. Его брат Люсьен был влиятельным участником переговоров с Испанией и превозносился приобретением огромного владения, которое долгое время было самой яркой жемчужиной в короне Франции. Его брат Жозеф заключил Амьенский мирный договор как подготовительный шаг к восстановлению для своей страны великолепной колониальной империи, краеугольным камнем которой должны были стать старые и великолепные французские владения. Оба были ошеломлены, а затем пришли в ярость, когда узнали о решении своего брата, и эти чувства усилились до ярости, когда они услышали, как он объявил, что будет добиваться своего вопреки всем конституционным сдержкам и противовесам. Нет более гротескной исторической сцены, чем та, что изображена Люсьеном в его мемуарах, когда они с Жозефом выступили против Наполеона. Последний нежился в своей утренней ванне седьмого апреля 1803 года в Тюильри, когда братьев впустили. После долгой и душевной беседы об общей политике Наполеон наконец затронул судьбоносную тему, переворачиваясь с боку на бок и нежась в ароматизированной воде. Ни один из братьев не мог совладать со своими чувствами, и спор с каждой минутой становился все жарче и яростнее, пока Джозеф, склонившись над ванной, не прорычал угрозы сопротивления и слова обличения. Брат Наполеон, поднявшись на полпути к вершине, внезапно откинулся назад и, подкрепив свои аргументы, плеснул полной водой в лицо и на тело Джозефа, промочив его до нитки. Был

вызван камердинер, который вошел и, парализованный яростью этой сцены, упал в глубокий обморок. Была вызвана новая помощь, и, поскольку пламя страстей на время погасло, конфликт закончился до тех пор, пока Наполеон и Жозеф не были прилично одеты, когда он возобновился в кабинете секретаря Буррьена. Прежде чем снова были произнесены долгие горячие слова, бурная брань сменилась бурными жестами, пока, наконец, Наполеон в театральном гневе не швырнул свою табакерку на пол, и соперники не разошлись. Каким бы разрозненным и ожесточенным ни был этот бурный спор, он раскрыл всю имперскую политику.

Между тем события в Америке, если и не были столь живописными и величественными, то были столь же бурными. Мирная политика Джефферсона быстро рушилась перед лицом угрозы с запада, федералисты ликовали, а в Сенате Джеймс Росс от Пенсильвании призвал к войне. Когда интендант Испании в Новом Орлеане отказал американцам в праве на хранение, которым они пользовались в этом городе с 1795 года, французская политика президента вызвала всеобщую дурную славу и презрение, поскольку люди рассуждали *тем более*, если такие вещи делаются на зеленом дереве, что же делать на сухом? Не имело значения, что высшее должностное лицо Испании, губернатор, дезавуировало этот акт, пожар разгорелся на корню. Интендант был упрям, и его боевой темперамент становился все более горячим. И губернатор, и испанский посланник в Вашингтоне снова дезавуировали этот акт и сделали выговор подчиненному. Конгресс успокоился, но не жители Запада и Юга. Они были полностью осведомлены, как и все наши пограничники и первопроходцы с самого начала, что Миссисипи и все земли, которые она омывает, являются органичной структурой единства и успешного заселения этого континента. Прибрежные полосы Тихого и Атлантического океанов, даже большая, но унылая долина Святого Лаврентия - всего лишь эпизоды территориального единства и политического контроля по сравнению с великим намывом Миссисипи. Это было неизвестно, совершенно неизвестно и, что еще хуже, совершенно безразлично нашим государственным деятелям. Мэдисон, конечно, и, возможно, Джефферсон, верили, что западная иммиграция приостановится и закончится на восточном берегу Отца Вод.

Тем не менее, партийное управление было необходимостью в американской системе, и лестница Джефферсона, республиканская партия, была бы разбита на составные части, если бы Запад и Юг, шумные, требовательные и беспокойные, дезертировали и перешли к угасающей фракции федералистов; более того, ее могли вынудить почти полностью отказаться от собственного существования принудительным принятием федералистской политики, альянса с Великобританией — монархической и аристократической, — а не с радикальной и демократической Францией. Что мог сделать отвлеченный партизан? Джефферсон был ловким и изобретательным. Он послал Джеймса Монро вести переговоры с Бонапартом о покупке Нового Орлеана и обеих Флорид по цене от двух миллионов или выше до десяти, за все или частично, за все, что он сможет получить; он не должен был пренебрегать даже правом сдачи на хранение, если ничего другого нельзя было получить, и если он ничего не мог получить, он должен был ждать инструкций. С такими верительными грамотами он отплыл восьмого марта 1803 года. Миротворец должен иногда говорить тихо и ограниченно, как это иногда делают трусы. Три недели спустя в Новом Орлеане появился Лауссат, передовой агент французской оккупации; Виктор и его войска должны были последовать за ним. Невозможно представить, что внешняя политика может быть более запутанной или неопределенной, чем политика философа-теоретика, который является героем строго конструктивистской партии в этих Соединенных Штатах.

Роберт Р. Ливингстон, постоянный американский посланник в Париже, по указанию из дома умело и усердно работал над исками о разграблении и, попутно, над вопросом о Миссисипи и Флориде. В то время как колонизационные планы Бонапарта казались осуществимыми, Ливингстон не добился никакого прогресса, за исключением того, что вынудил признать, что требования о разграблении были справедливыми. Ни Талейран, ни Ливингстон не были особенно озабочены великим Северо-Западом. Американцу было ясно, что важность любого контроля заключается во владении Новым Орлеаном, и одиннадцатого апреля 1803 года он сказал об этом французскому министру, энергично и прямо заявив далее, что настойчивый отказ в нашей просьбе объединит нас с Великобританией, что приведет к серьезному замешательству Франции в ее колониальных устремлениях. Это было сказано с некоторой резкостью, поскольку Ливингстон знал, что Первый консул хотел, чтобы все переговоры были переданы в Вашингтон под руководство специального посланника, своенравного Бернадотта, посланного с этой целью; и теперь, что еще хуже, его самого должен был заменить Монро. Он был прилежным и даже назойливым переговорщиком; впоследствии было утешением вспоминать, что первое предложение о продаже всей Луизианы было сделано ему в том знаменательном интервью.

Что произошло, Ливингстон не мог знать. Дело было вот в чем. Утром того же дня в Тюильри поступили депеши, содержавшие во всех подробностях отчет об огромных приготовлениях, ведущихся в Англии к возобновлению войны как на суше, так и на море. Нетерпению Бонапарта не было предела. До сих пор он скрывал свою истинную политику продажи за планом потратить деньги, вырученные от покупки, на внутренние улучшения во Франции, и на его рабочем столе лежала карта с очертаниями пяти больших каналов. Теперь, на рассвете, он вызвал Барбе-Марбуа, бывшего генерального консула Франции в Соединенных Штатах, государственного чиновника, досконально знающего наши дела, и приказал, чтобы с Ливингстоном немедленно начались переговоры о продаже не Флориды и Нового Орлеана, а всей Луизианы. Он назначил цену в пятьдесят миллионов франков. Посланник, конечно, ничего не мог поделать, но решил, что тридцати миллионов достаточно. На следующий день Монро прибыл в Гавр, а тринадцатого прибыл в Париж, и в тот же день Барбе-Марбуа и два наших великих государственных деятеля начали угощение. На Монро и Ливингстона была возложена огромная ответственность. Монро самым неопределенным образом была оставлена определенная свобода, поскольку ни при каких обстоятельствах он не должен был прекращать переговоры, если они уже были начаты. И здесь, вместо минимизации сроков, была, так сказать, огромная вселенная тендера на землю. Но мы не так легко сбросили яркое и сверкающее одеяние праведности, как это сделал Наполеон Бонапарт, и в умах обоих американцев был вопрос, несуществующий для Первого консула, как он сам прямо сказал, о том, можно ли обращаться с жителями округа, мужчинами и женщинами, с человеческими душами, как с имуществом.

Ливингстон уже видел смутно, как в зеркале, что может сделать для Соединенных Штатов обладание западом. Вклад Бонапарта в дискуссию был кратким и язвительным. Если бы он не передал титул как можно скорее, британский флот вступил бы во владение почти в мгновение ока; передача, по его словам, могла бы через три столетия сделать Америку соперником Европы; почему бы и нет? это был долгий путь вперед; но, с другой стороны, никогда не существовало прочной конфедерации, и эта конфедерация в Америке вряд ли положит начало сериалу; наконец, он хотел денег, как Соединенные Штаты хотели земли. Пусть не будет никаких задержек. И их не было. Условия продажи и факты передачи нас здесь не касаются. В лице Бонапарта у Соединенных Штатов не было друга; но то, что начал

старый режим, помогая установить независимость Америки, завершил Первый консул; ибо благодаря ему война 1812 года велась за свободу торговли, в то время как эксплуатация Луизианы сделала нацию такой, какая она есть сегодня. Огромная территория, со всеми ее обязанностями и возможностями, сделала Соединенные Штаты мировой державой; поначалу достаточно слабой державой, но она выросла. Джефферсон и его агенты были в первую очередь государственными деятелями в существующих условиях, и в миссии Монро требовалось исключительно средство от партийных пороков. Однако у них хватило мужества принять навязанную им судьбу, хотя в их случае, как и в случае с Бонапартом, это повлекло, повторяем, за собой полный отказ от всех политических и партийных принципов платформы, на которой они до сих пор стояли.

Перемены, вызванные покупкой Луизианы в американской жизни и культуре, были просто революционными. До сих пор из-за нашей слабости мы смотрели в обратную сторону, колеблясь между двумя идеями европейского союза. У нас фактически были британская и французская партии. Джефферсон, который представлял последнюю, в своей беде не думал ни о какой другой альтернативе, кроме как ударить по рукам с Англией. Держа Луизиану на руках, мы повернулись лицом к нашей собственной входной двери. У Луизианы, которую мы купили, на самом деле не было выхода в Тихий океан, но экспедиция Льюиса и Кларка дала ему выход, и мы расширили его за счет войны и покупок, пока не установим контроль над западным побережьем континента. Под влиянием таких всепоглощающих забот мы перестали думать о французских или британских связях иначе, как о раздражающих, и стали не просто американцами, но, осознав устремления Вашингтона, превратились в настоящих жителей континента, презирающих любые сложности, какими бы они ни были. Во время оккупации и заселения Луизианы вопрос рабства стал острым, и борьба за распространение этой системы на территории Луизианы ускорила Гражданскую войну.

Но если изменение в национальном мировоззрении было радикальным, то в конституционном отношении - еще более радикальным. Конституции наших первоначальных штатов были выражением политических привычек в сообществе, Федеральная конституция была в основном отражением тех элементов, которые в той или иной степени были общими для всех британских колоний. Это был век писаных конституций, потому что смена институтов была настолько быстрой, что людям требовалась пристань для тех существенных достижений, которых они достигли. Прошлое было настолько недавним, что государственные деятели были робки и хотели, чтобы их границы были установлены памятником. Не было ничего более естественного, чем сделать паузу и вернуться к записи, ставшей таким образом постоянной, а строгое построение было и долгое время оставалось политическим фетишем. Покупка Луизианы была обстоятельством первостепенной важности в партийной борьбе. Тем не менее, ни федералисты, ни республиканцы не осмелились, после зрелого обсуждения, настаивать на вопросе о внесении поправок в конституцию как на необходимом для преодоления разразившегося таким образом кризиса. Огромная цена повлекла за собой то, что считалось невыносимым налоговым бременем, и в шуме устных и печатных дебатов сыграла немалую роль. Но жизненно важный вопрос заключался в том, было ли урегулирование новых отношений конституционным.

Никогда еще политический калейдоскоп не демонстрировал более удивительного обратного эффекта. Сторонники свободного строительства полностью потеряли рассудок, в

то время как строгие конструкционисты внезапно стали апостолами не словесного, а логического конструирования. Джефферсон нарушил свои принципы, подписав международный договор, но его легко убедили, что в поправке нет необходимости, что, напротив, право заключения международного договора полностью охватывает этот случай. Это было не завоевание, которое было бы покрыто военной властью, а покупка, которая покрывается договорной властью, переданная, как и другая, штатами федеральному правительству. Федералисты были представлены в Палате представителей Гейлордом Грисволдом; в Сенате Россом и Пикерингом. Их сопротивление было идентичным в обеих фракциях в высшей степени. Они утверждали, что исполнительная власть узурпировала полномочия Конгресса, регулируя торговлю с иностранными державами и присоединяя иностранную территорию и иностранных людей к Соединенным Штатам, причем это последнее было властью, которой, как было сомнительно, обладал ли Конгресс. Предположим, однако, что Новый Орлеан стал американским, как мог быть действителен договор, который предоставлял этому единственному порту преимущественный режим при приеме французских и испанских судов на равных условиях с судами, принадлежащими американцам? Таким образом, этот договор, по их утверждению, был неконституционным и, что еще хуже, неполитичным, потому что мы были неподготовлены и не желали включать в нашу тонко сбалансированную систему народы, отличающиеся от нас по языку, вере и обычаям. Они, однако, лишь слегка возражали против расширения; они были решительны и придиричивы в толковании Конституции. Партия, стоявшая у власти, была откровенно экспансионистской; их ответ был столь же диалектичным и банальным. Вся дискуссия была бы пустой, если бы не утверждение Пикеринга о том, что не существовало полномочий для включения иностранной территории в состав Соединенных Штатов, как это было предусмотрено договором. Палата представителей приняла решение девятью голосами против двадцати пяти выделить деньги и назначила комитет по временному правительству; Сенат ратифицировал договор двадцатью шестью голосами против пяти.

Что сделало дебаты и действия Конгресса эпохальными, так это утверждение федералистов о том, что Томас Джефферсон в качестве временного губернатора был не чем иным, как американским деспотом, сменившим испанского тирана. Где сейчас Конституция; где она будет, когда, назначая необходимых должностных лиц — исполнительной, судебной и законодательной власти, — он узурпирует не только испанский деспотизм, но и полномочия обеих других ветвей федерального правительства? Республиканцы тоже лукавили: назначать эти три класса чиновников не означало осуществлять их полномочия. Но они с неопровержимой логикой подтвердили различие, которое до сих пор обсуждалось только в нашей политической истории, — различие между штатами и территориями. Назначенцы президента уже осуществляли все три полномочия в Миссисипи и Индиане. Это усилило сопротивление республиканцев, и тридцать первого октября подавляющим большинством голосов был принят законопроект о временном правительстве. Обе партии на протяжении всей борьбы молчаливо отказывались от позиции, что Конгресс обладает всего лишь делегированными полномочиями и ничем иным, кроме способности претворять их в жизнь. Таким образом, и те, и другие допускали возможное толкование Конституции под давлением необходимости, и федералисты в своих придиричивых утверждениях потеряли позиции повсюду, за исключением Новой Англии. Эта часть увидела, что ее влияние затмилось преобладанием южных и западных сил, и вскоре созрела для отделения.

Написаны тома, и их будет еще больше, о романтике покупки Луизианы; Джосайя Куинси угрожал расчленением Союза, когда нынешний штат Луизиана был принят в 1812 году; если

бы не мудрость Джефферсона в исследованиях, он мог бы оставаться дикой местностью еще долго после начала заселения; Великобритания возжелала ее в 1815 году, когда Джексон спас ее; Аарон Берр, вероятно, возжелал создать на ее территории империю; Наполеон III мечтал о ее возвращении в новую Францию, которую он должен был основать в Мексике. За исключением Флориды, которую Испания не хотела признавать своей частью, и штата Орегон, приобретенная таким образом территория была больше, чем территория Великобритании, Германии, Франции, Испании, Португалии и Италии вместе взятых. Его сельскохозяйственные и минеральные ресурсы были, с человеческой точки зрения, неисчерпаемы. Неудивительно, что это возбуждало алчность и будоражило воображение человечества; неудивительно, что люди, жаждущие сохранить свою власть, были встревожены тем перевесом, который она, несомненно, в конечном итоге получит в федеральном союзе штатов. В настоящее время четырнадцать наших содружеств с населением около шестнадцати миллионов человек и налогооблагаемым состоянием в семь миллиардов занимают его территорию. К тому времени, когда мы станем на пятьдесят лет старше, при нынешних темпах расселения они будут содержать около трети власти в Союзе, определяемой численностью и процветанием. Все они, однако, были из первых административных округов, а не штатов, и под влиянием этого факта государственный суверенитет, таким образом, превратился в пустой звук.

И это заставляет нас вспомнить, что, если покупка Луизианы произвела революцию в нашем национальном мировоззрении, нашем конституционном отношении и нашем секционном контроле, она столь же радикально изменила нашу национальную структуру. С того часа и по сей день мы обращались к массам Европы за помощью в освоении дикой природы, и они приходили миллионами, до сих пор мужчин и женщин революционного толка, вероятно, насчитывается менее пятнадцати миллионов во всей стране. Эти более поздние американцы, подобно переселениям скандинавов в центральную и южную Европу, оказались настолько консервативны в своем американизме, что превзошли своих предшественников в верности его основам. Они создали Союз таким, какой он есть сейчас, в очень высоком смысле этого слова, и нет никаких сомнений в том, что в муках гражданской войны именно их кровь лилась по крайней мере так же свободно, как и наша, защищая его. Именно они удержали нас от колониального развития и сделали нас отдельной нацией. Именно это помешало мощному влиянию Великобритании захлестнуть нас, в то время как одновременно два англоговорящих народа реагировали друг на друга своими радикальными различиями, чтобы поддерживать пламя рвения к исследованиям, благотворной оккупации и всеобщей эксплуатации земного шара в интересах высокой цивилизации. Населенные пункты Союза были стимулированы к такой деятельности, что промышленность и сельское хозяйство достигли могучего расцвета; одна только торговля отстает, и неудивительно, поскольку Луизиана дала нам собственный сухопутный мир, внутренний рынок, более ценный, чем Индия или континентальная масса Дальнего Востока.

ГЛАВА XXII

МЕСТО НАПОЛЕОНА В ИСТОРИИ

Истощение — Изменение взглядов Наполеона — Переходящие силы — Их исчезновение — Здравый смысл и идеализм — Человек и мир — Философия

целесообразности — Посредническая работа — Французские институты — Трансформация Франции — Политика Наполеона и Англии — Его работа в Германии — Французское влияние в Италии и Восточной Европе — Наполеон и западный мир.

Краткие сведения

Если качества Наполеона как узурпатора, государственного деятеля и воина столь замечательны, какими кажутся, почему его время было таким коротким, каковы причины его упадка и каково его место в истории? Причины его упадка можно выразить одним словом — истощение. Не существует более полных свидетельств человеческой деятельности, чем жизнеописание Наполеона Бонапарта. Вначале мы можем видеть, как этот поклонник власти тщетно стимулирует свои незрелые способности, пока с безрассудным отчаянием не завершит период обучения и не заключит свою скандальную сделку с Баррасом; затем, внезапно став необъяснимо богатым, став физически более энергичным благодаря лучшей одежде, пище и жилью, он, кажется, безжалостно загоняет роуэлов в собственные фланги, пока инициатива, изобретательность и безжалостность не проявятся с явно сверхчеловеческими размерами. Период достижений короток, но великолепен в политике; эпоха господства долгая и захватывающая. В обоих случаях наблюдается одно и то же бессмысленное физическое излияние и интеллектуальное расточительство. Затем наступает черед. Каждая человеческая эпоха несет в себе зародыши следующей; мы начинаем умирать при рождении, и характерные качества и силы одного периода уменьшаются по мере увеличения качеств и силы следующего. Так было и с Наполеоном. Он так сильно сжал количество и важность событий в такой короткий промежуток времени, что его время похоже на те сморщенные японские картинки, которые получаются путем превращения крупного шрифта в маленький циркуль — насыщенный и глубокий, но нереальный. Чтобы сменить метафору, он обнаружил, что государственный корабль мчится вперед с привязанным штурвалом, и никто не осмеливается взять на себя обязанности рулевого. Он перерезал ремни и взялся за них. Его самостоятельные усилия в качестве лоцмана проложили судну новый курс; но у него не было ни пара, ни другой механической энергии, ни *deus ex machinâ*, чтобы помочь ему; и по мере того, как шторм усиливался, наступало истощение; казалось, он управлял, хотя на самом деле его действия были вызваны событиями, которые он не контролировал; и это продолжалось до крушения.

Но инерция его власти настолько походила на ее подъем, что представляла собой непрерывный рост и, таким образом, вводила в заблуждение наблюдателей: за несколько лет он упорядочил революционный хаос западной Европы по своему вкусу, и возникшая в результате организация работала по принципам, которые он в нее вложил. Когда он увидел, что его несовершенные и поверхностные теории общества последовательно опровергаются, у него не осталось сил реконструировать их и приспособиться к новым ситуациям. Его усилия в роли освободителя на протяжении Ста Дней заслуживают тщательного изучения. Он просто не мог уступить или приспособиться, за исключением второстепенных моментов. Ухищрения, к которым он прибегнул, были бы смешны, если бы не были жалкими. Правительственные формы, которые пыталась создать Революция, были последовательно разрушены яростной энергией якобинства: директория была всего лишь компромиссом, и когда она нашла убежище в армии, массам казалось, что ее выступления наверняка вернут Террор; консульство было всего лишь замаскированной монархией, основанной на военной

силе; а поскольку роялизм был невозможен, огромному числу людей казалось, что нет другой альтернативы, кроме Империи. То, что не было другой альтернативы, объяснялось властным характером Наполеона, который теперь развился до предела. Он был эгоистичным, ожесточенным и, хотя и активным, как его символическая пчела, не способным к дальнейшему развитию. Его мать знала, что ему не продержаться; она сказала это и отложила деньги на черный день. У него самого были навязчивые предчувствия этой истины. Его страсть увековечить себя, основав династию, была реальной основой его воинственного пыла. Глубоко тронутый, фактически охваченный благоговейным страхом перед непреходящей ненавистью старых династий, и все же упиваясь своим военным гением, он вел войну безжалостно и с азартом, наслаждаясь поражением своих врагов и использованием своей силы. Но, в конце концов, война была всего лишь средством. Он часто рассуждал о преимуществах наследования по наследству; с подозрительной частотой он задерживался на удовлетворении, которое династический правитель должен испытывать от преданности или, если не от нее, то от покорности своего народа; он был сверхчувствителен к малейшим народным волнениям; и он, должно быть, предвидел собственное падение, поскольку привык носить яд в амулете на шее, чтобы, когда наступит великий кризис, он мог покончить с собой. "Ах! почему я не мой внук?" с тоской воскликнул он.

Эту единственную причину падения Наполеона можно лучше увидеть в записях о его втором пленении, чем в любом другом периоде его жизни. Абсолютного истощения, за исключением смерти, не существует. Но прерывистое и мимолетное напряжение является симптомом ослабления сил у измученной лошади; оно предвещает конец у измученного человека. Поначалу веселый и занятой, потому что воодушевленный долгим и благоприятным морским путешествием, он стремительной походкой отправился на остров Святой Елены, чтобы писать историю и формировать общественное мнение Европы. Игривый и энергичный, он собрал воедино скудные остатки своего сиюминутного величия и подражал церемониймейстерам Тюильри в организации двора и издании указов по ведению его мелких дел. Его жизнь должна была стать жизнью льва в клетке — в клетке, но все же льва. План не сработал. В делах Лонгвуда, как и везде, были заминки и неровности. Для Наполеона это вскоре стало не случайностями, а сутью жизни. С уходом его секретарей работа по составлению биографий стала сначала утомительной, затем невозможной, и бедную музу истории в конце концов выставили за дверь. На смену регулярным упражнениям пришло судорожное перенапряжение; жалобы стали предметом для тренировки ума и языка; ежедневное общение с добрыми, но второсортными людьми остановило поток великих идей; комбинации при Аустерлице и Ваграме уступили место мелким ходам в игре на злобу с бюрократическим британским губернатором. Со времен своего отрочества и до союза с Баррасом изгнанник был мечтательным, расплывчатым, неопределенным, неудачливым человеком; его способности развивались не быстро. В то время как ему предстояло работать над Францией и Европой, он продемонстрировал неоднократно подчеркиваемые экстраординарные качества: ум и руку, мысль и поступок, работая вместе. И без того пресыщенный, его колоссальный потенциал стал ненадежным после фатального Поошвицкого перемирия; но он работал, поскольку у него все еще был исходный материал для большой стратегии и большой политики, над которым можно было работать. Так продолжалось до окончания Ватерлоо. Эта битва, не великая сама по себе, тем не менее, была эпической как по своим последствиям для мира, так и по разрушению мозгов, которые на протяжении двадцати лет определяли судьбы Европы. Между бегством в Шарлеруа и побегом в *Беллерофонт* Наполеон не проявляет ни отваги, ни мозгов.

В настоящем плену его разум не имел достаточной задачи и не испытывал давления необходимости. Следовательно, поначалу это несколько оживляло, но ближе к концу все больше и больше прерывалось, работая, когда это все-таки получалось, неуклюже и с трением, пока не наступал физический коллапс и не наступал конец. Попытки реконструировать историю, попытки разграничить его собственные и чужие мотивы, показные резюме его карьеры и ее эпох, фрагментарные изложения его философии в этике, политике и психологии — все величественные тома, носящие его имя, его литературные останки, по сути, представляют собой жалкое зрелище при ближайшем рассмотрении. Это всего лишь скорлупа сгоревшего разума, всего лишь пыль и пепел; великолепная масса, но потухший вулкан. Было вполне естественно, что его преемники и поклонники стремились создать более прочный фундамент для его славы, собирая и тщательно редактируя то, что он написал, когда был в лучшей форме, когда действовал в соответствии со своим сиюминутным, нормальным порывом и, следовательно, когда у него было меньше всего позы и больше всего искренности. Но доказательством их проницательности является то, что после Эрфурта они отбирали и публиковали все меньше и меньше и что из объемистого произведения, написанного пером на острове Святой Елены, они выбрали сто пятьдесят страниц, которые "Переписка", задуманная как самый великолепный памятник славы императора, могла представить в качестве подлинного биографического материала.

Итак, если Наполеон, в конце концов, был всего лишь простым человеком, то как он стал личностью? Просто потому, что он был типичным человеком своего времени, за вычетом личной посредственности; типичным бюргером по личному характеру, типичным солдатом на войне, типичным деспотом в мирное время и типичным идеалистом в политике; способным во всех этих качествах анализировать; способным, следовательно, быть понятым; способным к истощению и поражению комбинациями. Другими словами, он был действительно великим, потому что он был проницательным человеком со здравым смыслом своего времени, рассматривавшим идеальную социальную структуру как уровень комфорта в деньгах, в крове, в еде, в одежде, в религии, в морали, в порядочности, в домашнем добродушии, в обычных благах, справедливо разделенных, насколько это возможно. Это была та сторона его натуры, которая в период социального истощения выдвинула его на первый план как общественную силу, представила его Франции скалой, о которую разбилась вдребезги "красная безумная фурия" якобинства, и дала ему на время завладеть всеми сердцами. Утвердившись таким образом, он сразу же стал наследником французской традиции, то есть постоянной политики нации во внешних и внутренних делах, которая заключалась в том, что Франция должна была быть Юпитером на Олимпе европейских наций по причине ее превосходства как в красоте, так и в силе. Это было искушение, которому нельзя было сопротивляться, превосходное искушение, подобное искушению змеи и женщины, шанс превзойти себя с помощью знания, возможность "прицепить свой фургон к звезде", смешать славу Франции со своей собственной до тех пор, пока элементы не перестанут быть разделимыми. В эту ловушку, каким бы великим он ни был в своей репрезентативной простоте, он попал, и в последовавшей за этим неразберихе он не только уничтожил себя, но и поставил гордую и великолепную нацию, которая лелеяла его, на самую грань уничтожения. Он не мог повлиять на один эмансипированный народ, не повлиев на эмансипированную Европу, и это после Аустерлица он решил сделать. Затем он потерял голову: его мудрость оказалась ничем иным, как преклонением перед простой целесообразностью; его сила оказалась слабостью, когда со своим имперским идеализмом он бросил вызов в Испании идеализму истинной нации; его хваленая физическая выносливость исчезла из-за потакания своим желаниям, золотая голова и

бронзовые чресла рухнули, как глиняные ноги рассыпались под бурей национальных восстаний.

Поскольку это правда, в его карьере есть все элементы эпического величия: колоссальный человек, хаотичная эпоха, триумф принципа, восстановление исторического равновесия посредством гиганта, выброшенного за ненадобностью. И это эпическое качество, присущее не только человеку и не только эпохе, проявляется тогда, когда они сочетаются, и только тогда. Глядя на него в нашем холодном свете, можно увидеть, что у него есть все атрибуты заурядного авантюриста; глядя на Францию 1786 года с нашей точки зрения, люди и время кажутся почти безумными в своих неистовых попытках выполнить дело веков за мгновения одной жизни. Тем не менее, соедините то и другое, и вы увидите, как человек третьего сословия поднимается, продвигается вперед, размышляет, а затем выходит на передний план как самая драматическая фигура общественной жизни, и вы получите сцену и актеров, которые невозможно превзойти за всю историю. К концу Консульства действие становится мощным, потому что оно отражает реальность: объединенная нация, люди, к которым вернулось благотворное влияние, установлен мир, установлено конституционное правительство. Пока что здесь нет безвкусных украшений, изысканной одежды, позирования, разглагольствований. Но в следующей сцене, в сцене Империи, зритель осознает все эти неприятности и многое другое. Ведущий актер становится застенчивым, отождествляет себя с общественными интересами в личных целях и в ущерб нации, не проявляет никаких моральных или художественных ограничений и вскоре выстраивает каждый элемент таким образом, чтобы его тщательно изученные личные амбиции выглядели как результат действия зловещих сил, которые действуют извне, и против которых он надевает броню деспотизма ради общественного блага. Пьеса становится человеческой трагикомедией и, приближаясь к своему завершению, заканчивается, подобно греческим трагедиям, тем, что народ предан, а сила века прикована к раскаленной скале на потеху стихиям.

Был ли это конец и не было ли Наполеону места в истории, как в последнее время утверждают многие историки? Далеко ли это. Со своего порфинового ложа под позолоченным куполом на берегу Сены император, хотя и "мертв и превратился в прах", все еще обладает могущественной властью. Настоящая наполеоновская империя имела, как мы уже отмечали ранее, поразительное сходство с империей Александра и Карла Великого. Основанная, как и все это, на завоеваниях и продолжавшаяся в течение короткой жизни идеализмом одного-единственного человека, она казалась блестящим пузырьком в потоке времени. Но Александр эллинизировал цивилизацию своего времени и подготовил мир к христианству; Карл Великий вспахал, бороновал и засеял почву варварской Европы, сделав ее восприимчивой к самому возвышенному из всех светских идеалов - идеалу национальности; Наполеон с корнем вырвал систему абсолютизма, распространил в самых отдаленных землях Европы современную концепцию прав личности, сверг прогнившую структуру германо-римской империи и вопреки себе возродил давно поруганные идеи национальности и отечества. Следует признать, что его собственная поверхностная политическая наука, подержанный руссоизм, который он почерпнул из отрывочного чтения, имел к этому мало отношения, разве что негативное. Одну за другой он видел, как его религии становились смехотворными из-за жестоких фаз якобинства после того, как оно взяло под контроль революционное движение. Его сердце, его совесть, его интеллект, все недисциплинированное, тогда восстало против метафизики, которая ввела его в заблуждение, и "идеолог" стало его самым презрительным эпитетом. Управляемый

инстинктом и честолюбием, он, тем не менее, на протяжении всего своего периода оставался единственным убежденным идеалистом среди людей действия, а Гете был превосходным, трансцендентным гением идеализма среди мыслителей. С каждым последующим днем росло его презрение к физическим ограничениям, росло его нетерпение к языку, обычаям, законам, привязанности к местным жителям, личной верности и национальному патриотизму. Результатом стало стойкое убеждение, что для человечества в целом все это ничто. В конце концов он основал себя на бюргерской философии полезности и целесообразности, поверив в верность своей семьи, в домашнюю зависимость от супружеского союза, в страсть человечества к физической легкости и земному благополучию. Это был концерт, посредством которого он стремился создать федерацию благодетельных королевств, которая привлекла бы всех людей к главной движущей силе. Пространство и время взбунтовались; возвышенные идеалы человечества и философии не поддавались; эгоизм оказался бессильной опорой; мечтатель осознал, что его снова обманули. Изможденный и измученный, он, наконец, обратился в роли Наполеона Освободителя к понятию национальности и правительства, определяемому волей народа на всех ее этапах. Но было слишком поздно. Вместо того чтобы возглавлять авангард, он забыл, по его собственному выражению, идти в ногу с движением идей и оказался отставшим в тылу, без морального статуса или преданных последователей.

Все это верно; но столь же верно и то, что большая часть его творчества была распространена как во Франции, так и в цивилизованном мире. Во Франции, действительно, работа, которую он проделал, в некоторых деталях была слишком продолжительной. История говорит нам, что испытание высокой цивилизацией не обязательно заключается в больших масштабах. Те истории древнего мира, в которых человечество кажется странным и неприятным, Египта, Финикии, Вавилона и Ассирии, были обширными и продолжительными; истории Греции и Рима, поэты, государственные деятели, законодатели и воины которых приводят нас в отчаяние, были невелики по масштабам и сравнительно непродолжительны, хотя и были нормальными и здоровыми; мировые империи обеих стран не были ни естественными, ни достойными восхищения. Поэтому не годится судить о Наполеоне ни по продолжительности его карьеры, ни по стандартам других времен и иных обстоятельств. Централизация управления в содружестве, которое он спас из тисков анархии, вероятно, была необходима для спасения; целесообразность, которую он намеренно культивировал в Конкордате, в законах о семье и наследовании и в фатальной Континентальной системе, возможно, была паллиативом государственного деятеля при сиюминутной политической болезни. Его искусственная аристократия, его система крупных феодалов, его финансовые махинации — кто осмелится сказать, что эти институты не удовлетворяли временную потребность? Более того, стоит задуматься, была ли вообще возможна прямая реакция на умеренный, вменяемый республиканизм со стороны крайнего и яростного якобинства, и не была ли реакция со стороны имперской демократии Наполеона более легкой, а результаты более постоянными. Другими словами, вероятно ли, что третья французская республика могла быть прямой преемницей первой? Вопрос, безусловно, дискуссионный. Никакое перо не может так искусно и язвительно описать страдания Франции под властью наполеоновских институтов, как это сделал Тэн; его замечательный офорт убедительно раскрывает болезненную правду. Но кто виноват, если нации мешает ее администрация, централизация, в которой она больше не нуждается, социальные нормы, которые она переросла, политические привычки, которые не соответствуют эпохе? Не только человек, который их учредил, преследуя цели отчасти эгоистичные, но и отчасти государственные; люди, которые робко терпят, ответственны за

гибель, которая, несомненно, постигнет любую нацию, живущую в устарелой и непригодной социальной и политической структуре.

По крайней мере, одна вещь, которую новая Франция сделала в стиле арбитра: она внедрила в свой политический механизм уважение к политическим привычкам. Современное французское правительство явно является результатом условий, а не теорий. Ее конституция не имеет ни одного из фатальных признаков завершенности, которые носили на себе другие республиканские конституции; напротив, в наше время никогда не было периода, когда постороннему взгляду французские институты казались бы такими стремительными, как сегодня. И у них есть богатый материал для работы. Есть признаки того, что система наций как вооруженных лагерей, пример которой подавал Наполеон, рушится под собственной тяжестью; современные армии - это в основном национальные школы, контролируемые научной любознательностью и пронизанные гражданским духом; мирная федеральная система великих европейских держав иногда кажется слабой и шаткой, но она существует. Союзы теперь являются федерациями за мир; Тройственный союз продолжает оставаться федерацией за мир; точно так же и Шестичленный альянс, столь энергичный и настойчивый в своей поддержке Турции, был федерацией за мир. Возможно, день, когда Гаагский трибунал разработает энергичную, практически работающую систему международного взаимопонимания без призывов к войне, ближе, чем мы думаем. Тогда, конечно, но будем надеяться, что задолго до этого Франция сможет закрепить свои свободы в билле о правах, уничтожить судебную инквизицию, начать ослаблять оковы своей префектурной системы, освободить свои университеты и академии, возродить общественное мнение относительно увеличения численности населения путем изменения своих законов о семье и продолжить не только заселять свои собственные плодородные поля, но и превратить приобретенные ею великолепные колонии в будущие дома для бесчисленных детей, в поле для приложения своей избыточной энергии — короче говоря, когда она сможет сбросить с себя ненужные наполеоновские чары, учреждения.

Однако было бы совершенно несправедливо оправдывать Наполеона исключительно таким монументальным фактом, как то, что он, по всей вероятности, был предшественником современной Франции. Даже когда страна приняла его, его позитивное, прямое влияние во благо было велико. Конкордат, каковы бы ни были его недостатки, частично обеспечил свободную церковь и свободное государство, разделив таким образом то, что Бог никогда не соединял воедино священным браком; его великолепные кодексы — ибо независимо от того, кто их обдумывал и формировал, они принадлежали ему по исполнению — гарантировали вечное гражданское равенство не только во Франции, но, как показало дальнейшее, на огромных просторах Европы; вопросы о праве нации на избранного ею правителя и правительство, которые в новой форме обсуждались в течение Ста Дней, были теми, которыми были озабочены последующие поколения, пока на них не были даны утвердительные ответы. Разница между Францией 1802 года и Францией 1815 года, с одной стороны, болезненна, но, с другой стороны, она чрезвычайно существенна. Первое было переходным и хаотичным; во втором был тот удивительный, но завершенный социальный союз, более сильный, чем любой из когда-либо известных в истории, который спасал страну в последующие периоды штормов. В нем существовало уважение к личностям, к контрактам, к собственности; администрация была унитарной, однородной и активной; финансы, хотя и не регулировались, были восстановлены в полном объеме; и были запущены процессы, благодаря которым крупные города Франции стали здоровыми и красивыми, в то время как внутренние улучшения в стране были систематизированы и

стали великолепными по своей эффективности. Революционные концепции были настолько изменены и ассимилированы, что усилия династий, подвергнутые испытанию общественным мнением, потерпели неудачу, потому что массы сочли их абсурдными. Это был один из афоризмов Наполеона: "чтобы иметь право использовать народы, нужно начать с того, что хорошо им служить". Как хороший бюргер, он делал своих слуг удобными и счастливыми. Более того, его пример был отражен по всей Европе; и для миллионов простых и не очень проницательных жителей других стран революция в том виде, в каком ее задумал Наполеон, утратила многие ужасы, которыми якобинство, к вечному проклятию как самого дела, так и его названия, облекло ее. Возникает вопрос, существовала ли на свете сильная либеральная Франция, такой, какой ее изображают идеалисты, которая могла бы мирно проделать эту замечательную работу. Рассматривая и должным образом взвешивая отчаяние династического абсолютизма, кажется, что ничто, кроме противоядия наполеоновского милитаризма, не могло предотвратить его уничтожение французским либерализмом. Без Наполеона современный консервативный либерализм был бы невозможен.

Обращаясь к области всеобщей истории, отметим, что существуют определенные факты, по общему признанию, дело рук Наполеона, которые, несомненно, относятся к числу наиболее важных факторов современной политики. Самого по себе этого было бы достаточно, чтобы обеспечить ему высокое место в созидательной истории. Во-первых, он лишил Англию монополии на то, что долгое время было по сути и особенностям ее политическим идеалом. Что было основой длительного конфликта между Англией и Францией, наследником которого стал Наполеон? Была ли борьба этих двух славных и просвещенных братских наций борьбой за территориальное господство в Европе? Не совсем. Была ли это борьба не на жизнь, а на смерть за господство в западном мире? Нет. Семилетняя война решила этот вопрос в пользу Франции, а американская война за независимость в некотором смысле сравняла счет в ее решении против Англии, поскольку награда была присуждена новому народу. Нет; конфликт разгорелся не из-за этого. Что же тогда было причиной? Не что иное, как страсть к господству одной из этих высших форм цивилизации по всему земному шару, включая как Европу, так и Америку. Эта англосаксонская политическая, коммерческая, религиозная и социальная концепция после наполеоновских войн больше не ограничивалась Великобританией. С тех пор великие державы Европы были в основном озабочены, помимо своей заботы о самосохранении, разделением Африки и Азии между собой; и этот процесс не успел завершиться, как они начали роптать по поводу доктрины Монро и бросать тоскующие взоры в сторону Центральной и Южной Америки. Государственная система, которая когда-то была европейской, стала неотъемлемой частью сферы, в которой мы живем, и это представление о мировом господстве, столь отвергнутое Наполеоном, стало движущей силой каждой великой современной цивилизации.

Если мы рассмотрим национальную политику Европы за пределами Франции, история снова станет летописью влияний, начатых трудами Наполеона, будь то действия или бездействие. Величие России как европейской державы, по-видимому, во многом обусловлено временным угасанием надежды Польши на национальное возрождение. Если бы Наполеон, вместо того чтобы вести свою сомнительную игру с великим герцогством Варшавским, превратил в автономное постоянное государство едва известное временное правительство Польши, которое он фактически учредил и которое работало в течение значительного времени, и если бы он вернул под его власть как прусскую, так и

австрийскую долю в бесстыдном разделе, мы могли бы увидеть совсем другой результат военной миграции 1812 года. Более того, мы едва ли можем сомневаться в том, что Польша, восстановленная под защитой Франции, была бы буферным государством между Россией, Пруссией и Австрией, что сделало бы невозможным создание сокрушительной коалиции в 1813 году, в то время как в 1814 году союзники, вероятно, никогда бы не пересекли французскую границу, если бы действительно осмелились зайти даже так далеко в своем марше по Европе. Но его положительное достижение было не менее важным. Современная Германия - это великое федеративное государство, управляемое Пруссией, но не находящееся под ее властью. Каковы другие ее важные члены? Бавария, Вюртемберг и Баден — все три в их нынешнем масштабе и влиянии творения Наполеона; хороший баланс сил в Германской империи достигнут благодаря его расположению карты. Есть даже ощущение, что вся Германия, какой мы ее знаем, вышла у него из головы во всеоружии. Он не просто научил народы центральной Европы их стратегии, тактике и военной организации: именно он пронес стандарт просвещения (в своих собственных интересах, конечно, , но все же он пронес его) по всей длине и ширине их территорий и разъяснил его значение самому низкому интеллекту из их бесчисленных миллионов. С тех пор стремление к немецкому единству, к немецкому отечеству, к организации немецкой мощи в единое движение никогда не могло быть остановлено. Толпа мелких тиранов, которые строили свою жизнь и поведение по примеру Людовика XIV и которые, борясь с его злодеяниями, развратили себя и свои народы, были сметены безжалостностью Наполеона, уступив место более крупной, более здоровой национальности девятнадцатого века, которой в конце концов было суждено внушить окружающим народам новую концепцию уважения не только к собственной национальности, но и к национальности других.

То, к чему привело французское влияние в Италии, - тема настолько малоизвестная, что требует отдельного обсуждения; ибо результаты были не такими немедленными и драматичными, как в Германии. Но уничтожение мелких правительств было таким же безжалостным, как и на севере; идеи, которые распространялись в рядах Бонапарта, нашли по крайней мере значительное меньшинство разумных поклонников среди захваченных; и итальянское единство, хотя и завоеванное семьей, которой он боялся и которой злоупотреблял, несомненно, обязано своим существованием не только эпохе Наполеона, но и идеям, которые он распространял, и усилиям по практическому воплощению, которые он предпринял. Что касается Австро-Венгрии, то новая историческая эпоха, которая делает ее по существу империей нижнего Дуная, берет свое начало со времен и влияния Наполеона. Ослабление ее влияния на Италию перебросило ее через Адриатику для территориальной экспансии, необходимой для ее положения великой державы. Ее миссией было моральное влияние на спасение некоторых из самых прекрасных земель Балканского полуострова от разорения и анархии. Простая близость является мощным фактором; буйство австрийского местного патриотизма стало семенем здорового недовольства среди христианского населения Турции, первое пробуждение которого произошло в значительной степени благодаря эмиссарам, посланным Наполеоном, чтобы разжечь огонь в сердцах угнетенных и страдающих подданных этой обезумевшей страны. Сербия - один из примеров этого; и в некотором смысле национальное пробуждение Греции началось с подобных надежд.

Поразительная магия его имени в Соединенных Штатах отчасти объясняется качеством американского ума, которое делает его обладателя страстным и без разбора почитающим величие в любой форме. Американцы больше французы, чем французы в своем восхищении властью. Но, в конце концов, это не главная причина их интереса к Наполеону. Они, по

крайней мере, смутно, осведомлены о некоторых фактах, которые определили их историю и сделали их независимой нацией; хотя они уже были изложены и обсуждались, нам можно простить повторение их в этой связи. Их первая война за независимость сделала их зависимыми от метрополии как в промышленном, так и в коммерческом плане. Именно Наполеон безжалостно, хотя и хитро и косвенно, втянул их во вторую войну с Великобританией, из которой они вышли с некоторой славой и некоторым чувством поражения, но, в конце концов, с огромным и постоянным приобретением абсолютной коммерческой независимости. Во-вторых, их покупка Луизианы, хотя и была понята на данный момент лишь немногими, произвела революцию в их национальной системе как внутри, так и за ее пределами. Этот важный шаг разрушил буквальное толкование конституции, до сих пор порабощавшее скопление раздражающих друг друга маленьких государств словесности, потому что, несмотря на очевидную благотворность и необходимость, она могла быть оправдана перед законом только апелляцией к духу, а не к букве. С тех пор американцы неуклонно расширяют свой конституционный закон путем толкования, и очевидная робость с внесением поправок, которую они демонстрируют, объясняется просто отсутствием необходимости в пересмотре до тех пор, пока продолжается расширение путем толкования. Но, безусловно, не менее важным было также смещение в результате приобретения этой обширной территории того, что можно назвать национальным центром притяжения. До тех пор устремления американцев были направлены в Европу; общественное мнение страны до тех пор требовало как можно более широких контактов с этим континентом, совместимых со свободой от политической запутанности. После этого в их духе произошла перемена: их собственный континент был открыт для их энергии. На протяжении двух поколений их история была связана с исследованиями, механическими изобретениями и решением великой проблемы предотвращения распространения рабства, соответствующего расширению территории. Но, тем не менее, неуклонно и энергично распространялись две взаимосвязанные концепции: пренебрежение Европой с целью расширения и ассимиляции своих недавних приобретений; промышленная исключительность ради этого огромного внутреннего рынка, который создавали иммиграция, расселение и формирование новых государств содружества не у парадных дверей, а в тылу государств, простиравшихся вдоль Атлантики. Это привело к временному "развороту" нации; и только теперь, когда награда в виде материального величия и территориального единства была обеспечена, народ снова поворачивается лицом к восходящему солнцу, чтобы получить от старых земель все, что имеет отношение к его собственной цивилизации, и, по возможности, ассимилировать эти приобретения для реализации своих собственных идеалов морального величия.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

При создании этой книги у меня был доступ к следующим оригинальным источникам:

I. Неопубликованные документы: *a*, документы Министерства иностранных дел Франции за годы жизни Наполеона, в том числе из "Фондов Наполеона". *b*, Неопубликованная переписка Наполеона, хранящаяся во французском военном министерстве, включая "Тома Ружа" и "Досье Императора". Это, по крайней мере, такая же объемная переписка, как и опубликованная, но представляет личный и технический, а не политический интерес. Я также консультировался в архивах Генерального штаба в том же здании относительно

многих событий, связанных с карьерой Наполеона. *c*, Документы юности Наполеона, известные как документы Эшбернхэма, но ныне принадлежащие итальянскому правительству и хранящиеся в библиотеке Лаврентия во Флоренции. С тех пор, как я ими воспользовался, они были опубликованы Массоном и Бьяджи, но редакторы исправили текст до степени, которая в наши дни не считается научной. *d*, Депеши американских дипломатов, проживавших за границей в период карьеры Наполеона. *e*, Некоторые документы из Архива в Лондоне, касающиеся капитуляции Наполеона и его жизни на острове Святой Елены. *f*, Некоторые документы Генри Бейля, содержащие характеристики Наполеона и современные анекдоты о нем. Они были переведены Жаном де Митти с зашифрованной рукописи, хранящейся в публичной библиотеке Гренобля. *g*, Значительное количество писем Наполеона, любезно предоставленных в мое распоряжение различными коллекционерами.

II. Опубликованные официальные документы. За последние несколько лет было опубликовано очень много оригинальных документов, касающихся эпохи Наполеона. Почти все важные книги основаны на архивных исследованиях, и соответствующие авторы обычно печатают определенное количество депеш или отчетов в обоснование своих выводов. Наиболее важными являются следующие коллекции: *a*, Переписка Наполеона. *b*, Официальные документы Гельветической республики. *c*, Дипломатическая переписка между Пруссией и Францией, 1795-97. *d*, депеши лорда Уитворта. *e*, Приложение Дюкасса к переписке Наполеона. *f*, Документы Генца и Шварценберга. *g*, Документы Меттерниха. *h*, Письма Наполеона Коленкуру. *i*, Письма Наполеона королю Жозефу. *j*, Письма короля Джерома, королевы Екатерины и короля Фридриха Вюртембергского. *k*, Документы Каслри, Бэнкса, Джексона и других английских государственных деятелей того времени. *l*, Дипломатическая переписка между Россией и Францией. *m*, Архив графа Воронцова. *n*, Дипломатическая переписка послов Сардинии в Санкт-Петербурге. *o*, Дипломатическая переписка министров республики и королевства Италия. *p*, Неопубликованные письма Лесестра Наполеону. Этот список можно было бы расширять почти до бесконечности, добавляя такие сборники, как "Воспоминания Дюкасса о короле Жозефе", "Письма Наполеона к Жозефине", "Переписка Эжена" и т.д. и т.п.; Но эти старые книги слишком хорошо известны, чтобы их перечислять, и, хотя они подлинные, являются лишь полуофициальными или личными публикациями.

III. Современные мемуары. Названия, приведенные в библиографии, являются, за некоторыми исключениями, наиболее ценными. Положительная, буквальная правдивость так называемых мемуаров, приписываемых Буррьену, Констану, Коленкуру, Баррасу, Фуше и Аврильону, очень слаба. Все они сделаны искусным пэчворком, и их следует читать с предельной осторожностью. На самом деле, сомнительно, имеют ли они, строго говоря, какое-либо право на имена, которые они носят, за исключением скандального послужного списка Барраса. Их отрицательная ценность заключается в том, что они показывают, как история может быть фальсифицирована в тех или иных интересах.

За четырнадцать лет, прошедших с тех пор, как книга была завершена для журнальной публикации, и двенадцать лет, прошедших с тех пор, как она была переработана до формы четырех томов, было напечатано и опубликовано большое количество того, что тогда было рукописными дневниками, мемуарами или письмами; из них в настоящем издании использовано надлежащее значение, а их названия приведены в библиографии. Автору можно простить замечание о том, что несколько важных деталей были признаны

неверными, где бы ни соглашались эксперты, и что его многочисленные критики не требовали реконструкции его характеристики в общих чертах, какими бы противоположными они ни были его изображениям или дискуссиям.

Этот список книг не претендует на полноту. По самым скромным подсчетам, существует двести тысяч названий книг, относящихся к Наполеону и его эпохе. Приведенного здесь достаточно, чтобы дать читателю полное представление о Наполеоне и его времени из лучших источников.

У. М. Слоун.

Нью-Йорк, 1 августа 1910 года.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИИ

Brière, G.; Caron, P.; et Maistre, H. Répertoire Méthodique de l'histoire moderne et contemporaine de la France. Париж, 1898 (один том. ежегодно).

Кембриджская современная история. Нью-Йорк и Лондон, 1906. Том. IX, наполеон.

Catalogue de l'Histoire de France. 15 в.

Dahlmann, E. C., and Waitz, G. Quellenkunde der deutschen Geschichte.

Фурнье, А., изд. Борн, Э. Г. Нью-Йорк, 1903.

Гардинер С. Р. и Маллинггер Дж. Б. Введение в английскую историю. Лондон, 1894.

Кирхайзен, Ф. Библиография Наполеона. Leipzig, 1902.

Kircheisen, F. Bibliographie du temps de Napoléon. Париж, Женева, Лондон, 1908.

Lumbroso, A. Saggio di una bibliografia ragionata per servire alla storia dell' epoca Napoleonica. Модена, 1894-96. Части 1-5.

ЕВРОПА

Элисон, сэр А. История Европы от начала Французской революции 1789 года до реставрации Бурбонов в 1815 году. Лондон, 1841-42. 10 т. 8^о.

Bredow, G. G. Chronik des XIX^{ten} Jahrhunderts. 2 v. Altona, 1801. Продолжение К. Вентурини. 20 в. Altona, 1809-28.

Delbrück, H. Historische u. politische Aufsätze. Берлин, 1887. 8^{часов}.

Faguet, E. Politiques et moralistes du 19e siècle. Париж, 1891. 12^{часов}.

Froidevaux, H. La politique coloniale de Napoléon Ier. In Revue des questions historiques, tom. 68, pp. 608-620. Париж, я^юр Апрель, 1901 год.

Heeren, A. H. L. Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems und seiner Colonieen. Göttingen, 1819.

Houssaye, H. 1814. 7 éd. Париж, 1888. 16^{часов}.

Уссэ, Х. 1815. Париж, 1899.

Уссей, Х. 1815. Waterloo et la Terreur Blanche. Париж, 1899.

Lavisse, E., et Rambaud, A. Histoire générale du IVme siècle à nos jours. 12 против. Париж, 1893-1901. (Т. IX, 1800-15. Библиография.)

Махан, А. Т. Влияние морской мощи на историю. Лондон, 1889. 8^{часов}.

Мэхан, А. Т. Влияние морской мощи на Французскую революцию и империю. 2. Лондон, 1893.

Montgaillard, J. G. M. Rocques de. De la France et de l'Europe sous le gouvernement de Bonaparte. Paris et Lyon, an XII (1804).

Ploto, C. v. Der Krieg des Verbündet. Europa gegen Frankreich im Jahre 1815. Берлин, 1818. 8^{часов}.

Pölitz, K. H. L. D. Europäischen Verfassungen seit d. Jahre 1789 bis auf die neueste Zeit. Mit geschichtl. Einleit. u. Erläuter. 2te neu geordn., berichtigte u. ergänzte Aufl. Leipzig, 1833. 3 v. 8°.

Rambaud, A., et Lavisse, E. Histoire générale. v. Lavisse.

Rocke, P. Die Kontinentalsperre. Наумб., 1894. 8^{часов}.

Schlegel, A. W. Über d. Continentalsystem u. d. Einfluss desselben auf Schweden. Leipzig, 1814. 8°.

Schulz, K. G. Geschichte d. Kriege in Europa seit dem Jahre 1792. Berlin, 1827-53. 15 Bände in 23 Theilen.

Sorel, A. L'Europe et la Révolution française (1789-1815). 8 v. Paris, 1885-1904.

Sorel, A. Essais historiques et critiques. Париж, 1894.

ДОГОВОРЫ

Angeberg, d'. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815, précédé et suivi des actes diplomatiques, avec intr. хист. пар М. Капефиг. Париж, 1864. 2 ст.

Barral-Montferrat, Marquis de. Dix ans de paix armée entre la France et l'Angleterre, 1783-1793. Я^{op} против Парижа, 1893. 8°.

Bowman, H. M. Die englisch-französische Friedensverhandlung (Dez., 1799, bis Jan., 1800). Leipzig, 1899.

Гарден, Г. де. Histoire générale des traités de paix et autres transactions principales entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie. Париж, 1848-59. 14 т. 8°.

Laperouse, A. Le Congrès de Châtillon. Châtillon-sur-Seine, 1865. 8°.

Leclercq, A. Recueil des traités de la France. Оубл. sous les auspices du ministre des affaires étrangères. Париж, 1864-72. 10 т. 8°.

Мартенс, Г. Ф. де. Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, etc., conclus par les puissances de l'Europe, tant entre elles qu'avec les puissances et états dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent (1801). Париж, 1791-1801. 7 v. 8°. Дополнение к 1807 году. Paris, 1802-08. 2 éd. Париж, 1817-35. 8 v. 8°. (Продолжено его племянником до настоящего времени.)

Pons, André, Comte de Rio. Известен как Понс де л'Эро. Le Congrès de Châtillon. Париж, 1825. 8^{часов}.

Weiss, J. B. von. Weltgeschichte (vols. XIX-XXII, 1795-1815). Leipzig, 1896-98.

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Bailleu, P. Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807: diplomatische Correspondenzen. Лейпциг, 1881-87. 2 т. 8°. (Опубл. под ред. К. Пройса. Staatsarchiv. Bde. 8, 29.)

Bignon, L. P. Souvenirs d'un diplomate (La Pologne, 1811-13), précédés d'une notice hist. sur la vie de l'auteur par M. Mignet. Париж, 1864.

Buchez, P. J. B. Histoire parlementaire de la Révolution française. 2 éd., révisée et entièrement remaniée par l'auteur, en collaboration avec MM. Jules Bastide, E. S. de Bois-le-Comte et Q. Ott. Париж, 1845-47. 6 ст. 12°.

Constant de Rebecque, H. B. Cours de politique const.; ou, Coll. des ouvrages publ. sur le gouvernement représentatif, avec une intr. et des notes par Éd. Лабуле. Париж, 1861. 2 т. 8°.

Du Casse, P. E. A. Histoire des négociations diplomatiques relatives aux traités de Mortfontaine, de Lunéville et d'Amiens. Париж, 1855. 3 т. 8°.

Dufraisse, M. Histoire du droit de guerre et de paix (1789-1815). Париж, 1867 год.

Fournier, A. Der Congress von Châtillon. Die Politik im Kriege von 1814. Eine historische Studie. 8°. Wien u. Prag, 1900. Темпский.

Fournier, A. Gentz u. Cobenzl. Geschichte d. österreich. Diplomatie in den Jahre 1801-05. Nach neuen Quellen. Wien, 1880. 8°.

Gardane, A. de. Mission du Gén. Gardane en Perse sous le premier Empire. Documents historiques. Париж, 1865. 8^{часов}.

Gardane, Comte G. De histoire générale des traités de paix depuis la paix de Westphalie (to 1813). 14 v. Paris, 1849-59.

Голдсмит Л. Тайная история кабинета Бонапарта. Лондон, 1810. 8^{часов}.

Греппи. Récouvertes diplomatiques sur les relations de la Sardaigne avec l'Autriche et la Russie. Париж, 1859. 8^{часов}.

Kiesselbach, W. D. Continentalsperre in ihrer Oekonomisch-Polit. Bedeutung. Ein Beitrag z. Handelsgeschichte. Stuttgart, 1850. 8°.

Kleist, Heinr. v. Politische Schriften und andere Nachträge zu seinen Werken. Mit einer Einleitung zum ersten Male herausg. von R. Kopke. Берлин, 1862. 8^{часов}.

Klinkowström, Clem. v. Aus d. alten Registratur d. Staatskanzlei. Briefe Polit. Inhalts von u. an Frdr. v. Gentz aus den Jahren 1799-1827. Wien, 1870. 8°.

Lefebvre, A. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le consulat et l'Empire. Париж, 1866-69.

Léouzon-le-Duc, L. A., Éd. Correspondance diplomatique du baron de Staël Holstein et de son successeur le baron Brinkman: documents inéd. sur la Révolution (1783-99), recueillis aux archives royales de Suède et publiés avec une introduction par L. Léouzon-le-Duc. Париж, 1881. 8^{часов}.

Maistre, J. de. Correspondance diplomatique, 1811-17. Éd. par A. Blanc. Париж, 1860. 2 т. 8°.

Masson, F. Le département des affaires étrangères pendant la Révolution (1787-1804). Париж, 1877.

Монтгайяр, Ж. Г. М. Рокес, известный как граф де. Mémoires diplomatiques 1805-1819, extraits du ministère de l'intérieur et publiés, avec une introduction et des notes, par Clément de Lacroise. Париж, 1896. 8^{часов}.

Napoléon I. Collection générale et complète de lettres, proclamations, discours, rédigée d'après le Moniteur, classée suivant l'ordre du temps 1796-1807, accompagnée de notes historiques, publiée par C. A. Fischer. Leipzig, 1808-13. 2 v. 8°.

Pingaud, L. Un agent secret sous la Révolution et l'Empire: le comte d'Antraigues. Париж, 1893. 8^{часов}.

Pozzo di Borgo, Comte. Correspondance diplomatique du Cte Pozzo di Borgo et du Cte de Nesselrode depuis la Restauration.

Pradt, D. D. de. Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812. 5 éd. rev. et corr. Париж, 1815. 8^{часов}.

Стюартон. Тайная история двора и кабинета Сен-Клу. В серии писем. Аноним. 4-е американское изд. Нью-Йорк, 1807. 12^{часов}.

Tratchefski, A. Relations diplomatiques de la Russie avec la France à l'époque de Napoléon I. Saint-Pétersbourg, 1890-93. 4 v. 8°.

Ulmann, H. Russisch-preussische Politik unter Alexander I und Friedrich Wilhelm III bis 1806, urkundlich dargestellt. 8°. Leipzig, 1899. Duncker.

Vandal, A. Négociations avec la Russie relatives au second mariage de Napoléon. В "Историческом ревью", том. 44, стр. 1-42. Париж, 1900.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Aster, K. H. D. Kriegsergebnisse zwischen Peterswalde, Pirna, Königstein u. Priesten im Aug., 1813, u. die Schlacht bei Kulm. Dresden, 1845. 8°.

Aster, K. H. Gefechte u. Schlachten bei Leipzig im October, 1813. 2. Ausg. Dresden, 1852-53. 2 Bde. 8°.

Aster, K. H. Schilderung d. Kriegsereignisse in und vor Dresden, vom 7 März bis 28 August, 1813. 2. Ausg. Leipzig, 1856. 8°.

Барраль, Жорж. L'épopée de Waterloo: narration nouvelle des cent jours et de la campagne de Belgique en 1815. Париж, 1895. 8^{часов}.

Бошан, А. де. Histoire des campagnes de 1814-15. Париж, 1815-17. 4 т. 8°.

Beauharnais, le Prince Eugène de. Mémoires et correspondance politique et militaire. Publ., annotés et mis en ordre par A. du Casse. Париж, 1858-60. 10 т. 8°.

Beiträge zur Geschichte d. Krieges von 1806-07, oder Bemerk. Berichtigungen u. Zusätze zu d. in Theile des Werkes: Geschichte d. Kriege in Europa seit d. Jahre 1792 als Folgen d. Staatsveränderung in Frankreich unter Ludwig XVI, etc. Berlin, 1834. Breslau, 1836.

Beiträge zur Geschichte d. Krieges vom Jahre 1806 u. 1807, oder Bemerk. Berichtigungen u. Zusätze zu d. in Theile des Werkes, etc. Breslau, 1836. (Содержит мемуары Огинского, Евгения фон Вюртемберга и Беннигсена.)

Beiträge zur Geschichte d. Französ.-russ. Feldzugs im Jahre 1812. Breslau, 1814. 8°.

Beiträge zur Geschichte d. Feldzüge 1814-15 in Frankreich, in besond. Beziehung auf d. Commando d. Kronprinzen v. Württemberg, herausg. v. d. Offizieren d. Würtemb. Gen. Кварт. Стаабс. Stuttgart, 1818. 3 Hefte, mit 12 Plänen.

Beiträge zur Geschichte d. Feldzüge v. 1813-14, von e. Offizier d. alliirten Armee. Берлин, 1815. 8^{часов}.

Бернейс, Гийом. Schicksale d. Гроссшерцогт. Frankfurt u. seiner Truppen. Eine kulturhistor. u. militär. Studie aus der Zeit d. Rheinbundes. Берлин, 1882. 8^{часов}.

Berthezène, P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire [1798-1815]; publ. par son fils. Париж, 1855. 2 т. 8°.

Bertin, G. La campagne de 1814, d'après des témoins oculaires. 8°. Paris, 1897. Фламарион.

Bertrand, E. Les marins de la garde (1803-1815). 8°. Paris, 1895. Боден.

Bleibtreu, K. Geschichte und Geist der europäischen Kriege unter Friedrich dem Grossen und Napoleon. Leipzig, 1893.

Borcke, J. v. Kriegerleben. 1806-15. Nach dessen Aufzeichng. медведь. von Leszczynski. Берлин, 1888. 8^{часов}.

Bourgeois, R. Relation fidèle et détaillée de la dernière campagne de Bonaparte terminée par la bataille de Mont Saint-Jean, dite de Waterloo ou de la Belle Alliance, par un témoin oculaire. Париж, 1815. 8^{часов}.

Бургоунинг, П. де. Itinéraire de Napoléon I de Smorgoni à Paris, épisode de la guerre de 1812. Premier extrait des mém. militaires et politiques inédits. Париж, 1862 год.

Bustelli, G. L'Enigma di Ligny e di Waterloo (15-18 giugno, 1815) studiato e sciolto. 3 v. 8°. Viterbo, 1897. Агнесотти.

Бутурлин. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. Париж, 1824. 2 ст. 8°. Atlas 4°.

Шабо-Арно. Histoire des flottes militaires. Париж, 1889. 8^{часов}.

Charras, J. B. A. Histoire de la campagne de 1815. Ватерлоо. Avec un atlas. 6 éd. Париж, 1869. 3 т. 8°.

Chesney, C. C. Étude de la campagne de 1815: Waterloo. Bruxelles, 1870. 8°.

Чесни, С. С. Лекции при Ватерлоо. 2-е изд. Лондон, 1869. 8^{часов}.

Chevalier, Éd. Histoire de la marine française sous le Consulat et l'Empire. Париж, 1886. 8^{часов}.

Clausewitz, C. v. Hinterlassene Werke ü. Krieg u. Kriegführung. Берлин, 1862-89. 10 v. 8°.

Colin, J. Études sur la campagne de 1796-97 en Italie. 8°. Av. carte et croquis. Париж, 1897. Бодуэн.

Colomb, E. v. Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813-15. Stuttgart, 1876. 8°.

Копре. Battaglie di S. Michele e Mondovi. Torino, 1846.

Damitz, K. von. Geschichte des Feldzugs von 1815 in den Niederlanden u. Frankreich. Берлин, 1837-38. 2 т. 8°.

Danielson, J. R. Finska kriget och Finlands krigare (1808-1809). Стокгольм, 1898 год. Вальстрем.

Danilewsky, M. Darstellung d. Feldzuges in Frankreich im Jahre 1814. In's deutsche übertr. v. C. v. Kotzebue. Рига, 1837-38. 2 Bde.

Danilewsky, M. Geschichte des Krieges im Jahre 1812. Mit 33 Plänen. Рига, 1840. 8^{часов}.

Danilewsky, M. Geschichte des Vaterland. Krieges im Jahre 1812, auf Allerhöchsten befehl des Kaisers von Russland verfasst. Aus d. Расс. übersetzt von C. R. Goldhammer. Рига, 1840. 4-Е изд.

Danilewsky, M. Relation de la campagne de 1805 (Austerlitz). Tr. du russe par le gén. L. Narischkine. Paris, 1846. 8°. 1 carte et 1 plan.

Даву, Л., принц д'Экмюль. Opérations du 3e corps, 1806-07. Rapport publié par son neveu le général Davout, duc d'Auerstädt. Париж, 1896. 8^{часов}.

Незначительный. Beiträge z. Gesch. des Feldzuges von 1806, nach Quellen des Archivs Marburg. Берлин, 1887. 8^{часов}.

De Cugnac. Campagnes de l'armée de réserve en 1800. Том. I: Пассаж Гран-Сен-Бернар. Том. II: Маренго. Av. 21 cartes et croquis. Париж, 1900-01. Шапело.

Делони. Napoléon et la défense des côtes. Extrait du "Mémorial de l'artillerie de la marine." Париж, 1895. 8^{часов}.

Denniée, Baron. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Париж, 1842. 8^{часов}.

Desbrière, E. 1793-1805. Projets et tentatives de débarquement aux îles britanniques. Av. 60 cartes et croquis. 3 v. 8°. Paris, 1901-02. Шапело.

Ditfurth, M. D. Schlacht bei Borodino am 7 Sept., 1812. Mit besond. Rücksicht auf die Theilnahme d. deutschen Reitercontingente. Marburg, 1887.

Дуази де Вилларженнес, А. Дж. Воспоминания об армейской жизни при Наполеоне Бонапарте. Кин., 1884. 12°.

Dörr, J. D. Schlacht von Hanau am 30 Oktbr., 1813. Кассель, 1851. 8^{часов}.

Doublet, P. J. L. O. Mémoires historiques sur l'invasion et l'occupation de Malte par une armée française en 1798. Опубл. pour la première fois par le comte de Panisse-Passis. Париж, 1883. 12^{часов}.

Dumas, M. Précis des événements militaires; ou, Essai historique sur les campagnes de 1799 à 1814. Париж, 1816-26. 19 т. 8°.

Durdent, R. J. Campagne de Moscou en 1812. Париж, 1814. 8^{часов}.

Duruu, A. Études d'histoire militaire sur la Révolution et l'Empire. Париж, 1888. 8^{часов}. (Первая глава - "Заговор мужчин". Мале.)

Du Teil, Bon J. Napoléon Bonaparte et les généraux du Teil (1788-94). L'École d'artillerie d'Auxonne et le siège de Toulon. Une famille militaire au XVIIIe siècle.

Eniden, F. Erinnerungen eines österreichischen Ordonnanzoffiziers aus dem Feldzuge 1812. 8°. Wien, 1898. Seidel.

Fabvier, C. N. Journal des opérations du sixième corps pendant la campagne de 1814 en France. Париж, 1819. 8^{часов}.

Fezensac, R. E. P. J. de Montesquiou, duc de. Souvenirs militaires de 1804 à 1814. 4 éd. Париж, 1870. 12^{часов}.

Foucart, P. Bautzen (une bataille de 2 jours), 20-21 mai, 1813. Париж, 1897. 8^{часов}.

Foucart, P. Campagne de Prusse (1806), d'après les archives de la guerre: Jena. Париж, 1887. 8^{часов}.

Französische Armee im Jahre 1813, ein Beitrag zur Geschichte d. Befreiungs Kriege. Берлин, 1889. 8^{часов}.

Друг граф. Vie militaire du lieutenant-général comte Friant. Париж, 1857. 8^{часов}.

Gachot, E. Histoire militaire de Masséna. Париж, 1901.

Гамот. Réfutation en ce qui concerne le M^{al} Ney de l'ouvrage ayant pour titre "Campagne de 1815 ... par le Gal Gourgaud." Париж, 1818. 8^{часов}.

Гарднер Д. Катр-Бра, Линьи, Ватерлоо: Рассказ о кампании в Бельгии, 1815. Лондон, 1882. 8^{часов}.

Gérard, E. M., Comte. Quelques documents sur la bataille de Waterloo, propres à éclairer la question portée devant le public par M. le Marquis de Grouchy. Париж, 1829. 8^{часов}.

Giraud, P. F. F. J. Campagne de Paris en 1814, précédée d'un coup d'œil sur celle de 1813; ou, Précis historique et impartial des événements depuis l'invasion de la France par les armées étrangères jusqu'à la capitulation de Paris, la déchéance et l'abdication de Buonaparte inclusivement. Париж, 1814. 8^{часов}.

Глейг Г. Р. История битвы при Ватерлоо. Нью-Йорк, 1847.

Gouvion Saint-Cyr, L., Marquis de. Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire, 1798-1813. Париж, 1831. 4 т. 8^о.

Grenier, P. Étude sur 1807 Manœuvres d'Eylau et Friedland. Av. croquis. Париж, 1901. 8^{часов}.

Ворчливый, генерал . Observations sur la relation de la campagne de 1815, pub. par le Gén. Gourgaud; et réfutation de quelques-unes des assertions d'autres écrits relatifs à la bataille de Waterloo. Париж, 1819. 8^{часов}.

Grouchy, Marquis de. Mémoires du M^{al} de Grouchy. Париж, 1873-74. 5 т. 8^о.

Guillaume, F., dit Guillaume de Vaudoncourt. Histoire des campagnes de 1814 et 1815 en France. Париж, 1826. 5 т. 8^о.

Guillon, E. Les complots militaires sous le consulat et l'empire, d'après les documents inédits des archives. 12^о. Париж, 1894 год. Plon.

Guillon, E. Nos écrivains militaires. Études de littérature et d'histoire militaire. 2e sér. Depuis la Révolution jusqu'à nos jours. 12^о. Париж. Plon.

Гамильтон, капитан Томас. Анналы кампаний на полуострове с 1808 по 1816 год. Эдинбург, 1829. 3 ст. 18^о.

Helfert. D. Schlacht bei Kulm, 1813. Wien, 1863. Gr. 8^о.

Хеллдорф. Zur Geschichte d. Schlacht bei Kulm. Aufklärung verschiedener bis jetzt unrichtig darg. Thatsachen über die Tage vom 25-30 August, 1813. Берлин, 1856. 8^{часов}.

Хеймес. Relation de la campagne de 1815, dite de Waterloo, pour servir à l'histoire du Maréchal Ney. Париж, без даты. 8^{часов}.

Histoire des sociétés secrètes de l'armée et des conspirations militaires qui ont eu pour objet la destruction du gouvernement de Bonaparte. Париж, 1815. [Аноним.]

Hofmann, G. W. v. Die Schlacht bei Borodino mit einer Uebersicht des Feldzugs von 1812. Koblenz, 1846. 8°.

Хупер Г. Ватерлоо, падение первого Наполеона. Лондон, 1890. 16^{часов}.

Höpfner, Ed. v. D. Krieg von 1806 u. 1807. Beiträge zur Geschichte d. preuss. Armee nach d. Quellen d. Kriegs-Archivs bearb. Berlin, 1850-51. 4 v. 8°. Mit Schlacht u. Gefechts Plänen u. Beilagen.

Уссей, Х. 1815. Ватерлоо. 8^{часов}. Париж, 1898. Перрен. Традиция. en allem. пара А. Остермейера. 8^{часов}. Лондон, 1900. Грант Ричардс.

Жомини, Х. де. Портативный атлас полей Ватерлоо и Линьи. Брюссель, 1851. 8^{часов}.

Жомини, Х. де. Histoire crit. et militaire des guerres de la Révolution, 1792-1803. Новый Париж, 1820-24. 15, т. 8° и следующий за ним атлас.

Жомини, Х. де. Précis politique et militaire des campagnes de 1812 à 1814, extr. des souvenirs inéd., avec une notice biog. et des cartes, plans et légendes, publ. F. Lecomte. Lausanne, 1886. 2 v. 8°.

Жомини, Х. де. Précis politique et militaire de la campagne de 1815, pour servir de supplément et de rectification à la vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même. Париж, 1839. 8^{часов}.

Jurien de la Gravière, J. B. E. Guerres maritimes sous la République et l'Empire, avec les plans des batailles navales ... et une carte du Sund ... 3e éd. Париж, без даты. 2 ст. 12°.

Koch, J. B. F. Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. Париж, 1819. 3 ст. 8°.

Krebs, L., et Morris, H. Campagnes dans les Alpes pendant la Révolution, d'après les archives des états-majors français et austro-sarde (1794-1796). 8°. Av. 2 cartes et 7 croquis. Париж, 1895 год. Plon.

Lacroix, D. Les maréchaux de Napoléon. 12°. Av. grav. Париж, 1896 год. Гарнье.

Larrey, D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. (В своих Воспоминаниях о медицине. et de chirur. военный. 4. т. 8°. Париж, 1813-18.)

La Tour d'Auvergne, E. de. Ватерлоо. Étude de la campagne de 1815. Avec cartes et plans. Париж, 1870. 8^{часов}.

Lecène, P. Les marins français, 1793-1815. Nouv. éd. Paris, 1885. 8°.

Legler, Th. Denkwürdigkeiten a. d. russischen Feldzuge vom Jahr 1812. Jahrb. des hist. Vereins des Kantons Glarus, 1868.

Leissnig, W. S. Märsche u. Kriegereignisse, Terrain Bemerkungen, u. s. w., eines Königl. Sächs. Dragoner Offiziers bei d. französ. Armee auf dem Zuge nach Moskau im Jahre 1812. I. Th. Marsch aus Lausitz, durch Polen, Preussen, Litthauen bis Moskau. Leipzig, 1828. 8°.

Непристойный. La veillée d'Jena. Étude de stratégie de combat. 8°. Paris, 1899. Шапело.

Leydolph, E. Die Schlacht bei Jena. Mit 2 Karten. 2 Aufl. 8°. Jena, 1901. Bräunlich.

Loben-Sels, E. von. Précis de la campagne de 1815 dans les Pays-Bas. La Haye, 1849. 8°.

Loir, M. Gloires et souvenirs maritimes d'après les mémoires et les récits de Baudin, Bonaparte, de l'admiral P. Bouvet, du vice-amiral Courbet, etc. 4°. Avec plans. Париж, 1900 год. Hachette.

Loir, M. Brueys à Aboukir (1er août, 1798). 8°. Paris, 1900. Шапело. Extrait de la "Revue militaire."

Loir, M. Études d'histoire maritime (Révolution; Empire; Restauration). 16°. Париж, 1901. Бержер-Левро.

Loir, M. Gloires et souvenirs maritimes. Париж, 1895. 4^{часа}.

Lossau, v. Charakteristik der Kriege Napoleons. (Mit Plänen u. Karten.) Karlsruhe, 1843-47. 3 v. 8°. Следующий атлас.

Ламброзо, Б^{на} А. La campagne de Murat en 1815. Précis militaire et politique de la campagne de J. Murat en Italie contre les Autrichiens. 8°. Paris, 1899.

Maag, A. Die Schicksale der Schweizer-Regimenter in Napoleons I Feldzug nach Russland, 1812. 8°. Biel, 1890. Kuhn. 3 Aufl. 8°. Biel, 1900. Kuhn.

Malachowski, v. Üb. die Entwicklung der Leitenden Gedanken zur ersten Campagne Bonapartes. Ein Vortrag. Berlin, 1884.

Malo, C. Champs de bataille de l'armée française (Belgique, Allemagne, Italie) (Genappe, Fleurus, Ligny, Steinkerque, Neerwinden, Malplaquet, Waterloo, Jena, Auerstädt, Eylau, Friedland, Lützen, Dresde, Leipzig, etc.). Avec illustr. 4°. Paris, 1901. Hachette.

Martinien, A. Liste des officiers généraux tués ou blessés sous le premier Empire. Париж, 1895. 8^{часов}.

Masson, F. Cavaliers de Napoléon. Париж, 1895. Fol.

Menge, A. Die Schlacht von Aspern am 21 und 22 Mai, 1809. Eine Erläuterung der Kriegsführung Napoleons I und des Erzherzogs Carl von Oesterreich. 8^{часов}. Берлин, 1900. Stilke.

Miller, M. v. Darstellung d. Feldzugs d. Französ. verbündeten Armee gegen d. Pacc. im Jahre 1812, mit besond. Rücksicht auf d. Theilnahme d. K. Württembergischen Truppen. Stuttgart, 1823. 2-Я глава. 4°.

Моррис, У. Ок. Наполеон, воин и правитель, и военное превосходство революционной Франции. Нью-Йорк, 1893. 8^{часов}.

Мадфорд У. Исторический отчет о битве при Ватерлоо. Лондон, 1817. 4^{часа}.

Müffling, A. G. v. (genannt Weiss). Stratégie napoléonienne. La campagne d'automne de 1813 et les lignes intérieures. 8°. Paris, 1897. Бодуэн.

Müffling, C. v. Geschichte d. Feldzuges d. Armee unter Wellington u. Blücher im Jahre 1815. Nebst d. Plänen d. Schlachten von Ligny, Quatre-Bras u. Красавица-Альянс. Stuttgart, 1817. 8°.

Müffling, D. Operationsplan der Preussisch-sächsischen Armee. 1806. Schlacht von Auerstädt, Rückzug bis Lübeck. Weimar, 1807. 8°.

Müffling, C. v. Histoire de la campagne de l'armée anglaise et de l'armée prussienne en 1815. Stuttgart, 1817. 8°.

Müller, P. L'Espionnage militaire sous Napoléon Ier. C. Schulmeister. 12°. Париж, 1896. Бержер-Левро.

Нейпир, сэр У. М. История войны на полуострове и юге Франции, 1807-14. Лондон, 1828 год.

Napoléon I. Correspondance avec le ministre de la marine depuis 1804 jusqu'en avril, 1815. Extrait d'un portefeuille de Ste Hélène. Париж, 1837. 2 т. 8°.

Ней, М. Л. Ф., герцог Эльхингенский. Documents inédits sur la campagne de 1815. Париж, 1840. 8^{часов}. См. также Дюмулена.

Nösfelt, F. A., und Löbell, J. W. Kriegsgeschichten aus d. Jahren 1812 u. 13, oder Darstellungen a. d. Feldzügen d. Franzosen u. verbündeten Truppen, u. s. w. mit dem Plan d. Schlacht bei Leipzig. Breslau, 1814-16. 4 v. 8°.

Оман. История войны на полуострове. Лондон, 1903. 3 ст.

Oncken, W. D. Zeitalter d. Revolution u. d. Kaiserreiches u. d. Befreiungskriege. Берлин, 1884-86. 2 т. 8°.

Паскалле, Э. Обратите внимание на биографию. sur M. le maréchal marquis de Grouchy, pair de France, avec des éclaircissements et des détails hist. sur la campagne de 1815 ... et sur la bataille de Waterloo. 2 éd. Париж, 1842. 8^{часов}.

Pelet, J. J. G. Réponse aux observations du Gén. Müffling sur la campagne de 1813. (Extrait du "Spectateur militaire.") **Pelet, J. J. G., Baron.** Des principales opérations de la campagne de 1813. Paris, 1826. 8°. (Extrait du "Spectateur militaire.")

Pelet, J. J. G. Tableau de la grande armée en sept. по восточному времени, 1813. (Extrait du "Spectateur militaire.")

Pelleport, le gén. vicomte Pierre de. Souvenirs militaires et intimes de 1793 à 1853. Publ. par son fils sur manuscrits originaux, lettres, notes et documents officiels laissés par l'auteur. Бордо, 1857. 2 ст. 8°.

Петцель. Die Operationen Napoleons von La Rothière bis Bar-sur-Aube vom 1-25 Febr., 1814. 8°. Berlin, 1900. Mittler.

Pfalz, A. Die Marchfeldschlachten von Aspern und Deutsch-Wagram im Jahre 1809. 2 Aufl. Kornenburg, 1900. Kùhkopf.

Pfister, A. Aus dem Lager der Verbùndeten, 1814 und 1815. Stuttgart und Leipzig, 1897. Deutsche Verlagsanstalt.

Picard, C. La cavalerie dans les guerres de la Révolution et de l'Empire. 2 v. 8°. Saumur, 1895-96. Милон.

Pièces diverses relatives aux opérations militaires et politiques du général Bonaparte. Париж, an VIII. 8^{часов}.

Pion des Loches, A. A. F. Mes campagnes (1792-1815). Notes et correspondance, mises en ordre et publiées par M. Chipon et L. Pingaud. Париж, 1889. 8^{часов}.

Ploto, C. v. Tagebuch während d. Krieges zwisch. Russland u. Preussen in d. Jahren 1806 u. 7. Mit 2 Plänen. Берлин, 1811. 8^{часов}.

Pönitz, C. E. Militärische Briefe eines Verstorbenen, an seine noch lebenden Freunde; historischen, wissenschaftlichen, kritischen u. humoristischen Inhalts. Zur unterhaltenden Belehrung f. Eingeweihte und Laien im Kriegswesen. Адорф, 1841-45. 5 v. 8°.

Портр, сэр Р. Кер. История. de la campagne de Russie pendant l'année 1812, contenant des détails puisés dans des sources officielles ou provenant de récits français interceptés et inconnus jusqu'à ce jour, traduit de l'anglais sur la 6e éd. M.... avec des notes. Париж, 1817. 8^{часов}.

Poyen, H. de. Les guerres des Antilles de 1793 à 1815. 8°. Av. cartes. Париж, 1896 год. Берже-Левро. Доп. du Mémorial de l'artillerie de la marine.

Quinet, E. Histoire de la campagne de 1815. Париж, 1862. 8^{часов}.

Радецкий, граф. Denkschriften militärisch-politischen Inhalts aus d. handschriftlichen Nachlass. Stuttgart, 1858.

Roloff, G. Politik und Kriegführung während des Feldzuges von 1814. 8°. Berlin, 1891. Майер.

Роупс, Дж. К. Кампания при Ватерлоо. Военная история. 2-е издание, с атласом. Нью-Йорк, 1893. 8^{часов}. Следующий атлас.

Роупс, Дж. К. Первый Наполеон. Очерк политический и военный. Бостон, 1895. 8^{часов}.

Roth v. Schreckenstein. D. Kavallerie in d. Schlacht an der Moskwa (von d. Russen Schlacht bei Borodino genannt) am 7 Sept., 1812. Nebst einigen ausführlichen Nachrichten u. d. Leistungen des 4 Kavallerie-corps unter d. Anführung d. Gen. Latour-Maubourg. Münster, 1858. 8°.

Руссель. Les maitres de la guerre. Frédéric II, Napoléon, Moltke. Essai critique, d'après des travaux inédits du Gal Bonnal. 18°. Париж, 1899 год. Montgredien.

Rousset, C. La grande armée de 1813. Париж, 1871. 8^{часов}.

Rousset, C. Les volontaires, 1791-94. Париж, 1870. 8^{часов}.

Rühle v. Lilienstern, J. J. v. Reise eines Malers mit der Armee im Jahre 1809. Rudolstadt, 1809-11. 3 v.

Rühle v. Lilienstern, Th. Jak. Bericht von Augenzeugen v. d. Feldzug im Oct., 1806. 2-Е изд. Tübingen, 1809.

Rühle v. Lilienstern, Th. Jak. Pallas: e. Zeitschr. f. Staats. u. Kriegskunst. Jahrg. 1808-10. 12 Hefte. (Битва при Ваграме.)

Rüstow, W. D. Krieg von 1805 in Deutschland u. Italien. Als Anleitung zu kriegshistorischen Studien bearb. Фраунфельд, 1853. 8^{часов}.

Сарджент, X. X. Кампания при Маренго, с комментариями. 8^{часов}. Лондон, 1897. Пол.

Сарджент, X. X. Первая кампания Наполеона Бонапарта, с комментариями. 8^{часов}. Лондон, 1895. Пол.

Саски. Campagne de 1809 en Allemagne et en Autriche. 2 v. 8°. Paris, 1899, 1900. Бержер-Левро.

Саузи. Iconographie du costume militaire de la Révolution et de 'Empire, contenant de courtes notices historiques sur plus de deux cent corps de troupes, et huit mille références à plus de cinq mille planches d'uniformes coloriés. Ав. предисловие Э. Бушо. 16°. Париж, 1901. Дюбуа.

Schleiffer, A. D. Schlacht bei Hohenlinden am 3 Dezbr., 1800, u. d. vorausgegangenen Heeresbewegungen. Nach d. besten Quellen bearb. Mit e. Legende u. color. Karte. Патенов, 1885. 8^{часов}.

Ségur, P. P. de. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. 16e éd. Париж, 1852. 2 т. 8°.

Sérurier, Baron. Mémoires militaires, mis en ordre et rédigés par son ami M. le Miere de Corvey. Avec une introduction de J. Turquan. Париж, 1894. 18^{часов}.

Сиборн У. История войны во Франции и Бельгии в 1815 году. 3-е изд. Лондон, 1848. 8^{часов}. Следующий атлас.

Smekal, G. Die Schlacht bei Aspern und Esslingen, 21 und 22 Mai, 1809. 8°. Wien, 1899. Seidel.

Soltyk, Comte R. Napoléon en 1812. Mém. hist. et militaires sur la campagne de Russie. Париж, 1836. 8^{часов}.

Souvenirs militaires. Napoléon à Waterloo, ou précis rectifié de la campagne de 1815, avec des documents nouveaux et des pièces inédites, par un ancien officier de la garde impériale qui est resté près de Napoléon pendant toute la campagne. Париж, 1866. 8^{часов}.

Stewart, C. W. V. Histoire de la guerre de 1813 et 1814 en Allemagne et en France. Париж, 1833. 8^{часов}.

Stuhr, P. F. D. drei letzten Feldzüge gegen Napoleon, Krit. historisch dargestellt. Lemgo, 1832. 8°.

Tondu-Nangis père. La bataille de Montereau (18 févr., 1814). Av. notes, etc. 16°. Montereau, 1900. Заноте.

Treuenfeld, v. D. Tage von Ligny u. Красавица-Альянс. Ханн., 1880. 8^{часов}.

Wedel, C. A. W., Graf von. Geschichte eines offiziers im Kriege gegen Russland, 1812, etc. Berlin, 1897. Ашер.

НАПОЛЕОН

А. МЕМУАРЫ

Абелл, миссис Л. Э. Б. Воспоминания императора Наполеона на острове Святой Елены. 3-е изд., преподобная ее дочери, миссис К. Джонстон. Лондон, 1873. 12^{часов}.

Allonville, Comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. Париж, 1838-45. 6 т. 8°.

Англемонт, Э. д. Le Duc d'Enghien, histoire-drame. Париж, 1832. 8^{часов}.

Arnault, A. V. Souvenirs d'un sexagénaire. Париж, 1833. 4 ст. 8°.

Одиффре-Паскье, Э. Д. Э.н., герцог де. Histoire de mon temps: Mémoires publ. par le Duc d'Audiffret-Pasquier. 5 éd. Париж, 1894. 6 т. 8°.

Одиффре-Паскье, Э. Д. Э.н., герцог де. История моего времени: Мемуары, под ред. герцога д'Ауди-Паскье, тр. К. Э. Роша. Революция, консульство, Империя. Нью-Йорк, 1893-94. 3 в. 8°.

Avrillon, Mme. Mémoires sur la vie privée de l'Imp. Joséphine, sa famille, et sa cour. Париж, 1833. 2 ст. 12°.

Barante, A. G. P. Brugière de. Études historiques et biographiques. Nouv. éd. Paris, 1858. 2 в. 18°.

Barante, A. G. P. Brugière de. Souvenirs, 1782-1866. Publ. par son petit-fils C. de Barante. Париж, 1890-95. 5 т. 8°.

Barbé-Marbois, F. de. Journal d'un déporté non jugé; ou, Déportation, en violation des lois, décrétée le 18 fructidor an V. (4 Sept., 1797). Париж, 1834. 2 т. 8°.

Баррас, П. Ф. Дж. Н., граф де. Mémoires. Паб. avec une introduction générale, des préfaces et des appendices par G. Duruy. Париж, 1895. 4 т. 8°.

Baudouin, A. Anecdotes historiques du temps de la Restauration, suivies de recherches sur l'origine de la presse, son développement, son influence sur les esprits, ses rapports avec l'opinion publique, les mesures restrictives apportées à son exercice. Париж, 1853. 12^{часов}.

Bausset, L. F. J. de. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais. 1805-14. 2 éd. Париж, 1827. 4 т. 8°.

Belliard, A. D. Mémoires (1792-1831), recueillis et mis en ordre par M. Vinet. Париж, 1842. 3 т. 8°.

Bellune, Claude Victor Perrin, duc de, pair et maréchal de France. Mémoires mis en ordre par son fils aîné, Victor St. Perrin. Париж, 1847. т. 1. (Больше не опубликовано.)

Béranger, P. J. de. Ma biographie, suivie d'un appendice. 3 éd. Париж, 1859. 12^{часов}.

Bertin, G. La campagne de 1812, d'après des témoins oculaires. Париж, 8^{часов}.

Beugnot, Comte J. C. Mémoires (1783-1815), publ. par le comte A. Beugnot, son petit-fils. 3 éd. Париж, 1889. 8^{часов}.

Bigarré, Général. Mémoires, 1775-1813. Париж, 1893. 8^{часов}.

Bonaparte, Lucien, et ses mémoires (1775-1840), ed. by T. Jung. Париж, 1882. 3 т. 8^о.

Bonaparte, Lucien. Réponse aux mémoires du général Lamarque sur les faits relatifs à 1815. Лондон, 1835. 8^{часов}.

Бурьен, Лос-Анджелес, Франция. Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. 1829.

Бройль, А. К. Л. В., герцог де. Souvenirs. 1785-1870. Париж, 1886-87. 4 т. 8^о.

Buloz, A., Éd. Bourrienne et ses erreurs volontaires et involontaires; ou, Obs. sur ses mémoires par Belliard, Gourgaud, d'Aure, de Surveilliers, Méneval, Bonacossi, d'Eckmühl, Massias, Boulay de la Meurthe, de Stein, Cambacérès. Париж, 1830. 2 ст. 8^о.

Cadoudal, S. G. de. Georges Cadoudal et la Chouannerie. Париж, 1887. 8^{часов}.

Carnot, S. H. Mémoires, par son fils. Париж, 1861-64. 2 т. 8^о.

Castellane, B. E. V. E., le Maréchal de. Journal ... 1804-62. 2 éd. Париж, 1895-97. 5 т. 8^о.

Коленкур. Souvenirs du duc de Vicence. Recueillis et publiés par Charlotte de Sor (Mme. Oilleaux-Désormeaux). 4 éd. Париж, 1837. 2 т. 8^о.

Шапталъ, Ж. А., граф де Шантелуп. Mes souvenirs sur Napoléon. Публикация А. Шапталя. Париж, 1893. 8^{часов}.

Chastenay, Mme. de. Mémoires. Publiés par Roserot. Париж, 1896.

Chateaubriand, M. le Vicomte de. Mémoires d'outre-tombe. Paris, n. d. 6 v. 8^о. (Œuvres.)

Шатобриан, Ф. А. де. Mémoires de Bonaparte. Paris, 1860. 8^о. (Œuvres, v. 3.)

Консальви, Х., кардинал. Mémoires, avec une intr. et des notes par J. Crétineau-Joly. Ces mém. опубл. pour la première fois sont enrichis du fac-simile de 8 autographes précieux. Париж, 1864. 2 т. 8^о.

Constant de Rebecque, B. Mémoires sur les Cent Jours. Париж, 1820-22. 2. т. 8^о.

Courier, P. L. Collection des lettres et articles publ. jusqu'à ce jour. Париж, 1824. 8^{часов}.

Даву. Жизнь. Графом Вижье. 2 против. Париж, 1898.

Даву Л., принц д'Экмюль. Mémoire au roi. Париж, 1814. 8^{часов}.

Dieffenbach, L. F. Karl Ludwig, Schulmeister, d. Hauptspion, Parteigänger, Polizeipräfekt u. geheimer Agent Napoleons I. Eine mit benützung zahlreicher, bisher unbekannter amtl. Aktenstücke angestellte histor. Untersuchung. Leipzig, 1879.

Du Casse, P. E. A. Le Général Arrighi de Casanova, duc de Padoue. Париж, 1866. 2 т. 8^о.

Du Casse, P. E. A. Le Général Vandamme et sa correspondance. Париж, 1870. 2 т. 8^о.

Dufort, J. N. Mémoires sur les règnes de Louis XV et Louis XVI et sur la Révolution. Опубл. avec une intr. et des notes par R. de Crèvecœur. Париж, 1886. 2 т. 8^о.

Дюма К. Воспоминания о своем времени, включая революцию, Империю и Реставрацию. Филадельфия, 1839. 2 ст. 12^о.

Дюмулен. Procès du maréchal Ney. Париж, 1815. 2 ст.

Ernouf, A. A. Le Gén. Kléber: Mayence et Vendée, Allemagne, expédition d'Égypte. 2 éd. Париж, 1870. 12^{часов}.

Ernouf, A. A. Maret, Duc de Bassano. 2 éd. Париж, 1884. 8^{часов}.

Fain, A. J. F. Manuscrit de 1812, contenant le précis des événements de cette année pour servir à l'histoire de Napoléon. Париж, 1827. 2 т. 8^о.

Fain, A. J. F. Manuscrit de 1813, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. 3 éd. Париж, 1829. 2 т. 8^о.

Фейн, А. Дж. Ф. Рукопись 1814 года: История событий, приведших к отречению Наполеона. Лондон, 1823. 8^{часов}.

Флери де Шабуллон, ПЭР, барон. Mémoires pour servir à l'hist. de la vie privée, du retour, et du règne de Napoléon en 1815. Лондон, 1820. 2 ст. 8^о.

Фуше Ф. Воспоминания о своей общественной жизни, включающие письма Наполеону, Веллингтону, Блюхеру и др. Лондон, 1818. 8^{часов}.

Gaëte, Duc de. Mémoires, souvenirs, opinions et écrits. Париж, 1826. 2 т. 8^о.

Гарат. Éloge funèbre des généraux Kléber et Desaix, prononcé le 1er vendémiaire an IX à la Place des Victoires. Париж, an IX. 8^{часов}.

Geffroy, A. Notices et extraits des manuscrits concernant l'histoire ou la littérature de France qui sont conservés dans les archives ou bibliothèques de Suède, Danemark et Norvège. Париж, 1856. 8^{часов}.

Gentz, F. de. Mémoires et lettres inédits. Publ. par G. Schlesier. Stuttgart, 1841.

Gérando, M. A. de Rathsamhausen, baronne de. Lettres, suivies de fragments d'un journal écrit par elle de 1800 à 1804. Париж, 1880. 12^{часов}.

Grouchy, Marquis de. Le M^{al} de Grouchy du 16 au 19 juin, 1815, avec documents historiques inédits et réfutation de M. Тьер. Париж, 1864. 18^{часов}.

Хобхаус, Дж. К. Письма англичанина в Париж во время последнего правления императора Наполеона I. Филадельфия, 1816. 8^{часов}.

Хоум Г. Мемуары аристократа и воспоминания об императоре Наполеоне. Лондон, 1838. 8^{часов}.

Жюно, Л. П., герцогиня д'Абрантес. Мемуары. Лондон, 1831-35. 8 т. 8^о.

Жюно, Л. П., герцогиня д'Абрантес. Mémoires; ou, Souvenirs historiques sur Napoléon et la Révolution, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. 2 éd. Париж, 1835. 12 т. 8^о.

Kotzebue, A. F. F. v. Erinnerungen aus Paris im Jahre 1804. Berlin, 1804. 2 v.

Kotzebue, A. F. F. v. Souvenirs de Paris en 1804. Традиция. история всех. avec des notes. Париж, 1805. 2 ст. 12^о.

Lafayette, G. M. de. Мемуары, переписка и рукописи. Опубл. по его семьи. Лондон, 1837. 3 т. 8^о.

Lafayette, G. M. de. Mes rapports avec le Premier Consul (1797-1805). (V. 5 of his Mémoires.)

Lamarque, M. Mémoires et souvenirs. Париж, 1835-36. 3 т. 8^о.

Ламот-Лангон, барон Э. Л. де. Mémoires et souvenirs d'une femme de qualité sur le Consulat et l'Empire. Париж, 1830. 4 ст. 8^о.

Landrieux, J. Mémoires, 1795-97, avec une intr. biog. et hist. par L. Grasilier. Tome 1er. Париж, 1893. 8^{часов}.

Larévellière-Lepeaux, L. M. Mémoires. Publ. par son fils, sur le MS. autographe de l'auteur, et suivis des pièces justificatives et de corresp. inédites. Париж, 1895. 3 т. 8^о.

Ласки, Дж. К. Описание серии медалей, выпущенных по приказу Наполеона Бонапарта. Лондон, 1818. 8^{часов}.

Lavalette, Comte de. Mémoires et souvenirs. Publ. par sa famille et sur ses manuscrits, 1789-1829. Париж, 1831. 2 т. 8^о.

Lejeune, L. F., Baron, Général. Mémoires publiés par M. G. Barst. Париж, 1895. 2 ст. 16^о.

Lemann, J. Napoléon 1er et les Israélites. La prépondérance juive. 2me partie: Son organisation (1806-1815). 8^о. Lyon, 1894, Vitte; Paris, Lecoffre.

Либри-Карруччи. Souvenirs de la jeunesse de Napoléon. Париж, 1842. 8^{часов}.

Макдональд, Э. Дж. Дж. А., герцог Тарентский. Souvenirs, avec une introduction par M. C. Rousset. Париж, 1892. 8^{часов}.

Маон, Патрис (Арт Роэ, папа Феликс). Trois Grenadiers de l'an VIII. Париж, 1897. 8^{часов}.

Maistre, J. de. Mémoires politiques et correspondance diplomatique. Avec explications et commentaires historiques, par A. Blanc. 2e éd. 1859. 8°.

Malouet, P. V. Mémoires. Publ. par son petit-fils. 2 éd. augm. de lettres inédites. Париж, 1874. 2 т. 8°.

Марбо, барон М. де. Mémoires. Париж, 1891. 3 т. 8°.

Marmont, A. F. L. Viesse de, Duc de Raguse. Mémoires. 1792-1841. Париж, 1857. 9 т. 8°.

Masséna, A., Duc de Rivoli, Prince d'Essling, Maréchal de France. Mémoires, rédigés d'après les documents qu'il a laissés et sur ceux du dépôt de la guerre et du dépôt des fortifications, par le général Koch. Париж, 1848-50. 7 в. и атлас.

Masson, F. Napoléon chez lui. Париж, 1894.

Melzi, d'Eril F., Duca di Lodi. Memoire, documenti e lettere inedite di Napoleone 1° e Beauharnais. Под ред. Г. Мельци. Милан, 1865. 2 ст. 8°.

Mémoires et souvenirs d'un pair de France, ex-membre du Sénat conservateur. Париж, 1829-30. 4 т. 8°.

Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état, sur les causes secrètes qui ont déterminé la politique des cabinets dans la guerre de la Révolution, depuis 1792 jusqu'en 1815. Paris, 1828-38. 13 в. 8°. (Par le comte A. F. d'Allonville, A. de Beauchamp et A. Schubart.)

Méneval, C. F., Baron de. Мемуары, иллюстрирующие историю Наполеона I с 1802 по 1815 год. Под ред. его внука Наполеона Жозефа де Меневаля (пер. Роберта Х. Шерарда). Нью-Йорк, 1894. 3 ст. 8°.

Миот де Мелито. Mémoires (1788-1815). 2 éd. Париж, 1873. 3 т. 8°.

Моллиен, Н. Ф., граф. Mémoires d'un ministre du trésor public, 1780-1815. Париж, 1845. 4 ст. 8°.

Montégut, E. Le Maréchal Davout, son caractère et son génie. Париж, 1882. 12^{часов}.

Muralt, C. v. Hans v. Reinhard, Bürgermeister d. Eidgenössischen Standes Zürich u. Landammann d. Schweiz. Beitrag z. Gesch. d. Schweiz während d. letzten Jahrzehnte; bearb. nach Reinhard's nachgelassenen Denkschriften, Tagebüchern u. Briefwechsel. Zürich, 1838.

Наполеон I. Мемуары по истории Франции. Хист. сборники. Лондон, 1823. 3 ст. 8°. (Продиктовано графу де Монтолону.)

Наполеон I. Мемуары по истории Франции времен правления Наполеона, продиктованные им на острове Святой Елены. Лондон, 1823-4. 4 т. 8°.

Nasica, T. Mémoires sur l'enfance et la jeunesse de Napoléon I jusqu'à l'âge de 23 ans. Paris, 1852. 8°. 2e édit., 1865. 12°.

Невиль, Дж. Г. Хайд де. Mémoires et souvenirs. Париж, 1890. 2 т. 8°.

Ней, М. Л. Ф., герцог Эльхингенский. Mémoires. Publiés par sa famille. Париж, 1833. 2 т. 8°.

Nodier, C. E. Souvenirs, Portraits, Épisodes de la Révolution et de l'Empire. 7 éd. doublée par l'adjonction de morceaux nouveaux et accompagnée de notes. Париж, 1863. 2 ст. 12°.

Nougarède de Fayet, A. Notice sur la vie et les travaux de M. le comte Bigot de Préameneu, ministre des cultes sous l'Empire, l'un des trois rédacteurs du Projet de Code Civil. Париж, 1843. 8^{часов}.

Odeleben, E. O. I., Freiherr von. Napoleon's Feldzug in Sachsen im Jahre 1813. 3 Aufl. Dresden, 1840. 8°.

Пажоль, генеральный прокурор, С^{те}. Kléber, sa vie, sa correspondance. Париж, 1877. 8^{часов}.

Pelet, J. J. G. Mém. sur la guerre de 1809 en Allemagne, avec les opérations particulières des corps d'Italie, de Pologne, de Saxe, de Naples et de Walcheren. Париж, 1824-26. 4 т. 8°.

Пейрус, Дж. Дж. Р., барон. 1809-15: Mémorial et archives de M. le Bon Peyrusse, trésorier-général de la couronne pendant les Cent Jours. Vienne, Moscou, Île d'Elbe. Каркассон, 1869. 8^{часов}.

Pontécoulant, L. G. D., Comte de. Souvenirs historiques et parlementaires, extraits de ses papiers et de sa correspondance, 1764-1848. Париж, 1861-65. 4 т. 8°.

Rapp, Gén. Mémoires des contemporains pour servir à l'histoire de la République et de l'Empire. 1ère livraison. Mémoires du gén. Рапп. Publiés par sa famille. Париж, 1823. 8^{часов}.

Récamier, Mme J. F. J. A. B. Souvenirs et correspondance tirés des papiers de Mme Récamier (par Mme Lenormant). 3e éd. Париж, 1860. 2 т. 8°.

Рекамье, Ж. Ф. Ж. А. Б. Воспоминания и переписка. Тр. и ред. И. М. Луйстера. Лондон, 1867. 12^{часов}.

Rémusat, C. E. J. G. de V. de. Mémoires, 1802-08. Publiés par Paul de Rémusat. Париж, 1880. 3 ст. 8°.

Rémusat, C. E. J. G. de V. de. Lettres, 1804-14. Publiées par Paul de Rémusat. Париж, 1881. 2 т. 8°.

Rieu, J. L. Mémoires. Genève, 1871. 18°.

Редерер, П. Л., граф. Œuvres, publ. par son fils, A. M. Roederer. Париж, 1853-59. 8 т. 4°.

Сент-Эльм, Ида. Mémoires d'une contemporaine; ou, Souvenirs d'une femme sur les principaux personnages de la République, du Consulat, de l'Empire, etc. (1792-1824). Париж, 1827-28. 8 в.

Савари, А. Ж. М. Р., герцог де Ровиго. Mémoires pour servir à l'hist. de l'Empereur Napoléon. Париж, 1828. 8 т. 8°.

Ségur, P. P., Comte de. Histoire et mémoires. Париж, 1873. 7 т. 8°.

Ségur, P. P., Comte de. Mélanges. Париж, 1873. 8^{часов}.

Staël-Holstein, Madame de. Considérations sur la Révolution française: Ouvrage posthume publ. en 1818 par M. de Broglie et M. de Staël. Nouv. éd. Paris, 1861. 2 v. 12°.

Стединк, к. Б. Н., граф де. Mémoires posthumes: rédigés sur des lettres, dépêches et autres pièces authentiques, laissées à sa famille, par le Gén. de Bjornstjerna. Париж, 1845-48. 3 т. 8°.

Talleyrand-Périgord, C. M. de, Prince de Bénévent. Extraits des Mémoires de. Recueillis et mis en ordre par Madame la comtesse O ... du C ... (le baron Lamothe-Langon), auteur des Mémoires d'une femme de qualité. Париж, 1838. 2 т. 8°.

Talleyrand-Périgord, C. M. de, Prince de Bénévent. Mémoires, publ. avec une préf. et des notes par le Duc de Broglie. Париж, 1891. 4 т. 8°.

Talleyrand-Périgord, C. M. de, Prince de Bénévent. Correspondance diplomatique: le ministère de Talleyrand sous le Directoire. Avec intr. et notes par G. Pallain. Париж, 1891. 8^{часов}.

Thibaudeau, A. C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. 2e éd. Париж, 1827. 2 т. 8°.

Thibaudeau, A. C. Mémoires sur le Consulat de 1799 à 1804, par un ancien conseiller d'état. Париж, 1827. 8^{часов}.

Тибо, П. К. Ф. А. Х. Д., барон. Mémoires, publ. sous les auspices de sa fille, Mlle C. Thiébault, d'après le MS. orig. par F. Calmettes, 1769-1813. Париж, 1893-95. 5 т. 8°.

Vauthier, G. Essai sur la vie et les œuvres de Népomucène Lemer cier. Тулон, 1886. 8^{часов}.

Villèle, Comte de. Mémoires et correspondance. Париж, 1888-90. 5 т. 8°.

Vitrolles, E. d'Arnaud, Baron de. Mémoires et relations politiques: publ. par E. Forgues, 1814-1830. Париж, 1884. 3 т. 8°.

Waldburg, G. T. v. Nouvelle relation de l'itinéraire de Napoléon de Fontainebleau à l'île d'Elbe. Традиция. de l'allemand. Париж, 1815. 8^{часов}.

Вельшингер, X. Герцог Энгиенский, 1772-1804. Париж, 1888. 8^{часов}.

Wiehr, E. Napoleon und Bernadotte in Herbstfeldzuge 1813. Берлин, 1893. 8^{часов}.

Уилсон, сэр Р. Т. Личный дневник во время кампаний 1812-14 гг.; от вторжения в Россию до взятия Парижа; под ред. X. Рэндольфа. Лондон, 1861. 2 ст.

НАПОЛЕОН

РОД. ЕГО ПЕРЕПИСКА

Даву Л., принц д'Экмюль. Correspondance: ses commandements, son ministère, 1801-1815. Avec intr. et notes par Ch. de Mazade. Париж, 1885. 4 т. 8°.

Driault, E. Napoléon à Finkenstein (avril-mai, 1807), d'après la correspondance de l'empereur, les archives du ministère des affaires étrangères, les archives nationales. In Revue d'histoire diplomatique, tom. XIII, стр. 404-462. Париж, 1899.

Du Casse, P. E. A. Supplément à la correspondance de Napoléon I: lettres curieuses omises par le comité de publication, rectifications. Париж, 1887. 12^{часов}.

Fiévée, J. Correspondance et relations avec Bonaparte. Париж, 1837. 3 т. 8°.

Fournier, A. Zur Textkritik der Korrespondenz Napoleons I. (Archiv. für Österr. Gesch., vol. 93.) Vienna.

Guillois, A. Napoléon: l'homme, le politique, l'orateur, d'après sa corresp. et ses œuvres. Париж, 1889. 2 т. 8°.

Lecestre, Léon. Lettres inédites sur Napoléon Ier (an VIII-1815). Париж, 1897. 2 т. 8°.

Le Vasseur. Commentaires de Napoléon; suivis d'un résumé des principes de stratégie du Prince Charles. Париж, 1851-52. 2 т. 8°.

Livre IX. Mémoires pour servir à l'histoire de France en 1815, avec le plan de la bataille de Mont Saint-Jean. Париж, 1820. 8^{часов}. Это "Вторая рукопись места Святой Елены". Это было приписано Наполеону и им не отвергнуто.

Marmottan, P. Bonaparte et la république de Lucques. Париж, 1896. 12^{часов}.

Mauduit, H. de. Les derniers jours de la grande armée; ou, Souvenirs, documents, et correspondance inédite de Napoléon en 1814 et 1815. 2 éd. Париж, 1847-48. 2 т. 8°.

Napoléon I. Commentaires. Париж, 1867. 6 т. 4°.

Наполеон I. Конфиденциальная переписка со своим братом Жозефом. Сел. и др. с примечаниями из "Воспоминаний короля Жозефа". Нью-Йорк, 1856. 2 ст. 12°.

Napoléon I. Correspondance. Publ. par ordre de l'Empereur Napoléon III. Париж, 1858-1870. 32 т. 8°.

Napoléon I. Correspondance militaire, extrait de la corresp. générale. Париж, 1876-77. 10 ст. 12°.

Napoléon I. Lettres à Joséphine et lettres de Joséphine à Napoléon et à sa fille. Париж, 1833. 2 т. 8°.

Napoléon I. Lettres inédites de. (An VII-1815.) Париж, 1897. 2 т. 8°.

Наполеон I. Письма Коленкуру. Опубликовано А. Вандамом в "Revue bleue", Марс—Авриль, 1895.

Наполеон I. Новые письма, опущенные в издании, опубликованы. под эгидой Наполеона III. Перевод. Леди М. Ллойд. Лондон, 1897 год. Heinemann.

Napoléon I. Œuvres littéraires. Publ. d'après les originaux et les meilleurs textes, avec une intr., des notes historiques et littéraires et un index par T. Martel. Париж, 1888. 4 ст. 12°.

Napoléon I. Œuvres litt. et politiques. Nouvelle éd. (Ed. par P. Lacroix.) Paris, 1840. 18°.

Napoléon I. Recueil, par ordre chronologique, de ses lettres, proclamations, bulletins, discours sur les matières civiles et politiques, etc., formant une histoire de son règne, écrite par lui-même et accompagnée de notes historiques par M. Kermoyan. Париж, 1853-1865. 4 т. 12°.

Наполеон I. Отрывок из его писем и депеш. С пояснениями. примечания Д. А. Бингхэма. Лондон, 1884. 3 т. 8°.

Napoléon I. Opinions sur divers sujets de politique et d'administration recueillies par un membre de son conseil d'état (Bon Pelet) et récit de quelques événements de l'époque. Париж, 1833. 8^{часов}.

Pelet de la Lozère, J. Opinions de Napoléon sur divers sujets de politique et d'administration, recueillies par un membre de son conseil d'état et récit de quelques événements de l'époque. Париж, 1833. 8^{часов}.

Sassenay, Marquis de. Napoléon I et la fondation de la République Argentine. Jacques de Liniers et le marquis de Sassenay (1808-1810). Париж, 1892. 12^{часов}.

Talleyrand-Périgord, C. M. de, Prince de Bénévent. Correspondance avec le Premier Consul pendant la campagne de Marengo. Publiée par le Comte Boulay de la Meurthe. Extrait de la "Revue d'histoire diplomatique." Лаваль, 1892. 8^{часов}.

Talleyrand-Périgord, C. M. de, Prince de Bénévent. Lettres inédites à Napoléon (1800-1809), publ. d'après les originaux conservés aux archives des affaires étrangères. Avec une intr. et des notes par P. Bertrand. 2e éd. Париж, 1889. 8^{часов}.

НАПОЛЕОН

ОК. ЕГО СЕМЬЯ

д'Арзузон, К. Гортензия де Богарне. 12°. Париж, 1897 год. Lévy.

д'Арзузон, К. М. Луи Бонапарт. 8^{часов}. Париж, 1901. Lévy.

Aubenas, J. A. Histoire de l'Impératrice Joséphine. Париж, 1857-58. 2 т. 8°.

Beauharnais, Eugène de. Mémoires et correspondance politique et militaire. Под редакцией А. дю Касса. 10 против. Париж, 1858-60.

Becker, A. Der Plan der zweiten Heirat Napoleons. In Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung, tom. 19, pp. 92-156. Innsbruck, 1898.

Du Casse, P. E. A. Les rois frères de Napoléon I; documents inédits relatifs au premier Empire. Париж, 1883. 8^{часов}.

Дюкрест. Mémoires sur l'Impératrice Joséphine. Париж, 1828. 2 т. 8^о.

Дюран, мадам. Наполеон и Мария-Луиза (1810-14). Мемуары. Лондон, 1886. 12^{часов}.

Herisson, M., Comte de. Le cabinet noir: Louis XVII, Napoléon, Marie-Louise. 14 éd. Париж, 1887. 12^{часов}.

Ламот-Лангон, родившийся Э.Л. де. Napoléon, sa famille, ses amis, ses généraux, ses ministres et ses contemporains; ou, Soirées secrètes du Luxembourg, des Tuileries, de Saint-Cloud, de la Malmaison, de Fontainebleau, etc., par M. le ... ex-ministre de S.M. Impériale et Royale. Париж, 1840. 5 т. 8^о.

Marie-Louise. Correspondance, 1799-1847. Lettres intimes et inédites à la comtesse de Colloredo et à Mlle de Poutet, depuis 1810 comtesse de Crenneville. Париж, 1887. 18^{часов}.

Мармоттан, П. Элиза Бонапарт. 12^о. Париж, 1898. Чемпион.

Masson, F. Napoléon et sa famille. (1769-1802.) Париж, 1896. 8^{часов}.

Mémoires sur l'Impératrice Joséphine, ses contemporains, la cour de Navarre et de la Malmaison (par Mme G.D. Bochsa, nièce de Mme de Genlis). Paris, 1828. 3 v. 8^о. (Attribués par M. Delacourt à Mme Durand.)

Méneval, C.F., Baron de. Napoléon et Marie-Louise: souvenirs historiques. 2 éd., cor. et augm. Париж, 1844-45. 3 ст. 12^о.

Montesquiou, Abbé de. Le divorce de Napoléon et l'abbé de Montesquiou. Auch., 1895. 8^о.

Turquan, J. Souveraines et grandes dames. L'Impératrice Joséphine d'après les témoignages des contemporains. Париж, 1896. 16^{часов}.

Welschinger, H. Le divorce de Napoléon. Париж, 1889. 12^{часов}.

Wertheimer, E. Die Heirat der Erzherzogin Marie Louise mit Napoleon I. Wien, 1882.

НАПОЛЕОН

D. ЕГО МАРШАЛЫ И ГЕНЕРАЛЫ. СМОТРИТЕ ТАКЖЕ МЕМУАРЫ

Бертье, маршал. Жизнь генерала. Деррекаге (часть I, до 1804 года). Париж, 1894.

Bessières, Marshal. А. Рабель. Париж, 1903.

Blocqueville, A.L. d'Eckmühl. Le Maréchal Davout, Prince d'Eckmühl, raconté par les siens et par lui-même. Париж, 1879-80. 4 т. 8^о.

Даву, маршал. Correspondance (1801-05). Под редакцией К. де Мазаде. 4. Париж, 1885.

Дезэ, генерал. Ж. Десэ и Ла Фоллио. Париж, 1879.

Dumas, Général Comte M. Souvenirs (1770-1836). Под редакцией его сына. 3 т. Париж, 1839.

Goecke, R. Das Grossherzogth. Berg unter Joachim Murat, Napoleon I u. Луи Наполеон, 1806-1813. Ein Beitrag zur gesch. der französ. Fremdherrschaft auf dem rechten Rheinufer. Meist nach den Acten d. Düsseldorfer Staats-Archivs. Köln, 1877. 8°.

Ворчливый, маршал. Mémoires. Под редакцией маркиза де Груши. 5. Париж, 1873-74.

Журден, маршал. Mémoires militaires. 2 v. Paris, 1899.

Лефевр, маршал. Ж. Вирт. Париж, 1904.

Kläber, H. Leben und Thaten des französischen Generals J.B. Kléber. Dresden, 1900.

Марет, маршал. Жизнь, А. А. Эрнуф. Париж, 1891.

Moreau, J. V., Vie politique, militaire et privée du Général. А. де Бошан. Париж, 1814.

Martha-Beker, F., Comte de Mons. Études historiques sur le général Desaix. Клермон-Ферран, 1852. 8^{часов}.

НАПОЛЕОН

Е. ЕГО БИОГРАФИЯ

Эштон Дж. Английская карикатура и сатира на Наполеона I. Лондон, 1884. 2. Новое изд., 1888.

Barni, J. Napoléon I et son historien M. Тьер. Париж, 1865. 12^{часов}.

Batjin, N. Histoire de l'Empereur Napoléon Ier. Лондон, 1867. 2 т. 8°.

Baudus. Études sur Napoléon. Париж, 1841. 2 т. 8°.

Беллок, мадам Л. Суонтон. Bonaparte et les Grecs. Париж, 1826. 8^{часов}.

Beyle, H. (Stendhal, pseud.). Vie de Napoléon: fragments. 2 éd. Париж, 1877. 12^{часов}.

Böhtlingk, A. Napoléon Bonaparte: seine Jugend und sein Emporkommen (1769-1801). 2 Ausg. Leipzig, 1883. 2 v. 8°.

Bois, M. Napoléon Bonaparte, lieutenant d'artillerie à Auxonne; vie militaire et privée. 12°. Париж, 1898. Фламарион.

Бонапарт, Н. Жозеф, к. п. н., принц. Наполеон и его недоброжелатели. Тр. и изд. с биографией. набросок и заметки Р. С. де Бофорта. Лондон, 1888. 8^{часов}.

Bondois, P. Napoléon et la société de son temps (1793-1821). 8°. Paris, 1895. Алкан.

Bonnal de Ganges. La génie de Napoléon. Париж, 1896. 2 ст. 12°.

Бурьен, Л. А. Ф. де. Мемуары Наполеона Бонапарта. Изд. с предисл. и примечания Р. У. Фиппса. Нью-Йорк, 1889. 4 т. 8°.

Chalamet, A. Guerres de Napoléon, 1800-07, racontées par des témoins oculaires. Париж, 1895. 8^{часов}.

Ченнинг, У. Э. Замечания о жизни и характере Наполеона Бонапарта. Эдинбург, 1837. 16^{часов}.

Chuquet, A. La jeunesse de Napoléon. 3 v. 8°. Paris, 1897-99. Колин, И. Бриенна. II. La Révolution. III. Тулон.

Colin, J. L'Éducation militaire de Napoléon. Париж, 1900 год. Шапело.

Coquelle, P. Napoléon et l'Angleterre, 1803-15. Париж, 1904.

Костон, Ф. Г., барон де. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte, c'est-à-dire depuis sa naissance jusqu'à l'époque de son commandement-en-chef de l'armée d'Italie, avec un appendice renfermant des documents inédits ou peu connus postérieurs à cette époque. Париж, 1840. 2 ст. 8°.

Dayot, A. Napoléon raconté par l'image. Париж, 1894. 4^{часа}.

Des Armoises, O. Avant la gloire. Napoléon enfant. Napoléon et ses compatriotes. 18°. Париж, 1898 год. Librairie illustrée.

Ducéré, E. Napoléon à Bayonne. Bayonne, 1897. 8°.

Dumouriez, C. F. D. Jugement sur Bonaparte. (В своих воспоминаниях, т. 4.)

Fischer, A. Goethe und Napoleon. Eine Studie. 8°. Frauenfeld, 1899. Хубер. Aufl. mit Anhang: Weimar und Napoleon. 8°. Там же. 1900. Там же.

Fournier, A. Napoleon I. Eine Biographie. Leipzig, 1888-89. 3 v. 8°. (Das Wissen d. Gegenwart. v. 67, 71, 72.) Eng. trans. Нью-Йорк, 1903. (Библиография.)

Gadobert, B. La jeunesse de Napoléon I. De 1786 au siège de Toulon. (Relation inédite.) 12°. Париж, 1897. Шамуэль.

Gallois, Léon. Histoire de Napoléon d'après lui-même. 5e éd. Париж, 1829. 8^{часов}.

Garsou, J. Béranger et la légende napoléonienne. 8°. Bruxelles, 1897. Weissenbruch.

Garsou, J. Les créateurs de la légende napoléonienne. Barthélemy et Méry. Bruxelles, 1899.

Готье, Поль. Madame de Staël et Napoléon. Париж, 1903.

Geoffroy de Grandmaison, C. A. Napoléon et ses historiens. 12°. Париж, 1896. Перпен.

Germond de Lavigne, L. A. G. Les pamphlets de la fin de l'Empire, des Cent Jours et de la Restauration. Catalogue raisonné. Париж, 1879. 12^{часов}.

Grand-Cartaret, J. Napoléon en images. Estampes anglaises. (Портреты и карикатуры.) 4^{часа}. Всего 130 репродукций. Париж, 1895. Фирмен-Дидо.

Хэзлитт, У. Жизнь Наполеона Бонапарта. 2-е изд. Лондон, 1852. 4 т. 8^о.

Holzhausen, P. Der erste Konsul Bonaparte und seine deutschen Besucher. 8^о. Bonn, 1900. Holzhausen.

Jorissen, T. Napoléon I et le roi de Hollande, 1806-1813, d'après des documents authentiques et inédits. (Ла Хэй, М. Найгофф.) Париж, 1868. 8^{часов}.

Юнг, Т. Bonaparte et son temps (1769-1799), d'après les documents inédits. Париж, 1880-81. 3 т. 12^о.

Ланфрент. Histoire de Napoléon I. Paris, 1867-75. 5 v. 12^о.

Лоран П. М. История Наполеона. Лондон, 1840. 2 ст. 8^о.

Laurent de l'Ardèche, P. M. Histoire de l'Empereur Napoléon. Illustrée par H. Vernet. Париж, 1849. Гр. 8^о.

Lemoine, A. Napoléon Ier et les Juifs. 18^о. Париж, 1900. Файяр.

Lettow-Vorbeck, O. von. Napoleons Untergang, 1815. Berlin, 1904.

Lévy, M. Bonaparte à Valence. 8^о. Tournon, 1898. Бойер.

Lévy, A. Napoléon intime. 5 éd. Париж, 1893. 8^{часов}.

Локхарт Дж. Г. История Наполеона Бонапарта. 3-е изд. Лондон, 1835. 2 ст. 16^о.

Лумброзо, А. Наполеоновский сборник. Roma, 1895, 1896, 1897. 8^о.

Лумброзо, А. Наполеон и л'Ингильтерра. Roma, 1897. 8^о.

Maitland, Sir F. L. Relation concernant l'embarquement et le séjour de l'Empereur Napoléon à bord du *Bellérophon*. Париж, 1826. 8^{часов}.

Masson, F. Les débuts des Bonapartes. Париж, 1896. 8^{часов}.

Masson, F. Napoléon chez lui: la journée de l'Empereur aux Tuileries. Париж, 1894. 8^{часов}.

Masson, F. Napoléon et les femmes. I. L'Amour. Париж, 1894. 8^{часов}.

Masson, F. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786-93). Publiés par F. Masson et G. Biagi. Accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon (1769-93). Париж, 1895. 2 т. 8^о.

Monier, A. Une année de la vie de l'Empereur Napoléon; ou, Précis historique de tout ce qui s'est passé depuis le 1 avril, 1814, jusqu'au 21 mars, 1815 ... par A. D. B. M. 3 éd. rev. Париж, 1815. 12^{часов}.

Napoléon Ier. La République, le Consulat, l'Empire, Sainte-Hélène, d'après les peintres, les sculpteurs et les graveurs. Альбом продолговатый. Av. 80 planches et 500 gravures. Париж, 1895 год. Hachette.

Norvins, J. M. de. Histoire de Napoléon. 5 éd. Париж, 1834-36. 4 т. 8°.

Paris zur Zeit d. Kaiserkrönung. Nebst e Schilderung d. Hauptpersonen bei diesem Merkwürd. Feste u. Наполеоны Бильдн. Leipzig, 1805. 8°.

Pélissier, L. G. Le registre de l'île d'Elbe. Lettres et ordres inédits de Napoléon Ier, 28 mai, 1814,- 22 févr., 1815. 12°. Париж, 1897. Знакомство с фонтаном.

Peyre, R. Napoléon I et son temps: histoire militaire, gouvernement intérieur, lettres, sciences et arts. Париж, 1888. 4^{часа}.

Pingaud, L. Bernadotte, Napoléon et les Bourbons. Париж, 1901.

Poulet, P. La Belgique et la chute de Napoléon I. Extrait de la "Revue générale." Bruxelles, 1895. 8°.

Prentout, H. L'Île de France sous Decaen, 1803-10. 8°. Paris, 1901. Hachette.

Remacle, Cte de. Bonaparte et les Bourbons. Relations secrètes des agents de Louis XVIII à Paris sous le Consulat (1802-03). 8°. Paris, 1900. Plon.

Révérènd, Vte A. Герб премьер-империи. Titres, majorats et armoiries concédés par Napoléon Ier, 4 v. 4°. Paris, 1897. Чемпион.

Riols, J. de. Napoléon peint par lui-même, anecdotes, souvenirs, caractère, appréciations, etc. Париж, 1895. 18^{часов}.

Rocquain, F. Napoléon I et le roi Louis, d'après les documents conservés aux archives nationales. Париж, 1875. 8^{часов}.

Ролофф Г. Наполеон I. 8^{часов}. Берлин, 1900. Бонди. Колл. Vorkampfer des Jahrhunderts.

Роуз, Дж. Х. Наполеон и английская торговля. В "Английском историческом обзоре", т. VIII, стр. 704-725. Лондон, 1893.

Роуз Дж. Х. Жизнь Наполеона I, включая новые материалы из британских официальных отчетов. Лондон, 1902.

Сент-Илер, Марко. Histoire populaire, anecdotique et pittoresque de Napoléon et la grande armée. Париж, 1843. Гр. 8^{час}.

Скотт, сэр Уолтер. Жизнь Наполеона Бонапарта с предварительным обзором Французской революции. Эдинбург, 1827. 9 ст. 12°.

Скотт, сэр Уолтер. Vie de Napoléon Buonaparte, précédée d'un tableau préliminaire sur la Révolution franç. Париж, 1827. 9 т. 8°.

Сили, Дж. Р. Краткая история Наполеона I. Лондон, 1886. 8^{часов}.

Seeley, J. R. Courte histoire de Napoléon I. Trad. Париж, 1887. 18^{часов}.

Ségur, P. P. de. Geschichte Napoleons und der grossen Armee im Jahre 1812. Stuttgart, 1841. 2 v. 16°.

Sepet, M. Napoléon, son caractère, son génie, son rôle historique. Париж, 1894. 16^{часов}.

Sorel, A. Bonaparte et Hoche en 1797. Париж, 1896. 8^{часов}.

Tatistcheff, S. Alexandre I et Napoléon (1801-12), d'après leur correspondance inédite. Париж, 1891.

Thibaudeau, A. C. Histoire générale de Napoléon Bonaparte, de sa vie privée et publique, de sa carrière politique et militaire, de son administration et de son gouvernement. Париж, 1827-28. 6. т. 8°.

Vallaux, C. Les campagnes des armées françaises (1792-1815). Av. 17 cartes. 18°. Париж, 1899. Алкан.

Vandal, A. L'Avènement de Bonaparte. Париж, 1902.

Vandal, A. Napoléon et Alexandre Ier: l'alliance russe sous le premier Empire. Париж, 1893-96. 3 т. 8°.

Уэтли Р. Исторические сомнения относительно Наполеона Бонапарта. Со вступлением. Х. Морли. Нью-Йорк, без даты. 16°.

Yorck v. Wartenburg. Napoleon als Feldherr. 2 Aufl. Берлин, 1887-88. 2 т. 8°.

НАПОЛЕОН

НА ЭЛЬБЕ

Кэмпбелл, сэр Н. Наполеон при Фонтенбло и Эльбе. 1814-1815. Лондон, 1869. 8^{часов}.

Fabre, J. De Fontainebleau à l'île d'Elbe. Париж, 1887. 8^{часов}.

Foresi, E. Napoleone I all' isola dell' Elba. Флоренция.

Гурго и Монтолон. Mémoires p. s. à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité, et publ. sur le manuscrit entièrement corrigés de la main de Napoléon. 8 v. 8°. Paris, 1822-25. Дидо. Боссанж. Традиция. en allem., espagn., angl. et dan.

Helfert, J. A. Napoleon I Fahrt von Fontainebleau nach Elba, April-Mai, 1814. Mit Benützung der ämtlichen Reiseberichte des kaiserlich österreichischen Commissars Gen. Koller. Wien, 1874. 8°.

Ланселотти. Napoleon auf Elba. Dresden, 1815.

Ливи Г. Весь Наполеон "Изола д'Эльба". Милан, 1888.

Pélissier, L. G. L'Île d'Elbe au commencement du XIXe siècle. In Bulletin de la Société languedocienne de géographie, 1897.

Pellet, E. A. M. Napoléon à l'île d'Elbe: mélanges historiques. Париж, 1888. 12^{часов}.

Pichot, A. Napoléon à l'île d'Elbe: chronique des événements de 1814-15, d'après le journal du Col. Sir Neil Campbell, le journal d'un détenu et autres doc. inédits ou peu connus, pour servir à l'hist. du premier Empire et de la Restauration, accompagné d'une gravure en taille douce. Париж, 1873. 8^{часов}.

Waldburg, G. T. v., Ed. Napoleon Buonaparte's Reise von Fontainebleau nach Fréjus, vom 17 bis 29 April, 1814. Einzige rechtmässige. Ausg. Берлин, 1815. 16^{часов}.

ФРАНЦИЯ

Антиякобинский, или Еженедельный обозреватель. 1-е изд. Лондон, 1797-98. 2-е изд., 1799.

Aucos, L. Conférences sur l'administration et le droit administratif, faites à l'École des Ponts et Chaussées. 3 éd. Париж, 1885-86. 2в. 8^{часов}.

Aucos, L. Le conseil d'état avant et depuis 1789, ses transformations, ses travaux, et son personnel: Étude hist. et bibliographique. Париж, 1876. 8^{часов}.

Aulard, F. A. Le Directoire exécutif (in Rambaud et Lavis, Histoire générale, t. VIII). Париж, 1898. 8^{часов}.

Bailac, J. B. Nouvelle chronique de la ville de Bayonne, par un Bayonnais. Байонна, 1827-28. 2 ст. 8^о.

Barante, A. G. P. Brugière de. Histoire du Directoire de la République française. Париж, 1855. 3 т. 8^о.

Beiträge zur Geschichte d. Ruckzugs d. Franzosen nach d. Schlacht bei Leipzig. Leipzig, 1815. 8^о.

Bertrand, A. L'Organisation française: le gouvernement, l'administration. Париж, 1882. 12^{часов}.

Bignon, L. P. Histoire de France sous Napoléon, rédigée et terminée par A. Ernouf. Париж, 1838-50. v 14. 8^о.

Biré, E. Causeries historiques. Les historiens de la Révolution et de l'Empire. 8^о. Paris, 1897. Блуд.

Blanc, A. E. Napoléon Ier: Ses institutions civiles et administratives. Париж, 1880. 8^{часов}.

Blanc, L. Histoire de la Révolution française. Paris, 1847-62. 12 v. 8^о. Nouvelle éd. ornée de 600 gravures. Париж, 1881. 2 т. 4^о.

Bogdanowitsch, M. Geschichte d. Krieges 1814 in Frankreich u. d. Sturzes Napoleons I, nach d. zuverlässigsten Quellen. Aus d. Расс. von G. Baumgarten. Leipzig, 1866. 8^о.

Boissonnade, J. F. Critique littéraire sous le premier Empire. Публ. пер. Ф. Колинкампа. Париж, 1863. 2 т. 8°.

Bosse, R. H. B. von. Übersicht d. französischen Staatswirthschaft. Braunsch., 1806. 2-Е изд.

Boulay de la Meurthe, Comte de. Les dernières années du Duc d'Enghien. (1801-1804.) Париж, 1886. 12^{часов}.

Brunetière, F. Études critiques sur l'histoire de la littérature française. Париж, 1880-93. 5 т. 12°.

Buchez, P. B. J., et Roux-Lavergne, P. C. Histoire parlementaire de la Révolution française; ou, Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. Париж, 1833-1838. 40 т. 8°.

Шу, А. Эльзас в 1814 году. 8^{часов}. Париж, 1900. Plon.

Corréard, F. La France sous le consulat. 8°. Paris, 1899. May. Колл. Bibliothèque d'histoire militaire.

Коббетт, У. Факты и наблюдения, касающиеся мира с Бонапартом. Филадельфия, 1802. 8^{часов}.

Debidour, A. Études critiques sur la Révolution, l'Empire et la période contemporaine. 12°. Париж, 1886. Шарпантье.

Дебидор. Histoire des rapports de l'église et de l'état en France (1789-1870). Париж, 1898. Алкан.

Дрочка. L'Instruction publique en France et en Italie au XIXe siècle. 12°. Париж, 1894. Колин.

Delplace, L. La Belgique sous la domination française. 2 v. Louvain, 1896.

Des Granges, C. M. Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire (1800-14). (Thèse.) Париж, 1897 год. Hachette.

Desmarests, C. Témoignages historiques, ou quinze ans de haute police sous Napoléon. Париж, 1833. 8^{часов}.

Dontenville, J. Le Général Moreau, 1763-1813. Париж, 1899.

Duruy, A. L'Instruction publique et la Révolution. Париж, 1882. 8^{часов}.

Duvergier de Hauranne, P. Histoire de gouvernement parlementaire en France, 1814-1848; précédée d'une intr. Париж, 1857-65. 7 v. 8°.

Faber, T. Notices sur l'intérieur de la France, écrites en 1806. St.-Pétersbourg, 1807. 8°. (La paix de Tilsit arrêta la publication d'un second vol. qui devait paraître. Le premier vol. n'a pas été répandu dans le public que par une réimpression faite à Londres, dans le recueil intitulé: "Offrandes à Bonaparte par trois étrangers." 1810.)

Fauchille, P. Du blocus maritime. Париж, 1882. 8^{часов}.

Fauchille, P. La question juive en France sous le premier Empire, d'après des documents inéd. Париж, 1884. 8^{часов}.

Fauriel, C. Les derniers jours du Consulat, manuscrit inéd. Опубл. et annot. par L. Lalanne. Париж, 1885.

Фескупт. Histoire de la double-conspiration de 1800 contre le gouvernement consulaire et de la déportation qui eut lieu dans la deuxième année du Consulat; contenant des détails authentiques et curieux sur la machine infernale et les déportés. Париж. 1818. 8^{часов}.

Fiévée, J. Correspondance polit, et administrative, commencée au mois de mai, 1814. 3 v. Paris, 1815-28. 12°.

Forneron, H. Hist. générale des émigrés pendant la Révolution française. 4 éd. rev. et corr. Париж, 1884. 2 т. 8°.

Фортескью. Рукописи Дж. Б. Фортескью, эсквайра. Хранятся в Дропморе. Лондон, 1894.

Goncourt, E. et J. de. Histoire de la société française pendant le Directoire. Nouv. éd. Paris, 1892. 12°.

Gourgaud, G. Campagne de 1815, ou relation des opérations militaires qui out eu lieu en France et en Belgique pendant les Cent Jours. Париж, 1818. 8^{часов}.

Grouchy, Gén. Fragments historiques relatifs à la campagne de 1815 et à la bataille de Waterloo. Париж, 1829. 8^{часов}.

Хэмел, Э. История. des deux conspirations du Gén. Мале. Новый ред. преподобный, корр. et augm. d'une nouvelle préface. Париж, 1873. 8^{часов}.

Hahn, L. D. Unterrichtswesen in Frankreich mit einer Geschichte der Pariser Universität. Breslau, 1848. 8°.

Hélie, F. A. Les constitutions de la France. Ouvrage contenant, outre les constitutions, les principales lois relatives au culte, à la magistrature, aux élections, à la liberté de la presse, de réunion et d'association, à l'organisation des départements et des communes, avec un commentaire. Париж, 1875-79. 4 факса.

Houssaye, H. 1815, la première Restauration, le retour de l'île d'Elbe, les Cent Jours. 15 изд., откр. Париж, 1894. 12^{часов}.

Hüffer, H. Quellen zur Geschichte des Zeitalters der französischen Révolution. Leipzig, 1900. Teubner.

Julien, B. Histoire de la poésie française à l'époque impériale. Париж, 1844. 2 т. 8°.

Jullien, M. A. Entretien politique sur la situation actuelle de la France et sur les plans du nouveau gouvernement. Париж, an VIII (1800). 8^{часов}.

Labauve, E. Histoire de la chute de l'empire de Napoléon, ornée de huit plans ou cartes pour servir au récit des principales batailles livrées en 1815-16. Париж, 1820. 2 ст. 8°.

Lacombe, P. Essai d'une bibliographie des ouvrages relatifs à l'histoire religieuse de Paris pendant la révolution (1789-1802). Париж, 1884. 8^{часов}.

Лакретель, К. Дж. Д. де. Dix années d'épreuves pendant la Révolution. Париж, 1842. 8^{часов}.

Лафон, Дж. Б. Х. История. de la conjuration du Gén. Malet, avec des détails officiels sur cette affaire. 2-е изд., откp., корp. et augm. des pièces offic. des procès; recueillies à la com. военный и др. Париж, 1814.

Lamartine, A. M. L. de. Histoire de la Restauration. Париж, 1851-52. 8v. 8°.

Lamartine, A. M. L. de. История восстановления монархии во Франции. Нью-Йорк, 1851-53. 8^{часов}.

Ламот-Лангон, барон Э. Л. де. Les après-dîners de S. A. S. Cambacérès, second consul, ou révélations de plusieurs grands personnages sur l'ancien régime, le Directoire, l'Empire et la Restauration, recueillies et publiées par le b^{on} E. L. de Lamothe-Langon. Париж, 1837. 4 т. 8°.

Lanzac de Laborie, de. La domination française en Belgique, 1795-1814. Париж, 1895. 2 т. 8°.

Lavallée, J. Histoire de l'origine, du progrès et de la décadence des diverses factions qui ont agité la France depuis le 14 juillet, 1789, jusqu'à l'abdication de Napoléon. Лондон, 1816. 3 ст. 8°.

Lavisse, E., et Rambaud, A., Histoire générale du IVe siècle jusqu'à nos jours, ouvrage publié sous la direction de. Париж, 1893-97. 8 т. 8°.

Lubis, F. P. Histoire de la Restauration (1814-1830). 2e éd. Париж, 1848. 6 т. 8°.

Lubis, F. P. Résumé de l'histoire des Cent Jours. Париж, 1843. 12^{часов}.

Мэхан, А. Т. Влияние морской мощи на Французскую революцию и империю, 1793-1812. Лондон, 1893. 2 т. 8°.

Martel, Comte A. de. Historiens fantaisistes (M. Thiers). Париж, 1883. 2 ст. 18°.

Merlet, G. Tableau de la littérature française (1800-1815). Париж, 1877-84. 3v. 8°.

Meyer, Fr. J. L. Briefe aus d. Hauptstadt u. dem innern Frankreichs unt. d. Consular-regierung. Штутгарт, 1802. 2 февраля. 8^{часов}.

Монглав, Г. де. Les souvenirs d'un grognard de la vieille. Париж, 1842. 8^{часов}.

Мортимер-Терно. Histoire de la Terreur (1792-1794). Париж, 1862-1881. 8 т. 8°.

Nicolas, Ch. Les Budgets de la France depuis le commencement du XIXe siècle. Tableaux budgétaires. Париж, 1882. 4^{часа}.

Nougarède de Fayet, A. Recherches hist. sur le procès et la condamnation du Duc d'Enghien. Париж, 1844. 2 т. 8^о.

Пажоль, Си^{те}. Pajol, général en chef, par le gén. de division Cie Pajol, son fils aîné. Париж, 1874. 3 т. 8^о.

Panckoucke, P. La République considérée dans ses divers gouvernements, ou la France comme elle est après ce qu'elle a été. Essai d'observations impartiales et instructives sur les événements et les hommes pendant la Révolution. Париж, an IV (1801). 8^{часов}.

Passy, L. Frochot, préfet de la Seine. История. административный, 1789-1815. Париж, 1867. 8^{часов}.

Peuchet, J. Essai d'une statistique générale de la France. Париж. 1802. 4^о.

Pfuel, E. v. D. Rückzug der Franzosen aus Russland. Hrsg. von F. Förster. Берлин, 1867. 8^{часов}.

Picaud, A. Carnot, l'organisateur de la victoire, 1753-1823. Новый Париж, без даты. 8^{часов}.

Pisani, Abbé P. La Dalmatie de 1797 à 1815. Épisode des conquêtes napoléoniennes. Париж, 1893. Гр. 8^{час}.

Pradt, D. D. de. Récit historique sur la restauration de la royauté en France le 31 mars, 1814. Par l'auteur du "Congrès de Vienne," etc. 2e éd. Париж, 1822. 8^{часов}.

Procès instruit par la cour de justice criminelle contre Georges, Pichegru, Moreau et autres prévenus de conspiration contre la personne du Premier Consul. Париж, 1804. 8 ст. 8^о.

Rapetti, P. N. La défection de Marmont en 1814, ouvrage suivi d'un précis des jugements de Napoléon Ier sur le maréchal Marmont, d'une notice bibliog., avec extraits de tous les ouvrages publ. sur le même sujet, etc. Париж, 1858. 8^{часов}.

Regnault-Warin, J. B. J. I. P. Introduction à l'histoire de l'empire français; ou, Essai sur la monarchie de Napoléon. Париж, 1820. 2 ст. 8^о.

Rochechouart, Général Comte de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Mémoires inédits publiés par son fils. Париж, 1889. 8^{часов}.

Rocquain, F. État de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'état chargés d'une enquête sur la situation de la république, avec pièces inédites, de la fin du directoire, publiées pour la première fois et précédées d'une préface et d'une introduction. Париж, 1874. 12^{часов}.

Rodriguez, J. A. Relation historique de ce qui s'est passé à Paris à la mémorable époque de la déchéance de Napoléon Buonaparte, écrite en espagnol et traduite en français par l'auteur. Париж, 1814. 8^{часов}.

Sainte-Beuve, C. A. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire. Nouv. éd., cor. Париж, 1889. 2 ст. 12^о.

Schaeffner, W. Geschichte d. Rechtsverfassung Frankreichs. 2 Ausg. Frankfurt-am-Main, 1859. 4 v. 8°.

Schlarendorf, G. v. Napoleon u. das französische Volk unter seinem Consulate. Hrsg. von J. F. Reichardt. Germanien., 1804. 8°.

Шларендорф Г. В. Бонапарт и французский народ при его консульстве. 5 Американское изд. Нью-Йорк, 1804. 8^{часов}.

Schmidt, A. Paris pendant la Révolution, d'après les rapports de la police secrète, 1789-1800. Традиция. franç. accompagnée d'une préface par P. Viollet. Париж, 1880-90. 3 т. 8°.

Schmidt, A. Parizer Zustände während d. Revolutionszeit von 1789-1800. Йена, 1874-76. 3 в. в 1. 8°.

Schmidt, A. Tableaux de la Révolution française. Опубл. sur les papiers inédits du département de la police secrète de Paris. Leipzig, 1867-70. 3 v. 8°.

Schoelcher, V. Vie de Toussaint Louverture. Париж, 1889. 12^{часов}.

Schoell, F. Recueil de pièces officielles sur les événements qui se sont passés depuis quelques années. Париж, 1814. 4 ст. 8°.

Sorel, A. L'Europe et la Révolution française. Париж, 1893-95. 4v. 8°.

Stourm, R. Les finances de l'ancien régime et de la Révolution, origines du système financier actuel. Париж, 1885. 2 т. 8°.

Sybel, H. von. Geschichte d. revolutionszeit von 1789-1800. Neue Ausg. Stuttgart, 1882. 5 v. 8°.

Taine, H. Les origines de la France contemporaine. Париж, 1890-93. 5 т. 8°.

Talleyrand-Périgord, C. M. Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne, publiée sur les manuscrits conservés au dépôt des affaires étrangères, avec préface, éclaircissements et notes par G. Pallain. Париж, 1881. 8^{часов}.

Thibaudeau, A. C. Le Consulat et l'Empire; ou, Histoire de France et de Napoléon Bonaparte de 1789 à 1815. Париж, 1834-35. 10 т. 8°.

Thiers, A. Histoire du Consulat et de l'Empire (1799-1815). Париж, 1845-62. 20 v. 8°. Следующий атлас.

Тьер, А. История консульства и Французской империи при Наполеоне. Тр. Д. Ф. Кэмпбелла. Лондон, 1845-62. 20 v. Также Атлас, следующий за 1859 годом.

Toulongeon, F. E. Histoire de France depuis la Révolution de 1789. Париж, 1801-06. 4 т. 4°.

Vaulabelle, A. T. de. Histoire de deux restaurations jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe de jan., 1815, à oct., 1830. Nouv. éd. Paris, 1874. 11 v. 8°.

Véron, L. D. Mémoires d'un bourgeois de Paris, comprenant la fin de l'Empire, la Restauration, la Monarchie de juillet, la République jusqu'au rétablissement de l'Empire. Париж, 1856-57. 5 v. 16°.

Villemain, A. F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. Париж, 1855-56. 2 части. 8°.

Vührer, A. Histoire de la dette publique en France. Париж, 1886. 8 ст.

Уолш Р. Письмо о гении и намерениях французского правительства. Филадельфия, 1810. 8^{часов}.

Welschinger, H. La censure sous le premier Empire. Париж, 1882. 1. т. 8°.

Уильямс Х. М. Повествование о событиях, произошедших во Франции, с описанием нынешнего состояния общества и общественного мнения. 2-е изд. Лондон, 1816. 8^{часов}.

КОДЕКС

Colmet de Santerre. Le divorce de l'empereur et le code Napoléon. 8°. Paris, 1894.

Des Gilleuls, A. De l'esprit du droit public sous le Consulat et l'Empire. 8°. Paris, 1896. Пикар.

Jac, E. Bonaparte et le code civil. De l'influence personnelle exercée par le premier consul sur notre législation civile. 8°. Paris, 1898. Rousseau.

Locré de Roissy, J. G., Baron de. Procès-verbaux du conseil d'état, cont. la discussion du projet de code civil. Années IX-XII. Париж, an XII (1803-04). 5 v. 4°.

Pérouse, H. Napoléon I et les lois civiles du Consulat et de l'Empire. Париж, 1866. 8^{часов}.

Rehberg, A. W. Ueber den Code Napoleon u. dessen Einführung in Deutschland. Hannover, 1814. 8°.

Ролофф Г. Колониальная политика Наполеонов I. Карта. München, 1899. Oldenbourg, Coll. Historische Bibliothek.

Sévin, F. Étude sur les origines révolutionnaires des codes Napoléon. Nouv. éd. Paris, 1879. 8°.

Thézard, L. De l'influence des travaux de Pothier et du chancelier d'Aguesseau sur le droit civil moderne. Париж, 1866. 8^{часов}.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Адольфус Дж. История Англии от восшествия на престол до кончины короля Георга III. Лондон, 1840-45. 7 v. 8°.

Элисон, сэр А. Жизнеописания лорда Каслри и сэра Чарльза Стюарта, 2-го и 3-го маркизов Лондондерри; с летописями современных событий. Эдинбург, 1861. 3 ст. 8°.

Окленд. Дневник и переписка уильяма, лорда Окленда. Лондон, 1861. 4 т. 8°.

Биссет Р. История правления Георга III до окончания последней войны. Лондон, 1803. 6 в. 8°.

Броэм. Исторические очерки государственных деятелей, процветавших во времена Георга III. Париж, 1839 год.

Браунинг, О. Англия и Наполеон в 1803 году, депеши лорда Уитворта и других, публикуемые впервые. Лондон, 1887. 8^{часов}.

Букингем. Мемуары двора и кабинетов Георга III, написанные герцогом Бекингемом и Чандосом. Лондон, 1853-55. 4 т. 8°.

Бюргерш, лорд. (Джон Фейн, граф Уэстморленд.) Воспоминания об операциях союзных армий под командованием принца Шварценберга и маршала Блюхера, 1813-14. Лондон, 1822. 8^{часов}.

Каслри, лорд. Переписка, депеши и другие документы. Под ред. К. У. Вейна. Лондон, 1851-53. 8 т. 8°.

Шарлемонт, Джеймс, первый граф. Рукописи и переписка. Лондон, 1894. 2 т. 8°.

Кокберн, Генри. Памятники своего времени. Новое изд. Эдинбург, 1874. 16^{часов}.

Корнуоллис. Переписка, под ред. Чарльза Росса. Лондон, 1859. 3 т. 8°.

Cottin, P. Toulon et les Anglais en 1793, d'après des documents inédits. Avec 3 planches et 4 dessins. 8°. Paris, 1898. Ollendorf.

Cottin, P. L'Angleterre devant ses alliés (1793-1814): Toulon (1793), Anvers et Nimègue (1794), Quiberon (1795), Guadeloupe (1795), Égypte (1798-1800), Naples (1799), Cadix et Cabrera (1808-14). 8°. Paris, 1893. Aux bureaux de la Revue rétrospective.

Эллиот, сэр Г., граф Минто. Жизнь и письма, 1751-1806. Под ред. графини Минто. Лондон, 1874. 3 т. 8°.

Фокс, К. Дж. Мемориалы и переписка, Под ред. лорда Дж. Рассела. Лондон, 1853-57. 4 т. 8°.

Фокс, Генри Р., лорд Холланд. Зарубежные воспоминания. Под ред. его сына. Нью-Йорк, 1851. 12^{часов}.

Генри, У. События военной жизни. Лондон, 1843. 2 т. 8°.

Джексон, сэр Г. Дневники и письма от Амьенского мира до битвы при Талавере. Под ред. леди Джексон. Париж, 1872. 2 т. 8°.

Джексон, сэр Г. Архив Бата. Еще одна подборка из [его] дневников и писем 1809-16 гг. Под ред. леди Джексон. Лондон, 1873. 2 т. 8°.

Джеймс У. Военно-морская история Великобритании. Лондон, 1860. 6 ст.

Лоутон, Дж. К. Жизнь Нельсона. Лондон, 1894. 2-е изд. 1900.

Лоутон, Дж. К. Мемориал Нельсона. Нельсон и его товарищи по оружию. Лондон, 1896. 8^{часов}.

Ливерпуль, граф (Р. Б. Дженкинсон). Мемуары. Лондон, 1827.

Махан, А. Т. Жизнь Нельсона. Лондон, 1897. 2 т. 8^о.

Малмсбери, лорд. Дневники и переписка. Лондон, 1844. 4 ст. 8^о.

Мэсси. История Англии времен правления Георга III. Лондон, 1855-63. 4 т. 8^о.

Максвелл, У. Х. Жизнь герцога Веллингтона. 4-е изд. 1845. 3 т. 8^о.

Моррис, Гувернер. Дневник и письма. Нью-Йорк, 1888. 2 ст. 8^о.

Пэджет, сэр Артур. Документы Пэджета. Лондон, 1896. 2 т. 8^о.

История парламента. Тома. XXXVI и последующие. Лондон, 1803 г. и далее.

Ромилли, сэр Сэмюэл. Мемуары и переписка. Лондон, 1847. 3 т. 8^о.

Роуз Г. Дневники и переписка. Под ред. Л. В. Харкорта. Лондон, 1859. 2 т. 8^о.

Ségur, P. P. de. История экспедиции в Россию в 1812 году. Филадельфия, 1825. 8^{часов}.

Сидмут. Жизнь и переписка Генри Аддингтона, первого виконта Сидмута. Под ред. Г. Пеллю. Лондон, 1847. 3 т. 8^о.

Переписка Синклера, сэра Дж. с воспоминаниями о самых выдающихся личностях Великобритании и зарубежных стран за последние пятьдесят лет. Лондон, 1831. 2 т. 8^о.

Стенхоуп. Жизнь достопочтенного Уильяма Питта. Лондон, 1861-62. 4 т. 12^о.

Стюарт, К. У. В., первый граф Вейн и третий маркиз Лондондерри. Повествование о войне в Германии и Франции в 1813-14 гг. Лондон, 1830. 4^{часа}.

Уэлсли, А., герцог Веллингтон. Гражданская переписка и меморандумы. Лондон, 1860. 5 т. 8^о.

Уэлсли А., герцог Веллингтон. Депеши 1799-1818 гг. Новое изд. Лондон, 1837-38. 9 т. 8^о. (Тома 4-12 из сборника. Депеши.)

Уиндхэм, У. Дневник Уильяма Уиндхэма, 1784-1810. Под ред. миссис Генри Бэринг. Лондон, 1866. 8^{часов}.

Йонг, к.э. н. Жизнь и управление Робертом Бэнксом Дженкинсоном, 2-м графом Ливерпулем (1786-1820). Лондон, 1868. 3 т. 8^о.

ИТАЛИЯ

Безансене, А. де. Le Général Dommartin en Italie et en Égypte. Ordres de service. Correspondance, 1789-1799. Париж, 1880. 12^{часов}.

Botta, C. Storia d'Italia dal 1789 al 1814. Torino, 1824. 8 v.

Bouvier, F. Bonaparte en Italie (1796). 8°. Av. cartes. Париж, 1899. Серф.

Cantù, C., Ed. Corrispondenze di diplomatici della repubblica e del regno di Italia 1796-1814. Compilazione archivistica. T.1. I^o. Милан, 1884. 8^{часов}.

Кастро. Milano durante la dominazione napoleonica. Милан, 1880. 8^{часов}.

Кастро. Storia d'Italia dal 1799 al 1814. Милан, 1881. 8^{часов}.

Куанье, капитан. Les cahiers (1799-1815), publ. d'après le MS. orig. par L. Larchey. Nouv. éd., rev. et cor. Париж, 1889. 12^{часов}.

Coletta, P. Storia del reame di Napoli dal 1734 al 1825. Париж, 1835. 8^{часов}.

Coppi. Annali d'Italia dal 1750 al 1807. Рим, 1849. 8^{часов}.

Dandolo, G. La caduta della repubblica di Venezia ed i suoi ultimi cinquant'anni. Studii, storici, ed appendice. Венеция. 1855-57. 2 ст. 8°.

Дрочка. Mme de Staël et l'Italie (avec une bibliographie de l'influence française en Italie, 1796-1814). Париж, 1890.

Einsiedel, A. A. v. Die Feldzüge d. Oesterreicher in Italien im Jahre 1805. Mit 1 Schlachtplan u. 1 Karte. Weimar, 1812. 8°.

Fabry, G. Histoire de l'armée d'Italie (1796-97). De Loano à févr., 1796. 2 v. 8°. Paris, 1900. Чемпион. Том. 3. 8°. Париж, 1901. Шапло.

Gachot, E. La deuxième campagne d'Italie, 1800. 16°. Париж, 1898. Перрен.

Гаффарель, Пол. Bonaparte et les républiques italiennes 1796-1799. Париж, 1895. 8^{часов}.

Грэм, полковник Т. Депеши об итальянской кампании 1796-97 гг. Под ред. Дж. Х. Роуза. В Английском историческом обзоре, т. 14, стр. 111-124, 321-331. Лондон, 1900.

Helfert, J. A. Königin Karolina von Neapel u. Sicilien im Kampfe gegen die französische Weltherrschaft, 1790-1814. Mit Benützung von Schriftstücken des K. K. Haus-Hof-u. Staats-Archivs. Wien, 1878. 8°.

Джонстон Р. М. Наполеоновская империя в Южной Италии. 2. Лондон, 1904. (Библиография.)

Ла Фоли, Си Джей (Кораччини, псевд.) Histoire de l'administration du royaume d'Italie pendant la domination française. Париж, 1823. 8^{часов}.

Ла Фоли, Си Джей (Кораччини, *псевд.*) Storia dell'amministrazione del regno d'Italia durante il dominio francese. Лугано, 1823 год.

Liebenstein, T. E. F. v. D. Krieg Napoleons gegen Russland in d. Jahre 1812 u. 13. Frankfurt-am-Main, 1888. 2-Е изд.

Litta Biumi, A. Della Battaglia di Montenotte. Милан, 1846. 8^{часов}.

Lucchesini. Historische Entwicklung der Ursachen und Wirkungen des Rheinbundes. Aus dem Italienischen. Leipzig, 1822. 2 Thle. 8°.

Нани-Мочениго, Конте. Venezia durante la dominazione napoleonica. Venezia, 1896. 8°.

Pellet, E. A. M. Bonaparte en Toscane en 1796. Париж, 1887. 12^{часов}. (Extrait de la "Revue bleue.")

Reumont, A. v. Beiträge zur Italienischen Geschichte. Berlin, 1853-57. 6 Bde.

Rolhenburg, v. Die Schlacht bei Rivoli. Leipzig, 1845.

Romanin, F. Storia documentata di Venezia. Venezia, 1853-61. 10 v.

Sforza, G., Ed. Sull' occupazione di Massa di Lunigiana da' Francesi nel 1796, lettere d'un Giacobino. Lucca, 1880. 8°.

Trolard, E. Pélerinage aux champs de bataille français d'Italie, v. 1. De Montenotte au pont d'Arcole. v. 2, 3. De Rivoli à Marengo et à Solferino. Париж, 1893. 4 ст. 12°.

Welschinger, H. Le roi de Rome, 1811-32. Париж, 1897. 8^{часов}.

ПАПСТВО

Artaud de Montor, F. Histoire des souverains pontifes romains. Париж, 1847-49. 8 v. 12°.

Boulay de la Meurthe, Comte de, Ed. Documents sur la négociation du concordat. Париж, 1891-95. 4 т. 8°.

Chotard, H. Le pape Pie VII à Savone, d'après les minutes des lettres inéd. du gén. Berthier au prince Borghèse et d'après les mémoires inéd. de M. de Lebseltern, conseiller d'ambassade autrichien. Париж, 1887. 12^{часов}.

Geoffroy de Grandmaison. Napoléon et les cardinaux noirs, 1810-14. Париж, 1895. 16^{часов}.

Джуччи, Г. История Пио VII. Рим, 1857-64.

Haussonville, J. O. B. de Cleron d'. L'Église romaine et le premier Empire, 1800-1814; avec notes, correspondances dipl. et pièces justificatives, entièrement inédites. 3e éd. Париж, 1870. 5 т. 8°.

Mejer, O. Z. Geschichte der römisch-deutschen Frage. Росток, 1871-74. 3 тыс.

Pradt, D. D. de. Les quatre concordats; suivis de considérations sur le gouvernement de l'Église en général et sur l'Église de France en particulier depuis 1515. Париж, 1818. 3 ст. 8°.

Séché, L. Les origines du concordat. I. Pie VI et le directoire. II. Pie VII et le consulat. Париж, 1894. 2 т. 8°.

Тейнер, А. История. des deux concordats de la république française et de la république cisalpine conclus en 1801-1803 entre Napoléon Bonaparte et le Saint-Siège; suivie d'une relation de son couronnement comme empereur des Français par Pie VII, d'après des doc. inéd. extraits des archives du Vatican et de celles de France. Париж, 1869-70. 8^{часов}.

ШВЕЙЦАРИЯ

Amtliche Sammlung der Acten aus d. Zeit d. Helvetischen Republik (1798-1803) in Anschluss an d. Sammlung d. ältern. eidg. Abschiede. Hrsg. auf Anordng. d. Bundesbehörden. Беарнец. В. Дж. Стриклер. Bern, 1886-89. 3 Bde. 4°.

Luginbühl, R. Ph. Alb. Stapfer, helvetischer Minister d. Künste u. Wissenschaften (1766-1840). Ein Lebens u. Kulturbild. Базель, 1887. 8^{часов}.

Oechsli, W. Die Schweiz in den Jahren 1798 und 1799. 8°. Zürich, 1899. Шультесс.

Rutsche, P. Der Kanton Zürich zur Zeit der Helvetik (1798-1803). 8°. Zürich, 1900. Fasi.

Schweizer, P. Geschichte der Schweizerischen Neutralität.

Senfft, F. C. L., Comte de. Mémoires: organisation politique de la Suisse, 1800-1813. Leipzig, 1863. 8°.

Vulliemin, L. Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Deutsch v. J. Keller. Aarau, 1877. 8°.

Vulliemin, L. Histoire de la confédération suisse. Éd. révisée et corrigée. Lausanne, 1879. 2 v. 8°.

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Barkhausen, G. H. Tagebuch eines Rheinbund-Offiziers aus dem Feldzuge gegen Spanien und während spanischer und englischer Kriegsgefangenschaft. 1808-14. Hrsg. von seinem Enkel. 8°. Wiesbaden, 1900. Bergmann.

Baumgarten, H. Geschichte Spaniens vom Ausbruch d. französisch. Revolution bis auf unsere Tage. Leipzig, 1865-71. 3 v. 8°. (Staatengesch. d. neuesten Zeit. Бдэ. 9, 17.)

Boppe, P. La légion portugaise, 1807-13. 8°. Paris, 1897.

Boppe, P. Les Espagnols à la grande armée. Le corps de la Romana (1807-08); le régiment Joseph-Napoléon (1809-13). 8°. Paris, 1899.

Grolmann, E. v. Tagebuch eines deutschen Offizier üb. seinen Feldzug in Spanien, 1808. Генеральный секретарь ООН по правам человека. Nürnberg, 1814.

Hitzigrat, H. Hamburg und die Kontinentalsperre. 4°. Hamburg, 1900. Herold (Programm).

Жозеф-Наполеон, король Испании. Mémoires et correspondance politique et militaire, publ., annot. et mis en ordre par A. du Casse. 2 éd. Париж, 1854-55. 10 т. 8°.

Lafuente y Zamálloa, M. Historia-general de España, desde los tiempos mas remotos hasta nuestros dias. Мадрид, 1850-67. 30, т. 8°.

Мур, Дж. Повествование о кампании британской армии в Испании под командованием сэра Джона Мура. 2-е изд. Лондон, 1809. 4^{часа}.

Rehfues, P. J. Spanien nach eigener Ansicht im Jahre 1808 his auf die neueste Zeit. Frankfurt-am-Main, 1813. 4 Bde.

Саути, Р. История. войны на полуострове. Лондон, 1823-32. 3. т. 4°.

ГЕРМАНИЯ, ВКЛЮЧАЯ РОССИЮ И АВСТРИЮ

Adam, A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers, Selbstbiographie nebst e. Anh. Генеральный секретарь ООН против Х. Холланда. Stuttgart, 1886. 8°.

Baader, J. Streiflichter auf die Zeit d. tiefsten Erniedrigung Deutschlands oder die Reichsstadt Nürnberg in d. Jahren 1801-1806. Nürnberg, 1878.

Beaulieu-Marconnay, Karl Frhr. v. Karl v. Dalberg u. seine Zeit, zur Charakteristik d. Fürsten Primas. Weimar, 1879. 2 Bde. 8°.

Beer, A. Geschichte des Welthandels im XIX Jahrhunderte. Wien, 1864-84. 2 Bde.

Beer, A. Zehn Jahre österreichischer Politik, 1801-1810. Leipzig, 1877. 8°.

Beiträge zur Geschichte d. Jahres 1813, von einem höhern Offizier d. preuss. Armee. Potsdam, 1843. 2 Бдэ. mit Beilagen.

Beitzke, H. Geschichte d. deutschen Freiheitskriege in den Jahren 1813-14. 4 neu bearb. Aufl. v. P. Goldschmidt. Bremen, 1883. 2 Bde. 8°.

Blumenthal, M. Der preussische Landsturm von 1813. Auf archivalischen Grundlagen dargestellt. 8°. Berlin, 1900. Schröder.

Bockenheimer, C. E. Erinnerungen an die Geschichte d. Stadt Mainz in d. Jahren 1813 u. 14. Mainz, 1863. 8°.

Bogdanowitsch, M. Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812, nach den zuverlässigsten Quellen. Aus d. Russ. v. G. Baumgarten. Leipzig, 1862-63. 3 Bde. 8°.

Böhtlingk, A. Napoleon Bonaparte u. d. Rastatter Gesandtenmord: ein Wort an meine Herren Kritiker. Leipzig, 1883. 8°.

Bouvier, F. Les premiers combats de 1814. Prologue de la campagne de France dans les Vosges. Париж, 1895. 8^{часов}.

Boyen, H. V. Erinnerungen aus dem Leben d. Gen. Feldmarschalls H. v. B. aus seinen Nachlass im Auftrage d. Familie, hrsg. v. F. Nippold. 3 Тлэ. Leipzig, 1889-90. 8^о.

Brandt, Heinrich. Aus dem Leben des Generals der Infanterie von Brandt, 2te Auflage. 3 Тлэ. Berlin, 1870-82.

Бюргерш, лорд. Memoiren üb. d. Operationen d. verbündeten Heere unter dem Fürsten Schwarzenberg u. dem Feldmarschall Blücher während des Endes 1813 u. 1814. Aus d. Англ. von J. W. Schreiber. Берлин, 1844. 8^{часов}.

Бутурлин. Tableau de la campagne d'automne de 1813 en Allemagne. 2e ид. откр. Париж, 1818. 8^{часов}.

Cadet de Gassicourt, Ch. L. Voyage en Autriche, en Moravie et en Bavière, fait à la suite de l'armée française en 1809. Париж, 1818. 8^{часов}.

Cerini, Cl. F. X. v. D. Feldzüge d. Sachsen in d. Jahre 1812 u. 1813. Aus d. bewährt. Quellen gezogen u. dargestellt von e. Stabsoffizier. Dresden, 1821. 8^о.

Charras, J. B. A. Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne. Derniers jours de la retraite de Russie. Великое восстание. Armements. Diplomatie. Entrée en campagne. 2 éd. Париж, 1870. 8^{часов}.

Clair, C. André Hofer et l'insurrection du Tyrol en 1809. 3 éd. Париж, 1880. 8^{часов}.

Clausewitz, C. v. Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe. Berlin, 1888. 2 v.

Colomb, F. A. von. Aus dem Tagebuche. Streifzüge, 1813-14. Берлин, 1854. 8^{часов}.

Dahlmann, F. C. Waitz, G. Quellenkunde d. deutschen Geschichte. 5te Aufl. Quellen und Bearbeitungen der Deutschen Geschichte neu Zusammengestellt von G. Waitz. 3te Aufl. Göttingen, 1883. 8^о.

Darmstaedter, P. Das Grossherzogtum Frankfurt. Ein Kulturbild aus der Rheinbundszeit. 8^о. Frankfurt-am-Main, 1900. Бэр.

Расшифровка. Die pr.-russ. Waffenbruderschaft im Jahre 1805. Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine. 1885. Июль, октябрь, ноябрь.

Delbrück, H. Das Leben d. Feldmarschalls Grafen Neithardt v. Gneisenau. Berlin, 1882. 2 Bde. 8^о.

Droysen, J. G. D. Leben d. Feldmarschalls Grafen York v. Wartenburg. 10 Aufl. Leipzig, 1890. 2-E изд.

Duncker, M. W. Abhandlungen aus der neueren Geschichte. Leipzig, 1887. 8^о.

Eckardt, J. Yorck u. Paulucci, Aktenstücke u. Beiträge z. Geschichte d. Convention von Taurogge (18-20 Dezbr., 1812). Leipzig, 1865. 8^о.

Эггер, Джос. Geschichte Tirols von den ältesten Zeiten bis in die Neuzeit. Innsbruck, 1871-76. 3 v. 8^о.

Ernouf, A. A. Les Français en Prusse (1807-08), d'après des documents contemporains recueillis en Allemagne. Париж, 1872. 18^{часов}.

Эскойквис, Дон Хуан. Wahrhafte darstell. d. Gründe, welche den König Ferdinand VII im April d. Jahre 1808, zur Reise nach Bayonne bewogen haben. Aus d. Span, übersetzt. Wien, 1816.

Eugen, Herzog v. Württemberg. Memoiren. Frankfurt-an-der-Oder, 1862. 3 v. 8°.

Euler, C. Friedrich Ludwig Jahn; sein Leben u. Wirken. Stuttgart, 1881. 8°.

Eyssenhardt, F. Barthold Georg Niebuhr: ein biog. Versuch. Гота, 1886. 8^{часов}.

Fichte. Der geschlossene Handelstadt. Wien, 1801. 16°.

Фишер Х. Исследования наполеоновского государственного управления: Германия. Оксфорд, 1903.

Förster, F. Geschichte d. Befreiungskriege, 1813-15. Nach Theilweise ungedruckten Quellen u. mündlichen Aufschlüssen bedeutender Zeitgenossen. Leipzig, 1856-58. 2 v. 8°.

Foucart, P. Campagne de Prusse (1806), d'après les archives de la guerre. Prenzlau-Lübeck. Париж, 1890. 8^{часов}.

Fournier, A. Historische Studien u. Skizzen. Прага, 1885. 8^{часов}.

Friccius, C. Geschichte des Krieges in den Jahren 1813 u. 1814. Mit besond. Rücksicht auf Ostpreussen u. d. Königsberg'sche Landwehrbataillon. Берлин, 1843. 8^{часов}.

Funck, K. W. F. Erinnerungen aus d. Feldzüge des Sächsischen Corps unter d. Gen. Reynier im Jahre 1812, aus Papieren d. Verstorbenen. Dresden, 1829.

Gagern, F. H. E. Mein Antheil an der Politik. I: Unter Napoleons Herrschaft. II: Nach Napoleons Fall—d. Congress zu Wien. III: D. Bundestag. Stuttgart, 1822-30.

Gentz, F. de. Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen. Nebst einem Anhang "Briefwechsel zwischen den Fürsten Schwarzenberg und Metternich." Wien, 1887. 8°.

Gentz, F. de. Tagebücher. Aus dem Nachlass Varnhagen's v. Ense. Leipzig, 1873-74. 4 v. 8°.

Gildemeister, J. K. F. Fink's u. Berger's Ermordung. Beitr. zur Charakteristik d. französ. Herrschaft in Deutschland. Bremen, 1814.

Goecke, R. D. Königr. Westphalen. 7 Jahre französ. Fremdherrschaft im Herzen Deutschlands, 1807-1813. Nach den Quellen dargestellt vollendet u. hrsg. von Th. Ilgen. Düsseldorf, 1888. 8°.

Goltz-Colmar, Frhr. v. Rossbach u. Jena: Studien üb. die Zustände u. das geistige Leben in der preuss. Armee während der Übergangszeit vom XVIII zum XIX Jahrh. Berlin, 1883.

Grolmann, E. v. Geschichte des Feldzuges von 1814 in dem östlichen u. nördlichen Frankreich bis z. Einnahme v. Paris, als Beiträge z. neueren Kriegsgeschichte. Hrsg. von Major v. Damitz. Берлин, 1842-43. 4 т. 8°.

Guretzky-Cornitz, H. v. Geschichte d. Ersten Brandenburgischen Ulanen-Regiments (Kaiser v. Russland) vom Jahre 1809-1859. Берлин, 1866. 8^{часов}.

Häusser, L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes. Berlin, 1854-57. 4 Тлэ. 2 veränderte u. vermehrte Aufl. Berlin, 1858.

Havemann, Wilh. D. Kurfürstenthum Hannover unter Zehnjähriger Fremdherrschaft, 1803-1813. Jena, 1867. 8°.

Heilmann, J. Feldmarschall Fürst Wrede. Leipzig, 1881. 8°.

Heinrich, P. Erzherzog Johann. Вена, 1901.

Helfert, J. A., Frhr. von. Zur Lösung der Rastatter Gesandtenmordfrage. Gesammelte Aufsätze. 8°. Stuttgart und Wien, 1900. Пот.

Helfert, J. A. Joachim Murat, seine letzten Kämpfe u. sein Ende. Wien, 1878. 8°.

Helfert, J. A. Maria Karolina v. Oesterreich, Königin v. Neapel u. Сицилийский. Anklagen u. Vertheidigg., mit Benützg. v. Schriftstücken d. K. K. Haus-Hof-u. Staats-Archivs. Wien, 1884. 8°.

Helfert, J. A. Maria Louisa, Erzherzogin v. Oesterreich, Kaiserin d. Franzosen. Mit Benützg. v. Briefen an ihre Ältern u. v. Schriftstücken d. K. K. Haus-Hof-u. Staats-Archivs. Прага, 1873. 8^{часов}.

Henckel von Donnersmark, W. L. V., Graf. Erinnerungen aus meinem Leben. Zerbst, 1847. 8°.

Hofmann, G. W. v. Zur Geschichte des Feldzuges von 1813. 2 neu. bearb. u. verm. Aufl. Берлин, 1843. 8^{часов}.

Hofmann, G. W. v. Zur Geschichte des Feldzuges von 1815 bis nach d. Schlacht von Belle-Alliance. Koblenz, 1849. 2 Aufl. Berlin, 1851.

Holzhausen, P. Davout in Hamburg. Ein Beitrag zur Geschichte der Jahre 1813-14. Von einem Freunde historischer Wahrheit. Deutsche Ausgabe. 8°. Mülheim a. d. Ruhr, 1892. Zeigehirt.

Hormayr, J. F. D. Heer von Innerösterreich unter den Befehlen d. Erzherzogs Johann im Kriege von 1809 in Italien, Tyrol u. Ungarn. Durchgehends aus Offiziellen Quellen, aus d. erlass. Befehlen, Operations Journalen. Leipzig, 1848. 8°.

Hormayr, H. v. Lebensbilder aus dem Befreiungskriege. Piece aus den "Politischen Predigten des Dr. Faber." Leipzig, 1844. 8°.

Horn, G. Das Buch der Königin Luise. Mit Portraits u. Illustr. nach gleichzeit. Originalen. 2 Aufl. Берл., 1884. След.

Hüffer, H. Die Politik der deutschen Mächte im Revolutionskriege bis zum Abschluss des Friedens von Campo-Formio. (Дипл. Verhandlungen a. d. Zeit d. Französisch. Rev. Bd. i.)

Hüffer, H. Oestreich u. Preussen gegenüber der Französischen Revolution bis zum Abschluss des Friedens von Campo-Formio. Vornehmlich nach ungedr. Urkunden d. Archivs in Berlin, Wien u. Paris. Bonn, 1868. 8°. (Dipl. Verhandlungen a. d. Zeit d. Französisch. Rev. Bd. i.)

Хуффер, Х. Д. Растаттер Конгресс Коалиции и. д. Цвейте. Bonn, 1878-79. 2 v. 8°. (Dipl. Verhandlungen a. d. Zeit d. Französisch. Rev. Bd. i.)

Knesebeck, E. v. Leben des Freiherrn Hugh v. Halkett, k. Hannoverischer General d. Infanterie. Stuttgart, 1865. 8°.

Koberstein, K. Preussisches Bilderbuch. Leipzig, 1887. 8°.

Krauss, Th. Geschichte d. bayerischen Heeresabtheilung im Feldzug gegen Russland, 1812. Augsburg, 1857. 8°.

Krones, R. v. Marchland, Frz. Zur Geschichte Oesterreichs im Zeitalter d. französischen Kriege u. d. Restauration, 1792-1816. Mit besond. Rücksicht auf das Berufsleben d. Staatsmannes Frhrn. Ant. v. Бальдаччи. Гота, 1886. 8^{часов}.

Ledebur, A. L. v. Erlebnisse aus den Kriegsjahren 1806-07. Ein Zeit u. Lebensbild zusammengestellt aus den hinterlassenen Papieren, etc. Nebst einigen kurzen Notizen über das Leben des Verewigten. Berlin, 1855.

Lehmann, M. Freiherr vom Stein. Тома. I и II, 1757-1808. Leipzig, 1903.

Lehmann, M. Knesebek u. Schön: Beiträge zur Gesch. d. Freiheitskriege. Leipzig, 1875. 8°.

Lettow-Vorbeck, O. v. D. Krieg v. 1806-1807. Берлин, 1891-96. 4 т. 8°.

Lombard, J. G. Matériaux pour servir à l'histoire des années 1805-07, dédiés aux Prussiens par un ancien compatriote. Париж, 1808. 12^{часов}.

Lützow, Adf. Freikorps in den Jahre 1813 u. 1814 von K. v. L. gegenüber d. in d. preuss. Jahrbücher, hrsg. v. H. v. Treitschke, auf genommenen Darstellung v. A. Koberstein. Berl., 1884. 8°.

Mallet du Pan, J. Correspondance inédite avec la cour de Vienne (1794-98), publ. d'après les MSS. conservés aux archives de Vienne par A. Michel; avec une préface de H. Taine. Париж, 1884. 2 т. 8°.

Matériaux pour servir à l'histoire de la bataille d'Austerlitz, recueillis par un militaire. Веймар, 1806. 8^{часов}. С картой поля битвы.

Meerheimb, F. v. Die Schlachten bei Bautzen am 20 u. 21 Mai, 1813. Vortrag geh. in d. militär. Gesellschaft zu Berlin am 2 Novbr., 1872. Берлин, 1873. 8^{часов}.

Metternich, C. W. N. L., Fürst v. Metternich-Winneburg. Aus nachgelassenen Papieren (1773-1859). Hrsg. von R. Metternich-Winneburg; geord. von A. v. Klinkowström. Wien, 1880-84. 8 v. in 7. 8°.

Metternich-Winneburg, R., Ed. Österreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen: ein Beitrag z. Gesch. d. Jahre 1813-15 nach Aufzeichngn. von Frdr. v. Gentz, nebst e. Anh. Briefwechsel zwischen den Fürsten Schwarzenberg u. Metternich, geordnet u. zusammengestellt von A. v. Klinkowström. Wien, 1887. 8°.

Мейер. Erinnerungen aus Hannover u. Hamburg aus den Jahren 1803-1813. Nebst einem Anhang mit Bemerkungen. Von einem Zeitgenossen. Hannover, 1843. 8°.

Mirus, R. D. Treffen bei Wartenburg am 3 Okt., 1813. Berlin, 1863.

Monckeberg, C. Hamburg unter dem Drucke d. Franzosen, 1806-1814. Хист. Denkwürdigkeiten. Hamburg, 1863. 8°.

Montgelas, Max, Graf v. Denkwürdigkeiten (1799-1817) im Auszug aus dem Französ. Original übers. von Max Frhrn. v. Freyberg-Eisenberg u. hrsg. v. Ludg. Grafen v. Montgelas. Stuttgart, 1887. 8°.

Müffling, F. C. F., Frhr. v. (sonst **Weiss** genannt). Aus meinem Leben. 2-Е издание. Берлин, 1851. 8^{часов}. Aus meinem Leben. Berlin, 1855. 2 Фел. 8°. (Ненадежно.)

Müffling, C. v. D. Preussisch-russische Campagne im Jahre 1813 bis zum Waffenstillstande. Breslau, 1813. 8°.

Müller, F. v. Erinnerungen aus den Kriegszeiten v. 1806-1813. Braunsch., 1851. 8°.

Natzmer, G. E. Aus dem Leben der Gen. Oldwig v. Natzmer: Ein Beitrag z. preuss. Geschichte. Berlin, 1876.

Naumann, R. D. Völkerschlacht bei Leipzig. Nebst Nachrichten von Zeitgenossen u. Augenzeugen über Dieselbe. Karte des Schlachtfeldes u. Плоскость d. Stadt Leipzig von 1813. Leipzig, 1863. 8°.

Нейман, Л., и Пласон, А. де. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours. Leipzig, 1855-59. 6 v. 8°. Nouvelle suite. Вена, 1877-91. 12 v. 8°.

Ompteda, F. v. Zur deutschen Gesch. in dem Jahrzehnt vor den Befreiungskriegen.

I: D. Überwältigung Hannovers durch die Franzosen. Eine hist, polit. Studie. Ганновер, 1866.

II ед. III: Politischer Nachlass des hannoverschen Staats u. Cabinet-ministers Ludw. von Ompteda aus den Jahren 1804-1813. Veröffentlicht von F. v. Ompteda. Jena, 1869.

Oncken, W. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege: urkundliche Aufschlüsse über d. politische Geschichte des Jahres 1813. Берлин, 1876-79. 2 т. 8°.

Perthes, C. T. Politische Zustände u. Personen in Deutschland z. Zeit d. franz. Herrschaft. Das südliche u. westliche Deutschland. 2 Aufl. Гота, 1863. 8^{часов}.

Pertz, G. H. D. Leben den Feldmarschalls Graf en Neithardt v. Gneisenau, 1760-1815. Schluss Bd. von H. Delbrück. Berlin, 1864-81. 5 Bde. 8°.

Pertz, G. H. D. Leben des Ministers Freiherrn von Stein, 1757-1831. Берлин, 1849-55. 6 т. 8°.

Pfister. Aus dem Lager des Rheinbundes, 1812-13. Stuttgart, 1897.

Ploto, C. v. D. Krieg in Deutschland u. Frankreich in d. Jahren 1813-15. Берл., 1817. 4-Е изд. 8°.

Pohl, J. G. v. Denkwürdigkeiten a. meinen Leben u. aus meiner Zeit. 1840.

Prokesch, A. v. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Feldmarschalls Fürsten Carl zu Schwarzenberg. Neue Ausg. Wien, 1861. 8°.

Ranke, L. von. Hardenberg u. d. Gesch. d. preussischen Staates von 1793-1813. 2 Aufl. Leipzig, 1879-81. 3 v. 8°. (Sämmt. Werke. Бдэ. 46-48.)

Reichardt, J. F. Vertraute Briefe aus Paris, geschrieben in den Jahren 1802-3. 2 Ausg. Гамбург, 1805. 3 февраля. 8^{часов}.

Reiche, L. v. Memoiren, hrsg. von L. v. Weltzien. Leipzig, 1857. 2-Е изд. 8°.

Rist, J. G. Lebenserinnerungen, herausg. von G. Poel. Gotha, 1880. 2 ТЫС.

Roos, H. U. L. v. Ein Jahr aus meinem Leben, oder Reise von den westl. Ufern d. Donau an die Nara, südl. von Moskwa u. zurück an die Beresina mit d. grossen Armee Napoleons im Jahre 1812. St. Petersburg, 1832. 8°.

Schimpff, G. v. 1813. Napoleon in Sachsen. Nach des Kaisers Korrespondenz. Dresden, 1894. 8°.

Schlitter, H. Kaiser Franz I u. die Napoleoniden vom Sturze Napoleons bis zu dessen Tode. Wien, 1888. 8°.

Schlossberger, A. v., Ed. Briefwechsel der Königin Katharina u. d. Königs Jérôme v. Westphalen, so wie d. Kaisers Napoleon I m. dem König Friedrich v. Württemberg, vom 8 Oktbr., 1801, bis 22 Dezbr., 1810. Stuttgart, 1886. 8°.

Schlossberger, A. v., Ed. Politische u. militärische Correspondenz König Friedrichs von Württemberg mit Kaiser Napoleon I. 1805-1813. Stuttgart, 1889.

Schmölzer, H. A. Hofer und seine Kampfgenossen. 8°. Innsbruck, 1900. Вагнер.

Сили, Дж. Р. Жизнь и времена Штейна, или Германия и Пруссия в эпоху Наполеона. Кембридж, 1878. 3 т. 8°.

Ségur, P. P., Comte de. Napoléon à Moscou, un passage de la Beresina. (Из Истории. de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. Комментарий А. Хемме.)

Servieres, G. L'Allemagne française sous Napoleon I. Paris, 1904.

Staps, Fr. Erschossen zu Schönbrunn bei Wien, auf Napoleons Befehl im Oktober, 1809. Eine Broch. aus d. hinterlass. Papieren seines Vaters... Берлин, 1843. 8^{часов}.

Steffens, H. Was ich erlebte. Aus d. Erinnerung niedergeschrieben. Breslau, 1840-44. 10 v. 8°.

Steffens, H. Zur Erinnerung: aus Briefen an seinen Verleger. Hrsg. v. M. Tietzen. Leipzig, 1871. 8°.

Стерн, Альфр. Abhandlungen u. Aktenstücke zur Geschichte d. preussischen Reformzeit 1807-1815. Leipzig, 1885. 8°.

Strippelmann, F. G. L. Beiträge zur Gesch. Hessen-Cassels, Hessen, Frankreich, 1791-1814. Marburg, 1877. 1 Heft. 2 Heft. Gesch. d. Napoleonschen Usurpation Kurhessens u. Achtserklärung, im Jahre 1806. Marburg, 1877.

Stutterheim, K. v. La bataille d'Austerlitz par un militaire, témoin de la journée du 2 Décembre, 1805. Гамбург, 1806. 8^{часов}. (Эта работа была переведена П. Коффином на английский язык в 1807 году.)

Stutterheim, K. v. La guerre de l'an 1809 entre l'Autriche et la France, par un officier autrichien. Вена, 1811. 8^о и атлас.

Thielen, M. F. D. Feldzug d. verbündeten Heere Europas 1814 in Frankreich unter dem Oberbefehle des K. K. Feldmarschalls Fürsten Carl zu Schwarzenberg. Wien, 1856. 8^о.

Thielen, M. v. Erinnerungen aus dem Kriegerleben eines 82 jährigen Veteranen d. Oesterreichischen Armee, mit besonderer Bezugnahme auf die Feldzüge d. Jahre 1805, 1809, 1813-15; nebst einem Anhang d. Politik Oesterreichs vom Jahre 1809-1814 betr. Wien, 1863. 8^о.

Thugut, Frhr. v. Vertrauliche Briefe. Генеральный секретарь ООН против Вивенота. Wien, 1872. 2 v. 8^о.

Thürheim, A. Ludwig, Fürst Starhemberg, Ehemaliger K. K. a. o. Gesandter an den Höfen in Haag, London u. Турин и др. Грац, 1889. 8^{часов}.

Tournon, de. Die Provinz Bayreuth unter französischer Herrschaft (1806-10). Mit Karte. Aus dem Französischen übersetzt von L. von Fahrmbacher. 12^о. Wunsiedel, 1900. Köhler.

Вивено, А. В. Тугут, Клерфайт и Вурмсер. Original-Dokumente aus dem K. K. Haus-Hof-und Staats-Archivs in Wien vom Juli, 1794, bis Februar, 1797. Wien, 1869. 8^о.

Vivenot, A. v. Zur Geschichte des Rastatter Congresses. Wien, 1871. 8^о.

Voss, Sophie Marie, Gräfin v. 69 Jahre am preussischen Hofe. Aus den Erinnergn. Leipzig, 1876.

Welden, L. v. D. Feldzug d. Oesterreicher gegen Russland im Jahre 1812. Wien, 1870.

Welden, L. F. v. D. Krieg v. 1809 zwischen Österreich u. Frankreich von Anfang Mai bis zum Friedensschlusse. Aus offiziellen Quellen. Mit e. (лит.) Übersichtskarte d. Маркфельдес (в мп. fol.). Вена, 1872.

Wertheimer, E. Geschichte Österreichs u. Ungarns im ersten Jahrzehnt d. XIX^{ten} Jahrh. Nach ungedr. Quellen. Leipzig, 1884-1890. 2 v. 8^о.

Wigger, F. Geschichte d. Familie v. Blücher. Schwerin, 1870-79. 2 Bde. 8^о.

Винкопп, П. А., Ред. Д. Рейнский мост. Frankfurt, 1806-12.

Wohlwill, A. D. Befreiung Hamburgs am 18 März, 1813. Hamburg, 1888.

Wolzogen, L. v. Memoiren, aus dessen Nachlass unter Beifügung offizieller militär. Denkschriften mitgetheilt v. A. v. Wolzogen. Leipzig, 1851. 8^о.

Wuttke, H. D. Völkerschlacht bei Leipzig. Берлин, 1863. 8^{часов}.

Ziehlberg, A. v. Ferdinande v. Schmettau. Eine Erinnerung. aus dem Jahre 1813. Dessau, 1886. 8°.

Zwiedineck-Südenhorst, H. v. Erzherzog Johann v. Österreich im Feldzüge v. 1809. Mit Benützg. der v. ihm hinterlassenen Acten u. Aufzeichngn., amtl. u. Privat-correspondenzen dargestellt. Mit 3 Plan-skizzen. Грац, 1829. 8^{часов}.

РОССИЯ И ПОЛЬША

Bernhardi, Th. v. Denkwürdigkeiten a. d. Leben des kaiserl. pacc. Generals v. d. Infanterie Carl Frdr. Grafen v. Toll. 2 verm. Aufl. Leipzig, 1865. 4 Bde.

Bernhardi, Th. v. Geschichte Russlands u. der europäisch. Politik, 1814 bis 1831. Leipzig, 1863-77. 3 v. 8°. (Staatengesch. d. neuesten Zeit. Бдэ. 7, 21, 23.)

Bloch, J. de. Les finances de la Russie au XIXe siècle. Historique et statistique. 2 т. 8°. Париж, 1900. Гийомен.

Bogdanowitsch, M. Geschichte d. Krieges im Jahre 1813 für Deutschlands Unabhängigkeit. Aus d. Pacc. mit Genehmigung d. Autors von A. S. St. Petersburg, 1863-69. 2 Bde.

Бонапарт, Луи. Documents historiques et réflexions sur le gouvernement de la Hollande. (Nouv. éd.) Париж, 1820. 3 ст. 8°.

Bourgeois, R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. Париж, 1814. 8^{часов}.

Bréaut, J., des Marlots. 1812. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie. Publiée par J. A. Léher. Париж, 1885. 18^{часов}.

Burkersroda, v. D. Sachsen in Russland: ein Beitrag z. Geschichte des russ. Feldzugs im Jahre 1812, besond. im Bezug a. d. Schicksal d. K. Sächs. Truppen-Abtheil. bei d. grossen französ. Armee. Naumburg, 1846. 8°.

Chambray, G. Histoire de l'expédition de Russie, 1812. 3 éd. Париж, 1839. 8^{часов}.

Choiseul-Gouffier, Comtesse de. Reminiscences sur l'empereur Alexandre I et sur l'empereur Napoléon I. Paris, 1862. 8°.

Чарторыйский А. Г., князь. Воспоминания и переписка с документами, относящимися к переговорам принца с Питтом, Фоксом и Броэмом, и отчет о его беседах с лордом Пальмерстоном и другими государственными деятелями Англии в Лондоне, 1832 г. Под ред. А. Гилгуда. 2-е изд. Лондон, 1888. 2 т. 8°.

Чарторыйский А. Г., князь. Mémoires et correspondance avec l'empereur Alexandre I. Préf. de Ch. de Mazade. Париж, 1887. 2 т. 8°.

Förster, F. Napoleon I russischer Feldzug, 1812. 3 Aufl. 1857.

Foucart, P. La campagne de Pologne: Pultusk et Golymin, nov., 1806,-jan., 1807, d'après les archives de la guerre. Париж, 1882. 2 ст. 12°.

Gentz, F. de. Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie, pour servir à l'histoire de la politique européenne (1813 à 1828), publiées par le comte Prokesch-Osten fils. Париж, 1876-77. 3 т. 8°.

Джордж, Х. Б. Вторжение Наполеона в Россию. Лондон, 1899. Анвин.

Гете, Thdr. Aus d. Leben eines sächsischen Husaren u. aus dessen Feldzügen, 1809, 1812-13 in Polen u. Russland. Leipzig, 1853. 8°.

Gourgaud, G. Napoléon et la grande armée en Russie, ou examen critique de l'ouvrage de M. le Comte Ph. de Ségur. 4e éd. Париж, 1827. 2 т. 8°.

Guillaume, F., dit Guillaume de Vaudoncourt. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812. London et Paris, 1816 et 1817. 4°, et un petit vol. de planches.

Хелльдорф. Aus dem Leben des kaiserlich. russischen Generals d. Infanterie, Prinzen Eugen v. Württemberg, aus dessen eigenhändigen Aufzeichnungen so wie aus dem schriftlichen Nachlass seiner Adjuanten gesammelt u. hrsg. Берлин, 1861-62. 4 т. 8°.

Джойневилль, С. Жизнь и времена Александра I, императора Всея Руси. Лондон, 1875. 3 ст. 12°.

Kobeko, D. La jeunesse d'un tsar. Paul Ier et Catherine II. Éd. Dimitri de Benckendorff. Париж, 1896. 8^{часов}.

Лабом Э. Обстоятельный рассказ о кампании в России с планами битвы при Москве и Малоярославце 1812 г. / Э. Бойс. 7-е изд. Лондон, 1816. 8^{часов}.

Labaume, E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. Ouvrage orné des plans de la bataille de la Moscowa et du combat de Malojaroslavetz. Париж, 1814. 8^{часов}.

Léher, J. A., Éd. de Bréaut des Marlots, J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie, 1812. Париж, 1885. 12^{часов}.

Lehmann, M. Scharnhorst. 2 Thl. seit dem Tilsiter Frieden. Leipzig, 1887. 8°.

Lossberg, H. v. Briefe in d. Heimat geschrieben während des Feldzuges 1812 in Russland: ein Beitrag z. Geschichte dieses Feldzuges. Кассель, 1844. 8^{часов}.

Маргерон. Campagne de Russie. 8^{часов}. Париж, 1897. Charles-Lavauzelle.

Meerheim, R. v. Erlebnisse eines Veteranen d. grossen Armee während des Feldzuges in Russland in 1812. Herausg. v. dessen Sohne R. v. Meerheim. Dresden, 1860. 8°.

Милютин. Geschichte des Krieges Russlands mit Frankreich im Jahre 1799. München, 1856. 3 v. 8°.

Minckwitz, A. v. D. Brigade Thielmann in dem Feldzuge von 1812 in Russland. Hierzu ein (lith.) Situationsplan vom Schlachtfelde d. Schlacht an der Moskwa am 7 Sept., 1812. Dresden, 1879. 8°.

Oginski, M. v. Denkwürdigkeiten üb. Polen u. die Polen im Jahre 1788-1815. Deutsch v. F. Gleich. Leipzig, 1827. 2-Я глава. 8°.

Oginski, M. v. Mémoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Париж, 1826-27. 4 т. 8°.

Портер, сэр Р. Кер. Повествование о кампании в России 1812 года. Лондон, 1815.

Puibusque, L. G. Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de St.-Pétersbourg, les mœurs et les usages des habitants de la Pologne. 2 éd. Париж, 1817. 8^{часов}.

Рамбо А. История России с древнейших времен до 1877 г. / Под ред. Л. Б. Ланга. Лондон, 1879. 8^{часов}.

Röder, Frz. D. Kriegszug Napoleons gegen Russland im Jahre 1812. Nach den besten Quellen u. seinen eigenen Tagebüchern dargestellt, nach d. Zeitfolge d. Begebenheiten, hrsg. v. K. Röder. Leipzig, 1848. 8°.

Röder v. Bomsdorf, O. W. K. Mittheil. aus d. Feldzug in Russland 1812, an einen Offizier des Generalstabes. Leipzig, 1816. 2-Я глава. 8°.

Rostopchin, or Rostoptchine, F. Vérité sur l'incendie de Moscou. Париж, 1823 год.

Rüstow, W. D. Krieg gegen Russland. Politisch-militärisch Bearb. Zürich, 1885. 2 Bde. 8°.

Surruges, Abbé. Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville au R. P. Bouvet. 2 éd. Париж, 1823. 8^{часов}.

Tatistcheff, S. Alexandre I et Napoléon, d'après leur correspondance inédite. 1801-12. Париж, 1891. 8^{часов}.

Tchitchagoff, P. Mémoires inédits. Campagnes de la Russie, 1812, contre la Turquie, l'Autriche et la France. Берлин, 1855. 8^{часов}.

Tolstoi, L. Physiologie de la guerre. Napoléon et la campagne de Russie. Тр. пар М. Делинес. Париж, 1887. 12^{часов}.

Уилсон, сэр Р. Повествование о событиях во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и отступления французской армии, 1812 г. Под ред. Г. Х. Рэндольфа. Лондон, 1860. 8^{часов}.

Воронцов С. Р., граф де. Архив князя Воронцова, viii, ix. Бумаги гр. С. Р. Воронцова. Москва, 1876. 3 т. 8°.

НИДЕРЛАНДЫ

Grolmann, E. von. Geschichte des Feldzugs von 1815 in den Niederlanden u. Frankreich, als Beitrag z. Kriegsgeschichte d. neueren Kriege. Hrsg. von Major v. Damitz. Берлин, 1837. 12 v. 8°.

Kampen, van. Geschichte der Niederlande. Hamburg, 1831-33. 2 v. 8°.

Legrand, L. La révolution française en Hollande: la république Batave. Париж, 1894.

Паке, Сифорин. Voyage historique et pittoresque fait dans les Pays-Bas et dans quelques départements voisins pendant les années 1811, 1812 et 1813. Париж, 1813. 2 ст. 12°.

СКАНДИНАВСКИЕ ДЕРЖАВЫ

Hochschild, C. F. L. Désirée, reine de Suède et de Norvège. Париж, 1888. 16^{часов}.

Schinkel, B. v. Minnen ur Sveriges nyare historia. Я ра аfd. Биханг, 1, 2, 3. Упсала, 1881-83. 8^{часов}.

Schmidt, Fr. Schweden unter Karl XIV Johann. Heidelberg, 1842. 8°.

Swederns, G. Schwedens Politik u. Kriege in dem Jahre 1808-1814 vorzüglich unter Leitung des Kronprinzen Carl Johan. Deutsche, von dem verf. gänzlich umgearb. Ausg. aus dem Schwed. von C. F. Frisch. Leipzig, 1866. 2-Я глава. 8°.

Thorsoë, A. D. Danske stats-politiske historie fra 1800-1864. I. Tidsrummet, 1800-14. Киобенхавн, 1873. 8^{часов}.

Touchard-Lafosse, G. Histoire de Charles XIV (Jean Bernadotte), roi de Suède et de Norvège. Париж, 1838. 3 т. 8°.

ЕГИПЕТ

Абдуррахман Габарти. Journal pendant l'occupation française en Égypte, suivi d'un précis de la même campagne par Mou'alleh Nicolas-el-Turki, tr. de l'arabe par A. Cardin. Париж, 1838. 8^{часов}.

Bertrand, Général H. G., Ed. Guerre d'Orient. Campagnes d'Égypte et de Syrie. Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le Gén. Бертран. Париж, 1847. 2 т. 8°. Следующий атлас.

Boulay de la Meurthe, Comte. Le directoire et l'expédition d'Égypte: Étude sur les tentatives du directoire pour communiquer avec Bonaparte, le secourir et le ramener. Париж, 1885. 12^{часов}.

Копии оригиналов писем из армии генерала Дж. Бонапарт в Египте, с англ. тр. Лондон, 1798-1800. 3 части. 12°.

La Jonquière, C. L'Expédition d'Égypte (1798-1801). 2 v. 8°. Av. cartes. Париж, 1900-1901. Charles Lavauzelle.

Накула-эль-Турк. Histoire de l'expédition des Français en Égypte. Tr. et publ. par Desgranges. Париж, 1839. 8^{часов}.

Pièces officielles de l'armée d'Égypte. 2e partie. Пар., an IX. 8°.

Simon, E. T. Correspondance de l'armée française en Égypte, interceptée par l'escadre de Nelson. Традиция. en franç. Париж, AN VII. 8°.

Richardot, C. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie, ou la vérité mise au jour sur les principaux faites et événements de cette armée, la statistique du pays, les usages et les mœurs des habitants, avec le plan de la côte d'Aboukir à Alexandrie et à la tour des Arabes. Париж, 1848. 8^{часов}.

Villiers du Terrage, E. de. Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte (1798-1801); publ. par le Bon M. de Villiers du Terrage. 8°. Av. cartes et gravures. Париж, 1899 год. Plon.

Уилсон, сэр Р. Т. История британской экспедиции в Египет. 2-е изд. Лондон, 1803. 4^{часа}.

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Beer, A. D. Orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Прага, 1883. 8^{часов}.

Boppe, A. Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon I, 1809-14. Extrait de l'Otatchbina, livres XIX et XX. Белград, 1888. 8^{часов}.

Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches. Гота, 1859. 8^{часов}.

ОСТРОВ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Абелл, миссис Л. Э. Б. Воспоминания императора Наполеона о первых трех годах его плена. Лондон, 1845. 12^{часов}.

Дневник Святой Елены (1816-1817). Дневник леди Малкольм, содержащий беседы Наполеона с сэром П. Малкольмом, под ред. сэра А. Уилсона. 16°. Лондон, 1899. Иннес.

Antommarchi, F. Mémoires; ou, Les derniers moments de Napoléon. Брюссель, 1825. 2 ст. 8°.

Бингхэм, генерал Г. Р. Дневник путешествия Наполеона на остров Святой Елены. Журнал Блэквуда, октябрь 1896г.

Форсайт, У. История пленения Наполеона на острове Святой Елены: из писем и дневников сэра Х. Лоу. Лондон, 1853, 3 ст. 8°.

Gourgaud, Gén. G. de. Sainte-Hélène: Journal inédit de 1815 à 1818. 2 v. 8°. Paris, 1899. Фламарион. Традиция. en allem. пар Х. Конрад. 8^{часов}. Штутгарт, 1901. Lutz. Колл. Memoiren-Bibliothek.

Лас Кейсес, Э. А. Д. М. Дж., маркиз де. Mémorial de Sainte-Hélène; ou, Jour. où se trouve consigné, jour par jour, ce qui a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois. Париж, 1823-24. 8 т. 8°.

Луллен де Шатовье, Ж. Ф. Рукописи, переданные со острова Святой Елены неизвестным каналом. Нью-Йорк, 1817. 12^{часов}.

Lullin de Châteaueux, J. F. Manuscrit venu de Sainte-Hélène d'une manière inconnue. 4 éd. Лондон, 1817. 8^{часов}.

Мейтленд, сэр Ф. Л. Рассказ о капитуляции Бонапарта и о его резиденции на борту "Беллерофонта". 2-е изд. Лондон, 1826. 8^{часов}.

Masson, F. Autour de Sainte-Hélène. Париж, 1909.

Меллисс, Дж. К. Остров Святой Елены: физика, история и топология. описание острова, вкл. его геология, фауна, флора и метеорология. Лондон, 1875. 4^{часа}.

Montchenu, Marquis de. La captivité de Sainte-Hélène, d'après les rapports inédits, par G. Firmin-Didot. Париж, 1894. 8^{часов}.

Монтолон, К^{тессе} де. Souvenirs de Sainte-Hélène (1815-1816); publ. sous les auspices du Vte du Couedic de Kergoualer, son petit-fils, par le Cte Fleury. Av. gravures. 18°. Париж, 1901. Поль.

Montholon-Sémonville, C. T. de. История пленения Наполеона на острове Святой Елены. Лондон, 1846-47. 4 т. 8°. Американское изд., Филадельфия, 1847. 8^{часов}.

Montholon-Sémonville, C. T. de. Récits de la captivité de l'Empereur Napoléon à Sainte-Hélène. Париж, 1847. 2 т. 8°.

Napoléon I. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux Gourgaud et Montholon, qui ont partagé sa captivité. 2e éd., disposée dans un nouvel ordre et augmentée de chapitres inédits, etc. Париж, 1830. 9 т. 8°.

O'Meara, B. E. Napoléon dans l'exil; ou, Une voix de Sainte-Hélène. Традиция, параграф А. Роя. Лондон, 1823. 2 ст. 8°.

О'Мира, Б. Э. Наполеон в изгнании, или Голос со острова Святой Елены (1815-18). 2-е изд. Нью-Йорк, 1853. 2 ст. 8°.

Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte-Hélène, de mémoires et documents écrits ou dictés par l'Empereur Napoléon, suivis de lettres de MM. le grand maréchal Cte Bertrand, le Cte de Las Cases, le Gén. В^{on} Gourgaud, le Gén. С^{te} Месяцолон. Париж, 1821-25. 12 т. 8°.

Schlitter, H. D. Berichte d. K. K. Commissars Bartholomäus v. Stürmer aus St. Helena zur Zeit d. dortigen Internirung Napoleon Bonapartes, 1816-18. 8°. Wien, 1886. 8°.

Уорден, У. Поведение и беседы Наполеона Бонапарта и его свиты во время путешествия на остров Святой Елены и нескольких месяцев там. Олбани, 1817. 12^{часов}.

Footnote 1: References: Pierron: Napoléon, de Dresde à Leipzig. Pelet: Des principales opérations de la campagne de 1813. York von Wartenburg: Précis militaire de la campagne de 1813 en Allemagne. Clément: Campagne de 1813. Lüttke: Die strategische Bedeutung der Schlacht bei Dresden. Sorel: L'Europe et la révolution française, Vol. VIII. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 2: References: Luckwaldt: Österreich und die Anfänge des Befreiungskrieges von 1813: Vom Abschluss der Allianz mit Frankreich, bis zum Eintritt in die Koalition. Aster: Die Kriegsereignisse zwischen Peterswalde, Pirna, Königstein und Priesten im August, 1813, und die Schlacht bei Kulm. Wagner: Die Tage v. Dresden u. Kulm. Heft: Der Waffenstillstand und die Schlacht bei Gross-Beeren nebst fünf Beilagen. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 3: References: Wuttke: Die Völkerschlacht bei Leipzig. Aster: Die Schlachten bei Leipzig. Смотрите также работы Хофмана, Науманна и Дерра. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 4: Список литературы: Fain: Рукопись 1814 года. Rothenburg: Die Schlacht bei Leipzig im Jahre 1813. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 5: Соответствие, Т. XVII. Mémoires du roi Joseph. Beauchamp: Histoire des campagnes de 1814 et 1815. Danitz: Geschichte d. Feldzugs v. 1814. Danilewsky: Der Feldzug in Frankreich. Уссэ: 1814 год. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 6: References: Fournier, Der Congress von Châtillon. Die Politik im Kriege von 1814. Eine historische Studie. Koch, Mémoires p. s. à l'histoire de la campagne de 1814. Sorel, L'Europe et la révolution française, Vol. VIII. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 7: Fournier: Der Congress von Châtillon. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 8: Ссылки: Уссэ: 1814. Jensen: Napoleons Feldzug, 1814. Weil: La campagne de 1814, d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne. La cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 9: References: Houssaye, Napoléon à l'île d'Elbe, in Revue historique, tom. 51, pp. 1-25. Мемуары Меттерниха. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 10: См. Houssaye, 1814, стр. 258 и далее. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 11: Ссылки: Наполеон, король Эльбы. Pons de l'Hérault, Mémoire aux puissances alliées; publ. pour la "société d'histoire contemporaine." Houssaye, Napoléon à l'île d'Elbe. Sorel, Essais d'histoire et de critique. Talleyrand, Metternich. Sorel, Le Congrès de Vienne. Пойз, Наполеоновские этюды. Кэмпбелл, Наполеон в Фонтенбло и на Эльбе. Foresi, Napoleone I all'isola dell' Elba. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 12: References: Müffling (genannt Weiss), Geschichte des Feldzugs der englisch-hannoversch-niederlandischen und braunschweigischen Armee unter dem Fürsten Blücher im Jahre 1815. Уссэ, 1814 год. Mémoires of Bourrienne. Haussonville, Souvenirs. Gervinus, Geschichte des 19. Jahrhunderts seit den Wien Verträgen. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 13: Ссылки: Кэмпбелл, сэр Нил, Наполеон при Фонтенбло и на Эльбе - журнал событий 1814-1815 годов с записями бесед. Laborde, Napoléon et sa garde, ou relation du voyage de Fontainebleau à l'île d'Elbe en 1814, etc. Ашер, повествующий о событиях, связанных с первым отречением Наполеона, его посадкой во Фрежусе и путешествием на Эльбу на борту корабля его величества "*Неустршимый*"; его посадкой на Эльбе на борту военного брига "Эльбесе" "*л'Инконстант*"; и дневник его экстраординарного похода в Париж, рассказанный полковником Лабордом, который сопровождал императора в том случае. Waldburg, L. F. Graf Truchsess von, Napoleon Bonaparte's Reise von Fontainebleau nach Fréjus vom 17-29 April, 1814. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 14: References: Czartoryski, Memoirs, Vol. II. Houssaye, Napoléon à l'île d'Elbe, in Revue historique, tom. 51, pp. 1-25, Paris, 1893. Ашер, Последнее путешествие Наполеона. Peyrusse: Mémorial. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 15: См. Вельшингер: римский король, глава vi, стр. 17. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 16: References: Sorel, A.: Le traité de Paris du 20 novembre, 1815. I. Les cent jours. Lacretelle: Histoire de France depuis la restauration. Nettement: Histoire de la littérature française sous la restauration. Constant: Mémoires sur les cent jours en forme de lettres. Lucien Bonaparte: La vérité sur les cent jours. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 17: См. Вельшингер: римский король, глава vii. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 18: References: for this and the following chapters see d'Angeberg: Le congrès de Vienne et les traités de 1815, précédé et suivi des actes diplomatiques qui s'y rattachent, avec introduction historique par Capefigue; Castlereagh's Correspondence; Capefigue: Le congrès de Vienne dans ses rapports avec la circonstance actuelle de l'Europe; Davout: Correspondance, Vol. IV.; de Pradt: Du congrès de Vienne; Flassan: Histoire du congrès de Vienne; Hardenberg's Memoirs; Humboldt's Memoirs; Villemain: Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature; Gérard: Quelques documents sur la bataille de Waterloo; Gourgaud: La campagne de 1815; Grouchy: Observations sur la relation de la campagne de 1815, publ. par le G^{én}. Gourgaud, et réfutation de quelques-unes des assertions et écrits relatifs à la bataille de Waterloo. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 19: Наиболее важными работами, посвященными военной стороне кампании при Ватерлоо, являются работы Мюффлинга, Бертон, Гурго, Клаузевица, Сиборна, Чарраса, Чесни, Хупера, Мориса, Мерсера, Морриса, Жомини, Оллеха, Водонкура, Роупса и Уссе. Кроме того, существуют противоречивые обсуждения важности, проведенные Груши, Жераром, Хеймесом, Кноопом, Лобен-Сельсом и Борнштедтом. Наиболее полная библиография, как обычно, приведена в Kircheisen. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 20: Текст приказа д'Эрлону и полное обсуждение всего предмета см. в Houssaye, 1815, стр. 201. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 21: Долгое время считавшееся более или менее случайным решением, в конце концов было установлено, что офицеры прусского генерального штаба смогли при свете рогового фонаря таким образом разложить свои карты, объяснить, как они изучали местность, и разработать необходимую стратегию, чтобы со значительной точностью определить, где они находятся и каким должен быть научный ход. Когда это было должным образом изложено в истории генерального штаба, ликование императора Вильгельма II

выразилось в его публичных выступлениях, и немцы империи были убеждены, что этим решением был определен результат кампании при Ватерлоо. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 22: Вережки: Кампания при Ватерлоо, стр. 191. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

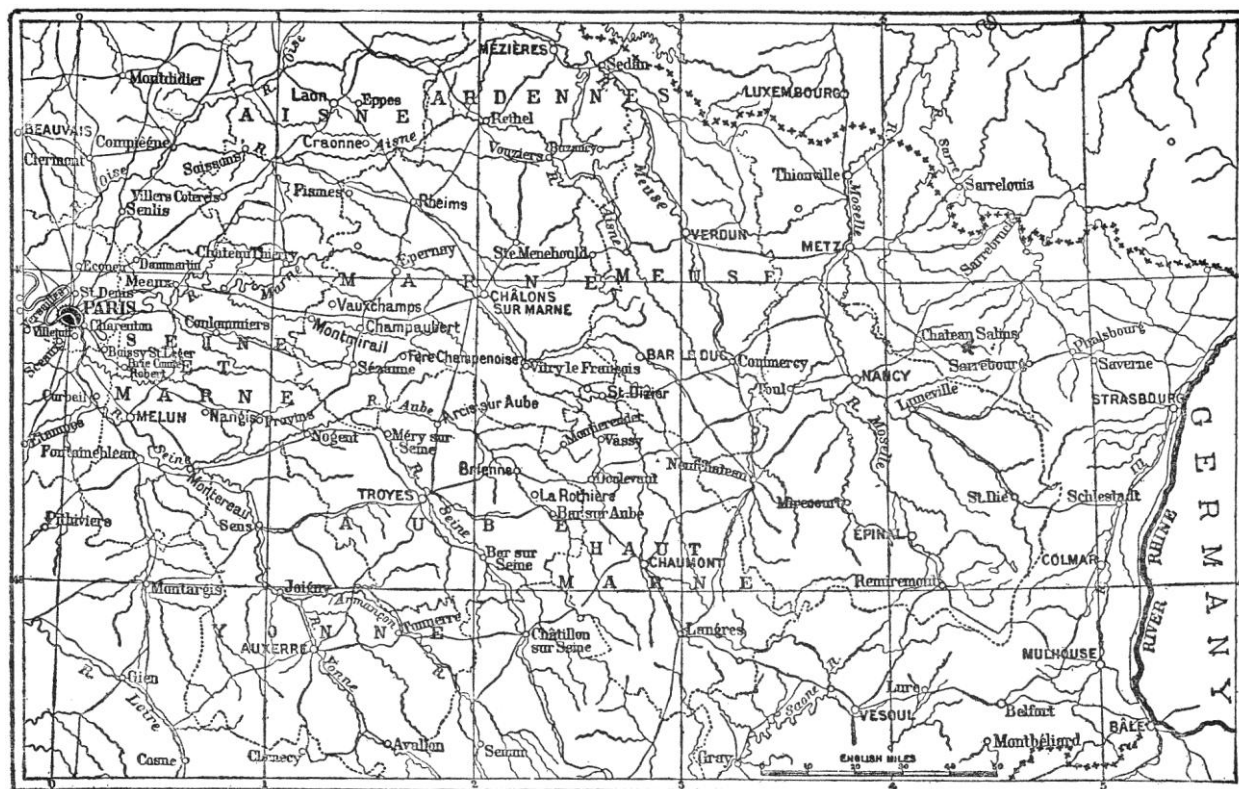
Сноска 23: Ссылки на эту и следующие две главы: Уссе: 1815 год, Ватерлоо; Ашер: Последнее путешествие Наполеона; Канаты: Ватерлоо; Бустелли: "Энигма Линьи и ди Ватерлоо"; Йорк: "Наполеон альс Фельдхерр"; Гарднер: "Катр Бра", "Линьи", "Ватерлоо"; Гурго: "Кампания 1815 года"; Сиборн: "История войны во Франции и Бельгии", 1815; Коттон, "Голос из Ватерлоо"; Лобен-Сельс: Краткое изложение кампании 1815 года в Париже. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 24: Дополнительные ссылки на эту и следующую главы: Бэтти: исторический очерк; Бодюс: Этюды о Наполеоне; Баллок: Дневник; Коттон: голос из Ватерлоо; Дамиц: Кампания 1815 года; А. С. Фрейзер: письма; У. Фрейзер: слова и т.д.; Гомм: Письма и дневники; Кеннеди: заметки о Ватерлоо; Ваулабель: Кампания при Ватерлоо; Гурвуд: депеши Веллингтона; также жизни и мемуары Даву, Друо, Гнейзенау, Веллингтон, Хилл, Гручи (пар Паскалле) и Вандамм; Письма Ватерлоо, отредактированные Сиборном; Переключка при Ватерлоо, составленная Далтоном. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 25: Уссэ говорит, что восемьдесят (1815, стр. 338). См. также "Вережки", стр. 305. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 26: References: Ernouf: Histoire de la dernière capitulation de Paris, 1815. Rédigée sur des documents officiels et inédits. Уссэ: 1815 год, второе отречение от престола. La terreur blanche. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 27: Ссылки: Абелл, миссис Л. Э. (покойная мисс Балькомб), Воспоминания императора Наполеона; Кокберн: Дневник путешествия Буонапарта на остров Святой Елены в 1815 году; Лоу, Воспоминания о пленении Наполеона Святой Элен; Мейтленд: Рассказ о капитуляции Буонапарта и его резиденции на борту *Беллерофонта* между 24 мая и 8 августа 1815 года; О'Мира, Наполеон в изгнании; или, голос со острова Святой Елены: мнения и размышления Наполеона о важнейших событиях его жизни и правления его собственными словами; Розбери: Наполеон, последняя фаза; Сильвестр: Ватерлоо против Сент-Элен; Гурго: Сент-Элен, журнал за 1815-1818 годы; Массон: Автор Сент-Элен; Лас Кейсз: Мемориал Сент-Элен; Антоммарчи: "Ужасные моменты Наполеона"; Анри: События из военной жизни; Монтолон: Рассказы о пленении императора Наполеона; Монтолон: Сувениры графини; Монтолон: Письма графа и графини (ред. П. Гоннар); Фремо: Наполеон Призонье; План де ла Фэй: сувениры; Гоннар: Истоки наполеоновской легенды. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

[Назад](#)

